H-62

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XVI XXII
Полка 4 8
№ 6 17
Экз. № 2
Икс. 5. н 4.

Невыдается
и подъ залогъ

Н-62

ОЧЕРКЪ

ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ЦЕРКВИ

ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

5285

А. НИКИТСКАГО.

Изданіе распродано.

И ты нынѣ задняя забывай, а на предняя простирайся.

Изъ посланія Геннадія къ Іоасафу

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

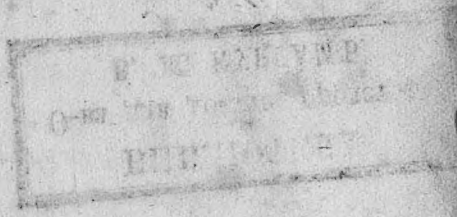
Ген. Гос. Ун-та
Научная библиотека
им. Горького

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

7657/97

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. 90 - 1.
1879.

С. ПЕТЕРБУРГЪ



С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ВЕТНОЙЪ ЛОВЛѢ

ВНАЛЬЕННЕЙ ЛСЛОВІИ ПЕЬЕВИ

ОЛЕЬКЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая вниманію читателей нашъ «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ», мы считаемъ долгомъ заранѣе замѣтить, что это сочиненіе представляетъ не отдѣльный, совершенно самостоятельный трудъ, а только часть другаго, гораздо обширнѣйшаго труда, а именно «Исторіи внутренней жизни Великаго Новгорода». Этимъ обстоятельствомъ обусловливаются его главнѣйшія особенности. Съ одной стороны, нашъ настоящій трудъ предполагаетъ извѣстными и доказанными нѣкоторыя данныя, относящіяся къ политической жизни Великаго Новгорода, даже тѣ, въ которыхъ мы существенно отступаемъ отъ господствующихъ воззрѣній; съ другой, онъ совсѣмъ не касается такихъ областей церковной жизни, которыхъ весьма естественно ожидать отъ внутренней исторіи послѣдней, но которыя, по общему плану, должны образовать въ полномъ сочиненіи совершенно особыя цѣлыя. Таковы, напримѣръ, области церковной литературы и искусства, ознакомленіе съ которыми составитъ особыя части въ общемъ обозрѣніи литературы и искусства въ Новгородѣ. Что касается до собственной цѣли, которую, за этими ограниченіями, преслѣдуетъ нашъ трудъ, то для уясненія ея достаточно сказать слѣдующее: Судьбы Новгородской церкви принадлежатъ къ числу самыхъ разработанныхъ отдѣловъ русской церковной исторіи. Онѣ не только привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ, посвящав-

шихъ себя исторіи Россіи или русской церковной жизни вообще, не только занимали трудолюбіе изслѣдователей собственно новгородской жизни въ ея полномъ составѣ, но и служили, въ ихъ отдѣльныхъ фазисахъ и сторонахъ, предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій. Послѣднія работы представляютъ въ особенности драгоцѣнный вкладъ въ науку, будучи написаны съ большимъ усердіемъ и обстоятельностью. Поэтому, если мы еще разъ позволяемъ себѣ обратиться къ обработкѣ новгородской церковной исторіи, то дѣлаемъ это не въ видахъ открытія какой-либо неизвѣстной области, а скорѣе въ видахъ раскрытія общаго теченія новгородской церковной жизни, въ видахъ опредѣленія связи, которая соединяла какъ церковное движеніе съ гражданскимъ, такъ и отдѣльныя теченія перваго одно съ другимъ. Къ тому же, независимо отъ разъясненія этой связи, которая одна только можетъ пролить надлежащій свѣтъ на многія явленія новгородской церковной жизни, мы, принимая на себя настоящій трудъ, имѣли въ виду и другую задачу, а именно—критическую провѣрку результатовъ, которыя достигнуты въ области новгородской церковной исторіи предшествовавшими намъ изслѣдователями. На сколько удалось намъ разрѣшить эти обѣ задачи—судить не намъ; но внимательный читатель безъ сомнѣнія признаетъ, что указаніе на эти задачи, какъ на руководящія цѣли изслѣдованія, не составляетъ, со стороны автора, однихъ только красныхъ словъ.

А. Никитскій.

Варшава, 20-го марта 1879 года.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРІИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

I.

Утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ Новгородѣ. (X—XII в.).

Господствовавшее въ древней Руси язычество далеко не отличалось такимъ сильнымъ развитіемъ, какое замѣчается у многихъ другихъ историческихъ народовъ. Оно только еще вступило въ періодъ антропоморфизма и выражало это вступленіе размѣщеніемъ человѣкообразныхъ идоловъ въ важнѣйшихъ религіозныхъ центрахъ. А при слабомъ развитіи антропоморфизма не могло быть ни храмовъ, которые служили бы покровомъ для языческой святыни, ни—что еще важнѣе,—самостоятельнаго жреческаго званія, не могло быть, слѣдовательно, класса лицъ, въ прямомъ интересѣ котораго было бы всѣми силами поддерживать старый, наслѣдованный отъ предковъ порядокъ вещей. Самое большее, что можно было тогда встрѣтить, это — волхвовъ, которые, конечно, тоже должны быть отнесены къ числу представителей старой религіи, но только совершенно въ иномъ, нежели жрецы, смыслѣ. Различіе между жрецами и волхвами видно ужь изъ того, что въ языческія времена они нерѣдко одновременно существовали другъ подлѣ друга; сущность же различія заключается въ томъ, что, противоположно жрецамъ, волхвы не имѣли назначенія отправлять службы въ честь того или другаго божества и потому не могутъ считаться особенными, самостоятельными органами древняго

богослуженія. Они были только исполнителями тѣхъ дѣйствій языческаго культа, которыя были доступны не каждому, которыя, какъ напримѣръ, предсказываніе и толкованіе знаменій, требовали особеннаго дарованія. Это были люди, которые умѣли не только узнавать волю боговъ, но и управлять ею, которые въ случаѣ надобности могли перехитрить боговъ или даже употребить противъ нихъ силу. Какъ представители языческой религіи, волхвы, конечно, не могли относиться равнодушно къ религіознымъ нововведеніямъ и не отказывались по временамъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ послѣднихъ. Но серьезное значеніе эта враждебность не могла получить уже по той причинѣ, что между волхвами не было никакой организаціи: это были отдѣльныя единицы, не связанныя между собою никакими узами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, было бы странно ожидать, чтобъ язычество явило собою на Руси примѣръ дѣятельнаго сопротивленія при встрѣчѣ съ христіанствомъ. И дѣйствительно, наблюдая процессъ начальнаго водворенія христіанства на Руси, мы нигдѣ не видимъ язычества въ дѣятельной борьбѣ съ новымъ вѣроученіемъ. Напротивъ того, какъ бы сознавая свою слабость, язычество вездѣ безъ боя очищало для христіанства поле дѣйствія. Не только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему древнерусскихъ земляхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ христіанство получало господство безъ всякихъ столкновеній съ народною массой. Это общее замѣчаніе примѣняется вполнѣ и къ Великому Новгороду. Правда, многіе ученые, въ томъ числѣ гг. Соловьевъ и Костомаровъ, не только говорятъ о противодѣйствіи новгородскаго язычества водворенію христіанства, не только считаютъ себя въ правѣ передавать всѣ подробности происходившей между ними борьбы, но и вообще склонны смотрѣть на утвержденіе христіанства въ Новгородѣ, какъ на дѣло проповѣдниковъ особеннаго рода, какъ на подвигъ Владиміровыхъ полковъ [1]). Однако данныя, на которыхъ они основываютъ свои заключенія, являются слишкомъ шаткими и неубѣдительными, и не могутъ заставить насъ усомниться въ мирномъ распространеніи христіанства и въ Новгородѣ. Якимовская лѣтопись, откуда почерпаются свѣдѣнія о сопротивленіи язычества въ Новгородѣ, отличается такимъ мутнымъ характеромъ, что было бы уже давно пора совсѣмъ исключить ее

[1]) Исторія Россіи, I, 186—187; Сѣверно-русскіе народоправства, I, 37.

изъ числа источниковъ по новгородской исторіи [1]). А за устраненіемъ Якимовской лѣтописи, у насъ для составленія понятія объ отношеніи язычества къ христіанству въ Новгородѣ имѣется всего только одинъ мѣстный новгородскій миѳъ, представляющій не историческую, а только образную картину паденія новгородскаго язычества. Но вопреки увѣренію г. Костомарова, даже и этотъ миѳическій источникъ ничего не говоритъ въ пользу дѣятельнаго сопротивленія язычества въ Новгородѣ [2]). Лѣтописное извѣстіе о крещеніи народа въ Кіевѣ сообщаетъ намъ, что жители города по крайней мѣрѣ выражали плачемъ свое пассивное сопротивленіе поруганію Перуна. Ничего подобнаго въ Новгородѣ мы не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, новгородскій божокъ выказываетъ въ преданіи болѣе энергіи, чѣмъ кіевскій. Когда Перунъ, повязанный веревками, былъ съ пинками и ударами палокъ влекомъ со своего мѣста на Перыни къ Волхову, то бѣсъ, вошедшій въ него, кричалъ: „О, горе мнѣ, ахъ, попался я въ руки немилостивыхъ людей!“ Плывя затѣмъ подъ Волховскимъ мостомъ, Перунъ бросилъ на него свою палицу; какъ бы завѣщая тѣмъ Новгородцамъ усобицы на этомъ самомъ мосту въ наказаніе за ихъ отступленіе отъ старой религіи. Но что въ миѳѣ самое главное, — отношеніе новгородскаго населенія къ низвергнутому идолу, оно вездѣ является крайне враждебнымъ. Въ особенности ясно эта враждебность видна изъ послѣдняго разказа о судьбѣ Перуна: когда именно несчастный божокъ попробовалъ было пристать къ берегу у Пидьбы (рѣки, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны ниже Новгорода), то Пидьблянинъ, пришедшій на рѣку съ цѣлью вести на лодкѣ въ городъ горшки, увидѣвъ его, оттолкнулъ шестомъ и сказалъ: „Довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, плыви теперь прочь“ [3]).

---

[1]) Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода см. въ приложеніи I-мъ.

[2]) Сѣверно-русск. народопр. II, 261.

[3]) П. С. Р. Л, IV, 207, 988 г.: «И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ Великомъ Новѣгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху и по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достахся немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Пьдблянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти

Но хотя язычество въ древней Руси и не имѣло вообще дѣятельной силы для борьбы съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе успѣхъ, сопровождавшій утвержденіе послѣдняго, былъ въ разныхъ краяхъ Россіи далеко не одинаковъ. На югѣ Россіи, и въ особенности въ Кіевѣ, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство совершилось сравнительно не только легко, но и довольно основательно. Такой оборотъ дѣлъ былъ обусловленъ тамъ значительною предварительною подготовкой, бывшею слѣдствіемъ близкаго сосѣдства и частыхъ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Греками. Благодаря этому обстоятельству, еще задолго до своего офиціальнаго признанія господствующею религіей, христіанство имѣло въ Кіевѣ не только своихъ приверженцевъ, но и свои храмы. Въ другихъ условіяхъ находился Великій Новгородъ. Отдаленный большимъ пространствомъ отъ центра христіанской жизни и даже отъ Кіева, онъ тѣмъ самымъ былъ лишенъ подготовительнаго вліянія, которое впослѣдствіи облегчило бы окончательное утвержденіе въ немъ христіанства. Христіанство было тамъ явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ офиціальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны, но извѣстной намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало [1]). А какъ явленіе новое, не подготовленное свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, христіанство долгое время не могло быть въ Новгородѣ ни достаточно прочнымъ, ни достаточно глубокимъ. Оно не могло быть достаточно прочнымъ потому, что при свѣжести языческихъ преданій новообращенные христіане легко поддавались вліянію ревнителей старины и начинали колебаться въ привязанности къ новой вѣрѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ появленіе волхва, начавшаго возвѣщать о скоромъ наступленіи времени, когда послѣдуетъ премѣненіе странъ, и когда Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, и Русская — на мѣсто Греческой, не сопровождалось никакими смятеніями: волхва слушали только простые люди, а вѣрные смѣялись и говорили: „Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ“ [2]). Напротивъ того, въ Новгородѣ когда въ княженіе Глѣба

въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: Перунище! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови»...

[1]) Разборъ мнѣній о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ см. въ приложеніи II-мъ.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 170, 1071 г.

явился волхвъ, и превознося собственное невѣдѣніе и способность творить чудеса, сталъ хулить христіанскую вѣру, то встрѣтилъ общее сочувствіе. Около Новгородскаго епископа Ѳеодора, вышедшаго въ церковномъ облаченіи увѣщевать отпавшихъ, собрались только князь Глѣбъ да его дружина; вся же остальная масса новгородскаго народонаселенія пристала не колеблясь къ волхву. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, грозившемъ Новгородскому владыкѣ серьезною опасностью, только рѣшительность князя Глѣба спасла, по разказу лѣтописца, дѣло христіанства: спрятаннымъ на случай топоромъ Глѣбъ разсѣкъ волхва, собиравшагося сотворить великія чудеса, перейдти на глазахъ у всѣхъ рѣку Волховъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшее развитіе мятежа [1]). Въ ближайшихъ однако къ центру церковной жизни мѣстностяхъ, то-есть, въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, христіанское усиліе мало по малу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе массы народа и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе торжествовало надъ язычествомъ. Какую перемѣну въ понятіяхъ Новгородцевъ должны мы предположить, если сопоставимъ съ разказомъ о князѣ Глѣбѣ поступокъ Новгородцевъ съ волхвами въ 1227 году: волхвъ при Глѣбѣ чуть не совратилъ въ язычество всю массу новгородскаго населенія, а въ 1227 году мы не только не слышимъ ни о какихъ успѣхахъ волхвовъ между жителями вольнаго города, но и читаемъ извѣстіе, что Новгородцы сжигаютъ на Ярославовомъ дворѣ четырехъ кудесниковъ почти не безъ всякаго изслѣдованія дѣла: разница огромная [2])!

Но, если внѣшнее торжество надъ язычествомъ доставалось уже не безъ особеннаго труда, то еще труднѣе было восторжествовать надъ нимъ внутренне, истребить въ умахъ новообращенныхъ христіанъ всѣ остатки прежней религіи. Неудивительно поэтому, что

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 175—176, 1071 г.: «Сице бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ, глаголеть бо людемъ, творяся акы Богъ, (и) многы прельсти, мало не всего града, глаголашетъ бо, яко проведе вся и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашетъ бо: яко преиду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь къ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста, рекъ: «иже хощеть вѣру яти волху, то да идетъ зань; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 42, 1227: «съжгоша вълхвы 4, творяхуть è потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и съжгоша ихъ на Ярославли дворѣ».

подъ внѣшнимъ христіанскимъ покровомъ ещё долго скрывался густой слой языческихъ вѣрованій, и что вслѣдствіе того новообращенные долгое время казались какъ бы двоевѣрными. На верху, въ общественной жизни, несомнѣнно преобладало христіанство; но въ частномъ быту, гдѣ въ древности сосредоточивалось храненіе языческаго культа, и гдѣ каждый родоначальникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ, язычество долго сохраняло еще значительную силу. Такъ общественные языческіе идолы были ниспровергнуты, и князь не приносилъ имъ уже болѣе жертвы; но въ тиши домашней жизни ничто не препятствовало обращаться съ чествованіемъ не къ христіанской святынѣ, а къ жившимъ въ народной памяти домашнимъ языческимъ божкамъ, Роду и Роженицамъ, и приносить имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медъ [1]). Старые языческіе обряды были подвергнуты преслѣдованію въ публичной сферѣ, но они продолжали жить въ частномъ быту и даже вкрадывались въ обрядовую сторону христіанской церкви. Въ язычествѣ, напримѣръ, существовалъ обычай хоронить мертвыхъ не иначе, какъ съ извѣстными вещами, пригодными для умершихъ въ ихъ загробной жизни; новообращенные перенесли этотъ обычай и на христіанское погребеніе и стали класть съ умершими иконы. Церковная власть, правда, не считала этого явленія предосудительнымъ и не требовала обратнаго изъятія иконъ изъ могилъ; тѣмъ не менѣе простые толки о степени законности существованія такого обыкновенія показываютъ, что для христіанской церкви это былъ совершенно чуждый обычай [2]). Значеніе волхвовъ, конечно, было сильно поколеблено съ общественной жизни; но въ частномъ быту религіозное чувство имѣло полный просторъ и побуждало, напримѣръ, матерей приносить своихъ больныхъ дѣтей не къ христіанскимъ священникамъ для молитвы, а къ блюстителямъ старой религіи, къ волхвамъ [3]). Вообще, послѣдніе и при господствѣ новой религіи умѣли сохранить за собою значительную долю вліянія. Быть можетъ, на развитіе въ Новгородской жизни волхвованія не осталось безъ вліянія присутствіе въ Новгородской землѣ массы финскаго населенія, кото-

---

[1]) *Калайдовичъ*, Пам. XII в., стр. 179: «Аже се роду и рожаницѣ крaюте хлѣбы и сиры и медъ. Бороняше велми: нѣгдѣ, рече, молвить(ся?): горе пьющимъ рожаницѣ».

[2]) Тамъ же, стр. 184: «Икону погребли бяху съ мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възгребати: крестьянъ, рече, есть».

[3]) Тамъ же, стр. 202: «А еже дѣтій дѣля жены творять что-любо; а ежь възбалять, или къ вълхвамъ несуть, а не къ попови на молитву?»

рое какъ вообще славилось своими волхвами и вѣдунами, такъ въ частности пользовалось этою славой и у Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, указывающій на склонность Новгородцевъ обращаться къ чудскимъ кудесникамъ съ цѣлію узнать непостижимое [1]). Какъ бы то ни было, только волшебство въ его разныхъ видахъ пользовалось въ Новгородѣ большимъ распространеніемъ. Басни, примолвленья, пользованье узлами и приворотными травами и варевьями, вороженье и т. д. [2]) могутъ служить примѣрами господствовавшихъ въ Новгородѣ въ теченіе всей его исторіи суевѣрій.

Еще болѣе, чѣмъ въ собственно религіозной жизни, сила язычества поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ тѣхъ именно, которыя вообще стоятъ въ тѣсной связи съ религіей. Къ числу такихъ областей нужно отнести жизнь семейную и народныя увеселенія. Какъ извѣстно, въ періодъ язычества существовали двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ лежало одинаково начало взаимнаго согласія (mutuus consensus) вступающихъ въ бракъ: формами этими были веденіе и умычка, различавшіяся тѣмъ, что въ первомъ случаѣ бракъ совершался съ согласія родителей, а во второмъ — совершенно не требовалось послѣдняго. Умычка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на умычку на игрищахъ между селами, предполагавшую по крайней мѣрѣ согласіе жениха и невѣсты на бракъ, и на умычку у воды, представлявшую не что иное, какъ простое похищеніе женъ. Съ водвореніемъ христіанства, принявшаго семейный бытъ подъ свое особенное попеченіе, всѣ эти формы брака должны были уступить свое мѣсто церковному благословенію. Но церковное вѣнчаніе водворялось однако съ трудомъ. Въ обществѣ, кажется, господствовало убѣжденіе или предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна только для князей и знатныхъ людей. Что же касается до массы простаго народа, то полагалось, что при вступленіи въ бракъ она можетъ довольствоваться простыми, наслѣдованными отъ старины формами, минуя совершенно священническое благословеніе на глазахъ у всѣхъ въ церкви. Какъ бы то ни было, но мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Новгородѣ подобное заключеніе брака веденіемъ и умычкой. На первое указываетъ заключеніе брака

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 174, 1071 г.: «приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него»...

[2]) А. А. Э., I, 462 № 369, 1410 г.: «Такожъ учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелія, ни вороженья... См. также П. С. Р. Л., IV, 279, 1505.

„именемъ и плесканіемъ", то-есть, домашнимъ торжествомъ, на которомъ оглашались новобрачные и были привѣтствуемы окружающими плесканіемъ, то-есть, по всей вѣроятности, хлопаніемъ въ ладоши [1]). Что же касается умычки, то есть извѣстіе, что въ новгородскихъ предѣлахъ еще въ XIII столѣтіи существовалъ обычай видѣть невѣстъ къ водѣ и возбуждалъ противъ себя громкія порицанія со стороны церковной власти, очевидно, какъ противъ формы брака, несогласной съ обычаями христіанской церкви [2]). Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ язычествѣ имѣло мѣсто многоженство. И вотъ, не смотря на водвореніе христіанства, мы видимъ, что церковныя правила по отношенію къ супружескому союзу соблюдаются очень слабо, и что семейная жизнь Новгородцевъ иногда мало отличается отъ временъ язычества. Въ Новгородѣ нерѣдки были случаи, что міряне не только вступали въ четвертый бракъ, но и разводились съ женами, бросали своихъ и брали чужихъ и даже къ вящему соблазну возвращались къ многоженству, имѣли одновременно по двѣ жены [3]). Распущенность новгородской семейной жизни была вообще такъ сильна, что проникла даже въ жизнь новгородскаго духовенства и повела, какъ увидимъ впослѣдствіи, къ возникновенію вопроса о вдовствующихъ священникахъ.

Не менѣе ярко продолжали жить языческія преданія и въ народныхъ увеселеніяхъ, которыя, служа остатками языческихъ религіозныхъ торжествъ, необходимо сохраняли на себѣ многіе слѣды своего древняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что обличенія духовныхъ пастырей очень часто преслѣдовали въ народныхъ увеселеніяхъ и такія черты, которыя не имѣли никакой связи съ языче-

---

[1]) *Русск. Достоп.*, I, 101—102, конца XII в.: «Яко же еси рекъ, оже не бывають на простыхъ людехъ благословение вѣнчания, но бояре токмо и князи вѣнчаються; простымъ же людемъ яко именѣмь и плесканиемь разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простии закони простьцемъ и невѣжамъ си творять совокупление. Иже кромѣ божественыя церкви кромѣ благословления творяще свадбу, тайно поминание наречеть, иже тако поимають, якоже блуднымъ опитемьи дають».

[2]) *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, XIII в.: «и се слышахомъ: въ предѣлѣхъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ; и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинатд повелѣваемъ».

[3]) *Русск. Достоп.*, I, 94, конца XII в.: «И іже поимаються без благословения съчтаніе и жены отмѣтаються и своя жены пущаютъ и прилѣпляються инѣмъ?» Тамъ же, I, 91: «Тоже створи (то-есть, лиши причащенія), иже бес труда и бестраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея»...

ствомъ и вообще носили совершенно невинный характеръ. Достаточно указать на то, что обличители постоянно нападали на безыскусственную музыку, бубны, сопѣли, гуденіе струнное, на всякія пляски со свистаніемъ, кличемъ и воплемъ и на распѣванье „скверныхъ бѣсовскихъ пѣсенъ“. Быть можетъ, побужденіемъ къ порицанію въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что при нерѣдкомъ совпаденіи народныхъ увеселеній съ христіанскими праздниками, всѣ эти забавы находились въ противорѣчіи съ тѣмъ образомъ поведенія, какой приписывался на это время христіанскою церковью. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно также и то, что народныя увеселенія представляли для обличителей не мало и дѣйствительно языческой пищи. Прежде всего, достаточный поводъ къ преслѣдованію подавала пастырямъ уже та масса языческихъ суевѣрій, которая по старинѣ связывались съ этими увеселеніями, а именно—исканіе травъ и кореньевъ, которые должны были служить приворотными средствами въ разныхъ житейскихъ случаяхъ [1]). Но еще болѣе негодованіе пастырей вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ народнымъ торжествамъ примѣшивались старинные обычаи, рѣзко расходившіеся съ началами христіанской церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ народныхъ увеселеній Новгородской земли нельзя не узнать подобія, или по крайней мѣрѣ, слѣдствія умычки на игрищахъ между селами, господствовавшей въ древнѣйшее время. Владимірскій соборъ 1274 года, уподобляя игрища, которыя имѣли мѣсто въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи въ ночь съ субботы на воскресенье, греческому Діонисіеву празднику, говоритъ, что на нихъ мужчины и женщины, собравшись вмѣстѣ, ристали и ржали, какъ кони, и дѣлали скверну [2]). Въ чемъ состояла эта скверна, поясняетъ отчасти празднество, происходившее во Псковѣ еще въ XVI столѣтіи въ ночь на день св. Іоанна Предтечи. Пѣсни и пляски, которыми открывалось тамъ игрище, кончались дѣйствіями, въ которыхъ порицатели видѣли паденіе му-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 279, 1505: „еще прежде того великаго праздника, исходятъ огавницы мужіе и жены, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищущи смертныя травы и привѣ то чрева... Туже и дѣвія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творятъ дѣйствомъ діяволимъ въ день Предетечевъ, съ приговоры сотонинскими».

[2]) *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, 1274 г.: „Се слышахомъ: въ суботу вечеръ собираются мужи и жены вкупѣ и играютъ безстудно и скверну дѣютъ. внощь святаго воскресенія. яко діонисовъ праздникъ празднуютъ нечистивии еллини вкупѣ, мужи и жены, яко и кони вискаютъ и ржутъ и скверну дѣютъ“.

жей и отроковъ, осквернение замужнихъ женщинъ и растлѣніе дѣвицъ [1]). Наравнѣ съ игрищами, служившими остатками языческихъ праздниковъ, церковные пастыри находили основаніе возставать и противъ другихъ языческихъ новгородскихъ обычаевъ, въ особенности же противъ обычая „бить бочки“. Г. Костомаровъ полагаетъ, что подъ этими словами разумѣется народная игра попадать въ бочки, употребительная у Хорутанъ и до сихъ поръ [2]). Почтенный изслѣдователь новгородской старины однако ошибается. Подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовленія прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро именно при приготовленіи пива, меду и квасу дѣло доходило до извѣстнаго, важнаго въ производствѣ термина, какъ напримѣръ, до сливанія, то окружавшіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ и божка кваса. Противъ этого-то величанія пьянства и возставали духовные пастыри, и сколько мы знаемъ, не совсѣмъ безуспѣшно. По крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1358 году Новгородцы постановили рѣшеніе не бить далѣе бочекъ [3]). Поводомъ къ такому стремленію послужило, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ порицаніе противъ этого обычая со стороны представителей церкви. Но уничтоженный въ самомъ Новгородѣ, обычай этотъ продолжалъ жить, вѣроятно, въ его областяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Русской земли еще въ XVI столѣтіи и былъ причиною новыхъ обличеній со стороны церкви [4]).

Слабость сознанія началъ христіанской религіи препятствовала Новгородцамъ быть ревностными распространителями христіанства въ областяхъ, подчиненныхъ ихъ вліянію. Но за то, въ сравненіи съ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 279, 1505 г.: «ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, такоже есть и женамъ мужатымъ осквернение и дѣвамъ растлѣніе».

[2]) Сѣверно-русск. Народопр., II, 161.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 63, 1358 г.: „Того же лѣта цѣловаша бочекъ не бити“. Ср. Никон., лѣтоп. III, 211.

[4]) Стоглавъ, гл. 93, стр. 397: „и надъ дельми сирѣчь надъ бочками и корчагами квасъ призывающе и грохочюще“. Тамъ же, стр. 399: „егда же вино топчютъ или егда вино въ сосуды преливаютъ или иное кое питіе сливаютъ. гласованіе и вопль велій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести. еллинскаго бога Диониса пьянству учителя призываютъ. и гласящи великимъ гласомъ квасъ призываютъ и вкусъ услаждаютъ и пьянство величаютъ“.

своими ближайшими сосѣдями и соперниками по дѣлу распространенія христіанства, Нѣмцами и Шведами, они отличались другимъ важнымъ качествомъ. По словамъ самого нѣмецкаго лѣтописца, дѣло обращенія въ христіанство язычниковъ Ливоніи было слѣдствіемъ безчисленныхъ войнъ, религіозное просвѣщеніе слѣдовало тамъ не иначе какъ по пятамъ за оружіемъ, главнымъ двигателемъ былъ „страхъ Божій“, то-есть, опасеніе язычниковъ за сохраненіе своего существованія [1]). Напротивъ того, по отзыву того же лѣтописца, Русскіе князья заботились главнымъ образомъ о простомъ подчиненіи сосѣдей своей власти, о полученіи съ нихъ дани, ни мало не хлопоча о насильственномъ принужденіи ихъ къ принятію христіанской вѣры [2]). Этимъ качествомъ, порицаемымъ въ Русскихъ князьяхъ нѣмецкимъ лѣтописцемъ, были одарены щедро и Новгородцы. Между тѣмъ какъ Шведы, недовольные своею просвѣтительною дѣятельностью между язычниками, предпринимали подъ руководствомъ Магнуса крестовый походъ противъ самаго Великаго Новгорода,—въ то время Новгородцы умѣли жить мирно съ латинскою вѣрою даже въ своихъ собственныхъ стѣнахъ. Не только иновѣрцы пользовались въ вольномъ городѣ безпрепятственно правомъ свободнаго богослуженія, но и сами Новгородцы обращались иногда къ нимъ за исполненіемъ церковныхъ требъ: матери, напримѣръ, носили своихъ дѣтей крестить вмѣсто православнаго къ варяжскому, то-есть, къ римско-католическому священнику [3]). Только впослѣдствіи, какъ показываетъ легенда о построеніи варяжской божницы, возникло мнѣніе, порицавшее Новгородцевъ за допущеніе свободы вѣроисповѣданія для римскихъ католиковъ; но это фактическое мнѣніе было слишкомъ безсильно, чтобы поколебать уже прочно установившуюся въ жизни терпимость къ иновѣрцамъ [4]). Точно такая же снисходительность управляла дѣйствіями Новгородцевъ и въ отношеніяхъ ихъ къ религіи подчинен-

---

[1]) Script. Rer. Livon., I, 94, 1205. Тамъ же I, 106, 1206: «Et merito post bella doctrina sequitur theologica, cum eodem tempore, post bella omnia praedicta, conversa et baptizata sit tota Livonia. Nam post discessum regis Ruthenorum cum exercitu suo, invasit timor dei Livones per universam Livoniam».

[2]) Script. Rer. Livon., I, 166, 1212 г.: «Est enim consuetudo regum Ruthenorum, quamcunque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subiicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare».

[3]) *Калайдовичъ*, Памятн. XII в.: «А оже се носили къ варяжескому попу дѣти на молитву?»

[4]) Пам. Ст. Рус. Лит., I, 251—252.

ныхъ имъ язычниковъ. Какъ ни важно было обращеніе послѣднихъ въ христіанскую вѣру для прочнѣйшаго утвержденія надъ ними власти Великаго Новгорода, мы не встрѣчаемъ однако въ послѣднемъ почти никакого вмѣшательства ни правительства, ни церковной власти въ дѣло распространенія христіанства. Единственнымъ примѣромъ вмѣшательства могло бы служить крещеніе Корѣлы, совершенное въ 1227 году Новгородскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ [1]). Но и здѣсь фактъ вмѣшательства былъ обусловленъ не столько собственными побужденіями Новгородцевъ, сколько давленіемъ извнѣ. Пользуясь крещеніемъ финскихъ народцевъ, какъ средствомъ къ подчиненію ихъ своей власти, Шведы старались поэтому распространить крещеніе огнемъ и мечемъ и на подвластныхъ Великому Новгороду Финновъ, въ томъ числѣ и на Корѣлу, въ надеждѣ тѣмъ легче исторгнуть ее изъ-подъ власти послѣдняго. Естественно поэтому, что и Новгородцы, для предупрежденія враждебнаго движенія, должны были прибѣгнуть къ тому же средству утвержденія своего владычества надъ подчиненными, то-есть, къ крещенію и дѣйствительно воспользовались имъ не безъ успѣха. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ въ послѣдующее время остался безъ подражаній. Даже дальнѣйшее обращеніе Корѣлъ шло совершенно естественнымъ путемъ, совершалось единственно усиліями Соловецкихъ подвижниковъ [2]).

Благодаря религіозной терпимости, которою характеризовалась новгородская жизнь, обращеніе въ христіанство населенія Новгородскихъ областей представляло, въ сравненіи съ обращеніемъ самихъ Новгородцевъ, еще болѣе медленный историческій процессъ, не завершившійся даже во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Можно даже сказать, что это было не столько распространеніе, сколько естественный, совершенно самородный ростъ христіанства, такъ какъ главную роль при этомъ играли не

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 427, 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ послалъ крести множество Корѣлъ, мало не всѣ люди». П. С. Р. Л., Ш, 79, 1339 г.: «А сихъ (Новгородскихъ Корѣлъ) не выдадимъ, крещены суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша словомъ Божіимъ».

[2]) Архим. *Досиѳея* Описан. Солов. мон., I, 53. Сборникъ грам. Солов. мон., № 5: «Се азъ Ѳедоръ Ивановъ, воевода Каянскія рати, и подвойскіе Олорфей и Ѳедоръ, и Новгородцы, и дѣти Корѣльскія, Вымольцы и Тиврульцы, и вся рать Каянская, что ходили есьмя на Ію рѣку, за обиду дѣтей Корѣльскихъ, и на войнѣ своей дали есьмя колоколъ св. Спасу на Соловки».

столько сознательныя стремленія Новгородцевъ, сколько безсознательные факторы въ родѣ возростанія сношеній Новгорода съ окрестнымъ населеніемъ и расширенія новгородской колонизаціи въ области, населенныя не славянскими племенами. Эти факторы опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ и самое направленіе распространенія христіанства. Тѣ Новгородскія области, въ которыхъ колонизаціонное движеніе шло особенно сильно, были вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе и прочнѣе другихъ обращаемы и въ христіанство. Къ числу такихъ областей нужно отнести сѣверо-восточную Новгородскую окраину, такъ какъ туда не только направлялась преимущественно новгородская колонизація, но и не встрѣчала тамъ никакихъ препятствій и даже была поддерживаема одновременною колонизаціей изъ другихъ земель древней Руси. Вслѣдствіе незамѣтности процесса колонизаціи, невозможно опредѣлить всѣ моменты постепеннаго обращенія въ христіанство сѣверо-восточнаго края; но изъ юридическихъ актовъ XIV столѣтія не трудно усмотрѣть, что въ это время Двинская земля носила уже несомнѣнный христіанскій характеръ [1]). Христіанство если и оставалось въ этотъ вѣкъ чуждымъ какой-либо изъ сѣверо-восточныхъ областей, такъ это развѣ только Югрѣ, да и то потому, что Югра была не столько новгородскимъ владѣніемъ, сколько самостоятельною землей, обязанною Новгороду только данью. Въ менѣе счастливыхъ условіяхъ находилась западная новгородская окраина, такъ какъ тутъ колонизація не только была значительно слабѣе, но и встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны Германскаго племени. Въ ближайшихъ земляхъ однако и здѣсь замѣчаются ясные слѣды постепеннаго распространенія христіанства. Такъ извѣстно, что Псковичи еще въ началѣ XIII столѣтія обратили въ христіанство Эстовъ изъ окрестностней Толовы [2]) Положимъ, что Псковичамъ не удалось не только удержать Эстовъ въ греческой вѣрѣ, но даже и сохранить за собою обладаніе ихъ землею; угнетаемые съ запада

[1]) А. Ю., 145, 1452 г.: «Се дасть посадникъ В. Новгорода Василей Степановичь въ домъ св. Іоанна Богослова, во общей монастырь, на Пѣнешку».. Тамъ же, стр. 431, XV в.: «А что отцына моя на Кокшенгѣ, у св. Ѳедора, по церьковной сторонѣ».. Тамъ же, стр. 473, XV в.: «Се азъ... игуменъ Василій далъ есмъ въ домъ св. Николи въ Чюхченему» (на Двинѣ). Но были мѣстности, которыя до конца новгородской самобытности оставались въ язычествѣ. Такъ въ А. А., 8, I, 72, № 93, 1471 г., читаемъ: «И на Суру на поганую».

[2]) Script. Rer. Livon., I, 118, 1208 г.: «Nam Ruthani (de Plescekowe) eorum tempore venerunt baptizantes Lettigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios».

крестившими огнемъ и мечемъ Нѣмцами и не поддерживаемые должнымъ образомъ Новгородцами, Эсты принуждены были перейдти въ католичество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и признать владычество Нѣмцевъ [1]). Но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ несомнѣнно показываетъ, что религіозная проповѣдь достигла въ XIII столѣтіи уже самыхъ крайнихъ пунктовъ Новгородскихъ владѣній на западѣ. Но чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться отсюда къ сѣверу, тѣмъ распространеніе христіанства будетъ представляться слабѣе. Правда, въ Корѣлѣ собственно, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, христіанство утвердилось, какъ мы уже показали, въ 1227 году. Но въ Ижорѣ, другой вѣтви племени Корѣлы, жившей нѣсколько южнѣе первой, оно начало появляться только около половины XIII столѣтія. Такъ лѣтопись сообщаетъ намъ, что хотя въ 1240 году одинъ изъ старѣйшинъ Ижорской земли былъ уже христіанинъ, но тѣмъ не менѣе родъ его еще пребывалъ во мракѣ язычества [2]); что же касается до остальныхъ мѣстностей западной окраины, лежавшихъ къ сѣверу отъ Ижоры и Корѣлы, то тамъ слабости колонизаціи соотвѣтствовало почти полное отсутствіе христіанства. Такъ извѣстно, что къ числу новгородскихъ владѣній относились области, прилегавшія съ запада и съ сѣвера къ Бѣлому морю, но благодаря слабымъ сношеніямъ ихъ съ Новгородомъ, мы не видимъ тамъ христіанства во все время самобытнаго существованія Новгорода. Лопь, финскій народецъ, занимавшій западные берега Бѣлаго моря (новгородское владѣніе Тре) была, напримѣръ, крещена только въ XVI вѣкѣ Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ з).

Подобно тому какъ въ самомъ Новгородѣ христіанство долгое время оставалось чисто внѣшнимъ, такъ точно, и притомъ еще въ

---

[1]) Script. Rer. Livon., I, 1214 г.: «Et venerunt ad eum ibidem filii Tholibaldi de Tholova... tradentes se in potestatem episcopi, promittentes, se fidem Christianam a Ruthenis susceptam in Latinorum consuetudinem commutari... Et recepit eas episcopus cum gaudio, remittens cum eis sacerdotem suum... Ср. такъ же, I, 202, 1216 г.

[2]) П. С. Р. Л., V, 178, 1240: «Бѣ нѣкто мужь старѣйшина въ земли Ижерьской, именемъ Пелгусій... и въспріятъ святое крещеніе и живяше посредѣ рода своего погана суща»...

[3]) П. С. Р. Л., VI, 282, 1526 г.: «И государь князь великій велѣлъ послати.. архіеп. Макарію изъ Новагорода отъ соборныя церкви священника и діякона; и они ѣхавше... многихъ Лоплянъ («съ моря окіяна, изъ Кандолашской губы, усть Невы рѣки, изъ дикой Лопи») крестиша». Подобнымъ образомъ, какъ показываетъ П. С. Р. Л., VI, 289, были крещены въ 1532 г. Лопляне «съ Мурманскаго берега, съ Колы рѣки, съ Тутоломи»...

гораздо большей степени внѣшнимъ характеромъ христіанство отличалось и въ Новгородскихъ областяхъ. Причина такой разницы заключалась не столько въ религіозныхъ, сколько въ національныхъ условіяхъ. Религіозное развитіе Финскаго племени, населявшаго въ значительной долѣ Новгородскія области, было само по себѣ слишкомъ слабо, чтобъ одно могло долго оспаривать у христіанства владычество надъ умами: у Финновъ, также какъ и у Русскихъ Славянъ, не было ни храмовъ, ни жрецовъ. Но слабость религіознаго развитія возмѣщалась отчасти въ финскихъ областяхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что христіанству приходилось бороться тутъ не только съ древними вѣрованіями, но и съ національнымъ самосохраненіемъ. Принятіе христіанскаго вѣроисповѣданія съ его славянскимъ богослужебнымъ языкомъ было для Финновъ равнозначительно съ потерею національнаго существованія, а потому самому и противодѣйствію, которое они оказывали религіозному перевороту, необходимо должно было стать если не гораздо сильнѣе, то во всякомъ случаѣ гораздо упорнѣе. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ въ собственно новгородскихъ владѣніяхъ глохли мало по малу всякіе слѣды язычества, въ тоже время въ финскихъ областяхъ дѣло христіанства какъ бы совсѣмъ не подвигалось впередъ. Тамъ скорѣе замѣчается противоположное движеніе. По мѣрѣ теченія именно исторической жизни впередъ, христіанство у Финновъ все болѣе и болѣе слабѣло, такъ что къ концу независимаго существованія Новгорода въ нѣкоторыхъ финскихъ областяхъ оно было почти совершенно забыто. Такое явленіе обнаруживается въ началѣ XVI столѣтія въ сѣверныхъ частяхъ Вотской пятины, населенной Ижорой, а также въ Корѣлѣ и смежныхъ съ нею мѣстностяхъ. Населеніе этихъ областей уже давно было ознакомлено съ истинами христіанскаго ученія, но какъ довѣдался въ 1534 году митрополитъ Макарій, съ теченіемъ времени совсѣмъ перестало держаться ихъ и если не дошло до яснаго разрыва съ христіанствомъ, то только въ томъ, вѣроятно, расчетѣ, чтобы внѣшнимъ признаніемъ послѣдняго пріобрѣсти себѣ полнѣйшее право игнорировать его внутренне. Какъ бы то ни было, только возвращеніе Финновъ этихъ краевъ къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ несомнѣнно. Къ началу XVI вѣка жители указанной мѣстности успѣли уже перезабыть всѣ христіанскіе церковные обряды. Они бросили соблюдать посты, перестали возить мертвыхъ для погребенія къ церквамъ на погосты и носить новорожденныхъ для крещенія по христіанскимъ священникамъ. Вмѣсто того, Финны стали на сторонѣ погребать мертвыхъ

въ селахъ по курганамъ и коломищамъ, а при рожденіяхъ обращались къ своимъ языческимъ руководителямъ, арбуямъ, которые давали новорожденнымъ младенцамъ имена отъ себя, и только затѣмъ уже дѣло доходило до православныхъ священниковъ. Далѣе больше, мы снова видимъ ихъ поклоняющимися языческимъ божествамъ, небеснымъ святиламъ, солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, естественнымъ предметамъ, какъ-то: камнямъ, горамъ, источникамъ, рѣкамъ и озерамъ, и приносящими имъ въ жертву разныхъ животныхъ, воловъ, овецъ и птицъ [1]).

Существуетъ мнѣніе, что христіанство обязано своимъ начальнымъ насажденіемъ на Руси не только Грекамъ, но въ значительной долѣ и болгарскому духовенству. Мнѣніе это основывается на сказаніи Якимовской лѣтописи, сообщающемъ, что не только изъ Болгаріи были присланы въ Русь священники, способные учить народъ новой вѣрѣ на понятномъ ему языкѣ, но что и первые епископы и даже самъ митрополитъ Михаилъ были Болгары и даны Болгарскимъ царемъ Симеономъ. Но это сказаніе есть ни болѣе ни менѣе, какъ ученая догадка, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она такъ полюбилась новѣйшимъ ученымъ, старающимся принимать историческій фактъ не такъ, какъ онъ есть, а съ разнаго рода поясняющими обстоятельствами, которыя облегчили бы для насъ пониманіе дѣла. Мы не имѣемъ надобности разбирать эту догадку вообще; но въ частности, въ отношеніи Великаго Новгорода, должны объявить ее лишенною всякаго основанія. Первоначальное новгородское духо-

---

[1]) Доп. къ А. И., I, 27—28, № 28, 1534 г.: «Здѣсь мнѣ сказывали, что деи въ вашихъ мѣстахъ (П. С. Р. Л., V. 73: «въ Чюди и въ Ижерѣ... и по всему поморію Варяжскаго моря... и во всей Корѣльской земли... и до Лексы рѣки до Лопи до Дикіе») многіе христіане съ женами и съ дѣтьми своими заблудили отъ истинныя христіанскія православныя вѣры... а молятца деи по скверным своимъ молбищомъ древесомъ и каменью, по дѣйству діаволю; и среди деи и пятка и святыхъ постовъ не чтятъ и не хронятъ... и жертву деи и питья жрутъ и піютъ мерзскимъ бѣсомъ, и призываютъ деи на тѣ свои скверныя молбища злодѣевыхъ отступникъ арбуевъ Чюдцкыхъ, и мертвыхъ деи своихъ они кладутъ въ селѣхъ по курганомъ и по коломищемъ съ тѣми жъ арбуи, а къ церквамъ деи на погосты своихъ умершихъ онѣ не возятъ съхраняти; также деи у нихъ у которые жены дѣтя родитца, и они деи напередъ къ тѣмъ своимъ родилницамъ призываютъ тѣхъ же скверныхъ арбуевъ и тѣ деи арбуи младенцемъ ихъ имена нарицаютъ своиски, а васъ деи, игуменовъ и священниковъ, онѣ къ тѣмъ своимъ младенцемъ призываютъ послѣ»... См. еще П. С. Р. Л., V, 73, 1534 г. и VI, 296, 1535 г.

венство должно быть считаемо несомнѣнно греческимъ. Первый по преданію Новгородскій епископъ, Іоакимъ, носилъ прозваніе Корсунянина, а это, очевидно, указываетъ не на Болгаръ, а на Грековъ. То же должно замѣтить и объ одномъ изъ послѣдующихъ епископовъ, объ извѣстномъ Нифонтѣ. Греческое происхожденіе Нифонта свидѣтельствуется двумя обстоятельствами. Прежде всего, въ спорѣ съ Кіевскимъ митрополитомъ, Нифонтъ, какъ увидимъ позднѣе, твердо поддерживалъ права Константинопольскаго патріарха. Для опредѣленія происхожденія Нифонта фактъ этотъ весьма важенъ, но къ сожалѣнію, подверженъ нѣкоторому недоразумѣнію: противъ него можно именно возразить, что Нифонтъ, и не будучи Грекомъ, могъ имѣть греческія убѣжденія. Къ счастію, мы имѣемъ другія данныя, которыя показываютъ, какъ слѣдуетъ рѣшить это недоразумѣніе. Когда Нифонтъ оставилъ Новгородскую каѳедру и направился на югъ, то нѣкоторые Новгородцы говорили, что владыка пошелъ въ Царьградъ, ограбивъ св. Софію. Слова эти несомнѣнно показываютъ, что Новгородцы считали Нифонта Грекомъ: иначе они не приписали бы ему намѣренія идти предъ смертью въ Царьградъ [1]). Затѣмъ, еслибы первоначальное новгородское духовенство происходило хотя отчасти изъ Болгаръ, то можно было бы ожидать, что память о немъ выскажется въ позднѣйшее время въ какомъ-либо предпочтеніи болгарскаго духовенства, какъ высшаго, новгородскому туземному. Съ подобнымъ предпочтеніемъ чужаго духовенства мы дѣйствительно встрѣчаемся въ новгородской исторіи, только это предпочтеніе касалось не болгарскаго, а греческаго духовенства. Послѣ утвержденія христіанства, въ Великомъ Новгородѣ именно довольно долго еще существовала партія, которая при замѣщеніи церковныхъ должностей обыкновенно выставляла кандидатовъ изъ Грековъ, обходя членовъ мѣстнаго духовенства. Въ особенности это явленіе замѣчается, когда рѣчь заходила о выборѣ Новгородскаго владыки или Юрьевскаго архимандрита. Сколько мы знаемъ, этой партіи ни разу не удалось провести своего кандидата Гречина на владычное мѣсто въ Новгородѣ; но благодаря ея стараніямъ, одинъ Грекъ все-таки попалъ въ новгородскіе архимандриты [2]).

[1]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: „преставися архепископъ Нифонтъ... шьлъ бяше Кыеву противу митрополита, иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Софію пошьлъ Царюграду“...

[2]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: „Новогородцы... гадаша промежу себе, сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина и бѣсть ра-

Пов. Гос. Унт

Согласно съ іерархическимъ положеніемъ новгородской христіанской общины, высшее духовенство въ Новгородѣ и въ послѣдующее за крещеніемъ время оставалось если и не непремѣнно греческимъ, то во всякомъ случаѣ пришлымъ. Нельзя того же сказать о низшемъ духовенствѣ. При распространеніи христіанскаго ученія и при увеличеніи потребности въ церковнослужителяхъ, тутъ безъ пособія своихъ мѣстныхъ силъ обойдтись было невозможно. Не трудно догадаться, какимъ образомъ долженъ былъ послѣдовать въ ряды духовенства этотъ приливъ мѣстныхъ силъ. Если князь бралъ отдѣльныхъ индивидовъ для составленія своей дружины и цѣлыя семьи для заселенія вновь построенныхъ городовъ, то отчего было ему не взять людей для удовлетворенія новой общественной потребности, для созданія класса служителей церкви? Но допуская возможность выдѣленія изъ общества людей для удовлетворенія новой религіозной потребности, мы не хотимъ этимъ сказать, что затрудненія при созданіи класса священнослужителей тѣмъ и исчерпывались. Всѣ другія званія того времени не требовали никакого спеціальнаго приготовленія, были легко доступны всѣмъ и каждому. Но этого никакъ нельзя сказать объ обязанностяхъ церковныхъ: исполненіе ихъ не только требовало особеннаго приготовленія, но и было обусловлено знаніемъ грамотности. Естественно поэтому ожидать, что взятые въ обществѣ для приготовленія къ духовному званію люди будутъ отданы предварительно въ обученіе. Дѣйствительно, подобная мѣра и была принята въ Великомъ Новгородѣ Ярославомъ Мудрымъ. Въ пріѣздъ свой въ Новгородъ въ 1030 году онъ взялъ изъ мѣстнаго населенія, частію изъ дѣтей священниковъ, прибывшихъ въ Новгородъ, вѣроятно, еще во время крещенія, частію же изъ среды самихъ Новгородцевъ (отъ старостъ) триста человѣкъ и отдалъ ихъ въ обученіе [1]). Цѣль обученія, какъ мы уже сказали, состояла въ приготовленіи къ священническому званію: этимъ объясняются какъ органы обученія, такъ и

спря въ нихъ“... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: „и рекоша нѣкоторіи князю: есть чьрньць дьяконъ у св. Георгія, именьмъ Спиридонъ, достоинъ есть того; а иніи Осафа епископа Володимерьскаго Велыньскаго, а друзіи Грьцина. кого дасть митрополитъ, тотъ намъ отецъ». Тамъ же, III, 42, 1226 г.: „преже своего преставленія, Саватіи (Юрьевскій архимандритъ)... запроша братьѣ своей и всѣхъ Новгородьць: избѣрѣте себѣ игумена; они же рекоша: въведѣте Грьцина попа св. Константину и Елены“.

[1]) П. С. Р. Л., V, 136, 1030: „иде великій князь Ярославъ на Чюдъ и побѣди я́, и постави градъ Юрьевъ; и прійде къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей учити книгамъ“.

самые предметы его. Если князь отдавалъ въ древности людей, предназначенныхъ для занятія духовныхъ мѣстъ, кому-либо въ обученіе, то этими лицами скорѣе всего могли быть сами члены духовнаго званія, священники и причетники. Такъ догадывался уже Татищевъ, и догадка его находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и въ послѣдующее время не только приготовленіе къ духовному званію, но и вообще распространеніе образованія совершалось при помощи лицъ церковныхъ причтовъ, которыя, конечно, не слѣдовали никакой однообразной системѣ, а учили какъ каждое знало и умѣло [1]). Что касается до предметовъ обученія, то они состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ грамотности и умѣньи отправлять богослуженіе. Для усвоенія ихъ юноши, конечно, одно время должны были учиться, а другое— присутствовать при совершеніи церковныхъ дѣйствій. О послѣднемъ источники прямо не говорятъ, но такой порядокъ естественно возникалъ изъ самой сущности дѣла и подкрѣпляется данными о характерѣ ученія. Извѣстіе о распоряженіи Ярослава опредѣляетъ предметъ обученія словами „книжное ученіе“: а подъ этими словами по тому времени нельзя подразумѣвать лично другаго, кромѣ изученія Священнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ настоящее время подъ словомъ книга и разумѣется всякая книга, а подъ словами книжное ученіе — всякое научное обученіе, тѣмъ не менѣе слово книга въ старину имѣло болѣе тѣсный смыслъ, употреблялось, подобно слову Библія—вмѣсто Священнаго Писанія, какъ книги по преимуществу. По крайней мѣрѣ у лѣтописца, въ которомъ и заключается въ этомъ случаѣ вся сила, въ примѣрахъ подобнаго употребленія слова книга нѣтъ недостатка [2]). Такъ при изображеніи обращенія въ христіанство Моравіи лѣтописецъ постоянно употребляетъ слово книга въ указанномъ смыслѣ: „И послѣте“, говоритъ онъ, напримѣръ, ны учители, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ“; или: „преложиста псалтирь и охтаикъ и прочая книги“; или наконецъ: „Меѳодій же посади 2 попа скорописца зѣло и преложи всѣ книги исполнь“ и. т. п. [3]).

Отношенія, въ которыхъ стоялъ Великій Новгородъ къ Кіеву,

---

[1]) Россійская Исторія, II, 75—76: „и тако Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священниковъ со причетники въ наученіе книжное“.

[2]) *Neumann*, Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorp. 1830, S. 89—103. Разборъ противоположныхъ взглядовъ на мѣру Ярослава будетъ представленъ нами ниже, въ приложеніи III-мъ.

[3]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 25, 26, 27, 898 г.

какъ къ разсаднику христіанства по всей Руси, опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и его іерархическое положеніе въ восточной церкви. Подобно тому какъ Русская земля, принявшая крещеніе изъ Византіи, образовала изъ себя несамостоятельную церковь, а только одну изъ митрополій Константинопольскаго патріархата, такъ точно и Великій Новгородъ, получившій христіанство изъ Кіева, чрезъ то самое вошелъ въ число простыхъ епархій, находившихся въ зависимости отъ Кіевскаго митрополита. Главныя условія этой зависимости заключались, съ одной стороны, въ принятіи изъ Кіева церковныхъ властей, а съ другой въ сосредоточеніи верховнаго управленія по дѣламъ Новгородской епархіи въ Кіевѣ, въ рукахъ тамошняго митрополита, носившаго многознаменательный титулъ русскаго первопрестольника и намѣстника Константинопольскаго патріарха. Въ настоящее время врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ фактѣ, что подобно тому, какъ Кіевъ посылалъ въ Новгородъ свѣтскихъ правителей, такъ точно оттуда шли въ Новгородъ и церковныя власти, что Новгородскіе епископы были простыми подручными кіевскаго митрополита. По крайней мѣрѣ лѣтопись представляетъ важныя свидѣтельства, что двое изъ первыхъ Новгородскихъ владыкъ, и притомъ самые извѣстные, Лука Жидята и Нифонтъ, были несомнѣнно присланы изъ Кіева [1]). Сомнѣваться можно только развѣ въ томъ, что вполнѣ ли безусловно Кіевскіе митрополиты пользовались своимъ правомъ поставлять владыкъ въ Новгородъ, что не проявлялось ли со стороны Новгородцевъ уже въ это начальное время нѣкоторое стремленіе къ церковной самостоятельности. Г. Костомаровъ считалъ себя въ правѣ видѣть подобное проявленіе стремленій къ самобытности въ назначеніи Новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ себѣ преемника въ епископскомъ званіи въ особѣ нѣкоего Ефрема. Но уже самъ г. Костомаровъ сознается, что въ случаяхъ подобныхъ назначеній уважалось не столько желаніе тѣхъ, кому завѣщалось (то-есть, Новгородцевъ), сколько воля самого завѣщателя [2]). Главное однако, что̀ нужно имѣть при этомъ примѣрѣ въ виду, это то, что Ефремъ совсѣмъ не былъ Новгородскимъ владыкою. Онъ только

---

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., стр. 147, 1036 г.: «иде Ярославъ Новугороду и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту»; П. С. Р. Л., III, 6, 1130 г.: «поставиша архіепископа Нифонта... и приде къ Новугороду».

[2]) Сѣверно-русск. народопр., II, 265.

управлялъ Новгородскою епархіей и былъ наставникомъ новообращенной паствы въ періодъ времени отъ смерти епископа Іоакима (1030 г.) до прибытіи новаго владыки Луки Жидяты (1036 г.), самъ же никогда не былъ посвящаемъ въ епископы и потому никакъ не можетъ быть приводимъ, какъ доказательство существованія въ Новгородѣ стремленій къ церковной самобытности уже въ первоначальное время [1]).

Еще менѣе можно сомнѣваться въ правѣ Кіевскаго митрополита на верховный надзоръ надъ дѣлами Новгородской епархіи, тѣмъ болѣе, что во все послѣдующее время новгородской жизни, даже въ періодъ ея наибольшей самостоятельности, это право на надзоръ никогда вполнѣ не забывалось. Надзоръ Кіевскаго митрополита надъ дѣлами Новгородской епархіи выражался въ двухъ формахъ. Съ одной стороны, Кіевскій митрополитъ, какъ верховный глава всей Русской церкви, могъ въ числѣ прочихъ епархій посѣщать и Новгородскую, чтобъ имѣть возможность убѣдиться лично въ степени ея благосостоянія. И, хотя въ виду того обстоятельства, что Новгородская святительская каѳедра была замѣщена обыкновенно его же собственнымъ довѣреннымъ лицомъ, митрополитъ и могъ пользоваться своимъ правомъ посѣщенія очень рѣдко; тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, что онъ не прибѣгалъ къ нему никогда [2]). Съ другой стороны, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо церковныхъ надобностей, митрополитъ могъ призывать Новгородскихъ епископовъ къ себѣ въ Кіевъ и сколько мы знаемъ, пользовался этимъ правомъ, сравнительно съ первымъ, гораздо чаще. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно не мало случаевъ пребыванія въ Кіевѣ Новгородскихъ владыкъ, которые могутъ быть удовлетворительно объяснены не иначе, какъ призваніемъ со стороны митрополита. Такъ, владыка Новгородскій Стефанъ былъ, какъ извѣстно, удавленъ въ Кіевѣ въ 1068 году своими собствен-

---

[1]) П. С. Р. Л., Щ, 179; тамъ же, Ш, 210, 1030 г.: «и бѣ въ его (Іоакима) мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Іоакимомъ, еже учити люди новопросвѣщенныя, «понеже Руская земля вновѣ крестися», чтобъ мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскія вѣры не держали и не имѣли въ; сей поучивъ люди 5 лѣтъ, святительству же не сподобися».

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 6, 1134 г.: «И иде Исаія игуменъ съломъ Кыеву; приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ Новугороду... и пустиша митрополита Кыеву... а на Суждаль идуце не пустиша его, а онъ мълвляше имъ: не ходите, мене Богъ послушаеть».

ными холопами; епископъ Германъ умеръ тамъ же въ 1036 году [1]). Въ большей части случаевъ пребыванія Новгородскихъ владыкъ въ Кіевѣ цѣлью призванія служила, по всей вѣроятности, потребность въ соглашеніи на счетъ административныхъ мѣръ, въ которыхъ нуждалась Русская церковь. Но нерѣдко однако Новгородскіе владыки призывались въ Кіевъ и для суда, и здѣсь-то первопрестольники Русской церкви давали знать Великому Новгороду все значеніе своей власти. Такъ уже одинъ изъ первыхъ Новгородскихъ епископовъ, извѣстный своимъ поученіемъ Лука Жидята, былъ призванъ въ 1055 году въ Кіевъ вслѣдствіе доноса холопа Дудики, судимъ тамъ митрополитомъ Ефремомъ, осужденъ на заключеніе и только по прошествіи трехъ лѣтъ отпущенъ въ Новгородъ, гдѣ и поспѣшилъ жестоко расправиться съ своимъ доносчикомъ [2]). Одинаковую участь съ Лукой Жидятой испыталъ и другой Новгородскій епископъ, извѣстный уже намъ Нифонтъ. И ему пришлось, какъ увидимъ впослѣдствіи, узнать силу пастырской власти Кіевскаго митрополита и поплатиться продолжительнымъ заключеніемъ въ Кіевѣ за свою попытку противодѣйствія главѣ Русской церкви.

Кругъ вѣдомства, которымъ подъ надзоромъ Кіевскаго митрополита пользовался Новгородскій епископъ, отличался тѣми же особенностями, которыя вообще были свойственны церковной власти на Руси, какъ результатъ взаимодѣйствія византійской жизни и русской. Принесенная вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи, церковь Русская естественно должна принять Византію же въ образецъ при опредѣленіи своей внутренней сферы дѣйствія. Но такъ какъ, съ другой стороны, положеніе Византіи существенно отличалось отъ положенія, въ которомъ находилась Россія при началѣ своего историческаго поприща, то понятно, что церковь никакъ не могла остаться на Руси вполнѣ вѣрною своему византійскому образцу. Въ Византіи существовала уже издавна вполнѣ организованная гражданская власть, которая зорко слѣдила за всѣмъ, что касалось ея интересовъ, и между прочимъ, полагала предѣлъ и всякому чрезмѣрному вторженію церкви

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 179, 1061 г.: «Поставленъ бысть епископъ Новуграду Стефанъ, и въ Кіевѣ свои холопи удавиша его; бысть во епископіи 8 лѣтъ»; тамъ же, III, 179, 1078 г.: «Поставленъ бысть епископъ Германъ и преставися въ Кіевѣ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 122, 1055 г.: «Клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики и изиде изъ Новагорода и иде къ Кіеву; и осуди митрополитъ Ефремъ и пребысть тамо три лѣта. Тамъ же, III, 122, 1058 г.

въ гражданскую область. Совсѣмъ другое мы видимъ въ древней Руси. Здѣсь гражданская (княжеская) власть отличалась крайнею слабостью и далеко не сознавала еще всѣхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Вслѣдствіе того нѣтъ ничего удивительнаго, что при опредѣленіи сферы своей власти, церковь на Руси нарушала нерѣдко границу, отдѣляющую церковную область отъ государственной, предъявляла притязанія на такія отрасли, которыя составляютъ необходимую принадлежность гражданскаго вѣдомства, и успѣвала добиться признанія ихъ за собою если и не сразу, то по крайней мѣрѣ постепенно. Такое вторженіе церкви въ гражданскую область замѣчается на Руси какъ при опредѣленіи круга дѣлъ, такъ и круга лицъ, подвѣдомственныхъ церковной власти. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ опоры въ каноническомъ правѣ могла претендовать на предоставленіе въ ея вѣдѣніе преступленій противъ христіанскаго ученія, какъ-то: отправленія языческихъ обрядовъ, волхвованія и еретичества, а также преступленій противъ святости и ненарушимости храмовъ, какъ напримѣръ, святотатства и ограбленія мертвыхъ, равно какъ и нарушеній чистоты нравовъ, какъ напримѣръ, вступленія въ бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства и похищенія женъ. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ правѣ постановленій, касавшихся семейнаго и наслѣдственнаго права, въ родѣ нарушенія святости власти родительской, тяжбы между мужемъ и женой объ имѣніи и споровъ между дѣтьми и братьями умершаго о наслѣдствѣ. Всѣ эти дѣла присвоивались церковью на Руси отнюдь не въ силу каноническаго права, а единственно вслѣдствіе слабости княжеской власти [1]). То же должно быть сказано и о кругѣ лицъ, подвѣдомственныхъ церкви. Нѣтъ сомнѣнія, церковь не безъ каноническаго основанія могла претендовать на подчиненіе себѣ лицъ духовнаго званія и богоугодныхъ заведеній. Но было бы напрасно искать въ византійскомъ церковномъ законодательствѣ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ церковь на Руси считала подлежащими своей власти.

[1]) *Макарій*, Ист. Русск. Ц., II, 381—382: «А се суды церковныя (говоритъ церковный уставъ Новгородскаго князя Всеволода): роспуски, смильное, заставаніе, умычка, пошибальное, промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ; въ племени или въ сватовствѣ поймутся, повторы, чародѣяніе, волхованіе, вѣдство, зелейничество, зубоѣжа; уреканія три — бляднею, зелии, еретичествомъ; отецъ или мати біетъ сынъ или дощи, или сноха свекровь; братія или дѣти тяжутся о задницѣ; церковная татьба... или кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи, или у воды»...

Паломникъ, сторонникъ, свѣщегасъ, вдовица, пущенникъ, задушный человѣкъ, слѣпецъ, хромецъ, въ ней подлежали въ Византіи не церковной власти, а мірской [1]).

Если въ іерархическомъ отношеніи Новгородская епархія зависѣла отъ Кіевскаго митрополита, то въ матеріальной части она находилась въ подобной же зависимости отъ Кіевскаго великаго князя, открывавшей послѣднему значительный просторъ на ходъ новгородскихъ церковныхъ дѣлъ. Своимъ водвореніемъ въ Новгородѣ христіанство еще болѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, было обязано почину князей, а потому естественно, что по крайней мѣрѣ въ первое время на нихъ же должна была пасть и забота о содержаніи новгородскаго духовенства. Такая обязанность была тѣмъ осуществимѣе, что церквей въ первоначальное время было еще слишкомъ мало, и что, слѣдовательно, заботиться приходилось главнымъ образомъ о доставленіи доходовъ епископской каѳедрѣ. А на этотъ предметъ было достаточно частію тѣхъ пошлинъ, которыя по характеру времени шли въ пользу владыкъ съ церковнаго управленія и суда, частію же десятины, которая, по примѣру Кіева, была введена и въ Новгородѣ. Происхожденіе церковной десятины на Руси неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, она представляла собою явленіе, совершенно отличное отъ того, что разумѣлось подъ десятиной въ западной церкви. Противоположно западу, десятина обозначала на Руси не десятую часть доходовъ, которые получало отъ своихъ занятій русское народонаселеніе, а только десятую часть доходовъ, которые шли въ пользу князя, какъ принадлежность его званія. Но даже и въ этой формѣ отдѣленіе десятины въ пользу церкви не совершалось само собою, а обусловливалось еще предварительно соглашеніемъ между княземъ и духовенствомъ. Въ особенности требовалъ соглашенія размѣръ десятины. Правда, духовенство склонно было смотрѣть на десятину, какъ на десятую часть всѣхъ княжескихъ доходовъ, и сообразно съ этимъ формулировало свои притязанія. Такъ какъ именно княжескіе доходы въ древней Руси состояли частію въ даняхъ, собираемыхъ съ жителей подвѣдомственныхъ имъ областей, частію же въ пошлинахъ, торговыхъ и судеб-

[1]) *Макарій*, Ист. Русск. Ц., II, 382—383: «А се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ клиросѣ: попадья, чернецъ, черница, паломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ... монастыреве, больницы, гостинницы странноприимницы»....

ныхъ или штрафахъ за разныя преступленія, то и стремленія духовенства клонились къ полученію отъ князя десятины со всѣхъ трехъ источниковъ его дохода, или иначе десятины отъ дани, десятины отъ вѣръ и продажъ (десятой вѣкши) и десятины отъ торгу (десятой недѣли) [1]). Дѣйствительность однако, особенно въ началѣ, мало соотвѣтствовала этимъ притязаніямъ. Князья совсѣмъ не такъ легко разставались съ своими доходами, какъ было желательно духовенству, и не только ограничивали размѣръ десятины однимъ какимъ-либо отдѣломъ своихъ доходовъ, но даже и въ этомъ отдѣлѣ исключали въ свою пользу извѣстныя статьи. Такъ, въ Смоленскѣ, который даже могъ похвастать щедростью своего десятиннаго устава, изъ десятины не только были исключены совсѣмъ судебныя пошлины, но даже и между данями была статья (полюдье), съ которой церкви не предоставлено было права брать десятину [2]). Въ сравненіи съ Смоленскомъ Великій Новгородъ представляетъ совершенно противоположное явленіе. Сколько можно судить по собственнымъ новгородскимъ уставамъ о церковной десятинѣ, тамъ размѣръ десятины ограниченъ былъ вначалѣ всего одною десятою частью отъ ежегодной суммы судебныхъ штрафовъ, а о десятинѣ отъ даней и торгу совсѣмъ не было даже и помину [3]).

Церковная десятина, какъ она была установлена первоначально въ Новгородѣ, весьма мало соотвѣтствовала желаніямъ Новгородскихъ

---

[1]) Доп. къ А. И., LXI, стр. 1: «Создахъ (говоритъ—по словамъ церковнаго устава—Владиміръ Святой) церковь св. Богородица десятиньную и дахъ ей десятину по всей земли Русьской ис княженія въ сборную церковь, отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а не торгоу десятую недѣлю, а из домовъ на вся лѣто отъ всякого стада и отъ всякого жита»...

[2]) Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «И се даю св. Богородица и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, что ся въ нихъ сладитъ истыхъ купъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья»... Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ основнымъ положеніемъ находится слѣдующее мѣсто того же устава (стр. 6): «На Путтинѣ присно платятъ 4 гривны, Бѣница 2 гривны, корчмити 4½ гривны, Дѣдича и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того св. Богородици и епископу 3 гривны безъ семи ногатъ». Но противорѣчіе это только кажущееся. Со всѣхъ указанныхъ мѣстностей княжескихъ доходовъ сходилось 32½ гривны; десятины съ нихъ слѣдовало бы 3¼ гривны; а между тѣмъ десятина означена 3 гривнами безъ 7 ногатъ: ясно, слѣдовательно, что вира тутъ исключена изъ счисленія.

[3]) *Макарія*, Ист. Рус. Ц., VI, 383: «а съ суди давати девять частей князю а десятую (гласитъ уставъ Всеволода) св. Софѣи за княжу душу».

владыкъ, ихъ идеалу настоящей десятины. Она не только не отличалась надлежащею полнотой, не заключала въ себѣ десятины отъ княжескихъ даней, но и не чужда была нѣкотораго колебанія. Княжескіе доходы, съ которыхъ получалась десятина на Руси, представляли вообще не постоянную, а крайне перемѣнную величину. При всякомъ измѣненіи въ численности народонаселенія и въ количествѣ преступленій, необходимо измѣнялась и цифра княжескихъ доходовъ. А такъ какъ десятина понималась въ древности дѣйствительно, какъ десятая часть княжескихъ доходовъ, то колебаніе распространялось и на нее, вслѣдствіе чего возникала необходимость производить ежегодно новое отчисленіе [1]). Но постоянное повтореніе процесса отчисленія уже само по себѣ не могло не быть обременительнымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Къ тому же при всякомъ невыгодномъ для себя оборотѣ дѣлъ, при всякомъ сокращеніи десятины или обманѣ въ расчетахъ на ея увеличеніе, владѣтели могли приписывать неблагопріятный результатъ не случайнымъ условіямъ, а намѣренному неблаговоленію князей. Но какъ бы ни мало отвѣчала десятина въ Новгородѣ желаніямъ тамошняго духовенства, объ измѣненіяхъ въ ней не могло быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока назначеніе ея зависѣло отъ Кіева. Совсѣмъ иной видъ получило дѣло, коль скоро, съ увеличеніемъ самобытности Новгорода, новгородскіе правители изъ кіевскихъ послушниковъ сдѣлались мѣстными князьями. Мѣстные князья уже по самому своему характеру должны были гораздо ближе принимать къ сердцу интересы новгородскаго духовенства. Но къ этому присоединилось еще одно случайное обстоятельство, которое не мало подвинуло вопросъ о десятинѣ къ рѣшенію въ желательномъ для Новгородскихъ владыкъ смыслѣ. Одинъ изъ первыхъ мѣстныхъ Новгородскихъ князей, Святославъ, вопреки запрещенію владыки Нифонта, сочетался въ Новгородѣ при помощи своего домашняго клира какимъ-то незаконнымъ бракомъ и тѣмъ подалъ владыкѣ основательный поводъ къ недовольству [2]). Нужно было какъ-либо поправить дѣло, смягчить неудовольство владыки, а для этой цѣли измѣреніе десятины въ выгоднѣйшемъ для церкви смыслѣ представляло самое вѣрное средство. Святославъ такъ и сдѣлалъ. По соглашенію съ Нифонтомъ, онъ далъ Новгородской церкви въ 1137 году новый

[1]) Доп. къ А. И., I, 5, № 4, 1150 г.: «а въ тѣхъ погостехъ», говоритъ Смоленскій уставъ,—«а нѣкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудетъ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 7; 1136 г.

уставъ о десятинѣ. По этому уставу десятина отъ виръ и продажъ была замѣнена опредѣленною ежегодною суммой въ пользу владыки, совершенно независимою отъ измѣнчивой цифры судебныхъ княжескихъ доходовъ. Сумму эту составляли сто гривенъ кунъ, которыя было предоставлено получать владыкѣ изъ денегъ, шедшихъ въ руки князя изъ Онѣги [1]); въ случаѣ недостачи послѣднихъ, владыка могъ требовать восполненія изъ княжеской казны. Но кромѣ этой замѣны, являвшейся только средствомъ облегченія выдачи десятины, уставъ Святослава вводилъ въ доходы владыки и совершенно новую статью. Статьей этою была десятина изъ даней, которыя шли въ княжескую казну изъ Онѣги. Уставъ Святослава опредѣлилъ именно, сколько каждая изъ сѣверныхъ Новгородскихъ мѣстностей, платившихъ дань князю, должна была ежегодно среднимъ числомъ отдѣлять деньгами или естественными произведеніями и десятину Новгородскому владыкѣ [2]). Послѣдующіе же классы распространили пожалованіе Святослава и на другіе края Новгородской земли, которые платили дань князю, а именно на Обонѣжье и на Вѣжецкій рядъ [3]).

Складывая въ одно цѣлое оба вида владычной десятины, Карамзинъ пришелъ къ убѣжденію, что общая цифра выдачи изъ доходовъ въ Новгородѣ простиралась до 250 гривенъ кунъ [4]). Но этотъ результатъ, долго повторявшійся въ нашихъ историческихъ трудахъ, одобряется однако не всѣми позднѣйшими историками. Г. Прилежаевъ,

---

[1]) *Русск. Достоп.*, I, 83, 1137 г.: «А здѣ в Новѣгородѣ что есть десятина, от дании, обрѣтохъ уряжено преже мене бывъшими князи, толико от виръ и продажь десятины зьрѣлъ, олико дьнии въ руцѣ княжии въ клѣть его. Нужа же бяше пискупу, нужа же князю въ томь, въ десятои части Божии. Того дѣля уставилъ есмь святой Софьи, ать емлеть пискупъ, за десятину от виръ и продажь 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не будеть полна ста у Домажирича, а осмь десять выдасть, а дополнокъ възметь 20 гривенъ у князя исъ клѣти».

[2]) *Рус. Достоп.*, I, 83—84, 1137 г.: «Урядилъ есмь азъ святѣй Софии и написалъ Никола князь Новгородьскыи Святославъ: во Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ 2 сорочка, на Тудоворѣ погостѣ 2 сорочька, на Ивани погостѣ с даромъ 3 сорочькы... у Еми скора, а на мори отъ Чрена и отъ Салгы по пузу, у Тудора сорочекъ».

[3]) *Русск. Достоп.*, I, 84: «Асе Об-Онѣзьскыи рядъ: во Олонци 3 гривны»... Тамъ же, I, 85: «А се Бѣжичьскыи рядъ: въ Бѣжичихъ 6 гривень»... Разборъ противоположныхъ воззрѣній на первоначальное сличеніе и послѣдующія измѣненія новгородской десятины см. въ приложеніи IV.

[4]) Ист. Гос. Росс., II, прим. 267.

одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о новгородской церковной десятинѣ, находитъ, напримѣръ, цифру Карамзина слишкомъ низкою. Но основанія, которыми онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе, не довольно убѣдительны. Г. Прилежаевъ полагаетъ именно, что Святославовъ уставъ не можетъ дать намъ настоящаго понятія о полной суммѣ доходовъ Новгородскаго владыки, такъ какъ онъ дошелъ до насъ безъ конца [1]). Почтенный изслѣдователь однако ошибается. Уставъ Святослава дошелъ до насъ не только въ полномъ видѣ, но, какъ мы уже замѣтили выше, и съ прибавленіями, занесенными въ него, очевидно, въ послѣдующее время, а въ такомъ случаѣ объ отсутствіи конца устава и вытекающей отсюда низкости цифры Карамзина не можетъ быть и рѣчи [2]). Да и дѣйствительно, цифра, добытая Карамзинымъ, если и возбуждаетъ какое-либо сомнѣніе, то скорѣе всего своею излишнею высотою. Вмѣсто 250 гривенъ кунъ, принимаемыхъ Карамзинымъ, на долю Нижегородскаго владыки по уставу Святослава и его прибавленіямъ врядъ ли приходилось больше 200 гривенъ. Прежде всего, цифра, принятая Карамзинымъ, есть ни болѣе, ни менѣе, какъ только круглая цифра, превышающая, даже по собственному разчету историографа, настоящую цифру владычныхъ доходовъ почти на цѣлыхъ 30 гривенъ. Въ самомъ дѣлѣ, по уставу Святослава и его прибавленіямъ, кромѣ 100 гривенъ кунъ, замѣнившихъ десятину отъ виръ и продажъ, въ пользу владыки вмѣстѣ со священникомъ шло гривнами кунъ 51 гривна слишкомъ, а сорочками— $43^1/_2$ сорочки, всего, слѣдовательно, 151 гривна кунъ и $43^1/_2$ сорочки. Далѣе. Разумѣя подъ сорочками вмѣстѣ съ Карамзинымъ сорочки кунъ и полагая гривну кунъ, опять-таки по системѣ Карамзина, въ 25 кунъ, мы получимъ, что $43^1/_2$ сорочки образуютъ $69^3/_5$ гривны кунъ, слѣдовательно, всего вмѣстѣ съ предыдущимъ 220 гривенъ кунъ или на 30 гривенъ меньше итога, принятаго Карамзинымъ. Производя это разчисленіе, мы, какъ уже замѣчено раньше, держались вездѣ системы Карамзина; но нужно принять во вниманіе, что и система эта не совершенно точна. Карамзинъ подъ сорочками разумѣлъ сорочки кунъ, а въ дѣйствительности сорочками считалась бѣлка. Къ сожалѣнію,

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* за іюль 1875, стр. 100—101.

[2]) *Рус. Достоп.*, I, 84: «Ожели кто въ которое время а то рюшить или отиметь, что я урядилъ князь Никола Святославъ съ владыкою Нифонтомъ... а будеть Богу противенъ и святѣй Софіи». Очевидно, слова эти должны быть понимаемы, какъ заключеніе устава Святослава: все остальное, слѣдовательно, есть не что иное, какъ позднѣйшія прибавленія.

отношеніе сорочки бѣлки къ гривнѣ кунъ до сихъ поръ точно не извѣстно. Можно только думать, что сорочекъ бѣлки былъ именно не болѣе гривны кунъ, а въ такомъ случаѣ 43 1/2 сорочка будутъ составлять никакъ не болѣе 43 1/2 гривенъ кунъ [1]). Слѣдовательно, общая сумма владычнихъ доходовъ въ Новгородѣ никакъ не могла превосходить 194 1/2 гривенъ кунъ, а съ прибавленіемъ поборовъ естественными произведеніями, очень незначительныхъ, — не могла превысить 200 гривенъ.

Въ этой первоначальной формѣ Новгородская церковь продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока въ политической жизни Великаго Новгорода не обнаруживалось никакихъ стремленій къ самобытности. Но какъ скоро новгородскій гражданскій строй сталъ мало по малу принимать самостоятельный характеръ, тотчасъ же и въ церкви замѣчается соотвѣтственное движеніе. По тѣсной связи въ древнее время церковной жизни съ гражданскою, успѣхи, достигнутые Новгородцами въ политической области, необходимо побуждали ихъ стремиться и къ самостоятельности церковной, къ возвышенію Новгорода и въ разрядѣ простыхъ епархій на степень мѣстной церкви, глава которой занималъ бы относительно Кіева возможно независимое положеніе. А такъ какъ къ этой конечной цѣли вели, съ одной стороны, возвышеніе сана Новгородскаго владыки, а съ другой — измѣненіе въ способѣ его назначенія, то понятно, что обѣ эти послѣднія задачи и становятся двигающими вопросами начальной новгородской церковной исторіи. Казалось, что благопріятному разрѣшенію ихъ вполнѣ соотвѣтствовали и самыя обстоятельства времени. Около половины XII вѣка въ самой Русской митрополіи обнаружились подобныя же стремленія къ независимости отъ Константинопольскаго патріарха и выразились въ избраніи новаго митрополита Климента соборомъ Русскихъ епископовъ. Но не смотря на всю благопріятность минуты, Новгородскій владыка Нифонтъ не умѣлъ извлечь изъ нея никакой пользы для Новгорода. Какъ Грекъ по происхожденію, онъ считалъ своею первою обязанностью защищать права Константинопольскаго патріарха на назначеніе Русскихъ митрополитовъ и потому вмѣсто пріобрѣтенія отъ новаго митрополита льготъ для Новгорода, онъ затѣялъ только съ Климентомъ безполезный споръ о законности его избра-

---

[1]) Нѣкоторое понятіе объ отношеніи сорочки къ гривнѣ кунъ можно получить изъ сопоставленія *Калайдовича*, Памятн. XII в.. съ А. Юрид., стр. 432—433, № 409, III.

нія [1]). Правда, Бѣляевъ сообщаетъ, что отрицая законность избранія Кіевскаго митрополита, Нифонтъ якобы имѣлъ въ виду особенный планъ поднятія Новгородской епархіи, составленный имъ съ согласія Ростовскаго епископа Нестора и состоявшій въ томъ, что Ростовскій владыка долженъ былъ искать въ Константинополѣ отдѣльной митрополіи для Ростова, а Нифонтъ за участіе въ дѣлѣ и признаніе въ Несторѣ будущаго митрополита, уже заранѣе награждался званіемъ архіепископа [2]). Въ доказательство своего мнѣнія Бѣляевъ приводитъ надпись, встрѣчающуюся на древнемъ антиминсѣ, найденномъ въ одной изъ Новгородскихъ церквей, и гласящую, что антиминсъ священъ въ 1149 году архіепископомъ Новгородскимъ Нифонтомъ по повелѣнію Ростовскаго епископа Нестора [3]). Но намъ это доказательство кажется крайне неубѣдительнымъ. Съ одной стороны, мы ничего не знаемъ о предполагаемыхъ стремленіяхъ Нестора къ возведенію Ростова на степень митрополіи; по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ объ этомъ Ростовскомъ владыкѣ мы должны скорѣе считать такія стремленія совсѣмъ невѣроятными [4]). Съ другой, и самая надпись можетъ быть объяснена гораздо проще. Повелѣніе освятить антиминсъ могло быть дано Новгородскому владыкѣ Ростовскимъ и не въ качествѣ старшаго, какъ полагаетъ Бѣляевъ, а просто на просто въ качествѣ жертвователя антиминса. Что же касается титула архіепископа, усвоеннаго попечителемъ Нифонту, то если только это не есть позднѣйшая ошибка, онъ могъ быть употребленъ и изъ подобострастія. Какъ-то бы ни было, только образъ дѣйствія Новгородскаго владыки, во всякомъ случаѣ мало сообразный съ обстоятельствами времени, не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и Нифонту

---

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 241, 1147 г.: «Постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича... И снидошась Черниговьскии епископъ Онофрии, Бѣлогородскии еп. Феодоръ, Переяславьский епископъ Еуфимии, Гюргийскии епископъ Демьянъ, Володимерьскии Ѳедоръ. Новгородьскии Нифонтъ, Смоленьскии Мануилъ рекоша: «не есть того в законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархѣ митрополита». Приводя это мѣсто, мы для ясности позволили себѣ употребить собственную пунктуацію.

[2]) Разн. изъ Русск. Ист., II, 115—116.

[3]) *Куприяновъ*, Прогулка по Новгороду, 1862, стр. 88—89: «Древнѣйшій изъ ихъ (антиминсовъ, найденныхъ въ Никольской церкви) относится къ половинѣ XII в. и заключаетъ въ себѣ слѣдующую уставную надпись: «жьртвьникъ св. мученика Георгия священъ отъ Нифонта архіепископа Новгородьскаго повелѣніемъ епископа Ростовъскаго Нестора».

[4]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 329, 1150 г., и 334, 1164 г.

вмѣсто достиженія архіепископскаго сана пришлось только, за свое противодѣйствіе митрополиту, выдержать продолжительное заключеніе въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, пока Суздальскій князь Юрій, благопріятствовавшій Нифонту и не жаловавшій Климента, утвердясь въ Кіевѣ не освободилъ узника [1]).

Неудача, сопровождавшая попытку противодѣйствія Нифонта главѣ Русской церкви, ни въ какомъ случаѣ не могла служить пророчествомъ, что и дальнѣйшія стремленія Новгородцевъ останутся также безъ всякаго успѣха. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, слишкомъ благопріятною для осуществленія мѣстныхъ стремленій, чтобъ они прошли безслѣдно и въ новгородской церковной исторіи. Въ это время первопрестольники Русскіе уже не могли расчитывать на безусловное поддержаніе стараго порядка въ строѣ церкви; напротивъ того, повсемѣстное паденіе значенія Кіева научило ихъ быть снисходительнѣе по крайней мѣрѣ къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, которыя не ставили своею цѣлію нарушеніе церковнаго единства. А такимъ именно характеромъ и отличались тогдашнія стремленія Великаго Новгорода. Новгородцы совсѣмъ не имѣли въ виду вполнѣ разрывать церковную связь съ Кіевомъ; они хотѣли только посредствомъ устраненія митрополита отъ назначенія своего владыки придать послѣднему бо́льшую независимость и сдѣлать его изъ пришельцевъ однимъ изъ первыхъ гражданъ Великаго Новгорода. Не удивительно поэтому, что Новгородцы не встрѣтили со стороны Кіева никакого противодѣйствія, когда, воспользовавшись вакантностью митрополичьей каѳедры, сами назначили себѣ въ 1156 году новаго владыку и чрезъ два года послали его въ Кіевъ на посвященіе: новый митрополитъ Кіевскій Константинъ посвятилъ присланнаго ими кандидата въ епископы безъ всякаго со своей стороны прекословія [2]). Образъ дѣйствія, сопровождавшій назначеніе Аркадія, сталъ съ тѣхъ поръ нормою для всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ случаевъ; но тѣмъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 10, 1149 г.: «иде архіепископъ новгородьскыи Нифонтъ въ Русь, позванъ Изяславомъ и Климомъ митрополитомъ»... Тамъ же, III, 11, 1150 г.: «приде архепископъ Нифонтъ изъ Кыева, пущенъ Гюргемъ княземъ»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: «събрася весь градъ, людьи, изволиша собѣ епископъ поставити мужь Богомъ избранъ Аркадія; и шьдъше весь народъ, пояша и́ изъ манастыря отъ святыя Богородица... и въведоша и́ поручивъше епископью въ дворѣ святыя Софіѣ, дондеже придеть митрополитъ въ Русь». Тамъ же III, 12, 1158 г.: «Ходи Аркадъ Кыеву ставиться епископомъ, и поставленъ бысть отъ митрополита Константина»...

не менѣе Новгородцы не сразу избавились отъ всѣхъ остатковъ старины. Въ самомъ дѣлѣ, хотя съ этихъ поръ званіе Новгородскихъ владыкъ и стало удѣломъ обыкновенно самихъ же Новгородцевъ, тѣмъ не менѣе въ Великомъ Новгородѣ, какъ уже замѣчено раньше, довольно долгое время существовала партія, отдававшая вслѣдствіе исторической привычки предпочтеніе греческому духовенству и потому предлагавшая въ кандидаты на владычнюю каѳедру какого-либо Гречина [1]). Точно также, хотя съ этихъ поръ назначеніе Новгородскихъ владыкъ и стало внутреннимъ дѣломъ Великаго Новгорода, тѣмъ не менѣе, при возникновеніи разногласія, очень часто являлась тамъ партія, предлагавшая передать споръ на рѣшеніе митрополита, говоря, что „каго намъ дастъ митрополитъ, тотъ намъ и отецъ“, и временами успѣвала даже настоять на своемъ: это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда къ внутреннему разногласію присоединялось еще церковное затрудненіе, когда кандидатами на каѳедру являлись лица, уже раньше посвященныя въ епископы и управлявшія прежде Новгородскою церковью [2]). Наконецъ, хотя съ паденіемъ правъ Кіевскаго митрополита и для великаго князя былъ закрытъ путь къ вмѣшательству въ дѣла Новгородской церкви,—тѣмъ не менѣе раздѣленіе Новгорода на партіи еще оставляло и ему нѣкоторую возможность вліянія на замѣщеніе владычней каѳедры. Конечно, князь не могъ уже посылать въ Новгородъ владыкъ изъ среды собственнаго духовенства; но опираясь на партію своихъ новгородскихъ благопріятелей, онъ успѣвалъ временами дать торжество въ Новгородѣ тому изъ кандидатовъ на владычнюю каѳедру, который хотя и не имѣлъ за собою большинства населенія, но за то былъ желателенъ князю. Нѣтъ сомнѣнія, подобные случаи были не часты и сопровождались для владыки обыкновенно нѣкоторою непрочностью его положенія; но все же, какъ показываетъ примѣръ Митрофана, получившаго этимъ путемъ Новгородскую каѳедру въ 1199 году, далеко не невозможны [3]).

---

[1]) Доказательства существованія такого предпочтенія уже приведены раньше.

[2]) П. С. Р. Л., III, 38, 1219 г.: «князь и Новгородьци рекоша Митрофану и Онтону: идита къ митрополиту, да кого намъ прислетъ, то нашь владыка». Тамъ же, III, 45, 1229.

[3]) П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «а въ Новъгородъ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ Новгородъци, и въведе (Всеволодъ III) въ епискупію Митрофана, мужа Богомъ избърана». Тамъ же, III, 31, 1211 г.: «злодѣи испьрва не

Кромѣ пріобрѣтенія нѣкоторой независимости отъ Кіева, Новгородской церкви во второй половинѣ XII столѣтія удалось усвоить себѣ и сравнительно большій блескъ и значеніе. Съ одной стороны, санъ архіепископа, ставшій уже рано одною изъ ея завѣтныхъ цѣлей, въ это время какъ бы самъ собою достался въ руки Новгородскаго владыки и далъ ему возможность занять между русскими іерархами почетное мѣсто тотчасъ послѣ главы Русской церкви. Митрополиту, нашедшему возможность отказаться отъ всякаго вліянія на назначеніе Новгородскихъ владыкъ, нечего уже было затрудняться пожалованіемъ имъ архіепископскаго сана, и потому новгородское посольство, отправленное съ этою цѣлію въ 1165 году въ Кіевъ, встрѣтило тамъ самый благосклонный пріемъ [1]). Весьма возможно, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ сана Новгородскаго владыки, исходатайствованнымъ въ Кіевѣ въ 1166 году, былъ возвышенъ въ это время и санъ настоятеля Юрьевскаго монастыря. Юрьевскій игуменъ Діонисій стоялъ на челѣ посольства, хлопотавшаго въ Кіевѣ о дарованіи архіепископскаго званія Новгородскому владыкѣ: естественно поэтому ожидать, что послѣдній не оставитъ безъ вознагражденія успѣшные труды своего подчиненнаго. И дѣйствительно, есть извѣстіе, что Діонисій былъ поставленъ въ это время владыкой Іоанномъ въ Юрьевскіе архимандриты [2]). Съ другой стороны, рядомъ съ іерархическимъ возвышеніемъ поднялось и внутреннее значеніе Новгородскаго владыки. Вторая половина XII столѣтія была эпохой, памятною въ новгородской исторіи. Это было время самой опасной борьбы Великаго Новгорода за свою самобытность, время нашествія на Новгородъ страшной рати, собранной Андреемъ Суздальскимъ въ союзѣ чуть не со всѣми Русскими князьями. И въ этой-то важной для Новгородцевъ борьбѣ владыка Іоаннъ стоялъ явно на сторонѣ своихъ согражданъ, явился такъ сказать, духовнымъ защитникомъ мѣстной новгородской самобытности. Оттого личность его сдѣлалась эпическою, дошла до насъ въ лучахъ поэтической прелести. Благодаря духовной силѣ его молитвы, совершилось извѣстное чудо Знаменской Божіей

хотя добра, зависть въложи людьмъ на архіепископу Митрофана съ князьмъ Мьстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопьць».

[1]) П. С. Р. Л., III, 13, 1165 г.: «ходи игуменъ Діонисій съ любовью въ Русь и повелѣно бысть владыцѣ архіепископьство митрополитомъ». Ср. съ этимъ баснословіе, сообщаемое Татищевымъ въ Росс. Ист., III, 145, 6663 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 180, вар.: «а Юрьевскій игуменъ Діонисій поставленъ бысть во архимандриты Іоанномъ архіепископомъ».

Матери, обратившее оружіе Суздальцевъ противъ нихъ же самихъ и тѣмъ положившее конецъ всѣмъ ихъ замысламъ, — событіе, служившее въ дальнѣйшей новгородской исторіи живительнымъ воспоминаніемъ о древней славѣ, вѣковѣчнымъ свидѣтельствомъ небеснаго благоволенія къ Великому Новгороду. А такъ какъ совершенію этого чуда владыка Іоаннъ содѣйствовалъ не только въ качествѣ богоугоднаго человѣка, какимъ онъ былъ извѣстенъ въ Новгородѣ, но также и въ качествѣ главы церкви, то понятно, что слава Іоанна переносилась вмѣстѣ съ тѣмъ и на владычній санъ и такимъ образомъ положила одинъ изъ первыхъ камней въ основаніе того высокаго значенія, которымъ пользовался владыка въ послѣдующее время Новгородской жизни.

II.

Устройство Новгородской церкви въ XIII вѣкѣ.

Въ древней Руси церковь вообще стояла въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ гражданской жизни и пользовалась въ немъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ. Но нигдѣ связь эта не была столь тѣсною и значеніе церкви столь могущественнымъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ. Причины такого явленія скрываются въ характерѣ самаго новгородскаго быта. Чѣмъ слабѣе было политическое сознаніе Новгородцевъ, чѣмъ менѣе юридической опредѣленности представляло новгородское политическое устройство, тѣмъ болѣе оно нуждалось въ содѣйствіи со стороны общественныхъ силъ. А единственною общественною силою въ Новгородѣ, способною къ дѣятельности, и была именно церковь, и потому не удивительно, что вмѣшательство ея въ гражданскую жизнь мы видимъ повсюду, гдѣ только въ немъ чувствовалась необходимость. Сообразно съ двоякимъ значеніемъ церкви, какъ нравственнаго авторитета и какъ матеріальной силы, и это вмѣшательство отличалось частію нравственнымъ, частію же матеріальнымъ характеромъ. Прежде всего паденіе княжеской власти въ Новгородѣ сдѣлало этотъ богатый городъ господиномъ, государемъ обширной земли; а между тѣмъ сознаніе Новгородцевъ о государствѣ было еще слишкомъ шаткимъ, чтобъ оно само по себѣ могло

сдѣлать ихъ способными нести выпавшее на ихъ долю бремя и препятствовать ползти врознь отдѣльнымъ частямъ Новгородской области. Въ этомъ затруднительномъ положеніи какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь церковь и восполнила недостатокъ политическаго сознанія Новгородцевъ религіозною идеей о связи Великаго Новгорода съ его патрональною святыней, съ храмомъ св. Софіи, Премудрости Божіей. Подъ вліяніемъ этого представленія Великій Новгородъ со всѣми его пригородами и волостями сталъ въ глазахъ Новгородцевъ какъ бы отчиною св. Софіи. Съ св. Софіей тѣсно связывалось у Новгородцевъ самое понятіе объ отечествѣ: вмѣсто того чтобы говорить: умремъ за отечество, за родину, Новгородцы восклицали: положимъ головы или изомремъ честно за св. Софію [1]). Подобнымъ образомъ, на обладаніи этою святыней Новгородцы основывали и свои притязанія на господство надъ всѣми своими пригородами и волостями, потерявшими уже значительную долю уваженія къ правамъ Новгорода, которыя вытекали изъ простаго старѣйшинства. Новгородскія владѣнія были прежде всего пригороды и волости св. Софіи и только затѣмъ уже Великаго Новгорода [2]). Любопытнымъ поясненіемъ этой связи новгородскаго владычества съ св. Софіей служатъ слова, сказанныя въ 1215 году, очевидно—отъ лица Новгородцевъ, Мстиславомъ Удалымъ въ отвѣтъ на притязанія князя Ярослава управлять Новгородомъ изъ Торжка. „Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ—Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ“ [3]). Но, сливая понятія о Новгородѣ съ понятіемъ о св. Софіи, Новгородцы естественно ставили самую судьбу перваго подъ особенное покровительство послѣдней. Покрову св. Софіи Новгородцы приписывали отвращеніе отъ себя всѣхъ несчастій; ея „стояніемъ“ или заступничествомъ объясняли они всѣ свои успѣшныя дѣйствія и под-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 62, 1270 г.: «Новгородци же послаша къ нему Лазоря Моисіевича: княже, сдумалъ еси на св. Софію; поѣди, ать изъмремъ честно за св. Софію»... Тамъ же, 71, Н. 1315 г.: «Не выдаемъ Аѳанасья, но изомремъ вси честно за св. Софью». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «или пакы изнаидемъ свою отчину къ св. Софіи и къ Великому Новугороду, пакы ли свои головы положимъ за св. Софію и за своего господина за Великіи Новъгородъ»...

[2]) П. С. Р. Л. III, 98, 1398 г.: «и цѣловаша крестъ за единъ братъ како имъ св. Софѣи и Великого Новагорода пригородовъ и волостей поискати». Тамъ же, III, 99, 1398 г.: «благослови, господине отче владыко, поискать св. Софіи пригородовъ и волостей»...

[3]) П. С. Р. Л., III, 33, 1215.

виги и потому искали ея благословенія при начатіи каждаго важнаго дѣла [1]).

Еще болѣе обширное поприще для вліянія церкви на гражданскую жизнь открывали слабыя стороны Новгородскаго общественнаго устройства. Какъ извѣстно, органомъ народной воли въ Новгородѣ было народное собраніе, вѣче. Но вѣчевая дѣятельность отличалась тамъ такою неопредѣленностью, что открывала полнѣйшій просторъ для частнаго произвола. Всякая случайная сходка людей, коль скоро только она была довольно многочисленна, смотрѣла на себя, какъ на самодержавное вѣче, постановляла рѣшенія и тотчасъ же приводила ихъ въ исполненіе. Однако пока княжеская власть пользовалась въ Новгородѣ еще остатками своего первоначальнаго значенія, она служила нѣкоторымъ противовѣсомъ этой частной управѣ [2]). Но когда съ введеніемъ, въ половинѣ XIII столѣтія, обычая управлять Новгородомъ вмѣсто князей посредствомъ великокняжескихъ намѣстниковъ, княжеская власть тамъ окончательно упала, естественно явилась потребность въ другой силѣ, которая возмѣстила бы въ общественной жизни потерянную опору. Силой этою является церковь или ея представитель, Новгородскій владыка. Съ этого времени, для того чтобы вѣчевое постановленіе имѣло въ глазахъ Новгородцевъ полное значеніе, стало необходимымъ, чтобъ оно сопровожалось „Новгородскимъ словомъ", и какъ торжественнымъ выраженіемъ этого слова, благословеніемъ владыки. Благословеніе владыки являлось такимъ образомъ въ Новгородѣ не простымъ свидѣтельствомъ религіознаго настроенія общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ факторомъ общественной жизни. Въ особенности содѣйствіе этого фактора было важно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ Новгородцевъ требовалось полное единодушіе. Когда въ 1398 году Новгороду приходилось отстаивать отъ великаго князя Василія свои Двинскія владѣнія, то Новгородцы, какъ бы не полагаясь на силу одного собственнаго рѣшенія положить головы за св. Софію, сочли необходимымъ торжественно скрѣпить его

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 74, 1327 г.: «приде рать Татарьская... и просто рещи всю землю Русьскую положиша пусту, толко Новъгородъ ублюде Богъ и св. Софья». Тамъ же, III, 53, 1240 г.: «князь же Олександръ не умедли нимало, съ Новгородци и съ Ладожаны приде на ня (Свѣевъ) и побѣди я силою св. Софья».. Тамъ же, III, 49, 1234 г.

[2]) Русск. Лив. Акты, стр. 57, 1331 г.: «darna quam des konighes rechter egn unn sloch de Rusien ut deme hove».

санкціей владыки, били послѣднему объ этомъ челомъ и выступили въ походъ только по полученіи требуемаго благословенія [1]). Но и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ всѣ важнѣйшіе акты вѣчевой дѣятельности необходимо требовали санкціи владыки. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что, начиная съ XIV столѣтія, большая часть Новгородскихъ договорныхъ и уставныхъ грамотъ многозначительно начинается благословеніемъ владыки и въ концѣ скрѣплена его пастырскою печатью. Было бы, конечно, несправедливо приписывать вѣчевымъ рѣшеніямъ, скрѣпленнымъ владыческою санкціей, безусловную силу. Напротивъ, и послѣ введенія такого порядка въ Новгородѣ нерѣдко находились люди, отваживавшіеся дѣйствовать прямо вопреки опредѣленію вѣча и указанію владыки. Лука Варѳоломеевъ, напримѣръ, вопреки опредѣленію всего Новгорода собралъ въ 1342 году шайку приверженцевъ, пошелъ на Двину и взялъ на щитъ всю Заволоцкую землю [2]). Но важно уже то, что глазамъ большинства Новгородцевъ подобныя дѣйствія представлялись яснымъ произволомъ и не вызывали съ его стороны никакого подражанія. Такъ, когда въ 1406 году Псковичи просили прибывшихъ къ нимъ на помощь Новгородцевъ ударить на Литву, тѣ отвѣчали, что владыко не благословилъ, а Великій Новгородъ не указалъ идти имъ на Литву, но что они готовы помочь Псковичамъ противъ Нѣмцевъ [3]).

Была еще другая сторона въ вѣчевой дѣятельности Великаго Новгорода, которая дѣлала необходимымъ пастырское вмѣшательство. Мы разумѣемъ именно борьбу вѣчевыхъ партій. Такъ какъ способъ составленія вѣчевыхъ рѣшеній основывался не на большинствѣ, а на единогласіи, то междоусобная борьба лежала въ принципѣ самаго новгородскаго устройства. Коль скоро только при такомъ условіи на вѣчѣ возникало

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 98—99, 1398 г.: «Новогородци рекоша своему господину владыцѣ... и биша челомъ... благослови, господине отче владыко, поискати св. Софіи пригородовъ и волостей... и владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей и воеводъ Новгородскихъ и всѣхъ вои».

[2]) П. С. Р. Л., III, 81, 1342 г.: «Лука Варѳоломеевъ, не послушавъ Новагорода и митрополича благословенія и владычня, скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ, и поиде за Волокъ на Двину... и взя всю землю Заволотскую... на щитъ».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 197, 1406: «и весь Псковъ биша челомъ Новгородскимъ воеводамъ: «поѣдите, господа, съ нами на Литву мстити крове крестьяньскыя»; они же отвѣщаше тако: «насъ владыко не благословилъ ити на Литву, а Новгородъ намъ не указалъ; но идемъ съ вами на Нѣмци».

разногласіе, и каждая партія, чувствуя за собою нѣкоторую силу, считала возможнымъ отстаивать свое мнѣніе до конца, то вопросъ могъ быть рѣшенъ только вооруженною борьбой. Такъ оно въ дѣйствительности нерѣдко и случалось, и если открывавшіяся вслѣдствіе вѣчевой розни усобицы и не доходили по большей части до своихъ крайнихъ послѣдствій, то только благодаря примирительному вмѣшательству церкви, которое являлось тутъ во всемъ его ослѣпительномъ блескѣ. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда раздоръ между частями, составлявшими вѣче, доходилъ до того, что дѣлались безсильными всѣ внушенія разума, когда между соперниками открывались частыя мелкія столкновенія, стоившія жизни не одному изъ горожанъ, когда наконецъ враждебныя партіи, отожествлявшіяся мало по малу, сообразно съ развитіемъ борьбы, съ двумя сторонами, на которыя раздѣлялся городъ, съ оружіемъ въ рукахъ становились другъ противъ друга, готовыя ежечасно перейдти въ жестокую свалку,—въ то время въ лагерѣ враждующихъ или же на мосту, раздѣлявшемъ противниковъ, появлялся вдругъ Новгородскій владыка, окруженный соборомъ новгородскаго духовенства, въ священномъ облаченіи и съ крестами; а иногда, когда владыка былъ еще только нареченнымъ,—даже въ сопровожденіи стараго епископа, вызваннаго изъ монастыря, и начиналъ благословлять обѣ стороны и увѣщевать ихъ разойдтись [1]). И какъ сильно ни было бы раздраженіе между новгородскими партіями, голосъ пастыря, внушавшій своимъ духовнымъ дѣтямъ, что усобица станетъ только причиною запустѣнія города и источникомъ похвалы поганыхъ, въ такихъ случаяхъ никогда не оставался безъ дѣйствія: противники немедленно вступали въ переговоры съ владыкой и благодаря его содѣйствію и наставленіямъ, если и не примирялись вполнѣ, то по крайней мѣрѣ расходились по домамъ безъ свалки. Умѣнье достигнуть подобнаго результата, или какъ тогда выражались, „установить порады“, сами Новгородцы вмѣняли въ особенную заслугу своихъ пастырей. Какъ ни высоко цѣнилось ихъ значеніе, какъ учителей, дѣйствующихъ на своихъ духовныхъ дѣтей то словомъ, то обличеніемъ или запрещеніемъ, тѣмъ не менѣе роль миротворцевъ, водворяющихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 87, 1359 г.: «и прiиде владыка Моисеи изъ манастыря, а Олексѣи, поимя съ собою и архимандрита и игумени, и благослови ихъ (враждующихъ), рекъ имъ: дѣти! не доспѣите себѣ брани, а поганымъ похвалы, а св. церквамъ и мѣсту сему пустоты, не съступаитеся на бои и прiяша слово его и разидошася».

крестомъ согласіе между согражданами, была цѣнима Новгородцами въ своихъ владыкахъ выше всего [1]).

Вѣчевая рознь не всегда однако разрѣшалась открытымъ междоусобіемъ. Усобица вообще предполагаетъ нѣкоторое равенство силъ противниковъ, а такое равенство не всегда существовало, и очень часто слабѣйшая сторона, не расчитывая на успѣхъ, сама уже заранѣе отказывалась отъ всякаго дѣятельнаго отпора. Но при возбужденіи страстей и въ этихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ вопіющихъ насилій. Раздраженная противодѣйствіемъ своихъ соперниковъ, торжествующая сторона была не въ состояніи обуздывать свой гнѣвъ и нерѣдко подвергала своему преслѣдованію если и не всю массу своихъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ лицъ, которыя въ ея средѣ играли выдающуюся роль, не отступая при этомъ ни предъ какими средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ положеніе преслѣдуемыхъ было бы совершенно безвыходнымъ, еслибы церковь и тутъ не являлась со своимъ спасительнымъ покровомъ и не давала бы въ своихъ храмахъ пріюта какъ для собственности, такъ и для личности гонимыхъ. Такъ какъ собственность больше всего подвергалась опасности въ случаѣ вражды, то болѣе предусмотрительные граждане держали даже обыкновенно свое имущество постоянно въ церквахъ, гдѣ для этого нарочно устраивались особыя подцерковныя палаты; остальные же прибѣгали къ этой мѣрѣ только тогда, когда имъ уже начинала грозить дѣйствительная опасность [2]). Къ концу независимаго существованія Новгорода эта мѣра оказывалась уже не вполнѣ надежною: побѣдители тогда уже не останавливались и предъ святостью церквей и подвергали обыску и эти послѣднія. Но долгое время однако защита, оказываемая церквами, была совершенно достаточною, и вторженіе въ храмы съ цѣлію похищенія частныхъ имуществъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 108, 1418 г.: «слышавъ же владыка Симеонъ усобную распь промежи своими дѣтьми... повелѣ предстоящимъ събрати съборъ свои... иде на мостъ... Услышавъ же она страна пришествіе святителево, и пріиде пос. Ѳеодоръ Тимоѳеевичь съ иными посадники и съ тысячьскыми поклонитися владыцѣ; владное послуша моленіа ихъ, посла архим. Варлама, и отца своего духовного, и протодіакона, на Ярославль дворъ, да подадуть благословеніе степенному посаднику... и тысяцкому... да идуть въ домы своя — и разидошася»... Ср. П. С. Р. Л., IV, 118, 1418 г. Тамъ же, III, 82, 1342.

[2]) П. С. Р. Л., III, 137, 1418 г.: «и отъ лютыя брани и усобнаго губительства начаша животы свои носити въ церковь».

являлось въ глазахъ большинства оскорбленіемъ святыни [1]). Подобно собственности, церковь представляла въ своихъ храмахъ убѣжище и для личности гонимыхъ. Застигнутые грозою, Новгородцы спѣшили спасаться отъ ярости противниковъ бѣгствомъ въ первый ближайшій храмъ: но въ видахъ большей безопасности, они предпочитали направляться преимущественно на владычній дворъ, то-есть, къ св. Софіи [2]). Не всегда, конечно, бѣгство на владычній дворъ спасало несчастныхъ отъ мести народной; но крайней мѣрѣ мы знаемъ примѣры, когда народная казнь разражалась на самомъ владычнемъ дворѣ: очевидно, надъ лицами, искавшими у владыки пріюта въ своемъ „безвременьи“ [3]). Но тѣмъ не менѣе бывали случаи, когда заступничество владыки спасало несчастныхъ. Такъ, когда въ 1287 году Новгородцы, по замѣчанію лѣтописца, „безъ исправы“, то-есть, безъ разбора дѣла возстали на бывшаго посадника Семена Михаиловича, то послѣдній былъ скрытъ владыкою въ храмѣ св. Софіи, продержанъ тамъ до слѣдующаго дня и тѣмъ избавленъ отъ вѣрной смерти, такъ какъ въ теченіе ночи всѣ страсти уже улеглись совершенно [4]).

Независимо отъ регулированія вѣчевой дѣятельности, владыка имѣлъ въ Новгородѣ большое значеніе и какъ исполнительный органъ. Исполнительная власть вообще не отличалась въ Новгородѣ надлежащимъ развитіемъ и всего менѣе могла обходиться безъ содѣйствія посторонних силъ. Въ особенности замѣчаніе это справедливо по отношенію къ внѣшнимъ дѣламъ. Съ паденіемъ княжеской власти, Новгородцы совсѣмъ лишились органа, который могъ бы служить ихъ представителемъ въ отношеніи къ сосѣдямъ. Не мудрено поэтому, что и тутъ пришлось прибѣгнуть къ помощи Новгородскаго

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 126, 1447 г.: «онъ же оговори 18 человѣкъ и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ, а преже того по церквамъ не искивали». Тамъ же, IV, 117, 1418 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 61, 1270 г., «начаша изгонити кн. Ярослава изъ города и съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а иніи вбѣгоша въ Николу святыи»...

[3]) П. С. Р. Л., III, 65, 1290 г.: «убиша Самоила Ратьшинича на владычьнѣ дворѣ». Тамъ же, VI, 206, 1477 г.: «а потомъ и того Овина убиша, и брата его Кузму, у владыки на дворѣ».

[4]) П. С. Р. Л., III, 65, 1287 г.: «бысть мятежь великъ въ Новѣгородѣ на Семена Михаиловича; въста на него весь Новъгородъ, бѣ неправы... а Сменъ прибѣжа къ владыцѣ, и владыка проводи и св. Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра свидошась въ любовь».

владыки, какъ единственнаго въ обществѣ авторитетнаго дѣятеля. И дѣйствительно, представительство Новгорода предъ сосѣдями вскорѣ стало одною изъ обязанностей владыки и въ случаѣ какихъ-либо дѣлъ или недоразумѣній съ Новгородомъ всѣ сосѣди, какъ иноземцы, такъ и свои соплеменники, начали обращаться или прямо къ вѣчу, или же къ Новгородскому владыкѣ, минуя совсѣмъ великокняжескаго намѣстника [1]). Обязанность эта ложилась на владыку тѣмъ полнѣе, что дѣло шло тутъ не просто объ одномъ почетномъ представительствѣ Новгорода, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто и объ исполненіи епископомъ или подчиненнымъ ему духовенствомъ и всѣхъ вытекавшихъ изъ него сношеній съ сосѣдями. Оно и понятно. Сношенія съ сосѣдями очень часто сопровождались договорами, и потому необходимо требовалось, чтобъ они велись не иначе, какъ людьми грамотными: а знаніе грамотности составляло въ древней Руси непремѣнную обязанность только одного духовенства, остальное же народонаселеніе обладало этимъ качествомъ только случайно. Кромѣ того, при исполненіи своихъ обязанностей послы подвергались въ древности нерѣдко насиліямъ. Къ концу своего независимаго существованія, Новгородцы старались устранить это зло тѣмъ, что ставили судьбу пословъ подъ охрану договоровъ. Въ условія послѣднихъ они заносили статьи, гарантировавшія пословъ отъ произвольнаго задержанія на чужбинѣ [2]). Но въ древнѣйшее время эта цѣль достигалась тѣмъ, что посольства составлялись изъ такихъ лицъ, которыя уже однимъ своимъ саномъ внушали извѣстное уваженіе, а именно изъ представителей духовенства, изъ епископовъ, архимандритовъ и священниковъ. Такъ было во всѣхъ краяхъ Руси. Смоленскій князь, отправляя въ 1224 году пословъ въ Ригу для заключенія торговаго договора, конечно, не случайно выбралъ для этой цѣли попа Іеремію. Во Псковѣ веденіе сношеній съ сосѣдями также поручалось обыкновенно представителямъ мѣстнаго „божія священства“ [3]). Это общее

[1]) П. С. Р. Л., VI, 204, 1476 г.: «И князь велики пожаловалъ, богомольцу своему архіеп. Ѳеофилу и отчинѣ своей Новугороду перемирія взяти велѣлъ съ ними (Шведами) по старинѣ»... Тамъ же, III, 97, 1397 г.: «приходиша послове Псковъскіи... и биша челомъ господину архіеп. Великаго Новагорода владыцѣ Іоанну... чтобы господинъ нашъ Великій Новъградъ нелюбья отдалъ, а насъ бы пріялъ въ старину».

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 28, № 20, 1471 г.: «А про послы и про купци Новгородские, тѣхъ вамъ не пріимати». Тамъ же, I, 4, № 3, 1270.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 184, 1391.

древней Руси явленіе имѣло мѣсто и въ Великомъ Новгородѣ: и тамъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, въ челѣ посольства, составленнаго изъ депутатовъ вѣча, являлся или самъ владыка, или же какое-либо другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства [1]).

Подобно участію въ вѣчевой жизни, и во внѣшнихъ сношеніяхъ роль владыки носила примирительный характеръ. Вѣрный своему религіозному званію, Новгородскій владыка обращалъ свои заботы главнымъ образомъ на поддержаніе добрыхъ отношеній съ сосѣдями. И старанія его не пропадали даромъ. Сколько можно судить по отношеніямъ Новгорода къ своему младшему брату Пскову, внушенія владыки, подкрѣпленныя какими-либо религіозными представленіями, въ родѣ мысли о предстоящей близко кончинѣ міра, находили у заинтересованныхъ сторонъ довольно благосклонный пріемъ и не мало содѣйствовали установленію между ними дружественныхъ связей [2]). Въ особенности же примирительная роль владыки получала важное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда Великій Новгородъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Владыки являлись въ то время не простыми представителями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ходатаями за свою родину, и притомъ такими, ходатайство которыхъ, благодаря богоугодной жизни многихъ пастырей, выслушивалось съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ просьбы простыхъ мірянъ. Въ самомъ дѣлѣ, новгородская исторія не лишена примѣровъ, показывающихъ, что предстательство владыкъ сопровождалось иногда для Новгородцевъ благими послѣдствіями, что благодаря ему, великіе князья восточной Руси нерѣдко дѣлали уступки въ своихъ требованіяхъ отъ Великаго Новгорода. Такъ извѣстно, что владыка Нифонтъ хотя и не смогъ склонить въ 1148 году Юрія Долгорукаго къ миру съ Новгородомъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 91, 1380 г.: «Биша челомъ весь Новъгородъ... владыкѣ Алексѣю: чтобы еси, господине, ялъся ѣхати къ в. кн. Дмитрею Ивановичу и владыка прія челобитіе своихъ дѣтей»... Тамъ же, IV, 79, 1339 г.: «послаша Новгородци Кузму Твердиславля и Олександра Борисовича съ другы, а отъ владыкы сестричича его Матвея за море, къ Свейскому королю, посольствомъ»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 97, 1397 г.: «и владыко Іоаннъ благослови Великій Новъградъ дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братію молодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бы сте за единъ братъ въ христіянствѣ... и весь Великій Новградъ благословеніе владыки Іоанна пріяли, а отъ Псковичь нелюби отложили»... Тамъ же, IV, 208, 1434.

тѣмъ не менѣе вслѣдствіе благорасположенія, которымъ пользовался въ Суздалѣ, успѣлъ-таки добиться освобожденія изъ плѣна Новгородцевъ и всѣхъ новгородскихъ купцовъ. Подобнымъ образомъ владыкѣ Ѳеофилу удалось побудить Ивана III къ нѣкоторому хотя и не особенно значительному уменьшенію контрибуціи, наложенной на Великій Новгородъ послѣ борьбы 1471 года [1]). Легенда сообщаетъ даже, что якобы только вслѣдствіе просьбъ архіепископа Іоны Отенскаго, великій князь Василій II отмѣнилъ ударъ, который онъ предполагалъ нанести самобытности вольнаго города. По ея разказу, въ бытность владыки Іоны въ Москвѣ, Василій II въ присутствіи митрополита жаловался представителю Новгорода на пренебреженіе его духовныхъ дѣтей къ своему великому князю, и прійдя въ раздраженіе, сталъ было уже грозить ему поднятіемъ руки на его родину. Но святитель успѣлъ обезоружить великаго князя, обѣщавъ ему, въ случаѣ снисхожденія къ своимъ согражданамъ, испросить его сыну у Бога не только торжество надъ всѣми его врагами и укрѣпленіе въ рукѣ его русскихъ хоругвей, но и свободу отъ ига Ордынскихъ царей [2]).

Не менѣе благотворнымъ было посредничество Новгородскаго владыки въ сношеніяхъ съ иноземцами, которые хотя и жили въ Великомъ Новгородѣ, но составляли тамъ какъ бы государство въ государствѣ. Мы разумѣемъ именно ганзейскихъ купцовъ. Въ бурное время среднихъ вѣковъ положеніе иноземцевъ на чужбинѣ было крайне незавиднымъ и не обходилось безъ самыхъ вопіющихъ нарушеній права гостепріимства. Новгородъ не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія и въ обращеніи своемъ съ иноземнымъ купечествомъ далеко не всегда удерживался отъ несправедливостей. Поэтому, если мы знаемъ, что Нѣмцы питали особенное расположеніе къ Новгородскимъ епископамъ и величали, напримѣръ, владыку Евѳимія I „добрымъ покровителемъ и защитникомъ нѣмецкаго купечества“, то источники этого расположенія мы должны искать не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ вниманіи, которое Новгородскій владыка удѣлялъ спра-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 10, 1148 г.: «ходи архіеп. Нифонтъ Суждалю, мира дѣля, къ Гюргиви, и пріятъ и съ любовью Гюрги... и Новоторжьцѣ всѣ выправи и гость весь цѣлъ... но мира не дасть». Тамъ же, IV, 242, 1471 г.: «а еще сверхъ того на нихъ 17 тысящь рублевъ копейного прикончалъ, ино владычня ради челобитья тысячу отдалъ, а 16 тысящь то вся Новгородцемъ отправити къ своему государю»... Ср. А. А. Э., I, 65, № 90, 1471 г.

[2]) Пам. Стар. Русск. Лит., IV, 32.

ведливымъ требованіямъ нѣмецкихъ гостей [1]). Дѣйствительно, Новгородскій владыка имѣлъ много путей быть полезнымъ для иноземнаго купечества. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ совѣтѣ, который собирался въ его комнатахъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, касавшимся купечества, и, конечно, пользовался въ немъ своимъ вліяніемъ не въ ущербъ послѣднему [2]). Затѣмъ, въ качествѣ представителя Новгорода предъ иноземцами, онъ доставлялъ нѣмецкимъ гостямъ, встрѣтившимъ какое-либо затрудненіе или несправедливость на его родинѣ, скорѣйшій доступъ къ новгородскимъ властямъ посредствомъ своихъ приставовъ. Такъ, когда въ 1375 г. имущество одного нѣмецкаго гостя было захвачено при содѣйствіи правительственныхъ (посадника и тысячскаго) приставовъ Новгородцемъ Максимомъ Аввакумовымъ, и самъ купецъ былъ брошенъ въ ладью и подвергся тамъ побоямъ, какъ злодѣй, то нѣмецкое купечество тотчасъ же обратилось къ владыкѣ съ жалобою на дурное обращеніе, и владыка, принялъ въ немъ участіе, далъ ему своего пристава къ посаднику и тѣмъ побудилъ послѣдняго къ наряженію немедленнаго разбора дѣла [3]). Подобнымъ образомъ, когда въ 1412 (?) году нѣмецкій гость былъ схваченъ однимъ Новгородцемъ и посаженъ въ погребъ, то товарищи хлопотали о немъ не только у тысячскаго, но и у владыки, и этимъ путемъ добились того, что задержанный былъ отданъ на поруки [4]). Наконецъ, Новгородскій владыка съ его подчиненнымъ духовенствомъ служилъ обыкновенно довѣреннымъ лицомъ иноземнаго купечества въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднему во время

---

[1]) *Baltische Monatschrift*, XX, 138. Письмо Дерпта къ Ревелю отъ января 1430 г. о незадолго предъ тѣмъ умершемъ Новгородскомъ епископѣ говоритъ: «de een god vorheger unde beschermer des Dudsschen coepmannes is gewesen».

[2]) *Bunge*, Urkundenbuch, IV, 531, 1406.

[3]) *Bunge*, U.—B., III, 298, 1375 г. «Des quam Maxime Obakenen cumpan mit II prestaven, de hadde em geven de hertoge und de borch greve, und nam Iohannes Brunswikes gud und siner geselscap mit gewelde und mit macht, und vorden ene ane sinen dank in de lodien und slogen ene und stoten ene als enen misdedere... Do dat geschen was des morgens vro, do genge wi also vort vor den biscop van Nowerden, dem klagede wi, wo ovele men uns hondelte ynd deme was is let, und gaf uns sinen prestaven vort mede an den borchgreuen. De antworde uns also: he wolde beboden de heren und se wolden sik bespreken».

[4]) *Bunge*, U.—B., IV, 815, 1412 (?) г.: «Dit vorvolget wi, also wi beste konden, erst vor deme hertoge. darna vor deme bischope, vor deme borchgreve and vor alle Novgarden»... См. еще *Гильдебранда* Отчеты о розысканіяхъ въ рижскихъ и ревельскихъ архивахъ, С.-Пб. 1877, стр. 35, № 58, 1425 г.

недоразумѣній приходилось оставлять совсѣмъ Великій Новгородъ. Нѣмецкіе гости имѣли въ Новгородѣ извѣстную осѣдлость, которую нельзя было перевозить каждый разъ туда и обратно. Ничего поэтому не оставалось, какъ поручить попеченіе о ней тому лицу, которое пользовалось въ Новгородѣ большимъ авторитетомъ, и въ которомъ нельзя было предполагать никакихъ корыстныхъ наклонностей. Оно такъ на самомъ дѣлѣ и случилось, и нѣмецкіе гости при каждомъ оставленіи Новгорода вручали обыкновенно одни изъ запечатанныхъ ключей отъ варяжской церкви, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ иноземнаго имущества, въ руки владыки, который и сохранялъ ихъ до перваго востребованія [1]). Бывали впрочемъ случаи, что владыка отказывался принять на сохраненіе предлагаемые ему ключи; но кажется, это имѣло мѣсто только во времена крайняго раздора между Нѣмцами и Великимъ Новгородомъ [2]).

Наравнѣ съ внѣшнею, владыка имѣлъ значеніе исполнительнаго органа и во внутренней жизни Великаго Новгорода. Въ особенности это должно быть сказано о торговой дѣятельности послѣдняго. Какъ извѣстно, въ Византіи уже со времени Юстиніана и даже еще раньше обнаруживается вмѣшательство епископовъ въ управленіе городскимъ имуществомъ и въ городскую администрацію [3]). Такъ, между прочимъ епископы пріобрѣли себѣ тамъ право участія при выборѣ смотрителей за лѣсами, равно какъ и право самаго надзора за сохраненіемъ орудій мѣры, которыя положено было содержать въ церквахъ [4]). Обычаи византійской жизни не прошли безслѣдно и для древней Руси, и здѣсь подъ ихъ вліяніемъ епископы получили въ свое вѣдѣніе отдѣльную отрасль торговой жизни, обнимавшую наблюденіе за

---

[1]) Hans. Urb., 269, 1354 г.: «wan men untvaret, so scal men de slotele besegelen und don den enen deme bischope von Nougarden, den anderen deme abate van sunte Iuriane». *Bunge*, B.—U., IV, 604—605, 1408 (?) г.: «des is he wedder van dar (изъ Новгорода) gekommen und secht, wo dat de bischop nicht to hus en is... und dat he de Russchen bref, den wi em mede deden, an den bischop sprekende, antwarde (вручилъ) dem borchgreven und hertogen, und leet enen jungen man in sine stede deme borchgreve und hertoge seden, dat se em helpen wolden tom bischope, wanner he to hus queme, dat em de slotel tor kerken antwardet scholde warden umme dat bilde ut to nemende, und dem bischope de slotele wedder to adtwarde».

[2]) *Гильдебрандъ*, Отчеты о разысканіяхъ въ рижскомъ и ревельскомъ архивахъ, С.-Пб. 1877, стр. 47, № 207, 1443 г.

[3]) *Gieseler*, Lehrbuch der Kirchengeschichte. 1845, B. I, 2-te Abth., 1394.

[4]) *Неволинъ*, Пол. Собр. Соч., VI, 256.

орудіями вѣса и мѣръ и судъ по поводу возникавшихъ отсюда дѣлъ. Такъ Новгородскій владыка долженъ былъ ежегодно осматривать разныя орудія мѣры, и если замѣчалъ въ нихъ какую-либо порчу, то подвергалъ надсмотрщиковъ денежному штрафу. Доходы, получавшіеся этимъ путемъ, распредѣлялись на три части: одна изъ нихъ шла въ казну св. Софіи, то-есть, владыкѣ, другая въ храмъ св. Іоанна Предтечи, въ притворѣ котораго сохранялись орудія мѣры, третья же сотскимъ, такъ какъ въ контролирующей дѣятельности владыки сотскіе были его непосредственными помощниками [1]).

Кромѣ торговой жизни, дѣятельность владыки замѣчается и въ судебной сферѣ. Мы говорили уже раньше, что церковь стремилась распространить свой судъ и на нѣкоторыя области жизни гражданской, и именно на дѣла семейныя. На сколько удалось ей осуществить эти стремленія на практикѣ, рѣшить довольно трудно. Несомнѣнно однако то, что независимо отъ семейныхъ дѣлъ, на которыя церковь изъявляла свои притязанія, какъ на область, исключительно ей принадлежащую, Новгородскій владыка имѣлъ, по примѣру Византіи, свою долю участія и въ общей судебной жизни Великаго Новгорода. Мы разумѣемъ именно посредническій судъ владыки. Какъ на одно изъ проявленій подобнаго суда, нужно смотрѣть на разборъ владыкой Алексѣемъ во второй половинѣ XIV столѣтія тяжебнаго дѣла Новгородца Астафія съ посадникомъ Александромъ, возникшаго, по всему вѣроятію, изъ того, что послѣдній предъявлялъ на Астафія претензію въ нѣкоторой суммѣ денегъ, данной тому собственно въ качествѣ платы за землю [2]). На этотъ же посредническій судъ владыки указываетъ, кажется, и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ рядныхъ грамотахъ Новгородцевъ между собою, закладъ, опредѣленный на случай неустойки, назначался

---

[1]) Повѣсть о начальѣ Печерск. мон., стр. 102: «И азъ всмотрѣхъ въ Фотія патріарха Цареградскаго грамоты... Аже стоитъ въ грамотѣ: торговая вся вѣсы, мѣрила, и скалвы вощаныя и пудъ медовый, и гривенка рублевая, и всякая известь иже на торгу промежъ людьми, отъ Бога тако установлено есть: епископу блюсти безъ накости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякій годъ взвѣшивати; а скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животъ его на трое: треть живота св. Софіи, а другая треть св. Іоанну, а третья треть соцкимъ и Новугороду».

[2]) А. Юр., стр. 430, XIV в.: «И была отцу моему (говоритъ Астафій въ завѣщаніи) говорка съ Александромъ предъ владыкою Олексѣемъ о томъ серебрѣ и отмолылся Александра отецъ мой».

отчасти и въ пользу Новгородскаго епископа [1]). Владыки даже, кажется, не довольствовались опредѣленною въ ихъ пользу частью, а хотѣли брать себѣ весь закладъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что къ концу независимаго существованія Новгорода, съ усиленіемъ своей власти, великіе князья стали требовать, чтобы заклады рядныхъ грамотъ дѣлились по ровну между ними и Новгородскими епископами [2]). Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что въ случахъ чрезвычайнаго княжескаго суда, примѣръ котораго являютъ намъ послѣдніе дни Великаго Новгорода, владыка сталъ на поруку людей, обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ и потому подлежавшихъ тяжелой отвѣтственности [3]).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только одно нравственное воздѣйствіе церкви на общую жизнь Великаго Новгорода; но не менѣе важно было и ея матеріальное вліяніе. Мы видѣли уже, что первоначальнымъ источникомъ содержанія церкви служила десятина изъ княжескихъ доходовъ, которая съ теченіемъ времени была отчасти замѣнена въ Новгородѣ опредѣленною ежегодною денежною суммою. Но десятина, дававшаяся князьями не иначе, какъ опредѣленнымъ церквамъ, обыкновенно епископскимъ, могла поэтому самому служить источникомъ содержанія церкви только въ самую первую пору церковной жизни, когда церквей было еще очень мало; когда же, съ распространеніемъ христіанства, число ихъ значительно увеличивалось, явилась потребность въ другихъ источникахъ содержанія. Подобнымъ образомъ и пошлины, взимаемыя церковью за производство суда и совершеніе другихъ церковныхъ дѣйствій, не могли служить общимъ источникомъ для содержанія церкви, такъ какъ онѣ поступали исключительно въ пользу духовныхъ властей, но никакъ не въ руки монастырей и низшаго духовенства. Такимъ образомъ, обезпеченіе дальнѣйшаго существованія церкви необ-

---

[1]) А. Юр., стр. 270: «А кто сія (рядъ по мнѣнію) порушитъ, дастъ князю и владыцѣ десять гривенъ золота». Тамъ же, стр. 270: «а кто сіи рядъ порушить, дасть судіѣ три тысячи бѣлъ».

[2]) А. А. Э., I, 43, № 58, 1456: «А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то велѣхомъ имати княземъ великимъ съ владыкою на виноватомъ отъ сего докончаніа».

[3]) П. С. Р. Л., VI, 203, 1476 г.: «а товарищевъ ихъ (главныхъ виновниковъ) всѣхъ велѣлъ князь велики своимъ приставомъ подавати на поруки на крѣпки, въ полуторѣ тысячѣ рублевъ вѣ истцевыхъ да въ своей винѣ безъ урока; и взялъ ихъ за себя архіепископъ».

ходимо требовало присоединенія еще какого-либо новаго источника церковныхъ доходовъ. Нетрудно догадаться, откуда могъ послѣдовать этотъ новый источникъ церковнаго содержанія. Въ эпоху натуральнаго хозяйства — а такою эпохой и является разсматриваемое время — главнѣйшимъ источникомъ всякаго богатства является земля. Землею платится даже въ это время правительственнымъ лицамъ за отправленіе службы. Понятно поэтому, что земля же должна была стать и подспорьемъ въ содержаніи церкви. Въ дѣйствительности случилось даже нѣчто гораздо большее. Поземельныя владѣнія, жертвуемыя частію правительствомъ для увеличенія церковныхъ доходовъ, частію простыми гражданами для помина души, равно какъ и пріобрѣтаемыя самою церковью при помощи купли, вскорѣ достигли у новгородскаго духовенства такого развитія, что далеко оставили за собою всѣ остальные источники содержанія церкви [1]). Въ особенно большомъ количествѣ земли скопилось въ рукахъ Новгородской владычней каѳедры. Извѣстныя подъ названіемъ владычины, земли эти встрѣчались во всѣхъ краяхъ Новгородской области—и во Псковѣ, и въ Торжкѣ, и въ Заволочьѣ; между ними были какъ простыя села, такъ и цѣлыя волости, и даже маленькіе городки [2]). Объ общемъ количествѣ ихъ мы легко составимъ себѣ приблизительное понятіе, если только вспомнимъ, что у Новгородскаго владыки были отписаны Иваномъ III въ 1478 году десять волостей, составлявшія 311 сохъ, и такъ какъ подъ сохой разумѣлся человѣкъ, пашущій на трехъ коняхъ или самъ третей, то предполагается земледѣльческое населеніе не менѣе какъ въ тысячу человѣкъ. А между тѣмъ, эти десять волостей не составляли даже и половины земель Новгородскаго владыки [3]).

Присоединеніе новаго источника церковныхъ доходовъ уже само по себѣ дѣлало Новгородскаго владыку однимъ изъ самыхъ могуще-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 61, 1352. А. И., I, 16, № 7, 1396—97 г.: «А что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло къ церкви Божьи, или купли, или кто далъ по души памяти дѣля, а въ то ни единъ христіанинъ не вступается». Тамъ же, I, 131, № 82, 1467 г.: «слышахъ, что которые люди православніи, отходя сего свѣта... писали свои грамоты духовныи, а подавали своя села и своя имѣнія... св. Софіи Божіи мудрости и по всѣмъ св. церквамъ и по монастыремъ». Тамъ же, I, 126, № 77, 1463 г.

[2]) С. Г. Г. и Д., I, 4, № 3, 1270 г.: «А село св. Софіи исправи къ св. Софіи». П. С. Р. Л., III, 99, 1398 г.: «поѣхавъ, господо, князь великого бояринъ... на св. Софіи волость на Вель»... Тамъ же, III, 101, 1401 г.: «горѣ владычьнь городокъ Мольватици».

[3]) П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г.

ственныхъ поземельныхъ собственниковъ Великаго Новгорода. Но это могущество еще увеличивалось пріобрѣтеніемъ тѣхъ правъ и привилегій, которыя вообще были свойственны землевладѣльцамъ Великаго Новгорода. Общее правило, опредѣлявшее въ Новгородѣ отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, гласило, что въ отсутствіи господаря или владѣльца земли княжескіе судьи не могли судить въ области подчиненныхъ первому людей, старостъ, половниковъ и холоповъ: судъ надъ ними долженъ былъ переноситься въ подобныхъ случахъ въ самый Новгородъ. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ это правило не распространялось на важнѣйшаго господаря, на Новгородскаго владыку [1]). Землевладѣльцы далѣе нерѣдко получали освобожденіе отъ всякаго вмѣшательства правительства въ судъ надъ ихъ крестьянами. Церковь не только раздѣляла съ другими землевладѣльцами эту привиллегію, но гораздо лучше ихъ умѣла выпрашивать у правительства подобныя льготы, вслѣдствіе чего члены духовенства въ большей части случаевъ пользовались и привиллегіей собственнаго суда надъ ихъ крестьянами со всѣми связанными съ нимъ доходами. Новгородскій владыка самъ не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія [2]). Къ чести Новгородскихъ епископовъ должно быть однако сказано, что пріобрѣтенное ими могущество не только не пропадало безслѣдно для Великаго Новгорода, но и служило для него существенною опорой. Великому Новгороду недоставало военныхъ силъ, и этотъ недостатокъ чувствовался тѣмъ осязательнѣе, чѣмъ болѣе съ движеніемъ исторической жизни впередъ въ Новгородцахъ падала старинная личная удаль. Церковь и тутъ не оставляла его безъ выручки. Конечно, Новгородскій владыка никогда не превращался, какъ это нерѣдко замѣчается на епископахъ запада, въ надменнаго феодала, у котораго въ одной рукѣ былъ посохъ, а въ другой мечъ; но тѣмъ не менѣе онъ выставлялъ отъ себя особенный полкъ, называвшійся владычнымъ стягомъ и руководившійся въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціями, данными владыкой. Значеніе этой помощи будетъ намъ совершенно яснымъ, если только мы вспомнимъ, что уклоненію владычнаго стяга отъ борьбы съ великимъ кня-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 7, № 6, 1305 г.: «а старостѣ, ни холопа, ни рабы: безъ господаря, твоимъ судиямъ не судити». Тамъ же, I, 14, № 10, 1307 г., «А холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ господаря, судити князю въ Новѣгородѣ»...

[2]) А. Зап. Р., I, 88, № 71, по 1479 г.

земъ Московскимъ Новгородцы приписывали свое пораженіе на Шелони въ 1471 году [1]).

Но Великій Новгородъ чувствовалъ недостатокъ не только въ военныхъ силахъ, но еще гораздо болѣе въ матеріальныхъ средствахъ. И въ этомъ затрудненіи его выручалъ опять-таки не кто иной, какъ Новгородскій владыка, располагавшій богатою казной, которая хранилась на полатяхъ св. Софіи и потому извѣстна подъ названіемъ Софійской. Правда, нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ г. Прилежаевъ, объясняютъ поддержку, которую оказывала Новгороду Софійская казна, тѣмъ, что якобы послѣдняя собственно была не болѣе, какъ только казной самаго Великаго Новгорода, что главнымъ источникомъ ея богатства служили избытки городской экономіи, которые Новгородъ препровождалъ въ руки владыки на сохраненіе. Г. Прилежаевъ утверждаетъ даже, что суммы, накоплявшіяся отъ такихъ вкладовъ и получавшія названія отъ имени тѣхъ владыкъ, при которыхъ онѣ образовались, какъ напримѣръ, „владычне Моисеево скопленіе“, „скопленіе владычне Алексѣево“, поступали въ полное безотчетное распоряженіе владыки наравнѣ съ тѣми доходами, которые шли въ Софійскую казну изъ собственныхъ церковныхъ источниковъ [2]). Въ замѣнъ контроля надъ владыкой въ его распоряженіяхъ городскими суммами, Великій Новгородъ оставлялъ за собою, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, только право обращаться къ Софійской казнѣ за пособіемъ въ случаѣ нужды [3]). Такое представленіе дѣла кажется намъ однако не только не согласнымъ съ характеромъ новгородскаго быта, но и совершенно лишеннымъ всякой фактической подкладки. Нечего уже говорить о томъ, что мы не знаемъ ничего объ избыткахъ городской экономіи, а тѣмъ болѣе о вкладахъ со стороны Новгорода въ Софійскую казну. Мы не имѣемъ даже никакихъ основаній предполагать существованіе послѣднихъ. Лѣтописныя свидѣтельства, приводимыя г. Прилежаевымъ въ пользу своего мнѣнія, указываютъ на совершенно противное. Выраженіе: владычне

[1]) П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.: «А коневая рать не пошла къ пѣшей рати на срокъ въ пособіе, занеже владычень стягъ не хотяху ударитися на княжую рать, глаголюще: «владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути, послалъ насъ владыка на Псковичь».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 64, 1861 г.: «А въ Новѣгородѣ поновиша городъ каменными, вземше серебро въ св. Софьи, владычня Моисѣева скопленія». Владычную каѳедру занималъ тогда уже преемникъ Моисея, Алексѣй.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* за іюль 1875 г., стр. 106—107.

Моисеево скопленіе, скопленіе владычне Алексѣево, показываютъ ясно, что тутъ идетъ рѣчь о владычныхъ капиталахъ, а отнюдь не о новгородскихъ; въ противномъ случаѣ слѣдовало бы ожидать выраженія: скопленіе Великаго Новгорода. Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторыя другія данныя. Еслибы капиталы Софійской казны были результатомъ сбереженія самаго Великаго Новгорода, то владыка, съ одной стороны, не имѣлъ бы никакого основанія называть „своими“ суммы, даваемыя въ пособіе вольному городу, какъ это прямо отмѣчается лѣтописью въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ни употреблять ихъ, съ другой стороны, на такія дѣла, которыя не имѣли съ Новгородомъ рѣшительно ничего общаго, какъ напримѣръ, на возведеніе костровъ или башенъ въ Псковѣ. А между тѣмъ подобныя траты со стороны владыки были не совсѣмъ безпримѣрны въ новгородской исторіи [1]).

Какъ бы то однако ни было, несомнѣнно одно, что при богатствѣ Софійской казны, Великій Новгородъ считалъ себя въ правѣ смотрѣть на нее какъ на казну общественную, и прибѣгалъ къ матеріальной помощи владыки при каждомъ затруднительномъ случаѣ. А эти затруднительные случаи наступали почти всегда, когда Новгородцамъ приходилось платить большую военную контрибуцію или же производить какую-либо общественную постройку. Намъ извѣстны два примѣра участія владыки въ уплатѣ контрибуціи, наложенной сосѣдями на Великій Новгородъ. Первый изъ нихъ относится къ 1386 году, когда изъ восьми тысячъ рублей контрибуціи владыкой были уплачены изъ своей казны три; а второй къ 1428 году, когда къ десяти тысячамъ, даннымъ Порховомъ и самимъ Новгородомъ, владыко прибавилъ еще отъ себя тысячу для выкупа плѣнныхъ [2]). Что же касается до произведенія общественныхъ построекъ, то содѣйствіе владыки было тутъ весьма разнообразнымъ и крайне характернымъ для новгородскаго быта. Прежде всего у Великаго Новгорода почти со-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 195, 1400 г.: «Пріѣхалъ владыко Иванъ въ Псковъ и и повелъ Захарьи поспѣшно наняти наймитовъ ставити костеръ подъ Псковою, а владыко свое серебро далъ».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «Новгородцы вземше съ полатей у св. Софѣи 3000 рублевъ, и послаша князю въ Ямна». Тамъ же, III, 110, 1428 г.: «и тогда пріѣзди владыка Еуѳимій къ Порхову съ послы Новгородъскыми и докончаша Витовту другую 5000 серебра, а шестую тысячу на полону». Тамъ же, V, 263, 1428 г.: «а шестую тысячу рублевъ владыка свою далъ за полонъ». Ср. П. С. Р. Л., III, 238, 1428 г.

всѣмъ не было собственныхъ зданій для своихъ общественныхъ учрежденій. Послѣднія помѣщались поэтому обыкновенно или при церквахъ, какъ это замѣчается на торговой управѣ, или же на владычномъ дворѣ. Такъ извѣстно, что въ комнатахъ владыки происходили какъ новгородскій судъ, такъ и совѣщаніе правительственныхъ лицъ [1]). Новгородъ, далѣе, не обладалъ совсѣмъ техническими средствами на тотъ случай, когда потребности его не могли быть удовлетворены церковью непосредственно, и когда, слѣдовательно, ему приходилось производить общественныя сооруженія самому. Напротивъ, Новгородскій владыка, какъ глава церкви, обязанный заботиться о постройкѣ храмовъ и въ особенности о приданіи благолѣпія св. Софіи, содержалъ для этой цѣли свои особенныя дружины мастеровъ и даже вызывалъ ихъ изъ другихъ краевъ древней Руси, а иногда еще и изъ нѣмецкихъ городовъ [2]). Неудивительно поэтому, что владыка былъ въ Новгородѣ чуть ли не постояннымъ распорядителемъ и даже производителемъ общественныхъ работъ. Въ большей части случаевъ участіе владыки въ постройкахъ ограничивалось однимъ руководствомъ надъ работами и обусловливалось предварительнымъ приглашеніемъ со стороны Новгородцевъ. Такъ, въ 1352 году владыка по просьбѣ Великаго Новгорода ѣздилъ въ Орѣховъ наряжать каменные костры, а въ 1400 г. положилъ основаніе въ Новгородѣ новой каменной крѣпости [3]). Но нерѣдко, особенно когда къ дѣлу примѣшивались благотворительныя побужденія, владыка производилъ общественныя сооруженія и по собственному почину, своими людьми и на свои средства. Такъ, одними собственными силами владыки были построены въ 1230 году скудельница для погребенія мертвыхъ во время свирѣпствовавшаго тогда мора, а въ 1338 г.—новый Волховскій мостъ [4]). На-

[1]) А. А. Э., I, 62, № 87, 1470—1471 г.: «А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ». Ср. тамъ же, I, 71, № 92, 1471; *Bunge*, U.—B., IV, 531, 1406 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 111, 1439 г.: «поставиі... владыко Еуѳемеи полату въ дворѣ у себе, а дверей у ней 30; а мастеры дѣлали нѣмецкіи, изъ заморіа, съ новгородскыми мастеры». Ср. тамъ же, III, 81, 1342 г.

[3]) П. С. Р. Л., III, 85, 1352 г.: «Добиша челомъ Новгородцы владыцѣ Василію: «чтобы еси, господине, ѣхалъ, наряднлъ костры во Орѣховѣ»—и онъ ѣхавъ нарядилъ». Тамъ же, II, 101, 1400 г.: «Заложи владыка Іоанъ городъ дѣтинецъ каменъ отъ св. Бориса и Глѣба».

[4]) П. С. Р. Л., III, 46, 1230 г. Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «дѣлаша мостъ новъ.... повелѣніемъ владыки Василія; самъ бо владыка приставъ тому и почалъ и кончалъ своими людьми, и много добра сотвори христіаномъ».

конецъ, даже въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда Великій Новгородъ не нуждался въ техническихъ средствахъ владыки, онъ все-таки не могъ обходиться по крайней мѣрѣ безъ денежнаго пособія со стороны св. Софіи. И софійская казна охотно ссужала его послѣдними. Такъ извѣстно, что въ 1361 году средства на постройку новаго каменнаго города были даны св. Софіей, а въ 1391 году софійская казна ссудила Новгородъ цѣлыми пятью тысячами рублей, которыя и были распредѣлены затѣмъ по городскимъ концамъ съ цѣлію сооруженія въ нихъ каменныхъ костровъ или башенъ [1]).

Положеніе, занятое церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія какъ на ея отношенія къ свѣтской власти, такъ отчасти даже и на ея внутреннее устройство. Церковь была въ Новгородѣ не только хранительницею религіознаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Поэтому было бы болѣе чѣмъ странно ожидать, чтобы пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы Новгородомъ въ церковной области въ половинѣ XII столѣтія, и которыя доставили церкви извѣстную степень самостоятельности, достались исключительно въ руки мѣстнаго духовенства, и чтобы мірская власть не захотѣла сама имѣть въ церковныхъ дѣлахъ свою долю вліянія. Въ дѣйствительности случилось даже нѣчто большее. Міръ успѣлъ не только пріобрѣсти вліяніе на дѣла церкви, но даже въ извѣстной степени и подчинить послѣднюю своей власти, присвоивъ себѣ право избранія главы мѣстной церкви, принадлежавшее прежде Кіевскому митрополиту. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ участія въ пользованіи этимъ правомъ ни мало не устранялись и представители мѣстнаго Новгородскаго духовенства, Софіяне или члены Софійскаго собора, игумены и рядовое священство; но во всякомъ случаѣ они выражали собою только одну изъ вліятельныхъ силъ, и притомъ далеко не самую рѣшительную [2]). Рѣшающій голосъ при избраніи Новгородскихъ владыкъ принадлежалъ не кому иному, какъ органу народной воли, вѣчу, въ составъ котораго, кромѣ духовенства, входили и всѣ остальные граждане Великаго Новгорода, начиная съ

[1]) П. Р. С. IV, 64, 1361; тамъ же, IV, 98, 1391 г.: «А Новгородци взяли сребра 5000 у св. Софьи, съ полатей, скопленія владычня Алексѣева, и раздѣлиша на пять концевъ, по 1000 на конецъ, и изставиша костры каменыи, по обѣ сторонѣ острога у всякой улици». Ср. тамъ же, 233, 1391.

[2]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородци же съ княземъ Ярославомъ и съ игумены, съ Софьяны, и съ попы, съдумавъше, изволиша Богомъ избрана Мартурія». См. тамъ же, III, 19, 1186.

князя и знатнѣйшихъ Новгородцевъ и кончая черными людьми [1]). И какъ представитель міра, народа, вѣче, подобно религіознымъ общинамъ первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствовало въ этой роли естественно совершенно свободно, ни мало не стѣсняясь соображеніями монашескаго или іерархическаго характера. Оно останавливало свой выборъ одинаково на лицахъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства, и только впослѣдствіи мало по малу утвердился обычай, по которому избранникъ вѣча, если только онъ оказывался лицомъ, принадлежавшимъ къ бѣлому духовенству, долженъ былъ по крайней мѣрѣ послѣ выбора принять монашеское званіе [2]). Еще менѣе вѣче стѣснялось іерархическими соображеніями. Во владыки, конечно, нерѣдко избирались игумены, іеромонахи, священники, но точно также нерѣдко и простые чернецы, не имѣвшіе никакой степени священства: все дѣло зависѣло тутъ отъ народнаго желанія [3]). Единственное ограниченіе, которое, кажется, имѣло мѣсто при выборѣ главы Новгородской церкви, состояло въ томъ, что избираемое лицо должно было принадлежать къ духовному званію. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы владычняго сана былъ удостоенъ кто-либо изъ мірянъ.

Не смотря на отсутствіе всякихъ посторонніхъ стѣсненій, выборъ владыки въ Новгородѣ, благодаря соперничеству вѣчевыхъ партій, былъ все-таки дѣломъ весьма труднымъ. Поэтому для облегченія его, Новгородцы уже заранѣе прибѣгали обыкновенно къ содѣйствію стараго владыки и просили его „благословить“ кого-либо на свое мѣсто или указать на одно или нѣсколькихъ лицъ, которыя могли бы служить ему преемниками. Указаніе это однако должно быть считаемо не за особенную форму избранія владыки, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а только за рекомендацію кандидатовъ, ничуть не устранявшую собственной дѣятельности вѣча. Имѣла ли мѣсто эта рекомендація, или нѣтъ, выборъ въ концѣ концовъ все-таки составлялъ дѣло

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 67, 1299 г.: «и съ звонивше вѣче у св. Софьи, князь Георгій Андреевичъ, со всѣми Новгородци, въведоша его (Ѳеоктиста игумена) съ поклономъ и посадиша и въ владыкъ на дворѣ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 75, 1330 г.: «възлюбиша весь Новгородъ.... Григоріа Калѣку іереа бывша св. безсребряникъ Козмы и Даміана на Холпіи улици и повелѣша ему пріяти св. ангельскіи образъ».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 63, 1359 г.: «Новгородцы възведоша на сѣни Алексѣя чернца тои же зимы владыка поставленъ бысть дьякономъ и потомъ въ Тфери.

самого вѣча [1]). При этомъ, если вѣчу удавалось прійдти къ единогласному рѣшенію, избраніе считалось совершившимся, новоизбранный владыка тотчасъ же или чрезъ нѣкоторое время былъ торжественно возводимъ вѣчемъ во владычный дворъ [2]). Но коль скоро вѣче раздѣлялось въ своихъ желаніяхъ, то обыкновенный порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній не представлялъ никакихъ средствъ къ дальнѣйшему движенію дѣла: нельзя-же было каждой партіи проводить въ представители церкви собственаго кандидата съ оружіемъ въ рукахъ. Въ подобныхъ случаяхъ ходъ избранія владыки былъ подчиненъ особенному порядку, любопытному для характеристики новгородскаго быта. Какъ оно ни казалось бы естественнымъ, однако Новгородцы и тутъ не дали мѣста рѣшенію большинства голосовъ; въ замѣнъ его былъ введенъ жеребій, на исходъ котораго Новгородцы смотрѣли, какъ на проявленіе воли Божіей: поэтому всѣ владыки, достигшіе своего званія этимъ путемъ, считались избранными не людьми, а Богомъ и св. Софіей [3]). Самый процессъ жеребьеванія происходилъ уже не на Ярославлѣ дворѣ, гдѣ обыкновенно было заявляемо о необходимости избранія новаго владыки, а на вѣчѣ у св. Софіи и совершался слѣдующимъ образомъ [4]): Имена трехъ кандидатовъ, опредѣлявшихся уже заранѣе, писались на особенныхъ жребіяхъ, которые, по приложеніи къ нимъ посадникомъ его должностной печати, и помѣщались затѣмъ на престолѣ св. Софіи [5]). Къ вниманію жеребь-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 63, 1274 г.: «посадникъ Павша съ мужи старѣйшими биша челомъ Далмату: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя? Далматъ же нарече два игумена... коего себѣ излюбите, того вамъ благословлю. Иде посадникъ на Іоань дворъ и съ зва Новгородци и сказа имъ слово Далматово; и възлюбиша вси Богомъ взлюбленнаго Климента»... См. тамъ же, III, 69, 1308.

[2]) П. С. Р. Л., III, 19, 1186 г.: «Новгородцы же съ кн. Мьстиславомъ... съдумавъше, изволиша себѣ поставити братъ его Ильинъ Гаврила». См. также предыдущую ссылку.

[3]) П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и много гадавше посадникъ, и тысяцкыи а весь Новъгородъ, игумены и попове, и не изволиша себѣ отъ человѣкъ избранїи сътворити, но изволиша себѣ отъ Бога пріяти извѣщеніе и уповати на милость его, кого Богъ похощеть и св. Софѣя, того знаменаеть»... См. тамъ же, III, 21, 1193 г., и 45, 1229 г.

[4]) П. С. Р. Л., IV, 235, 1471 г.

[5]) П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «и избраша три игумены, и сътвориша три жребья: въ первый написаша игумена св. Спаса съ Хутынѣ Ивана... и посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребья печаталъ, и положиша на престолѣ въ св. Софьи».

евъ приступали однако не тотчасъ по совершеніи этой операціи, а только послѣ отправленія литургіи, въ продолженіе которой Новгородцы стояли вѣчемъ предъ храмомъ св. Софіи [1]). Для снятія жеребьевъ съ престола въ древнѣйшее время обыкновенно выбирались люди, отъ которыхъ всего меньше можно было ожидать какой-либо фальши, а именно слѣпцы, княжескія дѣти. Выбраннымъ же въ первоначальное время считался тотъ, чей жеребій былъ первый вынесенъ къ народу [2]). Но въ XIV столѣтіи порядокъ этотъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Съ этого времени обязанность снимать жеребьи возлагалась обыкновенно на старшаго священника (протопопа) Софійскаго собора, да и избраннымъ считался уже не тотъ, чей жеребій былъ первымъ вынесенъ къ народу, а тотъ, чей жеребій оставался послѣднимъ на престолѣ [3]). Смотря на жеребьеваніе, какъ на проявленіе воли Божіей, Новгородцы естественно должны были съ теченіемъ времени прійдти къ убѣжденію, что съ ихъ стороны будетъ гораздо послѣдовательнѣе считать избраннымъ того, на кого какъ указывала бы св. Софія, оставляя его жребій при себѣ, то-есть, на своемъ престолѣ [4]).

По избраніи и возведеніи во владычныя сѣни, новоизбранный назывался нареченнымъ владыкой и въ вѣрной надеждѣ на посвященіе отъ митрополита въ ближайшемъ будущемъ немедленно же приступалъ къ управленію церковью. Опредѣленнаго срока, въ теченіе котораго владыкѣ непремѣнно нужно было быть посвященнымъ въ свой санъ, не существовало: нѣкоторые епископы оставались въ званіи нареченныхъ владыкъ нѣсколько мѣсяцевъ, другіе же — цѣлые года и даже по нѣскольку, по три и по шести лѣтъ [5]). Все дѣло зависѣло

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 95, 1388 г.: «И начаша іереи съборомъ литургію пѣти а Новгородци столпа вѣчемъ у св. Софьи»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: и послаша съ вѣча слѣпца, да коего намъ Богъ дастъ, и выняся Божіею благодатію Мартуріи... Тамъ же, III, 45, 1229 г.: «и послаша изъ гридьницѣ владычьнѣ княжиця Ростислава... и выяся Спуридонъ»...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 95. 1388 г.: «и по отпѣтьи св. службы, протопопъ Измаило вземъ съ престола изнесе на вѣче жребій Аѳонасьевъ, и потомъ Порѳеньевъ, а Иваковъ остался на престолѣ»... Тамъ же, III, 106, 1415; 110, 1421 г.

[4]) П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и избраша себѣ три мужа... и положиша трiе жребiе на престолѣ въ св. Софiи, утвердивше себѣ слово, его же восхощетъ Богъ и св. Софiа Премудрость Божiа, своему престолу служебника имѣти, того да оставить на престолѣ своемъ».

[5]) П. С. Р. Л., III, 181, 1325, 183, 1424 и 1429 гг.

тутъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ отъ того, была ли замѣщена митрополичья каѳедра на Руси, и гдѣ въ данное время находился на лицо глава Русской церкви [1]). Коль скоро только мѣстопребываніе митрополита становилось достовѣрно извѣстнымъ, и митрополичьи поклонщики, пріѣхавъ въ Новгородъ, возвѣщали о согласіи его совершить посвященіе, Новгородскій владыка немедленно же отправлялся къ нему въ сопровожденіи особенной свиты, состоявшей изъ духовныхъ лицъ и бояръ и служившей для митрополита гарантіей въ дѣйствительности желанія Новгородцевъ имѣть извѣстное лицо своимъ епископомъ [2]). Поставленіе въ епископы естественно должно было сообразоваться съ тѣмъ званіемъ, которое носилъ нареченный владыка. Если народный избранникъ уже раньше имѣлъ степень священства, то митрополитъ, понятно, совершалъ только одинъ обрядъ хиротонисанія; если же нареченный владыка былъ простымъ чернецомъ, то его предварительно посвящали въ діаконы и священники. Временами это посвященіе совершалось совершенно независимо отъ митрополита, въ сосѣднемъ съ Новгородомъ епископскомъ городѣ, а именно въ Твери: такъ, по крайней мѣрѣ былъ посвященъ въ Твери чернецъ Алексѣй въ 1359 году [3]). Но обыкновенно и ставленіе въ низшія степени совершалось самимъ митрополитомъ, или по крайней мѣрѣ подъ его руководствомъ, одновременно съ посвященіемъ въ епископскій санъ [4]). Самый обрядъ хиротонисанія состоялъ изъ двухъ частей—изъ знаменанія или церковнаго нареченія и собственно посвященія, которыя совершались въ различные дни и въ различныхъ церквахъ [5]). Если хиротонисаніе происходило, какъ

---

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 67, 1299 г.: «и посадиша и въ владычни дворѣ, донде увѣдаю ть, гдѣ митрополитъ».

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 75, 1331 г.: «Пріидоша послове отъ митрополита изъ Волынской земли... зовуще Василія къ митрополиту на поставленіе... поиде преподъ. Василіи въ Волынскую землю къ митрополиту на поставленіе, а съ нимъ бяше бояре Новгородскіи». Тамъ же, IV, 96, 1388 г.: «пріѣхаша поклоньщики съ Москвы отъ Пумина митрополита позывати на поставленіе владыку»... Тамъ же, Ш, 25, 1201 г.

[3]) П. С. Р. Л., Ш, 87, 1359 г. «поставлень бысть Алексѣй чернецъ, шестникъ, въ діаконы и въ попы отъ Тферского епископа Ѳеодора».

[4]) П. С. Р. Л., Ш, 45—46, 1230 г.

[5]) А. А. Э., I, 471, № 375, 1456 г.: «митрополитъ же возставъ, руку протягъ. Яко же знамянати, глаголетъ всегласно сице: «благодать пресв. Духа... имѣетъ тя епископомъ». П. С. Р. Л., VI, 242, 1498 г.: «и знаменалъ митрополитъ внука крестомъ, глаголя: «во имя Отца и Сына и Св. Духа»; и князь великій поло-

оно временами случалось, въ самомъ Новгородѣ, то знаменаніе совершалось въ церкви св. Бориса и Глѣба, а посвященіе—въ св. Софіи. Если же поставленіе имѣло мѣсто въ Москвѣ, то первое совершалось въ церкви Успенія, а второе—въ храмѣ св. Михаила. Къ концу независимаго существованія Новгородцы однако достигли того, что и въ Москвѣ посвященіе ихъ владыкъ стало отправляться въ главномъ храмѣ, то-есть, въ Успенскомъ соборѣ [1]). Бо́льшая часть владыкъ оставалась съ тѣми же именами, которыя они носили и до своего посвященія; но нѣкоторымъ митрополитъ еще разъ перемѣнялъ имя, не смотря на то, что нареченные владыки, сообразно съ утверждавшимся въ Новгородской церкви обычаемъ, предъ посвященіемъ принимали монашество, и слѣдовательно, уже раньше носили не мірское, а монашеское имя. Такъ чернецъ Сампсонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ епископы въ 1416 году подъ именемъ Евѳимія [2]).

Сравнительно съ другими властями Великаго Новгорода, положеніе Новгородскихъ владыкъ въ силу святости самаго ихъ сана было гораздо болѣе устойчивымъ; но и его нельзя назвать однако совершенно изъятымъ отъ всѣхъ превратностей судьбы. Перемѣны, слѣдовавшія безпрерывно одна за другою въ гражданской жизни Новгорода, не могли не отражаться и на положеніи владыки, такъ какъ вслѣдствіе этихъ перемѣнъ владыка легко становился въ противорѣчіе съ господствовавшею партіей. Въ особенности шатко было положеніе такъ называемыхъ нареченныхъ владыкъ. Благодаря измѣненію въ расположеніи народа, иному нареченному владыкѣ не удавалось дождаться и посвященія отъ митрополита: вмѣсто предполагаемаго посвященія онъ подвергался неожиданно изгнанію изъ владычнаго двора и удаленію въ монастырь, изъ котораго былъ призванъ.

жилъ шапку на внука, и митрополитъ благословилъ внука». Тамъ же, Ш, 165, 1571.

[1]) П. С. Р. Л., Ш, 67, 1300 г.: «Пріѣха Максимъ митрополитъ въ Новъгородъ и Ростовьскыи еп. Семенъ и Тферьскый еп. Андреи и поставиша архіепископа Новугороду Ѳеоктиста; знаменаша его въ церкви св. Бориса и Глѣба мѣсяца іюня 28, того же мѣсяца и поставиша его въ св. Софьи». Тамъ же, V, 243, 1388 г.: «поставленъ бысть Иванъ архіепископомъ Новугороду, въ преименитой церкви св. вел. арх. Михаила пресв. митроп. Пуминомъ... и знаменанъ бысть въ церкви св. Богородици Пуминомъ митрополитомъ, съ прочими епископы». Ср. П. С. Р. Л., Ш, 94, 1388 г., 106, 1416 г.; А. А. Э., I, 99, № 91, 1431 г.: «а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистые и у гроба св. Петра чюдотворца въ Москвѣ».

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 106, 1416; 110, 1424 г.

Такъ, въ 1228 году чуть не съ побоями прогнанъ былъ съ владычнаго двора нареченный владыка Арсеній подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы по его волѣ Новгородъ постигла продолжительная оттепель, причинившая народу много вреда. Подобнымъ образомъ былъ удаленъ въ 1421 году Ѳеодосій: въ вину ему было поставлено то, что онъ былъ шестникъ, то-есть, пришлецъ, а не настоящій Новгородецъ [1]). Однако и посвященіе не совсѣмъ спасало владыкъ отъ перемѣны въ расположеніи народа: лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить нерѣдкіе примѣры добровольнаго оставленія владыками своей каѳедры. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныхъ случаяхъ не оставались безъ вліянія и личныя причины, въ родѣ склонности къ монашескому уединенію, немощи или престарѣлости; но одними ими объяснять дѣла нельзя [2]). Съ одной стороны, многіе владыки по оставленіи нерѣдко снова возвращались на каѳедру: такъ владыка Моисей управлялъ Новгородскою епархіей два раза, отъ 1325 по 1330 г., и отъ 1352 по 1359 годъ, владыка Алексѣй—также два, отъ 1359 по 1375 г., и отъ 1375 по 1386 годъ [3]). Съ другой стороны, есть примѣры, показывающіе, что оставленіе владыкою каѳедры „по своей волѣ“ было въ сущности невольнымъ, вынужденнымъ обстоятельствами. Таково было, напримѣръ, удаленіе по своей волѣ въ 1228 году владыки Антонія, не задолго передъ тѣмъ воротившагося на родину изъ Перемышля: въ сущности оно было не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ происковъ Арсенія: не даромъ же впослѣдствіи Новгородцы обвиняли послѣдняго, что онъ выпроводилъ владыку Антонія и сѣлъ на владычномъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 44, 1228 г.: «въздвиже (дьяволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владыцьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоитъ тепло дълго, выпроводилъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мьзду князю,— и акы злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша, малѣ Богъ ублюде отъ смьрти»... Тамъ же, III, 110, 1424 г.: «послаша Новогородца Ѳеодосіа въ свой монастырь». Тамъ же, IV, 120, 1423 г.: «а ркучи тако: не хотимъ шестника владыкою». Ср. П. С. Р. Л., III, 110, 1421 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 68, 1308 г.: «выиде архіеп. Ѳеоктистъ изъ владыцня двора, своего дѣля нездоровія, благословивъ Новъгородъ». Тамъ же, III, 75, 1330.

[3]) П. С. Р. Л., III, 73, 1325; 75, 1330; 86, 1359 г. Тамъ же, III, 90, 1375 г. «съиде влад. Алексѣи съ владычьства, по своей воли... Новогородцы же въ то время... послаша къ митрополиту... чтобы благословилъ сына своего владыку Алексѣа въ домъ св. Софіа на свои святительскій степень, и митрополитъ благослови... а Новгородци вѣчемъ сташа на Ярославлѣ дворѣ и послаша съ челобитіемъ къ владыкѣ, и владыка пріа челобитіе».

столѣ, давъ мзду князю [1]). Не всегда однако партія, достигшая господства въ Новгородѣ и недовольная владыкой, дожидалась его добровольнаго удаленія; бывали случаи, что вѣче, помимо всякаго разрѣшенія со стороны митрополита, низлагало собственною властью и посвящаемыхъ уже владыкъ. Такъ, въ 1211 году народная партія низложила владыку Митрофана и избрала на его мѣсто Антонія, который и былъ посвященъ митрополитомъ [2]). Но въ 1219 году, вслѣдствіе торжества княжеской партіи, обстоятельства опять совершенно перемѣнились. Воспользовавшись удаленіемъ владыки Антонія въ Торжокъ, Новгородцы вновь посадили на каѳедру Митрофана, и когда Антоній не захотѣлъ отказаться отъ своего сана, дѣло запуталось до того, что по необходимости пришлось обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту. Послѣдній уладилъ распрю такъ, что въ Новгородѣ оставилъ владыкой Митрофана, какъ старѣйшаго, а Антонію далъ Перемышль [3]).

Избраніемъ владыки и отчасти его удаленіемъ собственно и исчерпывалось все вліяніе мірской власти на ходъ церковныхъ дѣлъ; никакихъ другихъ попытокъ къ ограниченію церковной власти въ Новгородѣ мы не видимъ. Правда, бывали случаи, когда вѣче считало нужнымъ приставить къ епископу изъ своей среды людей, которые наблюдали бы за правильнымъ отправленіемъ имъ своихъ обязанностей. Но съ одной стороны, такіе случаи были, кажется, исключительными (извѣстенъ всего одинъ примѣръ) и обусловливались явно сдѣлкой двухъ противоположныхъ вѣчевыхъ партій, изъ которыхъ одна приставляла своихъ людей къ владыкѣ, возведенному другою. Съ другой стороны, можно думать, что ограниченіе въ такомъ случаѣ касалось исключительно одной гражданской дѣятельности владыки,

[1]) П. С. Р. Л., III, 42, 1225 г.: «приде архіепископъ Антоній изъ Перемышля въ Новгородъ и сѣде на своемъ столѣ и ради быша Новгородци своему владыцѣ»... Тамъ же, III, 42, 1228 г.: «Поиде Антоній архепископъ Новгородскыи на Хутино къ св. Спасу, по своей воли». Ср. тамъ же, III, 44, 1228 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 21, 1211 г.: «зависть въложи (дьяволъ) людьмъ на архепископа Митрофана съ кн. Мьстиславомъ, и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопьць».

[3]) П. С. Р. Л., III, 37, 1219 г.: «иде Антонъ археп. Новгородьскыи на Тържькъ; Новгородьци же въведоша археп. Митрофана въ дворъ опять на столъ, а къ Онтонію послаша: поиди, кдѣ ти любо; Антоній же поиде въ Новгородъ къ св. Спасу въ Нередицяхъ; князь же и Новгородьци рекоша Митрофану и Онтону: идита къ митрополиту, да кого намъ прилеть, то нашь владыка»... Ср. тамъ же, III, 38, 1220 г.

но отнюдь не церковной [1]). Въ церковной сферѣ, напротивъ, владыка былъ совершенно независимымъ отъ мірской власти дѣятелемъ. Только къ концу самобытнаго существованія Новгорода возникаетъ потребность подчинить нѣкоторому контролю по крайней мѣрѣ судебную дѣятельность церковной власти. Но и здѣсь, вопервыхъ, ближайшимъ поводомъ къ учрежденію контроля послужило, по всей вѣроятности, присутствіе въ церковной компетенціи множества гражданскихъ дѣлъ, а вовторыхъ, самъ владыка былъ оставленъ совершенно въ сторонѣ: за опущенія въ церковномъ судѣ долженъ былъ отвѣчать его намѣстникъ, руководившій этимъ дѣломъ. Послѣдній подвергался именно штрафу въ 50 рублей въ пользу города и взысканію убытковъ, понесенныхъ истцомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по начатіи какого-либо дѣла, уѣзжалъ изъ Новгорода, не приведя его къ концу [2]). Собственно говоря, какъ глава мѣстной церкви, Новгородскій владыка если и стоялъ въ какой-либо зависимости, то только отъ Кіевскаго, впослѣдствіи Московскаго митрополита. Но и эта зависимость являлась болѣе номинальною и была отяготительною для владыки развѣ въ матеріальномъ отношеніи, но никакъ не въ церковномъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ ограниченіемъ, которымъ связывался Новгородскій владыка въ дѣлахъ церкви, должны считаться поэтому одни только каноническіе законы. Послѣдніе составляли предметъ особеннаго попеченія Новгородцевъ и были уже очень рано извѣстны Новугороду. Уже бесѣда владыки Нифонта съ Кирикомъ показываетъ, что около половины XII столѣтія въ Новгородѣ имѣлся Номоканонъ въ XIV-ти титулахъ [3]). Въ болѣе же поздній періодъ, благодаря стараніямъ митрополита Кирилла II, каноническія правила Великаго Новгорода могли получить законченный видъ. Въ 1282 году составлена была, по волѣ епископа Климента, полная Новгородская Кормчая и положена въ Софійскомъ соборѣ „на почитаніе священникамъ и на послушаніе крестьяномъ“. Какъ и всѣ другіе списки каноническихъ правилъ того времени, новый Новгородскій (Софійскій) списокъ заключалъ въ себѣ уже толкованія, заимствованныя изъ Кормчей, полученной Кирилломъ изъ Болгаріи. Но въ основаніи его скрывается упомянутый нами ста-

[1]) П. С. Р. Л., III, 14, 1228 г.: «а заутра въведоша опять Антонія архепископа и посадиша съ нимъ 2 мужь, Якуна Моисѣевица, Микифора Щитника».

[2]) А. А. Э., I, 71, № 92, 1471 г.: «или тысецкой поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ суда, или владычень намѣстникъ, ино взять великимъ княземъ и Великому Новугороду 50 рублевъ, а истцю убытки подоймутъ».

[3]) *Павловъ*, Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ, стр. 58 и д.

рый переводъ церковныхъ правилъ, существовавшій въ Новгородѣ уже въ предшествовавшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ стараго же Новгородскаго Номоканона перешли въ Софійскій списокъ и статьи русскаго, преимущественно мѣстнаго новгородскаго происхожденія, а именно: дополненія къ церковному уставу Иліи Новгородскаго, каноническіе отвѣты Іоанна II, вопросы Кирика и отвѣты Нифонта, опредѣленія Владимірскаго собора 1274 года и церковныя уставныя грамоты Владиміра Святаго и князя Святослава (1137 г.) [1]).

Мы сказали уже, что положеніе, занятое Новгородскою церковью въ общей жизни Великаго Новгорода, не осталось безъ вліянія и на ея внутреннее устройство и управленіе. Прежде всего, благодаря обширному кругу мірскихъ занятій, личная дѣятельность главы Новгородской церкви ограничивалась самымъ необходимымъ, а именно— посвященіемъ ставленниковъ, освященіемъ церквей и общимъ наблюденіемъ за церковнымъ благочиніемъ. Сообразно съ церковными правилами, первая обязанность лежала на владыкахъ безусловно и требовала ихъ особеннаго вниманія, такъ какъ при поставленіи новыхъ лицъ на церковныя мѣста дѣло шло не просто объ одномъ актѣ посвященія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объ ознакомленіи со ставленниками и, временами, даже о ихъ подготовленіи [2]). Что же касается до второй, до освященія церквей, то самъ владыка постоянно занимался этимъ дѣломъ, только, кажется, въ одномъ Новгородѣ [3]). Въ другихъ же городахъ и краяхъ Новгородской земли онъ принималъ на себя эту обязанность рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда жители извѣстной мѣстности дѣлали изъ освященія храма особенное мѣстное торжество [4]). Въ большей же части случаевъ онъ поручалъ дѣло освященія церквей приближеннымъ лицамъ изъ среды окружавшаго его софійскаго духовенства или даже просто обходился при помощи разсылки антиминсовъ [5]). Наконецъ, наблюденіе за цер-

---

[1]) *Павловъ*, Первон. славяно-русск. Номоканонъ, стр. 73—78.

[2]) А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.

[3]) П. С. Р. Л., III, 100, 1398 и 1399 гг.

[4]) П. С. Р. Л., III, 88, 1364 г.: «Поставиша въ Торжку церковь камену... замышленіемъ богобоязнивыхъ купцовъ Новогородскыхъ, а потягнутіемъ всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ; а на зиму свяща ю археп. Новгородскыи Алексѣи, съ попы и съ дьяконы и съ крылосомъ св. Софіа».

[5]) П. С. Р. Л., III, 89, 1367 г.: «биши (Псковичи) челомъ археп. Новгородскому Алексѣю о священіи св. Троица, и посла къ нимъ владыка отца своего духовного Іоана, и протопопа своего, и протодіакона и священа бысть церкви св. Троица»... А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «А коли самъ (митрополитъ)

ковнымъ благочиніемъ представляло для владыки нѣкоторый трудъ только развѣ въ отношеніи Новгородской земли. Въ самомъ Новгородѣ ознакомленіе съ теченіемъ церковныхъ дѣлъ совершалось какъ бы само собою, такъ какъ послѣднія происходили какъ бы на глазахъ у владыки. Не такъ легко доставалось оно въ пригородахъ и волостяхъ. Конечно, нѣкоторыя данныя о положеніи церковныхъ дѣлъ въ области получались владыками иногда отъ ихъ областныхъ органовъ, а иногда и отъ частныхъ лицъ, и имъ оставалось только давать свои резолюціи по возбуждавшимся вопросамъ [1]). Но тѣмъ не менѣе, для непосредственнаго ознакомленія съ волостями необходимо было прибѣгать временами и къ личнымъ визитаціямъ или „поѣздкамъ", и сколько мы знаемъ, владыки дѣйствительно имѣли обыкновеніе совершать поѣздки по своей епархіи и посѣщать отдѣльные края послѣдней, то Заволочье, то Корѣльскую землю, то Псковъ [2]). Но врядъ ли однако можно утверждать, что эти церковныя визитаціи служили особенно плодотворнымъ средствомъ при устройствѣ епархіальныхъ дѣлъ. Сколько-нибудь правильному совершенію ихъ должны были мѣшать, независимо отъ постороннихъ обстоятельствъ, обширность Новгородской земли и отсутствіе всякихъ сносныхъ путей сообщенія. Потому визитаціи производились вообще крайне рѣдко, а съ нѣкоторою правильностью изъ всѣхъ Новгородскихъ краевъ только по отношенію къ одному Пскову, занимавшему въ Новгородской епархіи привиллегированное положеніе и потому требовавшему болѣе надзора.

Слѣдствія общественнаго положенія Новгородской церкви сказывались не только въ отвлеченіи отъ дѣлъ самого владыки, но и въ характерѣ владычней администраціи. Принимая во вниманіе все разнообразіе обязанностей, которыя возникали для владыки частію изъ его политической дѣятельности, частію изъ его отношеній къ своимъ поземельнымъ владѣніямъ, мы необходимо должны предположить, что удовлетвореніе этимъ обязанностямъ потребуетъ массы

былъ въ Новѣгородѣ въ Великомъ, тогды есмь антимисы свящалъ, а приказалъ былъ есмь епископу послати и къ вамъ тѣхъ антимисовъ».

[1]) А. И., I, 61, № 31, 1426 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 119, 1419 г.: «Владыка Семеонъ ѣздилъ по Корѣльской земли». Тамъ же, IV, 125, 1446 г.: «владыка Еуѳимій... поѣха за Волокъ благословити Новгородцкую отчину и свою архіепископью, и своихъ дѣтей». Тамъ же, III, 11, 1153 г.: «иде... архіеп. Нифонтъ въ Ладогу и заложи церковь каменну св. Климента». Тамъ же, IV, 123, 1446 г.

свѣтскихъ слугъ, спеціально предназначенныхъ для этой цѣли. И дѣйствительно, владыка обиталъ въ новгородскомъ дѣтинцѣ не только среди „духовнаго полка“, но и въ сосѣдствѣ огромнаго „мірскаго воинства“, такъ что дворъ его самъ собою превращался въ точный противень княжескаго оригинала. По патрональному новгородскому храму св. Софіи мірское воинство владыки, со включеніемъ, вѣроятно, и духовнаго полка, носило названіе софіянъ, а по мѣсту служенія при владычнемъ дворѣ называлось владычными дворянами и помѣщалось частію на самомъ дворѣ, частію же неподалеку въ окрестности, на владычнемъ берегу рѣки Волхова, на рѣчькѣ, называвшейся Крюкомъ.). Высшую степень между софіянами занимали нарочитые дворяне или бояре, игравшіе, безъ сомнѣнія, не маловажную роль и при самомъ избраніи владыки. Бояре служили ближайшими пособниками владыки въ его политической дѣятельности: при посредствѣ бояръ владыка велъ иногда переговоры съ вѣчемъ, боярамъ же поручалось временами и исполненіе посольствъ второстепенной важности [2]). Независимо отъ этихъ отдѣльныхъ порученій, бояре вообще служили запасомъ, изъ котораго владыка избиралъ себѣ людей для завѣдыванія своимъ дворомъ и для управленія имѣніями, въ особенности же для производства владѣльческаго суда и управы. Такъ изъ бояръ назначались чашники и стольники, заведенные владыкою по образцу чиновъ княжескаго двора, и, вѣроятно, разные иные чины, имена которыхъ до насъ не дошли [3]) Точно также изъ бояръ назначались судьи, которые, разъѣзжая подъ именемъ поѣздниковъ или посыльниковъ по владычнимъ волостямъ, давали крестьянамъ судъ и управу, собирали оброки и судебныя пени и доставляли ихъ въ казну епископа, взимая за все это и въ свою пользу нѣкоторые натуральные

[1]) П. С. Р. Л., III, 21, 1193 г.: «Новгородьцы же съ кн. Ярославомъ, и съ игумены, и съ Софьяны, и съ попы съдумавьше, изволиша»... Тамъ же, VI, 286, 1528 г.: «Онъ же обрѣте мѣсто на Софѣйской сторонѣ, идѣже баня стоитъ на рѣлькѣ; а ту рѣльку преже изъначала звали Крюкъ, а на ней преже жили нарочитые дворяне владычня двора».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 117, 1418 г.: «Святитель же послуша молснія ихъ, посла его (Степанка) съ попомъ ихъ (Кузмо-Демьяцевъ) на вѣче со своимъ бояриномъ». Тамъ же, IV, 236, 1471 г.: «И Великій Новгородъ всего того не рада, да своего посла Родіона владычня столника во Псковъ о томъ прислалъ».

[3]) П. С. Р. Л. IV, 128, 1471 г.: «Князь великій... посѣче 4 боярина».. и бежду ними «Еремія владычня чашника». Тамъ же, III, 44, 1228 г.: «И разграбиша дворъ его... и Андреичевъ владыцня стольника и Давыдковъ Софійскаго (софіянина?).

поборы съ тѣхъ же крестьянъ [1]). За боярами слѣдовали владычни дѣти боярскіе, отличительную обязанность которыхъ составляла, быть можетъ, служба во владычнемъ полку [2]). Во всякомъ случаѣ, подобно боярамъ, владыка пользовался и боярскими дѣтьми какъ для отдѣльныхъ порученій, такъ и при управленіи своими вотчинами. Боярскія дѣти были посылаемы владыкой съ поминками къ митрополиту, и изъ нихъ же по всей вѣроятности, назначались имъ волостели, завѣдывавшіе цѣлыми волостями, и посельники, управлявшіе отдѣльными селами [3]). Въ качествѣ такихъ управителей, боярскія дѣти должны были собирать доходы въ пользу землевладѣльца, исполнять полицейскія обязанности и даже, временами, давать управу подчиненнымъ. Такъ извѣстно, что въ позднѣйшее время владычни люди, управлявшіе вотчинами, обязаны были въ томъ случаѣ, когда обвиненіе въ какомъ-либо важномъ преступленіи, убійствѣ, грабежѣ и т. п. падало на владычнихъ крестьянъ, представлять послѣднихъ въ Новгородскій судъ [4]). Дальнѣйшіе отдѣлы владычнихъ слугъ составляли паробки занимавшіеся письменными работами, въ особенности перепиской священныхъ книгъ, и холопы, исполнявшіе всѣ низшія обязанности по владычнему двору и управленію [5]).

Но коль скоро вокругъ владыки уже существовалъ штатъ свѣтскихъ владычнихъ слугъ, то естественно ожидать, что при обыкновенномъ въ то время отсутствіи строгаго сознанія о различіи свѣтскихъ и церковныхъ дѣлъ, свѣтскіе слуги архіерея захватятъ въ свои руки и церковное управленіе, и такимъ образомъ вотчинная администрація владыки перейдетъ въ епархіальную. Такой переходъ совер-

---

[1]) А. З. Р., I, 91, № 71, по 1479 г.: «а того здавна не бывало, што владычнымъ бояромъ ѣздити по тымъ жеребьемъ много»... Тамъ же, I, 88: «а коли ѣздятъ поѣзьдники владычины по волости, а пригодится имъ судити судъ съ королевымъ намѣстникомъ»...

[2]) Д. къ А. И., I, 57, № 42, 1547—1551 г.: «писалъ еси ко мнѣ (Новгородскому епископу Ѳеодосію) въ своей грамотѣ, что государь князь великій нашихъ дѣтей боярскихъ отъ казанскія службы велѣлъ оставити».

[3]) А. И., I, 507, № 275, 1461 г.: «А что еси, сыну, прислалъ къ намъ своего сына боярьскаго, на имя Василья, и съ своими поминки, по изначальству, какъ прежніе твоя братья, архіепископы В. Новагорода и Пъскова, посылали къ моей братьи, преже бывшимъ мене митрополитомъ, о церковныхъ великихъ и духовныхъ дѣлахъ».

[4]) А. А. Э., I, 72, № 92, 1471.

[5]) *Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н.*, VI, 279, 1362 г.: «а писалъ многогрѣшный худыи неразумныи владычень паробокъ Микула». Тамъ же, стр. 289.

шался тѣмъ легче, что владыка избавлялся чрезъ это отъ необходимости расходовать свои средства на образованіе и содержаніе новаго, особеннаго штата церковныхъ чиновъ. Правда, нѣкоторая доля церковныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, освященіе церквей, преподаваніе благословенія и т. п., могла быть совершена не иначе, какъ духовными лицами. Но по ея незначительному расширенію, она не требовала образованія особенныхъ постоянныхъ церковныхъ органовъ: при исполненіи такихъ дѣлъ можно было удовольствоваться простою системою порученій. На самомъ дѣлѣ оно такъ обыкновенно и было: при встрѣчѣ съ дѣломъ, требовавшимъ непремѣннаго участія духовнаго элемента, владыка просто возлагалъ исполненіе его на то или другое лицо изъ окружавшаго его новгородскаго духовенства [1]); во всѣхъ же другихъ сферахъ церковной дѣятельности, гдѣ содѣйствіе духовенства не было безусловно необходимымъ, мы встрѣчаемъ не духовныя лица, а свѣтскихъ дѣятелей изъ среды мірскаго воинства владыки или софіянъ. Такъ извѣстно, что при совершеніи епархіальныхъ визитацій владыка былъ окруженъ не только своимъ клиромъ, но и многочисленною свитой софіянъ. Во Псковѣ однажды даже произошла свалка софіянъ съ мѣстными жителями, которая и побудила владыку къ немедленному отъѣзду [2]). Затѣмъ софіяне играли важную роль и при владычнемъ управленіи и судѣ. Изъ нихъ именно назначались всѣ низшіе служители, исполнявшіе при судѣ полицейскія обязанности и соотвѣтствовавшіе мірскимъ подвойскимъ и позовникамъ. Новгородская судная грамата сообщаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на судъ Новгородскаго владыки требовались лица, жительствовавшія гдѣ-либо въ области, изъ софіянъ посылались къ нимъ особенные гонцы, которые и передавали позовъ или судебное приглашеніе на мѣстѣ. Вознагражденіе, которое слѣдовало софіянамъ за путевыя издержки, тою же граматой было опредѣлено одинаково съ платою, получавшеюся въ подобныхъ случаяхъ мірскими позовниками равно какъ и падала одинаково на лицъ, проигравшихъ тяжбу [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 89, 1367 г.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 209, 1435 г.: «сталъ бой Псковичамъ съ Софѣяны. И владыка разгнѣвался и поѣха прочь... а былъ во Псковѣ полътретья дни» (вмѣсто мѣсяца).

[3]) А. А. Э., I, 70, № 92, 1471 г.: «А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестнику на сто верстъ по старинѣ: а подвойскимъ, и Софьяномъ, и биричемъ, и извѣтникомъ, на сто верстъ четыре гривны». Тамъ же, I, 70: «А закладъ дать виноватому пеню на сто верстъ шестнику».

Не только масса церковныхъ владычнихъ слугъ происходила изъ мірскаго воинства владыки, но и главнѣйшіе органы владычняго управленія и суда почти всѣ носили мірское званіе. Конечно, бывали случаи, когда въ церковныхъ должностяхъ появлялись и духовныя лица. Такъ должность владычняго ключника, завѣдывавшаго архивомъ Новгородскаго владыки, замѣщалась иногда лицами монашескаго званія [1]). Но такіе случаи были исключительными: обыкновенно же церковныя должности были занимаемы мірянами. Такъ одна изъ важныхъ церковныхъ должностей, должность софійскаго казначея, до XV столѣтія поручалась обыкновенно мірянамъ, и только съ XV вѣка въ ней стали появляться чернецы [2]). То же должно сказать и о владычнемъ намѣстникѣ. Какъ мы уже видѣли, самъ владыка, вслѣдствіе многочисленности своихъ занятій, не могъ удѣлять много времени дѣламъ церковнымъ. Вмѣсто него ходомъ церковныхъ дѣлъ и отправленіемъ владычняго суда завѣдывалъ обыкновенно его намѣстникъ, который поэтому и служилъ отвѣтственнымъ лицомъ, когда въ судѣ возникали какія-либо опущенія [3]). Но не смотря на такое значеніе намѣстника, есть основаніе предполагать, что онъ назначался не изъ духовныхъ, а изъ свѣтскихъ слугъ владыки. Въ 1476 году именно владычній намѣстникъ Юрій Репеховъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ двумя другими помощниками выдавать кормы великому князю и его людямъ: такое назначеніе врядъ ли могло бы состояться, еслибы намѣстникъ былъ духовнаго званія [4]). Подобный же свѣтскій характеръ носила и областная архіерейская администрація. Изъ двухъ органовъ областнаго владычняго управленія, первый, намѣстники, назначавшіеся въ главнѣйшіе отдѣлы Новгородской земли, которые составляли большія историческія цѣлыя, а именно въ Двинскую землю или Заволочье, и во Псковъ, несомнѣнно избирались изъ среды свѣтскихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «и избраша себѣ три мужи: Алексѣя черньца ключника дому св. Софіа»... Тамъ же, VI, 5, 1471 г.

[2]) Пам. Стар. Русск. Лит., IV, № 8: «Съй оубо (Евѳимій II) первый казначей во иноцехъ бысть, яко же и лѣпо есть: преже бо того въ древности беси казначеи міряне бяху».

[3]) А. А. Э., I, 69, № 92, 1471 г.: «А посадника и тысецкаго и владычня намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати».

[4]) П. С. Р. Л., VI, 201—202, 1476 г.: «архіепископъ же добилъ челомъ о томъ великому князю бояры его, а велѣлъ кормы отдавати намѣстнику своему Юрьѣ Репехову, а тѣ (двое другихъ владычнихъ слугъ) съ нимъ же въ поддатнѣхъ».

слугъ владыки. По крайней мѣрѣ, псковскій намѣстникъ не только въ источникахъ до времени попытокъ преобразованія ни разу не названъ духовнымъ лицомъ, но и обыкновенно характеризуется именемъ, отчествомъ и прозваніемъ, что всего скорѣе можетъ указывать на свѣтское званіе [1]). Въ кругъ обязанностей областныхъ намѣстниковъ входили вообще всѣ дѣла, которыя составляли сферу владычняго вѣдомства, какъ духовнаго, такъ и мірскаго, а именно—судъ, заботы о правильномъ взносѣ духовенствомъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу владыки, и наблюденіе за владычними землями [2]). Еще менѣе можно сомнѣваться въ свѣтскомъ значеніи другаго органа владычняго управленія, десятинниковъ: свѣтскій характеръ ихъ засвидѣтельствованъ ясно не только жалобой ростовскаго священника Георгія Скрипицы, но и другими, болѣе рѣзкими данными. Не ходя далеко, мы можемъ сослаться на тотъ фактъ, что въ числѣ митрополичьихъ десятинниковъ половины XV вѣка встрѣчается конюшій боярин Юрій [3]). Сомнѣніе если еще и остается, то оно касается исключительно мѣстнаго характера десятинниковъ. Но и это сомнѣніе совершенно необосновательно. Церковный уставъ 1274 года, запрещающій ставить десятинниковъ на мздѣ, показываетъ, что это былъ постоянный церковный органъ, а другой церковный уставъ 1389—1404 гг., опредѣляющій, какіе поборы долженъ брать съ духовенства десятинникъ, „на десятину насѣдъ“, ясно даетъ понять, что это была мѣстная должность [4]). Согласно съ этими данными, мы должны считать новгородскихъ десятинниковъ представителями владычней церковной власти въ меньшихъ округахъ, на которые была разбита Новгородская земля и которая называлась десятинами [5]).

---

[1]) *Амвросія*, И. Р. I., III, 299—300: «И буди милость Божія... на посадникахъ Двинскихъ... и на владычнѣ намѣстникѣ». П. С. Р. Л., IV, 236, 1471 г.: «какъ ѣздилъ въ Новгородъ Иванъ Ѳоминичь владыченъ намѣстникъ». Русск. Лив. Акты, стр. 263, 1509 г.: «unde des Ertzbischops ho uetman Wassilie Igneckewitz Galckin». А Ю., 112, № 71, XIV—XV в.: «печать Остофьи Яколича, влдчня намстк».

[2]) См. нашъ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр 195.

[3]) А. И., I, 98, по 1450 г.: «десятинникъ мой Юрій Конюшой, по моему пожалованію, поѣхалъ по десятинѣ... того моего боярина Юрья Конюшаго самого убили въ улогъ, а дворянъ моихъ перебили».

[4]) *Русск. Дост.*, I, 112, 1274 г.: «или намѣстеники поставляющии на мьздѣ или десятиньника»... А. А. Э., I, 5, № 9, 1389—1404 гг.: «а десятиннику на десятину насѣдъ имати за въѣздное, и за Рожественое, и за Петровское»... Д. къ А. И., I, 362, № 214, 1496 гг.: «въ костромской десятинѣ».

[5]) А. Ю., 270, № 257, III, XV в.: «а за десятинника ся яло попъ Семенъ

Сообразно съ характеромъ времени, всѣ акты церковно-правительственной дѣятельности оплачивались непосредственно тѣми лицами, которыхъ они касались. Такой фискальный взглядъ на церковныя дѣйствія необходимо долженъ былъ вести къ превращенію духовенства въ тяглыхъ людей своего епархіальнаго владыки. Къ счастію только, богатство софійской казны дѣлало крайнее развитіе крѣпостническихъ стремленій владыки почти совершенно излишнимъ во все время самостоятельнаго существованія Великаго Новгорода. Но тѣмъ не менѣе зачатки главнѣйшихъ обязанностей новгородскаго духовенства къ своему владыкѣ замѣчаются уже въ этотъ періодъ. Съ нѣкоторыми изъ своихъ обязанностей духовенство встрѣчалось уже на самомъ порогѣ, отдѣленіемъ мірянъ отъ церкви, такъ какъ уже простое посѣщеніе не могло обойтись для ставленниковъ безъ извѣстныхъ расходовъ, количество которыхъ Владимірскимъ соборомъ 1274 года было опредѣлено въ семь гривенъ за посвященіе въ оба сана,—и діакона, и священника вмѣстѣ. Но эти обязанности имѣли только временное значеніе и притомъ возникли не на Руси, а въ Византіи, гдѣ протори при ставленіи распредѣлялись по степенямъ, въ которыя приходилось посвящаться, такъ что дьякъ платилъ одну злотницу, діаконъ и священникъ вносили по три: общая сумма, слѣдовательно, и тамъ составляла семь злотницъ [1]). Подобнымъ же временнымъ характеромъ отличались и тѣ пошлины, которыя приходилось платить духовенству за пользованіе церковнымъ судомъ, и которыя, кстати замѣтить, превосходили въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя же пошлины свѣтскихъ судовъ ровно вдвое. По Новгородской судной граматѣ, напримѣръ, за производство суда церковные судьи брали съ суднаго рубля по гривнѣ или 14 денегъ, тогда какъ мірскіе судьи—только по 7 денегъ [2]). Настоящія же, постоянныя обязанности духовенства, посредствомъ которыхъ оно превращалось въ

и за Софіяне» А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ».

[1]) *Рус. Дост.*, I, 112, 1274 г.: «Не взимати же од нихъ ничто же, развѣ якоже азъ уставихъ въ митрополіи, да боудетъ се въ всѣхъ епископьяхъ, да възмуть клирошоне з(7)гривенъ от поповьства и от дьяконьства от обьего». А. И., I, 44, № 21, 1416.

[2]) А. А. Э., I, 69—70, № 92, 1471 г.: «А отъ суднаго рубля взять владыкѣ и его намѣстнику и ключнику отъ печати гривна, а отъ безсуднаго рубля... три деньги; а посаднику и тысецкому и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ безсуднаго рубля по три денги».

оброчныхъ людей епархіальнаго владыки, имѣютъ свой источникъ въ содержаніи церковныхъ органовъ управленія и въ покрытіи владычнихъ расходовъ по визитаціямъ. Обязанность содержать церковные органы управленія дала начало десятинѣ, пошлинѣ, которая вносилась духовенствомъ въ пользу архіерейскихъ десятниковъ [1]). Что же касается до визитацій, то на совершеніе ихъ уставомъ князя Святослава 1137 года была опредѣлена изъ княжеской казны извѣстная сумма, а именно самому владыкѣ — десять гривенъ, а сопровождавшему его священнику двѣ гривны [2]). Но кажется, наравнѣ съ княжескою казной, и епархіальное духовенство вездѣ принимало участіе въ покрытіи владычнихъ расходовъ по визитаціямъ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ даровъ и приношеній. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ краяхъ, гдѣ визитаціи совершались правильно, участіе духовенства въ продовольствіи владыки и его людей было не только обязательно, но и опредѣлено весьма обстоятельно. Такъ извѣстно, что во Псковѣ обязанность покрывать владычніе расходы по подъѣзду была организована въ двѣ отдѣльныя подъѣздныя пошлины, а именно поплѣшную которая взималась съ плѣши или съ гуменца, тонзуры, то-есть, головы, и выражалась въ деньгахъ, и кормъ или кормовую, которая первоначально была неопредѣленная и обнимала все разнообразіе житейскихъ потребностей, необходимыхъ во время подъѣзда какъ для самаго владыки, такъ и для его людей и лошадей [3]).

Чѣмъ выше поднималось значеніе Новгородскаго владыки и его мірскаго воинства, тѣмъ менѣе мѣста оставалось въ церковномъ управленіи на долю подчиненнаго ему духовенства. Великій Новгородъ составлялъ въ этомъ отношеніи любопытную противоположность со своимъ младшимъ братомъ: во Псковѣ, благодаря отдаленности владычней власти, „все божіе священство“ представляло общественную силу, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ и какъ бы замѣнявшую собою владыку, а союзы духовныхъ лицъ или соборы являлись важными органами церковнаго управленія. Напротивъ того, въ Новгородѣ общественное значеніе „божія священства“ было совершенно ничтожное, а соединеніе отдѣльныхъ церквей въ особенные купы или соборы если и встрѣчается, то совершенно въ иномъ, нежели въ Псковѣ,

---

[1]) А. А. Э., I, 99, 1471 г.

[2]) *Рус. Достоп.*, I, 85, 1137 г.: «Въ поѣздѣ от всее земли владыцѣ 10 гривенъ, а попоу двѣ гривне».

[3]) См. нашъ Очеркъ внутр. ист. Пскова, стр. 216.

смыслѣ. Новгородскіе соборы не были союзами, обнимавшими въ одинаковой мѣрѣ какъ городское, такъ и сельское духовенство. Сельскія церкви въ Новгородѣ вообще не образовали изъ себя соборовъ, и единственною связью между ними служили владычніе десятинники. Новгородскіе соборы были исключительно городскими союзами. Число ихъ въ началѣ XV столѣтія простиралось до семи, а значеніе почти совсѣмъ ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія [1]). Быть можетъ, они служили посредниками между владыкой и отдѣльными церквями, хотя и въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ соборы во Псковѣ. Первое мѣсто между ними естественно принадлежало Софійскому собору, капитулъ котораго служилъ помощникомъ для владыки при исполненіи имъ епархіальныхъ церковныхъ обязанностей и потому пользовался нѣкоторыми, исключительно ему предоставленными, доходными статьями. Статьи эти падали частію на городскія, частію же на областныя церкви. Къ числу городскихъ доходовъ относились пѣвшія и праздничныя гривны. Быть можетъ, въ видахъ пріученія къ церковному благочинію, новгородское городское духовенство обязано было поочередно отправлять въ Софійскомъ соборѣ недѣльныя службы. Но городскіе священники уже рано стали предпочитать личному исполненію этой обязанности—внесеніе извѣстной денежной суммы въ пользу Софійскаго причта, съ тѣмъ чтобы недѣльная служба была совершаема за нихъ священниками Софійскаго собора. А такъ какъ размѣръ денежной платы равнялся гривнѣ, и платилась она за отправленіе или „пѣніе“ службы, то она и получила названіе пѣвчей, или какъ тогда говорилось, „пѣвшей гривны“. Въ случаѣ уклоненія улицкаго священника отъ внесенія таможенной платы въ срокъ или въ среду на пѣвчей недѣлѣ, ему грозила пеня въ два рубля въ пользу архіепископа и взысканіе двойнаго урока въ пользу служившаго за него священника и бочки русскаго кислаго меду въ пользу протопопа съ остальнымъ Софійскимъ причтомъ. Обычай платить пѣвчія гривны былъ окончательно установленъ владыкою Геннадіемъ въ 1486 году; но изъ его распоряженія видно, что онъ въ той же формѣ существовалъ и при владыкѣ Евѳиміѣ II. Изъ этого позволительно заключать, что возникновеніе его относится, по всей вѣроятности, къ гораздо болѣе раннему времени [2]). Наравнѣ съ пѣвчею гривной, и про-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 107, 1417 г.: «а владыка Симеонъ, съ всею седьмію съборовъ и съ христіаны, съ кресты обходи около всего города»...

[2]) *Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1866 г., III, смѣсь, стр. 3: «И госпо-

исхожденіе праздничныхъ гривенъ нужно относить къ болѣе древнему времени, чѣмъ то, отъ котораго до насъ дошли первыя о нихъ упоминанія. Источникъ ихъ скрывается въ обычаѣ приглашать для служенія на мѣстные храмовые праздники софійское духовенство и чествовать его за трудъ угощеніемъ и даже поднесеніемъ нѣкоторыхъ даровъ. Но являясь вначалѣ актомъ добровольнаго усердія, даръ съ теченіемъ времени становится обязательнымъ, опредѣляется въ размѣрѣ и такимъ образомъ превращается въ извѣстную церковную пошлину [1]).

Что касается до областныхъ пошлинъ, шедшихъ въ пользу софійскаго причта, то къ разряду ихъ нужно причислить проскурную (просфорную) пошлину и пошлину за антиминсы. Проскурная пошлина взималась съ просвирницъ, занимавшихся приготовленіемъ просфоръ для храмовъ, и быть можетъ, первоначально была также пошлиною собственно городскою. На это указываетъ то обстоятельство, что она падала исключительно на городскія церкви, но отнюдь не на сельскія. Мы же считаемъ нужнымъ отнести ее къ числу областныхъ на томъ основаніи, что, ограничиваясь одними городскими церквями, она въ позднѣйшее время была распространена на большую часть новгородскихъ монастырей. Кромѣ городскихъ церквей, проскурная пошлина была взимаема съ 70 новгородскихъ монастырей, а слѣдовательно, имѣла дѣло не съ однимъ городомъ, а съ цѣлою областью. Размѣръ проскурной пошлины былъ точно опредѣленъ, кажется, только для однихъ городскихъ церквей; въ монастыряхъ же онъ много зависѣлъ отъ степени ихъ зажиточности. Средняя величина проскурной пошлины для монастырей равнялась

динъ преосв. владыка Геннадій... какъ пожаловали ихъ прежніе архіепископы, Евфимій, и Іона, и Ѳеофилъ, волить держати тѣ недѣли годовыя своимъ соборнымъ Софѣйскымъ попомъ за тѣхъ поповъ за улицкихъ. А которыи попъ улицкой не принесетъ тое гривна Софѣйскому попу на пѣвшей недѣли въ среду, и взяти... владыкы Геннадію на томъ попѣ на улицкомъ за его вину 2 рубли, а попу Софѣйскому за его службу взять гривна пѣвшая съ другою гривною, а протопопу Гаврилу .. съ братьею съ соборяны взяти бочку меду Руского кислого».

[1]) А. И., I, 164, № 111, 1500 г.: «А на праздникъ на Успеніе Пречистые позоветъ къ себѣ игуменъ на службу попа Софейского да діакона, да даетъ имъ обѣма на службу гривну Новогородскую, а кормить ихъ что ся у него лучитъ». А. А. Э., III, 453, № 306, 1504 г.: «А что шла пошлина Софѣйскому протопопу и протодьякону и священникомъ, съ пяти концовъ съ городскихъ церквей, на праздники, и ту имъ имати пошлину по старинѣ жъ».

одной новгородской гривнѣ. Богатые монастыри однако платили больше, а бѣдные—меньше [1]). Вторая областная пошлина, плата за антиминсы, взималась, какъ показываетъ самое названіе, за разсылку антиминсовъ по церквямъ. Эта пошлина была по преимуществу областною, падала исключительно на окологородскія новгородскія церкви, къ числу которыхъ относились и всѣ храмы города Пскова [2]). Размѣръ ея также былъ не всегда одинаковъ и видоизмѣнялся сообразно съ величиной приходовъ, приписанныхъ къ извѣстнымъ церквямъ. Въ церквяхъ, имѣвшихъ приходы отъ 500 до 600 обжъ, плата за антиминсы колебалась отъ одного до полутора рубля. Платой за антиминсы однако еще не исчерпывались расходы областныхъ церквей по освященію. Въ тѣхъ случаяхъ именно, когда освященіе церквей совершаемо было причтомъ Софійскаго собора, въ его пользу должно было идти, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, и все приношеніе, которое выручалось на освященіяхъ отъ христолюбцевъ [3]). Но не смотря на это щедрое вознагражденіе, капитулъ Софійскаго собора, кажется, не всегда оставался чистъ въ своей дѣятельности по раздачѣ антиминсовъ; иногда съ его стороны случались и злоупотребленія. Въ концѣ XV столѣтія Псковичи жаловались митрополиту, что въ бытность свою въ Псковѣ, Новгородскій владыка велѣлъ на четверо рѣзать данные имъ антиминсы. Трудно предположить, чтобы самъ владыка рѣшился допустить такое отступленіе отъ церковнаго порядка; гораздо вѣроятнѣе, что къ нему прибѣгли члены Софійскаго собора, чтобъ окупить вчетверо заплаченную въ митрополію пошлину [4]).

---

[1]) А. А. Э., III, 453, № 318, 1504 г.: «А что шла пошлина Софѣйскому протопопу и протодьякону и попамъ, съ проскурницъ, и имъ та пошлина съ проскурницъ имать по старинѣ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «да съ семидесять монастырей шла имъ проскурная пошлина, съ иного монастыря до гривны Новгородскія, а съ иного болши того, а со иного менши; а съ посадскихъ (то-есть, городскихъ) церквей пошлина проскурная идетъ имъ по старинѣ». Ср. А. А. Э., I, 222, 1551 г.

[2]) А. А. Э., I, 222, № 229, 1551 г.

[3]) А. А. Э., III, 453, 1504 г.: «а антимисы вѣдати Софѣйскому протопопу и протодьякону и священникомъ по старинѣ жъ». Тамъ же, III, 453, до 1551 г.: «а изстари всему Софѣйскому собору шло пошлинъ съ антимисовъ, съ церквей, которыя церкви около Новагорода, гдѣ въ приходѣ обежъ 500 или 600, до рубля и до полутора рубля Новгородскихъ съ церкви, съ антимиса; а гдѣ церкви священыя, и на церковныхъ де священіяхъ все приношеніе имъ же шло».

[4]) А. И., I, 17, № 8, 1392—1395 г.: «Нынѣча слышу, что самъ (Новгород-

Блескъ, окружавшій Новгородскаго владыку, не только мѣшалъ развитію самодѣятельности въ подчиненномъ ему духовенствѣ, но и почти совсѣмъ скрываетъ послѣднее отъ глазъ изслѣдователя. Не смотря однако на всю скудость имѣющихся у насъ о немъ свѣдѣній, мы все-таки можемъ замѣтить, что и тутъ повторяются тѣ же отношенія, какія отличаютъ положеніе Новгородской церкви вообще. Духовенство въ Новгородѣ не только не составляло отдѣльной касты, но даже и особеннаго сословія, а только развѣ классъ, тѣсно связанный съ остальнымъ обществомъ. Какъ выходъ изъ духовенства, такъ и входъ въ его ряды, былъ вполнѣ открытъ для всѣхъ желающихъ. Намъ извѣстны примѣры, что лица духовнаго званія, носившія священическій и діаконскій санъ, слагали его съ себя безъ всякихъ затрудненій и принимали на себя другія обязанности. Между христолюбцами, конечно, такая профанація духовнаго сана производила уже тогда нѣкоторый соблазнъ; но это однако не мѣшало попамъ, раздіаконамъ достигать высокаго положенія въ обществѣ. Во Псковѣ, напримѣръ, одного раздіакона мы видимъ въ классѣ бояръ [1]). Подобнымъ образомъ, и входъ въ ряды духовенства былъ открытъ всѣмъ классамъ новгородскаго общества. Между лицами, пришедшими въ концѣ XV столѣтія къ владыкѣ Геннадію, упоминается, напримѣръ, Омельянко мясникъ [2]). Но, не составляя замкнутой касты, духовенство въ Новгородѣ не образовало и отдѣльнаго сословія. На это указываютъ два обстоятельства: отсутствіе въ духовенствѣ наслѣдственности и неимѣніе никакихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Правда, уже въ древнѣйшее время въ церкви существовало мнѣніе, смотрѣвшее на поповичей, какъ на естественныхъ преемниковъ званія священниковъ, и можно даже полагать, что ряды церковныхъ должностей восполнялись по преимуществу изъ духовнаго юношества, больше другихъ обладавшаго знаніемъ грамоты. Но нѣтъ сомнѣнія, что одно происхожденіе отъ духовныхъ лицъ не составляло еще основанія, достаточнаго для того, чтобы быть причисленнымъ къ духовному

скій владыка) былъ тогды у васъ (Псковичей), а далъ вамъ отъ тѣхъ (священныхъ митрополитомъ) антимисовъ, а приказалъ вамъ на четверо рѣзати каждый антимисъ»...

[1]) П. С. Р. Л., IV, 254, 1477 г.: «Псковъ послалъ къ вел. князю 2 посадника... А съ ними два боярина, Опимаха Гладкого да Андрѣя Иванова, сына попова, раздъякона».

[2]) А. И., I, 148, № 104, 1496—1504 г.: «А нынѣ у меня побѣжали ставленики четыре, Максимко, да Куземка, да Овоноско, да Омельянко мясникъ».

званію. Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда поповичи оказывались не знающими грамоты, и слѣдовательно, не могущими расчитывать на занятія церковныхъ должностей и въ будущемъ, они становились изгоями, то-есть, переставали считаться членами духовнаго званія. И церковь если и предъявляла притязаніе на подчиненіе себѣ подобныхъ людей, то не на сословномъ, а на совершенно другомъ основаніи, на томъ именно, на которомъ она считала своею обязанностью смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на своихъ, которыхъ общественное положеніе или было неопредѣленно (выкупившихся холоповъ, задолжавшихъ купцовъ), или же нуждалось въ покровительствѣ (слѣпцовъ, хромцовъ) [1]). Но, кажется, и этому, болѣе скромному притязанію не удалось осуществиться на практикѣ. Поповичи, отдѣлившіеся отъ своихъ семей, но не имѣвшіе возможности занять церковное мѣсто, стали причисляться къ тѣмъ общественнымъ классамъ, положеніе которыхъ было ими усваиваемо. Нѣкоторые изъ поповичей, обратившіеся къ обработкѣ земли, снятой у землевладѣльцевъ, были отнесены такимъ образомъ къ разряду черныхъ людей [2]). Но гораздо чаще мы встрѣчаемъ ихъ въ классѣ купцовъ [3]) и земцевъ или своеземцевъ, то-есть, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, частію воздѣлывавшихъ землю на себя, частію же сдававшихъ ее въ аренду чернымъ людямъ [4]).

Отсутствіе сословности въ духовенствѣ Великаго Новгорода видно также и изъ другаго обстоятельства, того именно, что, какъ духовенство, оно не имѣло никакихъ особенныхъ правъ и преиму-

---

[1]) Повѣсть о нач. Печерск. мон. Псковъ, 1849 г., стр. 98—104: «А се церковные люди... изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ». Ср. А. А. Э., I, 5, № 9, 1404 г.

[2]) А. А. Э., I, 4, № 8, 1372 г.: «Се пріѣхаша ко мнѣ къ в. князю... отъ всего Новагорода Иванъ посадникъ... а отъ черныхъ людей Воиславъ поповичь, Василей Огаѳоновъ». Писц. кн. Вотской земли, во *Вр. М. О. И. и Др.*, XI, мат., стр. 2, 1500 г.: «Деревня Конецъ, у Ладоги на посадѣ, Яковльская Губина сына Селезнева. Дворъ: Максимко Ивановъ, сынъ поповъ, Стребыховъ. Сѣетъ ржи... и сѣна косить»...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 280, 1510 г.: «И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть отъ Филиппа отъ поповича отъ купчины отъ Псковитина».

[4]) *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 222, 1495 г.: «Во Холовскомъ же погостѣ въ в. князя деревняхъ въ опчихъ... Васюку попову сыну Григорьеву своеземцу: въ дер. въ Куреневѣ... на Васюковомъ жеребью дворъ самъ Васюкъ поповъ, сѣетъ ржи 3 коробьи; а сѣна коситъ 30 копенъ; обжа... Въ селци въ Рындинѣ... на Васюковѣ жеребью попова дворъ» и т. д. Тамъ же, VIII, прил. стр. 17, 1500 г.: «Въ Лувскомъ же погостѣ деревни своеземцевы... Бориска попова сына Ѳилимонова Гдитцкаго»... Тамъ же, VIII, 12.

ществъ. Правда, въ силу каноническаго права, духовенство было освобождено отъ исполненія личныхъ обязанностей, не несло, напримѣръ, наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, военной службы. Но здѣсь льгота составляла принадлежность только церковнаго сана, а отнюдь не званія. Отъ несенія военной службы освобождались только лица, дѣйствительно посвященныя въ извѣстный церковный санъ. Въ случаѣ войны только они одни могли оставаться дома и молить Бога. Всѣ же остальные церковники, не успѣвшіе получить посвященія, подвергались военной службѣ наравнѣ съ другими классами населенія. Не будучи поставленъ, идти въ походъ долженъ былъ и дьякъ, даже еслибъ у него уже было прострижено гуменце [1]). Самое однако важное—это то, что духовенство въ Новгородѣ ни въ чемъ не отличалось отъ остальнаго общества въ отношеніи къ реальнымъ повинностямъ, падавшимъ на собственность, въ особенности же собственность поземельную. Конечно, было бы несправедливо не указать, что въ позднѣйшій московскій періодъ у новгородскихъ церквей, какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ приходахъ, были земли, которыя относились къ разряду не тяглыхъ, то-есть, свободныхъ отъ всякихъ общественныхъ повинностей [2]). Но съ одной стороны, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько такой порядокъ можетъ быть перенесенъ на древнѣйшій, собственно новгородскій бытъ. Съ другой стороны, льготная земля была не столько собственно церковною, сколько общественною землею, приписанною къ церквамъ для содержанія приходскихъ пріютовъ. Оттого она была весьма ограничена въ своихъ размѣрахъ: въ городахъ отводилось ея столько, сколько требовалось для помѣщенія храма и дворовъ церковнослужителей, а въ селахъ нѣсколько больше, чтобы сверхъ того дать еще церковникамъ возможность обзавестись собственною пашней [3]). Собственно церковною землею должно считать

[1]) П. С. Р. Л., II, 40, 1148 г.: «Княже! ать же поидемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и тъи поидетъ (въ походъ); а кто не поставленъ, ать Бога молить».

[2]) *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 23, 1500 г.: «село Бѣлое... а въ немъ церковь Р. Х.; а нетяглыхъ людей въ томъ селѣ дворъ Емельянъ попъ, дв. Дмитръ дьякъ, дв. сторожъ Мартюшъ; а пашни у нихъ церковные на 3 коробья ржы, а въ обжи и въ оброкъ не положены».

[3]) *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 230, 1495 г.: «А на погостѣ жъ на волостной землѣ: Жабеньского десятка дв. Успленьской попъ Евсевѣй, дворъ Никольской попъ Иванъ... на церковной землѣ на Никольской дв. дьякъ Никольской... дв. Успленьской пономарь Стешко»...

тѣ земли, которыя составляли частную собственность, вотчину церквей и приставленнаго къ нимъ духовенства, священниковъ и діаконовъ, которыми они распоряжались по произволу и обыкновенно не обработывали сами, а сдавали чернымъ людямъ [1]). А такія земли какъ въ московское, такъ и въ новгородское время одинаково со всѣми другими землями подлежали всѣмъ общественнымъ повинностямъ, какъ общимъ, такъ и мѣстнымъ. Къ числу общихъ повинностей относились, напримѣръ, городоставленіе и доставленіе ратниковъ въ народное ополченіе. И вотъ источники говорятъ намъ, что даже самъ Новгородскій владыка не былъ освобожденъ отъ исполненія послѣдней повинности и долженъ былъ выставлять со своихъ поземельныхъ владѣній особенный полкъ [2]). Къ числу же мѣстныхъ повинностей нужно отнести такъ называемыя городовыя подѣлки, постройку мостовыхъ и т. д. Новгородское духовенство не избавлялось отъ участія и въ этихъ подѣлкахъ. Изъ устава о мостѣхъ XII столѣтія видно, что въ постройкѣ городскихъ мостовыхъ принималъ участіе какъ самъ владыка, съ изгоями, такъ и члены Софійскаго собора [3]).

Подчиненіе новгородскаго духовенства реальнымъ общественнымъ обязанностямъ не служитъ однако доказательствомъ того, что въ его средѣ совсѣмъ не было стремленій къ освобожденію себя отъ послѣднихъ. Неся разнообразныя тягости на пользу епархіальнаго владыки, духовенство тѣмъ неотразимѣе должно было стремиться къ освобожденію себя отъ тягла общественнаго, и притомъ не только въ смыслѣ пріобрѣтенія частныхъ привиллегій, имѣвшихъ силу въ отношеніи того или другаго храма, но и въ смыслѣ списканія общихъ льготъ для всего духовнаго чина. Точекъ опоры для подобныхъ стремленій у него недоставало. Подобно тому какъ въ западной церкви основаніемъ для подобныхъ притязаній служилъ преимущественно Ветхій Завѣтъ, который по неясности легко могъ быть

---

[1]) Новг. Писц. кн., III, 41, 1500 г.: «В. князя деревни, что были церковные Борисоглѣбскіе зъ Загзенья, да Спаскіе съ Розважы улици, да Ѳедоровскіе съ Щарковы улици». А. Ю., стр. 112, № 71: «Се купи Михаило Офромѣевичъ у попа у Ортемья село въ Кехтѣ въ Малой». *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, пр., стр. 14, 1500 г.: «А тѣ обжи попова Наумова вотчина». См. тамъ же, VIII, прил., стр. 20, 24, 26, 31.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 127—128, 1471 г.

[3]) Рус. Пр. по Карамз. сп., ст. 134, XIII в.: «а владыцѣ съвозѣ городная врата съ изгои, а съ другими до Острое улици... Софияномъ до тысяцьского»...

источникомъ для всякаго рода доказательствъ, точно также и на Руси, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, одинаковую услугу оказывало византійское церковное законодательство. Хотя въ Византіи земли церквей и духовенства и не были свободны отъ обыкновенныхъ поголовныхъ повинностей, тѣмъ не менѣе они освобождались отъ обязанностей чрезвычайныхъ и низкихъ, munera sordida et extraordinaria. Понятіе о низкихъ повинностяхъ въ каноническомъ правѣ не было строго опредѣлено и съ теченіемъ времени подвергалось разнымъ измѣненіямъ; но во всякомъ случаѣ, между разными другими тягостями, оно заключало въ себѣ заботы о продовольствованіи солдатъ и постройку крѣпостей [1]). Эти-то постановленія каноническаго права и могли легко послужить для новгородскаго духовенства точкой опоры въ его стремленіяхъ освободиться не только отъ участія въ постройкѣ крѣпостей, но и отъ поставленія со своихъ земель ратниковъ. Нельзя сказать, чтобъ эти стремленія духовенства увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но нѣтъ сомнѣнія, что ему все-таки удалось добиться нѣкоторыхъ облегченій. Въ Новгородѣ вообще постройка городскихъ укрѣпленій не могла причинять духовенству большія хлопоты, такъ какъ она производилась волостями, а горожане играли при этомъ только роль распорядителей. Но и независимо отъ того, позднѣйшія данныя показываютъ, что при городоставленіи духовенство даже не соединялось съ остальнымъ населеніемъ, а несло эту повинность отдѣльно, и притомъ, конечно, не въ особенно большомъ размѣрѣ [2]). Относительно Пскова, гдѣ имѣли мѣсто подобныя же отношенія, намъ извѣстенъ даже и размѣръ участія, который выпадалъ тамъ на долю духовенства при городоставленіи: онъ ограничивался постройкой части городской стѣны, величиной въ 160 саженъ, и покрытіемъ башенъ. Что же касается до обязанности ставить съ церковныхъ земель ратниковъ, то притязаніе на освобожденіе отъ этой повинности духовенство заявило въ концѣ XV

---

[1]) *Kiffel*, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat, I, 156, 157, 162, 164.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 293, 1534 г.: «онѣ бо государи (Иванъ III и Василій III) управляху свою вотчину Великій Новъгородъ 60 лѣтъ и множае, а не таковъ бо бѣ обычай градъ ставити, а не едину гридную, ни двѣ въ тѣ лѣти ставили; и егда ставити градъ, ино воставляху всею областію Новогородской земли волостьми, елико ихъ есть во всей Новгородской земли и области, а Новогородскіе люди толико кто пригоже съ торговыхъ рядовъ нарядчики были; а священного лика никако же съ простою чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не совокупляли».

столѣтія во Псковѣ и при помощи Номоканона успѣшно отстояло его, не смотря на сильное противодѣйствіе такой льготѣ со стороны вѣча [1]). Но чуть ли не всего счастливѣе было духовенство въ отношеніи городскихъ подѣлокъ. По крайней мѣрѣ псковскіе священники сообщали въ 1600 году царю, что они изстари не участвовали съ горожанами ни въ какихъ подѣлкахъ и на этомъ основаніи были освобождены отъ нихъ и впредь [2]).

Нигдѣ такъ ясно не сказывается связь духовенства съ новгородскимъ обществомъ, какъ въ отношеніяхъ его къ приходамъ. И это совершенно понятно. Въ древности храмы не только созидались, но и поддерживались по большей части самимъ же обществомъ. Церкви строились какъ частными лицами, такъ и цѣлыми товариществами или мѣстными союзами, улицами и волостями или селами [3]). Тѣ же лица и союзы далѣе заботились о сообщеніи храмамъ извѣстнаго благолѣпія, о снабженіи ихъ необходимыми церковными предметами и богослужебными книгами [4]). На нихъ же падало въ значительной долѣ и содержаніе приставленнаго къ церквамъ причта. Такъ общество должно было уже оплачивать трудъ духовныхъ лицъ по исполненію ими заказныхъ службъ и разныхъ церковныхъ требъ, и эта плата ложилась на него тѣмъ чувствительнѣе, что размѣръ ея много зависѣлъ отъ самихъ же исполнителей. Церковная власть старалась, правда, подчинить нѣкоторые виды этой платы опредѣленной таксѣ, постановляла, напримѣръ, что за сорокоустъ нужно брать шесть кунъ, а за гривну служить пять сорокоустовъ [5]). Но вообще плата назначалась самимъ духовенствомъ, и нерѣдко такъ, что подавала поводъ къ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 269, 1495 г.: «И Псковичи срубили съ десяти сихъ человѣкъ конный, да и со священниковъ и со діяконовъ почали рубити; и священники нашли въ правилахъ св. отецъ въ Манаканунѣ, что написано, яко не подобаетъ съ церковной земли рубитися». Тамъ же: «и не взяша съ нихъ ничего въ помочь».

[2]) *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 103, 1600 г.: «а они деи (псковскіе духовные) изстари и по ся мѣста съ посадскими людьми никакихъ податей и мостовъ по болшимъ улицамъ не мащивали, опричь городовыя стѣны 160 сажень да башни крыли»...

[3]) П. С. Р. Л., III. 13, 1165 г.; 18, 1185 г.

[4]) *Изв. Имп. Ак. Н.*, VI, 35, 1390 г.: «написаны быши книгы сія, глаголемыя прологъ, ко св. чудотворцома Козмы и Дамьяну... повелѣніемъ... всѣхъ бояръ и всеи улици Кузмодемьянѣ».

[5]) *Калайдовича* Пам. XII в., 173: «сорокоусты на гривну пятью служити, а на 6 кунъ одинаю».

жалобамъ на его корыстолюбіе [1]). Но кромѣ этого косвеннаго участія, общество оказывало церквамъ и прямую поддержку назначеніемъ руги и пожалованіемъ поземельныхъ владѣній. Подъ ругою разумѣлся хлѣбный или денежный окладъ, опредѣлявшійся общественною властью, а иногда и просто какимъ-либо товариществомъ, на содержаніе извѣстнаго церковнаго причта. Руга вообще встрѣчалась не часто, была принадлежностью такъ-сказать привиллегированныхъ церквей. Такою привиллегированною церковью былъ, напримѣръ, храмъ св. Іоанна Предтечи, служившій мѣстомъ новгородскаго торговаго управленія: на содержаніе его причта былъ опредѣленъ извѣстный процентъ изъ пошлины, которая сбиралась съ провѣсу воска [2]). Сравнительно съ ругой, поземельныя владѣнія имѣли въ содержаніи церквей и ихъ причта гораздо большее значеніе. Какъ уже мы указывали, владѣнія эти были двухъ родовъ. Одни представляли такъ-сказать не отчуждаемую принадлежность церквей, другія же—полную частную собственность или вотчины послѣднихъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ церкви обязаны были ими своимъ прихожанамъ, съ тою только разницею, что вотчины пріобрѣтались отъ отдѣльныхъ лицъ, жертвовавшихъ ихъ въ церкви на поминъ души. Эти тѣсныя отношенія, въ которыхъ стояли къ церквамъ прихожане и жертвователи, дѣлали вмѣшательство послѣднихъ въ церковныя дѣла неизбѣжнымъ даже помимо религіознаго интереса. Прежде всего для нихъ не могла быть безразличною судьба церковныхъ владѣній. И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что во Псковѣ на судѣ за церковную землю стоятъ сначала всѣ прихожане сообща, а позднѣе ихъ представители, церковные старосты [3]). Но затѣмъ для прихожанъ было важно и то, чтобы причтъ не обременялъ ихъ излишними поборами. И вотъ мы видимъ, что они распространяютъ свое вліяніе, на самое назначеніе къ церквамъ священнослужителей, и притомъ тѣмъ легче, что это ни мало не противорѣчило церковнымъ прави-

[1]) А. И., I, 13, № 6, 1388—1395 г.

[2]) Д. къ А. И., I, 3, № 3, 1134—1135 г.: «а оброка... изъ вѣсу вощанаго имати: попомъ по 8 гривень серебра, а дьякону 4 гривны серебра, а дьяку 3 гр. сер., а сторожамъ 3 гр. сер.». Ср. П. С. Р. Л., VI, 218, 1478 г. Тамъ же, VI, 299, 1536 г.: «А вседневную (то-есть, службу) замыслили рядовичи Великого ряду корыстнаго... и попа другого поставили и ругу обѣщали давати по 3 рубли на всякъ годъ».

[3]) Пск. Судн. Грам., 2-е изд., стр. 10: «А не церьковною землею и на судъ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю».

ламъ. Каноническими законами патропамъ, были ли то частныя лица, или же цѣлые союзы, предоставлялось именно право презентаціи или предложенія владыкѣ лицъ, излюбленныхъ для занятія извѣстныхъ церковныхъ мѣстъ. У насъ нѣтъ древнихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что въ Новгородѣ имѣла мѣсто подобная презентація [1]); но всѣ позднѣйшія данныя говорятъ однако въ пользу того мнѣнія, что назначеніе церковнослужителей совершалось именно въ этой формѣ. Изъ посланія Геннадія видно, что лица, предназначавшіяся для занятія извѣстныхъ церковныхъ должностей, приводились къ владыкѣ на посвященіе самими мірянами; а Стоглавъ прямо сообщаетъ, что въ Великомъ Новгородѣ уличане принимали къ церквамъ поповъ, діаконовъ, и дьяковъ и пономарей и затѣмъ приходили съ ними къ владыкѣ, вѣроятно—для посвященія или же для благословенія [2]).

Дѣло однако не остановилось на одномъ избраніи. Въ древности вообще не существовало правила, по которому церкви считались изъятыми изъ частной собственности. Кто строилъ и содержалъ церковь, тотъ считался вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и ея собственникомъ. Сами владыки не менѣе другихъ раздѣляли эту точку зрѣнія и имѣли свои собственные, владычни церкви и монастыри; только въ этомъ случаѣ не могло возникнуть никакихъ затрудненій, такъ какъ аномалія въ лицѣ владыки сглаживалась на мѣстѣ: владыка былъ непосредственнымъ главою какъ своихъ собственныхъ, такъ и всѣхъ остальныхъ храмовъ [3]). Но коль скоро эта точка зрѣнія переносилась на лица постороннія для церкви, то затрудненія возникали тотчасъ же сами собою: духовенство частныхъ церквей не могло стать въ зависимость отъ своихъ патроновъ безъ того, чтобы не потерпѣла ущерба власть епархіальнаго архіерея. Первымъ явленіемъ въ этомъ родѣ въ Вели-

---

[1]) *Бѣляевъ* (Разказы изъ Руск. Ист., II, 117—118) видимъ доказательство присутствію въ Новгородѣ выборовъ причта въ одномъ мѣстѣ Всеволодова устава, а именно: «а поповъ св. вел. Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожовъ, призирати старостамъ Иваньскимъ и купцамъ» (Д. къ А. И., I, 4, № 3, 1134—1135 г.); но неосновательно: слово «призирати» значитъ не выбирать, а заботиться.

[2]) А. И., I, 147, № 104, 1496—1504 г.: «занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учити, да поставивъ его да отпущаю боржае»... Стоглавъ, изд. 1856 г., гл. 41, стр. 176: «Въ Новѣгородѣ въ Великомъ попы и дьяконы и дьяки и пономари и проскурницы и притворяне уличане къ церкви принимаютъ... да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею».

[3]) П. С. Р. Л., III, 25, 1199 г.: «Испьсаша церковь въ Русѣ св. Спаса, владычню, въ монастырѣ». Тамъ же, III, 79, 1339 г.: «кончаша церковь владычьню пишуще».

комъ Новгородѣ были княжескія церкви, помѣщавшіяся главнымъ образомъ на Городищѣ и получавшія свое содержаніе отъ князя: причты княжескихъ церквей не считали себя поэтому связанными церковною властью Новгородскаго владыки, предпочитая послѣдней зависимость отъ своего князя-патрона [1]). Примѣръ князя не остался безъ подражанія со стороны какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ союзовъ. И тѣ стали смотрѣть на церкви какъ на свою частную собственность, а на священнослужителей—какъ на вполнѣ зависимыхъ отъ себя людей, и тѣмъ не мало содѣйствовали извращенію смысла церковной должности. Хотя посвященіе въ древней Руси, сообразно съ каноническимъ правомъ, и не было абсолютнымъ, то-есть, такимъ, которое сообщало поставленнымъ лицамъ извѣстную способность, а не извѣстную церковную должность, на мѣсто при извѣстной церкви,—тѣмъ не менѣе, при взглядѣ міряпъ на священнослужителей, какъ на вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ людей, оно теряло свой отличительный характеръ, усвоенный ему вселенскими соборами — ne quis ordinetur sine titulo—и сдѣлалось фактически абсолютнымъ. Не много было пользы отъ того, что владыка посвящалъ ставленниковъ только въ извѣстныя церкви, такъ какъ вслѣдствіе неудовольствія паствы, послѣдніе легко теряли свои мѣста и такимъ образомъ все-таки оставались при одной способности къ священнодѣйствію [2]). Благодаря такому произвольному отстраненію священнослужителей патронами и прихожанами, на Руси въ средѣ духовенства изстари существовали два большіе отдѣла, изъ которыхъ первый обнималъ собою мѣстные причты, состоявшіе въ данное время при мѣстныхъ церквяхъ, а второй — безмѣстныхъ церковниковъ, потерявшихъ вслѣдствіе неблагорасположенія паствы свои мѣста, на кои они были первоначально посвящены. Хорошо еще, если безмѣстному священству скоро пред-

[1]) П. С. Р. Л., III, 7, 1136 г.: «Оженися Святославъ Ольговець Новѣгородѣ и вѣньцяся своими попы у св. Николы, а Нифонтъ его не вѣньця, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: не достоить ея поняти». С. Г. Г. и Д., I, 4, № 6, 1270 г.

[2]) *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 84—85, 1528 г.: «Да били мнѣ челомъ старосты петисоборскія... что деи они по моему наказу поучаютъ дѣтей своихъ духовныхъ, а они деи ихъ не слушаютъ, да съ мірскими людьми и игуменовъ и священноиноковъ и священниковъ отъ церквей безъ моего вѣдома отсылаютъ; и азъ приказалъ намѣстнику своему того беречь накрѣпко, чтобы безъ моего вѣдома отъ церквей игуменовъ и священноиноковъ и діаконовъ не отсылали, а иныхъ не поряживали».

ставлялся благопріятный случай выйдти изъ своего тяжелаго положенія, если въ какомъ-либо краю епархіи открывался сильный недостатокъ въ священникахъ, какъ это, напримѣръ, было въ 1388 году, когда Псковичи просили у Новгородцевъ поповъ „которые ходятъ попы безъ церкви“ [1]). Въ противномъ случаѣ, до полученія новаго мѣста, безмѣстнымъ священнослужителямъ естественно приходилось пользоваться своею собственностью только временно, отправлять службы лишь по найму, въ замѣнъ мѣстныхъ священниковъ: послѣднее случалось обыкновенно тогда, когда мѣстные попы не могли по какимъ-либо причинамъ сами совершать богослуженіе [2]).

Однако безмѣстные священнослужители рѣдко оставались въ такомъ выжидательномъ положеніи; гораздо чаще, взявъ съ собою ставленную грамоту, свидѣтельствовавшую о ихъ способности къ священствованію, равно какъ и отпускную, дозволявшую имъ искать мѣста въ чужихъ краяхъ, они сами пускались въ погоню за должностью. Вообще духовенство въ древности было также склонно къ бродячей жизни, какъ и остальное населеніе; оно также находилось въ постоянномъ движеніи, которое не ограничивалось предѣлами одного роднаго края, а распространялось на всю тогдашнюю Русь. Такъ въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтіи) священнослужители, принадлежавшіе какъ къ бѣлому, такъ и къ черному духовенству, являлись въ Псковъ не только изъ новгородскихъ, московскихъ и тверскихъ предѣловъ, но и изъ Литвы (то-есть, Западной Руси, въ особенности же изъ Кіева), вступали въ сдѣлки съ прихожанами церквей, предлагали выгоднѣйшія для послѣднихъ условія или даже просто подкупали ихъ и такимъ образомъ успѣвали стѣснять мѣстные причты, которымъ въ свою очередь приходилось волочиться безъ мѣстъ [3]). Въ условіяхъ, заключавшихся духовенствомъ съ прихожанами при принятіи должно-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 96, 1388 г.: «Псковичи пріѣздиша ко владыцѣ Ивану прошати поповъ во Псковъ къ церквамъ, которыи ходятъ попы безъ церкви».

[2]) А. А. Э., I, 441, № 360, 1594 г.

[3]) Х. И., I, 61, № 31, 1420 г. *Евгеній*, Ист. Кн. Пск., II, 82—83, 1528 г. «Да что во Псковѣ черные попы и бѣлые и діаконы съ Москвы и изъ за Твери и изъ Новгорода и изъ Литвы, да у церквей служатъ, а старостамъ петисоборскимъ то невѣдомо, есть ли у нихъ ставленныя грамоты и отпускныя, или нѣтъ, и свершены ли въ попы, или не свершены, и есть ли у нихъ жены, или нѣтъ, да подъ мѣстныхъ игуменовъ и священниковъ подкупаются, и старые игумены и священноиноки и священники и діаконы, тутошніе жильцы, волочатся безъ мѣстъ».

сти, опредѣлялось время, въ продолженіе котораго священникъ обязывался совершать богослуженіе, напримѣръ, годичный срокъ, службы, какія онъ долженъ былъ совершать въ различные дни и требы, за отправленіе которыхъ ему не полагалось брать пошлинъ съ прихожанъ; въ условія же заносилась и статья, воспрещавшая прихожанамъ удалять священника безъ вины даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній захотѣлъ бы остаться при церкви и по прошествіи договорнаго срока [1]). Такимъ образомъ, право презентаціи, предоставленное каноническими законами мірянамъ, превратилось въ древней Руси въ частный наемъ священнослужителей, который въ позднѣйшее время совершали даже не безъ нѣкотораго цинизма. По свидѣтельству Стоглава, псковскіе великокняжескіе дворецкіе и дьяки, распоряжавшіеся мѣстами при русскихъ церквяхъ, раздавали ихъ вкупѣ съ владычнымъ намѣстникомъ только за большія деньги [2]). Ту же страсть къ наживѣ на счетъ причта Стоглавъ порицаетъ и въ новгородскихъ прихожанахъ. По его словамъ, населеніе новгородскихъ улицъ принимало къ церквамъ поповъ, діаконовъ и остальныхъ членовъ причта не иначе, какъ взявъ съ нихъ изрядный откупъ: съ иного попа 15, съ другихъ 20 и даже по 30 рублей. Понятно, что требованія откупа заявлялись съ особенною настойчивостью тогда, когда владыка самъ отъ себя рѣшался назначать въ приходъ какого-либо священника, гораздаго грамотѣ: оно являлось тогда для прихожанъ средствомъ обороны противъ вторженія владыки въ принадлежавшую имъ сферу дѣятельности [3]).

Наравнѣ съ церковью и другая, перенесенная изъ Византіи единица религіознаго общенія, монастырь, получила въ древней Руси своеобразное развитіе. Въ Византіи господствовали три формы монастырскаго устройства: 1) киновія или общежитіе, представлявшее соединеніе извѣстнаго числа монаховъ на строгомъ общежительномъ уставѣ; 2) отшельничество, на основаніи котораго тѣмъ же уставомъ

---

[1]) А. Ю., стр. 199, № 185, 1588 г.

[2]) Стоглавъ, гл. 41, стр. 177: «Также и дворецкіе и дьяки и во Псковѣ намѣстникъ владычень ставятъ сами поповъ къ ружнымъ церквамъ и на нихъ и на всемъ причтѣ церковномъ великие жъ деньги емлютъ».

[3]) Стоглавъ, гл. 41, стр. 176: «и на нихъ емлють денги великие, на попѣ рублевъ 15, а на иномъ 20, а у иного 30, да съ кѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею. А только владыка попа пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотѣ гораздъ и чювственъ, а только многихъ денегъ уличаномъ не дастъ и они его не примутъ».

общежитія связывалось только весьма незначительное число иноковъ, обыкновенно —трое или даже двое, и 3) пустынножительство, сообразно съ которымъ каждый отдѣльный монахъ уже образовалъ особенный монастырь. Послѣдняя форма монашества считалась самою высшею, но принятіе ея совѣтовалось только людямъ, „внимающимъ понести великаго и жестокаго житія“ [1]). Всѣ эти формы монастырской жизни встрѣчаются и въ древней Руси, только съ большими мѣстными особенностями. Преимущественнымъ распространеніемъ, особенно въ сѣверной Руси, пользовалось впрочемъ отшельничество, какъ форма, которая при извѣстныхъ условіяхъ всего менѣе могла стѣснять дорогую для того времени личную свободу. По числу членовъ русскіе отшельническіе монастыри еще напоминали свой византійскій образецъ. Обыкновенное количество монаховъ составляло въ нихъ не болѣе двухъ или трехъ и только изрѣдка доходило до шести или семи: въ такомъ случаѣ монастырь считался уже большимъ [2]). Но въ своемъ устройствѣ они очень мало отвѣчали византійскимъ предписаніямъ. Въ нихъ ясно преобладало „особинное“ существованіе. Тѣсное сожительство монаховъ отнюдь не считалось ихъ принадлежностью. Напротивъ, каждый монахъ селился отдѣльно, въ особенной хижинѣ (кельѣ), по близости, а иногда и совершенно вдали отъ остальныхъ братьевъ. Подобнымъ образомъ нимало не возбранялась и частная собственность. Каждый монахъ могъ имѣть свое имущество и отдѣльное хозяйство и долженъ былъ заботиться о ихъ поддержаніи: отъ того монахи „были одержимы всякими житейскими печалями“. Вся связь между этими отдѣльными единицами заключалась не болѣе, какъ только во временныхъ совѣщаніяхъ и въ религіозномъ общеніи, въ храмѣ, который они себѣ сооружали [3]). Съ этимъ собиннымъ мо-

---

[1]) А. И., I, 52, № 26, 1418 г. Преданіе Нила Сорскаго, С.-Пб. 1859 г., стр. 23.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 284, 1528 г.: «А преже бо сего токмо велицыя монастыри во общины быша и по чину, а прочіи монастыри, иже окресть града, особь живущи, коиждо себѣ въ келіяхъ ядяху и всякими житейскими печалми одержими бяху; а въ лучшихъ монастырѣхъ 6 черньцовъ или 7, а въ прочихъ два или 3».

[3]) Преданіе Нила Сорскаго, стр. 24: «Нынѣ же нѣцыи, не внемлюще силѣ Св. Писанія, изобрѣтоша себѣ не по волѣ, не по преданію св. отецъ, четвертый чинъ или житіе: зиждуще бо келліи всякъ, идѣше аще хощетъ, или далече, или поблизу, живутъ уединенно, всякъ свою волю предпочитая и стяжан е съ попеченіемъ гоня». Тамъ же, стр. 35: «Отцы пишутъ, ублажающе въ двухъ или тріехъ житіи. Возмнѣся бо нѣкіимъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ келліяхъ, особь, и сходитися временемъ на совѣтъ, се есть путь средній и царскій»...

нашескимъ существованіемъ было тѣсно связано другое явленіе, на первый взглядъ кажущееся совершенно непонятнымъ, а именно возникновеніе такихъ монастырей, въ которыхъ находились какъ чернецы, такъ и черницы, и въ которыхъ начальствовали игумены, а не игумены со священниками-бѣльцами. Странность явленія, которую преосв. Макарій несправедливо пытался объяснить признаніемъ черницъ за особенный, только приписной къ мужскому монастырь, нѣсколько сгладится, какъ скоро принять во вниманіе раздѣльное жительство членовъ монастыря. Отшельническій монастырь есть собственно только мѣсто религіознаго общенія: монахи и монахини относятся къ нему почти также, какъ прихожане къ своей церкви [1]).

Хотя отшельническіе монастыри и пользовались преобладаніемъ въ сѣверной Руси, тѣмъ не менѣе тамъ встрѣчались и монастыри общежительные, только также въ весьма своеобразной формѣ. Противоположно отшельническимъ монастырямъ, члены общежительныхъ составляли, правда, изъ себя общину, но довольно оригинальнаго устройства. Въ составъ каждой общины входили два элемента, старцы и вкладчики. Подъ первыми разумѣлись исключительно люди, отрекавшіеся отъ міра, иноки по призванію, подъ вторыми же — міряне, обезпечивавшіе себѣ право на причисленіе къ монастырю внесеніемъ вклада или извѣстной денежной или какой-либо иной цѣнности. Конечно, во многихъ монастыряхъ и старцы нерѣдко пріобрѣтали себѣ право на пребываніе въ монастырѣ не иначе, какъ посредствомъ внесенія вкуповъ, вкладовъ или милостынь; но это было не необходимо: въ иноки принимали часто и „за богородъ“. Напротивъ, въ вкладчики можно было попасть не иначе, какъ только чрезъ внесеніе въ монастырь опредѣленнаго вклада. [2]): Были двѣ причины, которыя побуждали мірянъ записываться въ монастырскіе вкладчики. При томъ стремленіи кончать свою жизнь въ ангельскомъ (то-есть, монашескомъ) образѣ, которое характеризуетъ разсматриваемое время, внесеніе вкладовъ, особенно со стороны знатныхъ лицъ, уже само по себѣ должно было быть весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Оно обезпечивало вкладчикамъ не только спокойное

[1]) П. С. Р. Л., IV, 278, 1504 г.: «А что въ монастырѣхъ въ одномъ мѣстѣ жила черницы и черницы, а служили у нихъ игумены»...

[2]) Макар. Мин. Четіи, за сент., стр. 476: «и увѣдавъ сія братія, притекоша скоро къ нему (князю) оскорблени... Мы, рѣче, пришли въ обитель Пречистыя... и давахомъ вклады, и по своихъ родителѣхъ имѣнія и села въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ». А. А. Э., I, 83, № 108, до 1479 г.

и почетное пребываніе въ монастырѣ въ старости, но и могилу въ оградѣ послѣдняго и даже постоянное поминаніе по смерти. Что же касается до другой побудительной причины, то она имѣла болѣе фактическій характеръ и состояла не въ чемъ иномъ, какъ въ желаніи обезпечить свое земное существованіе. Такимъ соображеніемъ руководились по преимуществу малосостоятельные люди, изъ которыхъ составлялось обыкновенно большинство монастырскихъ вкладчиковъ. Внося вкладъ, они не отрѣшались отъ міра и отъ своихъ мірскихъ занятій, но въ то же время гарантировали себѣ право на пожизненное полученіе изъ монастыря содержанія, которое шло въ послѣднемъ на долю чернецовъ. Въ числѣ такихъ вкладчиковъ встрѣчаются особенно часто лица, стоявшія въ какихъ-либо служебныхъ отношеніяхъ къ монастырю: въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, между вкладчиками одного монастыря упоминается конюхъ Карпъ [1]). Но коль скоро вошло въ обычай внесеніе вкладовъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, монаховъ и мірянъ, то отчего было не послѣдовать ихъ примѣру и цѣлымъ монастырямъ? И вотъ, мы дѣйствительно видимъ, что игумены съ братіей однихъ монастырей цѣликомъ вкладываются въ другіе и такимъ образомъ полагаютъ начало монастырямъ приписнымъ. Выгоды при этомъ были обоюдныя. Независимо отъ расширенія своей власти, главный монастырь получалъ возможность извлекать доходы какъ изъ внесеннаго вклада, такъ и изъ тѣхъ земель и угодій, которыми располагалъ приписной, и которыя въ рукахъ послѣдняго, вслѣдствіе скудости средствъ, легко могли оставаться безплодными [2]). Точно также, хотя приписка и сопровождалась обыкновенно для мелкихъ монастырей потерею нѣкоторой доли самостоятельности, тѣмъ не менѣе въ замѣнъ того она доставляла имъ спокойное существованіе. Благодаря опорѣ, которую чрезъ приписку они пріобрѣтали въ главныхъ монастыряхъ, имъ уже не могли быть особенно страшны свѣтскіе правители, архіерейскіе слуги и сильные люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ не нужно было уже много безпокоиться и о снисканіи средствъ для своего существованія. Принимая вклады, большой монастырь обязывался обыкновенно выдавать имъ „вѣчно“ такое же содержаніе, какое получали въ немъ чернецы и вкладчики [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 153, 1548 г.: «да въ тѣ жъ поры выняли у старца у Ефрема въ кельѣ, въ ларци, ризы казеныи, да старца связали, да у вкладщика у Карпа у конюха выняли колоколъ, кои у трапезы»...

[2]) *Амвросій*, Ист. Росс. Іерарх., V, 156, 1678 г.

[3]) *Рус. Ист. Библ.*, II, 18, № 19, 1459—1471 г.: «се вложися игуменъ Иг-

Независимо отъ состава, и самый характеръ общежитія въ новгородскихъ монастырскихъ общинахъ представлялъ важныя особенности. Какъ показываетъ примѣръ Псковскаго Снѣтогорскаго монастыря, общежитіе было въ нихъ болѣе въ зародышѣ, чѣмъ въ полной дѣйствительности. Общежитіе существовало безъ опредѣленнаго письменнаго устава, который сколько-нибудь регулировалъ бы отношенія монаховъ, и состояло главнымъ образомъ въ одномъ сожительствѣ въ стѣнахъ монастыря. Общая трапеза соблюдалась не строго, равно какъ не строго устранялась и частная собственность; сообразно съ своими частными средствами монахи держали „собины“ или отдѣльныя хозяйства, облекались въ нѣмецкое сукно и въ бараньи шубы съ пухомъ [1]). Даже постановленіе церковныхъ правилъ, воспрещавшее монахамъ послѣ постриженія сохранять за собою недвижимыя имущества, не имѣло полной обязательной силы. Монахи и монахини не только владѣли вотчинами, но и распоряжались ими совершенно свободно, продавали, дарили, отдавали кому хотѣли по завѣщанію, пріобрѣтали или наслѣдовали въ свою личную пользу новыя имѣнія, нерѣдко даже состоя въ монашескомъ званіи. Примѣры такого владѣнія и свободнаго распоряженія недвижимою собственностью монахами довольно многочисленны, и хотя въ каждомъ частномъ случаѣ и бываетъ трудно рѣшить, къ какому монастырю принадлежалъ собственникъ, къ отшельническому или общежительному, тѣмъ не менѣе въ общемъ несомнѣнно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ родѣ монастырей, владѣніе недвижимою собственностью у отдѣльныхъ лицъ было вещью самою обыкновенною [2]). Существованіе самой собствен-

---

...ени Рождества св. Богородици и вси старци Рождества св. Богородици с Палья острова къ св. Спасу въ Нередицы вѣчнымъ вкладомъ и даша десять рублевъ при игуменѣ при Митрофанѣ и при старчахъ при Левонтѣ и при Ермилѣ, и при Серопионѣ, и при Арсѣніи; и при вкладщикахъ при... и при... и при всѣхъ вкладщихъ (то-есть, вкладщикахъ). А имати имъ хлѣбъ и соль, какъ ченци и вкладники в монастырѣ емлють въ домъ св. Богородици и в вѣки; а в ыное имъ ні во что же не вступатис». Нѣкоторыя выраженія въ этой важной грамотѣ приписаны позднѣе.

[1]) А. Ю., I, 52, № 26, 1418 г.: «А повѣдаете ми (Фотію) и пишете, что того устава его ктиторова у васъ написаннаго и не было». А. И., I, 8, № 5. 1382 г.: «А сѣніе потребное имати у игумена, обычныи, а не нѣмечьскыхъ суконъ, а шюбы бараньи носити безъ пуху». Тамъ же, I, 510, № 578, 1469—1473 г.; А. Ю., стр. 145, № 110.

[2]) А. Юр., стр. 433, № 409, V: Се азъ... игуменъ Василій далъ есмь въ домъ св. Николы... Урановскую землю, чѣмъ есмь володѣлъ». Тамъ же, стр.

ности въ монастыряхъ служило обыкновенно для послѣднихъ источникомъ разныхъ затрудненій, такъ какъ оно вызывало постоянное вмѣшательство въ монастырскія дѣла свѣтской власти, чего духовенство всячески избѣгало. Нерѣдко случалось именно, что чернецы вслѣдствіе неудовольствій оставляли монастырь, и конечно, считали себя въ правѣ не только сохранить за собою свою частную собственность, но даже и требовать обратно вклада, внесеннаго въ монастырскую казну. А такъ какъ, съ другой стороны, духовная власть смотрѣла на достояніе чернецовъ, особенно же на ихъ вкладъ, какъ на имѣніе монастырское, то вышедшимъ ничего иного не оставалось, какъ искать управы у свѣтской власти, и сколько извѣстно, послѣдняя не отказывала въ такихъ случаяхъ въ судѣ и назначала роту игумену и старцамъ [1]). Нерѣдко случалось и такъ: умиралъ въ монастырѣ инокъ и оставлялъ послѣ себя нѣкоторое имущество. Монастырь естественно склоненъ былъ смотрѣть на себя, какъ на самаго законнаго наслѣдника умершаго, но такъ какъ въ то же время и кровные родственники его не отказывались отъ правъ на наслѣдіе, то дѣло опять запутывалось и могло быть разрѣшено не иначе, какъ при вмѣшательствѣ свѣтской власти. Духовное начальство, конечно, порицало мірянъ за это несправедливое, по его мнѣнію, вмѣшательство въ церковныя дѣла; но частое повтореніе жалобъ показываетъ, что онѣ дѣйствовали не довольно успѣшно [2]).

Кромѣ устройства общежитія, большіе монастыри отличались отъ отшельническихъ характеромъ внутренняго управленія и отношеній къ своему епархіальному владыкѣ. Хотя византійское каноническое право и не допускало изъятія монастырей изъ-подъ власти своего

143, № 110: «Се далъ Алексъ чернецъ св. Николи и вѣкѣ землю... купцю свою»... Тамъ же, стр. 432, № 409, III: «Ортемей черноризецъ, отходя сего свѣта, пишю рукописанье: св. Николѣ... четверть поволока, моего участка»... Тамъ же, 434—435, № 409: «а что моя полянка особная досталась мнѣ отъ братьи, и ту полянку даю (черноризецъ Ермола) св. Михаилу и иныя земли, что въ межахъ съ тою землею, всю по купчимъ». У *Неволина* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 41, упоминается земля «Овдотьи черницы, съ Ямы городка, гридинскіе жены».

[1]) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «И тыя черньци да изъ вашего (Снѣтогорскаго) монастыря вышедшіе вонъ, да подъимаютъ мірскыя люди и мірскыя судья и на старцевъ»...

[2]) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421 г.: «или мірьскый человѣкъ почнетъ чего взыскывати умершаго черньца, или племя или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати»...

епископа, тѣмъ не менѣе это правило, вслѣдствіе недостаточнаго сознанія византійскаго образца, не могло сохраниться за Русскою церковью, а чрезъ это и тутъ открылось обширное поле для разнаго рода исключеній. Поэтому, между тѣмъ какъ мелкіе монастыри и на Руси вполнѣ подчинялись власти владыки и даже иногда испытывали отъ него притѣсненія, въ то же время знатнѣйшіе монастыри мало по малу выходятъ изъ-подъ владычней опеки и пріобрѣтаютъ для своего внутренняго управленія нѣкоторую независимость [1]). Что же касается послѣдняго, то здѣсь разница между общежительными и отшельническими монастырями только въ степени его сложности. Въ сущности внутреннее управленіе монастырей въ обоихъ случаяхъ одинаково основывалось на выборномъ началѣ и всякое уклоненіе отъ него порицалось, какъ незаконное. Въ завѣщаніи Антонія Римлянина предаются проклятію не только иноки, которые вздумали бы добиваться игуменства насиліемъ или за деньги, но и епископы и князья, которые захотѣли бы проводить въ настоятели Антоніевскаго монастыря своихъ собственныхъ кандидатовъ [2]). Въ монастырскомъ управленіи ученые старались отыскать свойственное каноническому праву искусное соединеніе единоличной власти съ коллегіальною; но это соединеніе если и можно допустить, то только въ весьма слабой степени. Въ числѣ единоличныхъ монастырскихъ властей мы встрѣчаемъ прежде всего игумена, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ общее управленіе монастыремъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ монастыряхъ, келаря, завѣдывавшаго свѣтскими, мірскими дѣлами монастыря, и казначея, спеціально распоряжавшагося монастырскою казной: иногда, впрочемъ, эти послѣднія лица носили и другія названія, но это, конечно, нимало не измѣняло сущности дѣла [3]). Коллегіальная же власть была представляема соборомъ, заключавшимъ въ себѣ, кромѣ поименованныхъ лицъ, или всю рядовую братію монастыря, или же только излюбленныхъ старцевъ, которые отъ этого носили титулъ соборныхъ.

---

[1]) А. А. Э., I, 63, № 87, 1470—71: «А во владычень судъ и въ тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды, по старинѣ».

[2]) *Амвросія*, И. Р. I., III, 124, 125; А. А. Э., I, 83, до 1479 г.: «А кого себѣ братья възлюбять игумена, того себѣ держатъ».

[3]) А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Отселѣ... на Снѣтной горѣ... ничтоже своего (имѣти) ни игумену ни братіи... ни ѣсти въ келіи ни пити, не у келаря просити; а келарю не дати, ни ключнику не дати, никому же ничто же безъ игуменова слова»... *Русс. Ист. Библ.*, II, 17—18, 1459—1471 г.; А. И., I, 532, № 292, 1526—1530 г.

Первое, по всему вѣроятію, имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда монастырь былъ незначительный, второе же — когда въ монастырѣ „стадо“ чернецовъ было довольно многочисленно. Сверхъ того, въ монастырскихъ соборахъ принимали участіе какъ церковный причтъ, такъ иногда и церковные старосты, послѣдніе, очевидно — какъ представители мірскаго патроната надъ монастырями [1]). Что же касается до распредѣленія силы и вліянія между единичною и коллегіальною властями, то неограниченнымъ авторитетомъ игуменъ пользовался только въ одной духовной сферѣ: здѣсь безусловное повиновеніе игумену составляло существенную черту каждаго монастырскаго устава [2]). Во всѣхъ же остальныхъ сферахъ дѣятельности онъ находился въ зависимости отъ монастырскаго собора: онъ судилъ братію при помощи послѣдняго и ему же долженъ былъ отдавать отчетъ въ хозяйственномъ управленіи по сложеніи должности [3]).

Въ хозяйственной сторонѣ монастырскаго быта главное мѣсто принадлежало монастырскимъ вотчинамъ. Мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что важнѣйшимъ источникомъ въ содержаніи духовенства съ этого періода становятся поземельныя владѣнія, и что ихъ особенно много было у Новгородскаго владыки. Послѣ владыки никто не обладалъ въ Новгородѣ такими обширными землями, какъ монастыри. Не всѣ, конечно, монастыри могли похвастать обширностью своихъ земель; но у важнѣйшихъ изъ нихъ поземельныя владѣнія несомнѣнно были весьма значительны. Довольно указать на тотъ фактъ, что для удовлетворенія требованій Ивана III по отводу ему новгородскихъ земель Великій Новгородъ предложилъ ему половину волостей владыки и шести главнѣйшихъ монастырей. Удваивая количество земли, взятое при этомъ отводѣ у каждаго монастыря, мы получили, что въ концѣ независимаго существованія Новгорода общая сумма владѣній составляла у Юрьева монастыря 1440, у Аркажа — 666, у Благовѣщенскаго — 506 обжей или третьихъ частей сохи [4]).

---

[1]) А. И., I, 50, № 24, 1416—1421.: «А какова будетъ которая промежи братьи тоя обители, ино вѣдаетъ промежи ими игуменъ и старци и с причетни тоя обители съ старостами св. Богородица». Тамъ же, I, 532, № 292, 1526—1530 г.

[2]) А. И., I, 8, № 5, 1382 г.: «Послушаніе же и покореніе имѣть во всемъ игумену».

[3]) А. Ю., 145, № 110, XIV или XV в.: «а поидетъ игуменъ проць изъ монастыря, ино ему дати уцетъ чернцамъ»...

[4]) П. С. Р. Л., VI, 217, 1478 г.: «да прежеписанныхъ шести монастырей по половинѣ волостей: а у Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ князь великій,

Своихъ обширныхъ земель монастыри обыкновенно не обработывали на себя, а отдавали ихъ въ пользованіе крестьянамъ и поземщикамъ, занимавшимся на монастырской землѣ разными промыслами. Во взаимныхъ отношеніяхъ монастырей и ихъ селянъ господствовала система оброка и только изрѣдка встрѣчаются примѣры барщины. Такъ напримѣръ, временами крестьяне косили сѣно на владыку и монастыри, пахали игумновъ жеребей и дѣлали разныя монастырскія подѣлки [1]). Барщина была излишнею уже потому, что самый оброкъ платился обыкновенно естественными произведеніями [2]). Кромѣ поземельной платы, крестьяне должны были оплачивать всѣ расходы по монастырскому вотчинному управленію и прежде всего по подъѣздамъ монастырскихъ настоятелей. Подобно тому какъ Новгородскій владыка совершалъ объѣзды своего духовенства, такъ точно и настоятели монастырей, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ, завели обычай совершать періодическія посѣщенія въ свои монастырскія вотчины. Расходы, которыя вытекали отсюда для крестьянъ, были точно также опредѣлены, какъ и владычнія подъѣздныя пошлины. Въ договорныхъ грамотахъ крестьянъ съ монастыремъ было постановляемо, сколько времени настоятель долженъ былъ пребывать во время подъѣзда въ вотчинѣ, сколько получалъ пива, рыбной и мясной валоги, овса и сѣна. Въ тѣхъ же грамотахъ опредѣлялись далѣе и всѣ дары, которые шли въ пользу игумена и его свиты, священника съ діакономъ, чашника, казначея и прислуги. Даръ настоятеля поступалъ въ его казну даже и тогда, когда онъ и не совершалъ обычнаго подъѣзда; но его свита въ такихъ случаяхъ не получала ничего [3]). Наравнѣ съ

---

720 обежей, а у Аркажа 333, а у Благовѣщенскаго 253, а у Никольскаго Неревскаго конца 251, а у Онтонова 50 сохъ, а у Михайловскаго 100 обежей безъ трехъ».

[1]) *Неволинъ*, въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил., стр. 13, 1500 г.; А. А. Э., I, 6, № 11, 1391 г.

[2]) *Чт. въ М. Общ. Ист. и Др.* за 1858, II, стр. 54: «се урядишася Рабичичане св. архим. Григоріемъ и съ попы и съ черньци Юрьева монастыря... давати имъ успы въ житницю 30 коробей ржи, 30 овса въ правую мѣру Новгородскую. А возити имъ самимъ той хлѣбъ в монастырь св. Георгія».

[3]) *Чт. въ М. Общ. Ист. и Др.*, за 1858 г., II, стр. 54: «А коли архимандритъ пріѣде на подъѣздъ, стояти ему на стану двѣ ночи. А пива положити христьяномъ довольно. А хлѣба и валоги, рыбное и мясное, довольно. А конемъ овса и сѣна довольно. А дару архимандриту на томъ стану 5 гривенъ, стольнику полкоробьи ржи. Чашнику полкоробьи ржи... А коли архимандритъ на подъѣздъ не поѣде: ино тогды пошлинникомъ пошлины вси не надобѣ. А архимандричь

общею монастырскою властью, и частные органы монастырскаго управленія, закащики и посельскіе, также получали извѣстные доходы съ завѣдывавшихся ими монастырскихъ вотчинъ и селъ [1]).

Заботы монастырей по управленію своими вотчинами далеко не исчерпывались одною хозяйственною стороною. Весьма часто къ хозяйственному управленію присоединялось еще вотчинно-административное, и такимъ образомъ монастырь со своими имѣніями почти совсѣмъ выдѣлялся изъ общества и становился какъ бы государствомъ въ государствѣ. Конечно, такое обособленіе не было нормальною принадлежностью монастырскаго быта. Оно было не болѣе, какъ результатомъ пожалованія, льготы со стороны свѣтской власти, и потому представляло большое разнообразіе какъ въ своихъ видахъ, такъ и размѣрахъ. На первомъ планѣ однако при этомъ изъятіи стояло всегда освобожденіе отъ финансовыхъ государственныхъ повинностей, которыя были весьма многообразны и нерѣдко весьма тягостны для поземельныхъ владѣній. Освобожденіе пріобрѣталось ими отъ всѣхъ вообще повинностей, какъ это, напримѣръ, было съ землею Юрьева монастыря на Волокѣ, или же отъ нѣкоторыхъ, преимущественно торговыхъ пошлинъ, какъ это видно изъ примѣра Троицкаго Сергіева монастыря, получившаго отъ Новгорода право безпошлинной торговли въ Двинскомъ краѣ [2]). Освобожденіе отъ финансовыхъ повинностей было для монастырей тѣмъ важнѣе, что здѣсь льгота обыкновенно обращалась въ привиллегію, свѣтская власть не только отказывалась отъ своихъ правъ, но и передавала ихъ въ руки монастырскаго начальства. За финансовыми льготами слѣдовали льготы, которыя касались изъятія монастырскихъ людей отъ свѣтскаго суда, обременительнаго для нихъ частію по сопряженнымъ съ нимъ поборамъ, частію по притѣсненіямъ его органовъ. Судебныя льготы были двоякаго рода: однѣ изъ нихъ относились до разбора внутреннихъ дѣлъ между самими монастырскими людьми, другія же—до разбора тяжебъ ихъ съ посторонними для монастыря лицами. Къ числу первыхъ относилось

даръ 5 гривенъ поставати хрестьяномъ въ монастырь». Ср. Новг. Писц. кн., II, 701, *Неволина* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, пр. 229.

[1]) *Чт. въ М. Общ. Ист. и Др.* за 1858 г., II, стр. 54: «А посельникамъ поселы по старинѣ».

[2]) А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340: «кто сядеть на земли св. Юрья, далъ есмь (Иванъ Калита) имъ волю, не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ станъ, ни къ который проторъ»... А. А. Э., I, 80, № 104, 1477 г.

полное или частичное устраненіе свѣтскихъ судей отъ дѣлъ, возникавшихъ между монастырскими крестьянами, и передача этихъ дѣлъ въ руки самихъ монастырскихъ властей [1]). А такъ какъ въ древности чей былъ судъ, того и пошлины, то вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ суда монастырское начальство получало и право собирать въ свою пользу судебныя пошлины, виры и продажи [2]). Что же касается до разбора дѣлъ монастырскихъ крестьянъ съ посторонними людьми, то здѣсь главное отягощеніе исходило отъ низшихъ судебно-полицейскихъ органовъ, позволявшихъ себѣ разныя вымогательства съ подсудимыхъ. Поэтому и пожалованіе состояло тутъ въ томъ, что правительство въ знакъ особеннаго доброжелательства назначало нѣкоторымъ монастырямъ своихъ особенныхъ приставовъ, которые не только призывали къ суду посторонніихъ людей въ ихъ столкновеніяхъ съ монастырскими, но чрезъ которыхъ однихъ только могъ и совершаться призывъ монастырскихъ крестьянъ въ общіе суды. Кромѣ судебнаго, приставы имѣли еще и другое значеніе, а именно значеніе официальныхъ защитниковъ монастырскихъ людей противъ несправедливыхъ притѣсненій чуждыхъ для монастыря властей и сильныхъ лицъ [3]).

Недостатокъ извѣстій крайне затрудняетъ точное опредѣленіе значенія монастырей въ жизни Великаго Новгорода. Но все же по этому предмету можно сдѣлать не безъ основанія нѣкоторыя общія указанія. Какъ и вездѣ на Руси, монастыри были свѣтильниками лучшей нравственной и даже, на сколько это было возможно по тому времени, умственной жизни. Конечно, дѣло не обходилось при этомъ

---

[1]) А. А. Э., I, 2, № 4, 1338—1340 г.: «а волостемъ ихъ (крестьянъ Юрьева монастыря) Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опричѣ татбы и розбоя и душегубства, а то судить ихъ человѣкъ св. Юрья промежи собою».

[2]) *Срезневскій*, Грам. Юрьеву мон. 1130 г.: «се азъ Мьстиславъ... повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буицѣ св. Георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами... и осеньнее полюдие даровьное полътретия десяте гривнъ»... А. З. Р., I, 87, № 71, по 1479 г.: «А присудъ весь королевъ на тыхъ мѣстѣхъ здавна: нижь ли, коли отъ монастыря ѣдутъ тыи поѣзьдники, а коли кого королевъ намѣстникъ осудитъ и вину возметъ, ино они противъ столько же берутъ вины, а любо по силѣ; а кого тые поѣзъдники монастырскіе осудятъ, а вину возмутъ, ино королю противъ столько же вины: бо въ тыхъ 20 и 4 днехъ на году, какъ верху писано, коли ѣздятъ, вольно имъ тежъ суджти».

[3]) *Чт. въ М. Общ. Ист. и Др.*, 1858 г., II, 54: «Прости вамъ новгородцкимъ полкоробьи ржи». См. А. А. Э., I, 124, № 154, 1512 г.; Д. къ А. И., I, 356, № 206, 1471—1475 г.

безъ большихъ исключеній; но въ лучшихъ случаяхъ иноки несомнѣнно подавали мірянамъ примѣры нравственной сдержанности и гуманнаго отношенія къ угнетеннымъ и бѣднымъ. Извѣстно также, что монастыри служили не только собирателями священныхъ и церковныхъ книгъ, но и органами ихъ распространенія. Въ монастыряхъ переписывались и оттуда разсылались священныя книги въ самые отдаленные края Новгородской земли [1]). Самое распространеніе христіанства обязано монастырямъ очень многимъ. Въ числѣ духовныхъ просвѣтителей Новгородской земли благочестивые подвижники играли едва ли не главную роль. Стремленіе спасать душу побуждало подвижниковъ удаляться отъ міра; а это съ размноженіемъ народонаселенія становилось въ ближайшихъ предѣлахъ все труднѣе и труднѣе. Неудивительно поэтому, что благочестивые отшельники начинаютъ стремиться изъ ближайшихъ странъ въ болѣе отдаленныя, изъ непосредственныхъ окрестностей Новгорода — въ пустынный сѣверо-востокъ. А такъ какъ этотъ Новгородскій край очень былъ занятъ массой языческаго финскаго населенія, то естественно, мѣсто противоборства съ внушеніями бѣса, искони желающаго зла роду человѣческому, тутъ должна была заступить болѣе практическая борьба пустынниковъ съ язычествомъ, имѣвшая цѣлью насажденіе между язычниками христіанства. И дѣйствительно мы знаемъ, что многіе подвижники посвящали себя этой плодотворной дѣятельности. Для примѣра достаточно указать на основателей монастырей Валаамскаго и Соловецкаго, на Арсенія Коневскаго и Лазаря Мурмонскаго [2]). — Не менѣе духовной, была важна и мірская дѣятельность монастырей. Монашествующіе Великаго Новгорода вообще должны быть признаны за дѣятельныхъ колонизаторовъ и распространителей земледѣльческой культуры на сѣверѣ. Прежде всего, носители свѣта христіанскаго ученія, поселяясь въ дикихъ и пустынныхъ краяхъ, естественно должны были для своего поддержанія обращаться къ земледѣлію, и вотъ мѣстности, прежде покрытыя дремучимъ лѣ-

---

[1]) *Куприяновъ* въ *Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н.*, VI, 302, XIV в.: «написаны быша книгы сия, нареченныи охтанкъ в монастырѣ св. Троица на Видогоіцѣ (щѣ?). къ св. Въскресенью за Волокъ. в Ракулу на Двинѣ. повелѣніемъ раба божия Пумики грѣшьнаго, отьца владычня».

[2]) Архимандр. *Досивей*, Опис. Соловецкаго монастыря, I, 53. *Амвросій*, И. Р. І., V, 123, XIV в.: «мужь той (Лопянинъ старѣйшій, сынъ котораго получилъ отъ Лазаря Мурмонскаго прозрѣніе) жительство имѣя на Рондо озерѣ, и послѣди бысть мнихъ и сынове его крестишася».

сомъ, начинали расчищаться подъ пашню и привлекать къ себѣ поселенцевъ даже не монашескаго званія [1]). А затѣмъ и монастыри, находившіеся въ мѣстностяхъ людныхъ, не отказывались въ видахъ хозяйственныхъ пріобрѣтать разными путями земли въ отдаленныхъ краяхъ и заботились о ихъ заселеніи и обработкѣ [2]). Въ обоихъ случаяхъ успѣшному ходу дѣла много помогали два обстоятельства: вслѣдствіе умѣнья монастырей выпрашивать у свѣтскихъ властей разныя привиллегіи, поселеніе на монастырскихъ земляхъ въ матеріальномъ отношеніи было гораздо болѣе выгоднымъ и потому привлекательнымъ для посторонннихъ; къ тому же, располагая нѣкоторыми свободными средствами, монастыри легко могли дѣлать земледѣльцамъ всѣ ссуды, которыя были необходимы для первоначальнаго заведенія хозяйства и получать которыя было въ обычаѣ у поселенцевъ; наконецъ, было бы несправедливо не указать и на ту поддержку, которую монастыри оказывали промышленной жизни. Нечего уже говорить о томъ, что монастыри нерѣдко сами занимались промышленными (особенно солеваренными) и торговыми предпріятіями. Гораздо любопытнѣе другой фактъ, тотъ именно, что монастыри въ древности служили для мірянъ мѣстомъ сохраненія капиталовъ и полученія ссудъ. Есть несомнѣнныя данныя, что подобно церквамъ, монастыри служили хранителями мірскихъ богатствъ, что туда сносились знатными людьми болѣе цѣнные ихъ пожитки [3]). Весьма возможно поэтому, что міряне отдавали въ монастырскую казну на сохраненіе и всѣ свои наличные капиталы. Присоединимъ сюда еще, что монастыри очень часто не лишены были и значительныхъ собственныхъ достатковъ, и тогда будетъ совершенно ясно, что въ ихъ рукахъ сосредоточивались тогда большія денежныя средства. Нѣтъ основанія думать, что монастыри оставляли ихъ лежать подъ спудомъ, безъ всякаго употребленія. И сколько мы знаемъ, монастыри дѣйствительно производили изъ нихъ, конечно, не безъ процен-

---

[1]) Макар. Вел. Минеи Четіи, сент., стр. 484: «И нѣкогда ми въпросившу человѣка земледѣлца, нарицаема жука, много лѣтъ ту живуща: како, рече, сіа мѣста до прихожденіа Іосифова? Онъ же отвѣща: яко веліа лѣсы бышя».

[2]) А. Ю., 270, № 257, XV в.: «что купилъ пос. Иванъ Даниловичь у игумена св. Спаса (далѣе: съ Хутыня) и у всѣхъ черцовъ, участокъ Ондреевъ дяди ихъ, за Волокомъ въ Соломбалѣ»...

[3]) П. С. Р. Л., III, 136, 1418 г.: «нъ и монастыръ св. Николы на полѣ разграбиша, и игумена и черцовъ оскорбиша, ркуще: здѣ животы христіанскія и балярскія».

товъ, денежныя ссуды, особенно промышленнымъ людямъ, и тѣмъ не мало содѣйствовали дальнѣйшему возростанію своихъ богатствъ [1]). Церковныя власти, конечно, вооружались противъ этой профанаціи монастырями духовнаго званія, но дѣло тѣмъ не менѣе шло своимъ неизбѣжнымъ порядкомъ [2]).

Монастырей въ Новгородской землѣ вообще было очень много; можно даже сказать, что ихъ было больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ краю древней Руси. Достаточно указать на тотъ фактъ, что по случаю нашествія Димитрія Донскаго, въ окрестностяхъ одного Новгорода было выжжено въ 1386 году цѣлые 24 монастыря [3]), Многіе изъ Новгородскихъ монастырей пользовались особенною славою благодаря святости своихъ основателей: таковы, напримѣръ, монастыри Хутынскій и Антоніевскій. Самое однако важное мѣсто между ними занималъ монастырь Юрьевъ. На возвышеніе его, вѣроятно, не осталась безъ вліянія древность его основанія: по преданію онъ былъ устроенъ Новгородскимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Какъ то бы ни было, только Юрьевъ монастырь вообще выдѣлялся изъ ряду остальныхъ новгородскихъ монастырей и даже игралъ нѣкоторую общественную роль. Настоятель его былъ какъ бы ближайшимъ помощникомъ Новгородскаго владыки во всей общественной дѣятельности послѣдняго. Онъ принималъ всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владыка являлся въ Новгородѣ примирителемъ враждебныхъ партій; онъ исполнялъ иногда за владыку посольства второстепенной важности [4]). Наконецъ, подобно владыкѣ, настоятель Юрьева монастыря былъ довѣреннымъ лицомъ нѣмецкаго купечества. Въ его руки передавались запечатанные ключи отъ другой

---

[1]) *Срезневскій*, Малоизв. и неизв. памятники, № XXXV, XIII в.: «Се азъ рабъ божій Климянтъ даю св. Георгью. и игумену Варламу и всей братьѣ. что възялъ есмь 20 гривенъ серебра на свои рукы. св. Георгья. было же бы ми чимъ заплатит(и) даю за все за то. два села съ обильемъ. и съ лошадьми. и съ боръстью. и съ малыми селищи. и пьнь и колода одерьнъ св. Георгью». А. Ю., 119, № 71, XV в.: «что взялъ Софонтьевъ дѣдъ Василей у игумена св. Михаила и у старосты у Степана чернеца и у всего стада 9 рублевъ серебра, да 25 сороковъ бѣлки, да 9 пузовъ жита, да кунъ»...

[2]) А. А. Э., I, 462, № 369, 1410 г.: «А которые игумены или попы или черници, торговали прежъ сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было». Ср. *Калайдовича*, Пам. XII в., стр. 174.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «А въ то время Новгородцы пожгоша около города монастыревъ 24»...

[4]) П. С. Р. Л., III, 6, 1134; 87, 1359, 100, 1381; 108, 1418; IV, 94, 1386 г.

нѣмецкой церкви (а быть можетъ, и просто другой ключъ отъ той же церкви, отъ которой одинъ поручался обыкновенно самому владыкѣ) въ тѣхъ случаяхъ, когда иноземные гости по какой-либо причинѣ принуждены были оставить свой торговый дворъ въ Новгородѣ [1]). Наравнѣ съ церковью св. Николая, въ его монастырѣ сохранялись драгоцѣнности, которыя иноземнымъ гостямъ приходилось давать Новгородцамъ въ залогъ того, что протензіи, которыя предъявлялись на Нѣмцевъ новгородскими купцами, подвергшимися лишенію имущества въ чужихъ краяхъ, будутъ къ извѣстному сроку разобраны и удовлетворены [2]). Сообразно съ этимъ общественнымъ значеніемъ, какъ іерархическое положеніе Юрьева монастыря, такъ и его отношеніе къ міру, были совершенно особенныя. Въ отношеніи перваго должно замѣтить, что во всей Новгородской землѣ это былъ единственный монастырь, игуменъ котораго носилъ титулъ архимандрита, и притомъ, какъ оно и совершенно естественно при этомъ условіи, Новгородскаго, а не Юрьевскаго [3]). Правда, преосв. Макарій сообщаетъ, будто бы лѣтописью упомянуты однажды два архимандрита въ Новгородѣ; но очевидно, что это—ошибка, и что нужно читать не „архимандрита два“, какъ напечатано въ одной лѣтописи, а „архимандрита Давида“, какъ напечатано правильно въ другой [4]). Затѣмъ, что касается до отношеній Юрьева монастыря къ міру, то здѣсь повторяются тѣ же явленія, которыя характеризовали отношенія міра къ Новгородскому владыкѣ. Какъ мы уже говорили, настоятели монастырей

---

[1]) Hans. Urb., 269, 1354 г.: «Wan men utvaret, soscal men de slotele besegelen und don den enen deme bischope van. Nougarden, den anderen deme abate von sunte Juriane». *Bunge*, U.-B., V, 189, № 2105, 1416 (?) г.: «Als ju wol vürdenket, dat unse boden... hodden to ju gesant Hinsen und Claws Durkope, und hadde van ju gerne hat de slotele to unser kerken uppe dat se mochten ud te nomen hebben een dur bar bilde, dat in der kerken steit... und gi en do to kennende deden, dat de abbet van sunte Juriene nicht to hus en were, dar umme wurden en de slotele nicht».

[2]) *Bunge*, U.-B., VI, 114, 1337 (?) г.: «Do spreken de Nogurder: «Dat silver und dat want (данныя Нѣмцами въ залогъ за захваченное ихъ братьею у Новгородцевъ имущество) schal vorsegelen de borchgreve ——— und dat silver schal men bringen deme abbate van sunte Juriene, und dat want in sunte Nicolaus kerke to ligende to einem pande to s. Iacopes dage».

[3]) П. С. Р. Л., III, 42, 1226 г.: «преставися игуменъ св. Георгія Саватія, архимандритъ Новгородскыи».

[4]) П. С. Р. Л., IV, 94, 1386 г.: «и послаша къ князю архимандрита два»... Но въ П. С. Р. Л., V, 241, 1386 г.: «И послаша... Новогородцы архим. Давыда»...

избирались обыкновенно самою же монастырскою братіей, напротивъ того, избраніе Юрьевскаго архимандрита было дѣломъ общественнымъ, въ которомъ, кромѣ братіи, принималъ участіе и весь міръ. Одинъ случай показываетъ, что для избранія архимандрита князь, владыка, посадникъ и всѣ Новгородцы собирались въ самомъ Юрьевскомъ монастырѣ; но всегда ли дѣло происходило такъ, рѣшить довольно трудно [1]). Но, вступивъ разъ въ сферу Новгородской общественной жизни, и Юрьевскій архимандритъ не могъ избѣгнуть тѣхъ треволненій, которыя были свойственны этой жизни. Подобно владыкѣ, и Новгородскій архимандритъ сталъ въ сильную зависимость отъ массы народонаселенія и по ея волѣ нерѣдко лишался своего званія. Иногда, впрочемъ, низверженіе было не болѣе, какъ интригой собственныхъ же членовъ монастыря. Такъ въ 1337 году неудовольствія противъ настоящаго игумена Іосифа было возбуждено старымъ Юрьевскимъ архимандритомъ Лаврентіемъ, и притомъ, какъ показываютъ послѣдующія событія, явно не безъ корыстныхъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ возбужденный Лаврентіемъ простой народъ, составивъ вѣче, немедленно же заперъ Іосифа въ храмѣ и держалъ его тамъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не отказался отъ архимандріи въ пользу своего предшественника [2]). Но иногда самый образъ дѣйствія архимандрита вызывалъ неудовольствія: тогда въ дѣло вмѣшивалось вѣче въ его полномъ составѣ, и низложеніе имѣло болѣе прочный, если не безповоротный характеръ [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., III; 42, 1226 г.: «преже своего преставленія, Саватіи съзва владыку Антонія и пос. Ивонки и всѣ Новгородци, и запроша братьѣ своеи и всѣхъ Новгородецъ: изберѣте собѣ игумена. они же рекоша: въведѣте Грьцина попа... и въведоша».

[2]) П. С. Р. Л., III, 78, 1337 г.: «сташа простая гадь на архим. Есифа, а думои старого архим. Лаврентія, и створиша вѣче, и запрдша Есифа въ церкви св. Николы; и сѣдоша около церкви нощь и день коромольници, стрегуще его». Тамъ же, III, 78, 1338 г.: «преставися архим. Лаврентіи св. Георгіа, и посадиша Іосифа».

[3]) П. С. Р. Л., III, 47, 1230 г.: «въведоша съ Хутина... Арсенія игумена... кн. Ярославъ, влад. Спуридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша».

146.

III.

Борьба Новгорода съ Москвою за церковную самобытность. (XIV—XV в.).

Не смотря на пріобрѣтенія, сдѣланныя Великимъ Новгородомъ въ церковной области, зависимость его отъ главы Русской церкви все еще продолжала оставаться неприкосновенною. Подобно своимъ кіевскимъ предшественникамъ, и Московскіе митрополиты, къ которымъ въ XIV столѣтіи перешло представительство Русской церкви, пользовались въ отношеніи Новгородской епархіи всѣми правами, какія были свойственны имъ по каноническимъ законамъ. Какъ общій надзоръ за состояніемъ Новгородской церкви, такъ и верховный судъ по духовнымъ дѣламъ, составляли ихъ несомнѣнную принадлежность. Въ частности, какъ главный судья по дѣламъ Новгородской епархіи, митрополитъ по прежнему имѣлъ право принимать и разсматривать жалобы на Новгородскаго владыку, равно какъ и разбирать дѣла, возникавшія между Новгородцами, и въ особенности между Новгородскимъ духовенствомъ, и подлежавшія церковному суду. Мы говорили уже, что въ древнѣйшее время для разбора этихъ жалобъ Новгородскій владыка былъ призываемъ обыкновенно въ первопрестольный городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что судъ надъ Новгородскимъ архіепископомъ производился въ этой формѣ и теперь. Правда, г. Костомаровъ полагаетъ, что будто бы со временъ владыки Луки (1055 г.) вплоть до начала XV столѣтія русскіе митрополиты этимъ правомъ не пользовались, что Новгородскіе владыки если и ѣздили къ митрополиту за

этотъ періодъ, то не иначе, какъ только для посвященія [1]). Но это утвержденіе не имѣетъ подъ собою никакого фактическаго основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если даже остановиться на одномъ XIV вѣкѣ, который—по мнѣнію г. Костомарова—должно считать временемъ самой большей независимости Новгородскихъ владыкъ, то и въ немъ найдется не мало свидѣтельствъ, показывающихъ, что и помимо посвященія пріѣздъ Новгородскихъ владыкъ къ митрополиту былъ совершенно обыкновеннымъ явленіемъ. Такъ, владыка Василій былъ посвященъ въ епископы въ 1331 году, а между тѣмъ лѣтопись сообщаетъ, что въ 1334 году онъ вновь ѣздилъ къ митрополиту во Владиміръ [2]). Подобнымъ образомъ, и владыка Алексѣй вскорѣ послѣ вторичнаго возведенія своего на владычнюю степень ѣздилъ въ 1376 году къ митрополиту въ Москву и былъ тамъ двѣ недѣли [3]). Наконецъ, владыка Иванъ, посвященный въ епископы въ 1388 году, былъ призываемъ къ митрополиту въ теченіе XIV столѣтія по лѣтописи два раза, въ 1396 и 1397 годахъ, при чемъ во второй разъ прямо указана и цѣль призванія, а именно святительскія дѣла [4]).

Что же касается до разбора дѣлъ между Новгородцами, подлежавшихъ церковному суду, то для этой цѣли митрополитъ по прежнему имѣлъ право или посылать отъ себя довѣренныхъ людей, спеціально предназначенныхъ для разсмотрѣнія извѣстнаго дѣла, или же посѣщать Великій Новгородъ лично. Такія посѣщенія, имѣвшія въ виду общее улучшеніе епархіальныхъ дѣлъ, у Новгородцевъ назывались „подъѣздами“. Изъ примѣра Пскова, допускавшаго пріѣздъ Новгородскаго владыки только на четвертый годъ, можно заключать, что и подъѣзды митрополита могли совершаться по праву не раньше, какъ чрезъ три года въ четвертый. Срокъ, опредѣленный для вре-

---

[1]) Свв.-Русск. Нар.-пр., II, 264, 275.

[2]) П. С. Р. Л., III, 77, 1334 г.: «владыка Василіи ходилъ къ митрополиту въ Володиміръ». Ср. тамъ же, III, 75, 1331 г.

[3]) П. С. Р. Л., III, 90—91, 1376 г.: «поиде владыка Алексѣи къ митрополиту и съ нимъ Сава архимандритъ... много бояръ... и пребысть владыка на Москвѣ 2 недѣли и отпусти митрополитъ съ благословеніемъ».

[4]) П. С. Р. Л., III, 97, 1396 г.: «Поиде владыка Іоаннъ къ митрополиту Кипріану на Москву, позванъ отъ митрополита, и пребысть на Москвѣ 2 дни»... Тамъ же, III, 98, 1397г. «присла Кипріанъ митрополитъ въ великій Новгородъ... къ владыцѣ Іоану, повѣствуя тако: поиди на Москву, зоветь тя отець твои митрополитъ о святительскихъ дѣлѣхъ. и владыка... вѣсхотѣ поити къ отцу своему къ митрополиту».

мени пребыванія митрополита въ Новгородѣ и для завершенія имъ накопившихся тамъ дѣлъ, обнималъ собою ровно мѣсяцъ, а отъ этого и самое право на подъѣздъ носило еще названіе „мѣсячнаго суда“. Какъ оно и естественно ожидать, судъ Новгородскаго владыки совершенно закрывался на все время пребыванія митрополита въ Новгородѣ, и всѣ дѣла по духовному вѣдомству поступали исключительно на разсмотрѣніе главы церкви. Нѣтъ основанія думать, что митрополичьи подъѣзды совершались всегда съ представленною выше правильностью. Напротивъ, какъ время подъѣзда, такъ и время пребыванія въ Новгородѣ, много зависѣли отъ обстоятельствъ. Подъѣзды вообще на практикѣ происходили гораздо рѣже, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Въ древнѣйшее время даже митрополиты, кажется, для посѣщенія Новгорода дожидались обыкновенно какой-либо оказіи, въ родѣ путешествія въ Новгородъ великаго князя или же предстоявшаго посвященія Новгородскаго владыки [1]). Вслѣдствіе того и самое пребываніе митрополита въ Новгородѣ не всегда могло ограничиваться однимъ мѣсяцемъ. Коль скоро митрополитъ долго не былъ въ Новгородѣ, то естественно, что и пребываніе его тамъ затягивалось дольше обыкновеннаго [2]). Какъ бы то однако ни было въ каждомъ частномъ случаѣ, посѣщеніе Новгорода митрополитомъ несомнѣнно носило всегда, сообразно съ характеромъ времени, отпечатокъ торжественности. Для встрѣчи его новгородское духовенство въ ризахъ и съ крестами, со владыкой на челѣ и въ сопровожденіи многочисленнаго народа, выходило къ св. Спасу на Ильинѣ улицѣ. По пріѣздѣ къ этому храму, митрополитъ со своими спутниками, между которыми нерѣдко бывали и епископы, входилъ въ церковь и тамъ облачался въ ризы. Затѣмъ вся эта процессія отправлялась пѣшкомъ чрезъ торгъ и великій мостъ къ св. Софіи: впереди шли поддьяки, держа свѣтильники съ зажженными свѣчами. По прибытіи въ св. Софію, митрополитъ соборнѣ совершалъ литургію и затѣмъ иногда, взойдя съ воздвигальнымъ крестомъ на амвонъ, говорилъ „велегласно“ поученіе. Подобнымъ образомъ литургія была совершаема имъ и въ храмѣ св. Николая, нахо-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 56, 1256 г.: «пріѣха князь Олександръ и митрополитъ съ нимъ». Тамъ же, III, 54, 1251 г.: «Пріѣха Кюримъ митрополитъ въ Новъгородъ и Ростовьскыи епископъ, Кюрилъ же именемъ, и поставиша арх. Новгородьского Далмата». Тамъ же, III, 67, 1300.

[2]) П. С. Р. Л., III, 97, 1395 г.: «и онъ (митрополитъ Кипріанъ) пребылъ весну всю въ Новѣгородѣ, и до Петрова говѣнія».

дившемся на княжемъ дворѣ [1]). Остальное время пребыванія митрополита въ Новгородѣ дѣлилось между дѣломъ и пиршествами, которыми владыки и Новгородцы старались расположить перваго въ свою пользу. По обычаю времени, пиршества эти сопровождались дарами, при чемъ, конечно, и митрополитъ не оставался съ своей стороны въ долгу. Мѣстопребываніемъ митрополита служили подворья, находившіяся у церкви Іоанна Предтечи на Чудинцевѣ улицѣ [2]).

Какъ ни согласны были съ каноническими законами права митрополита по отношенію къ Новгородской церкви, тѣмъ не менѣе бремя ихъ одинаково чувствовалось какъ новгородскимъ духовенствомъ, такъ и самимъ Великимъ Новгородомъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ своихъ отношеніяхъ къ митрополиту Новгородское духовенство тяготилось не столько церковнымъ подчиненіемъ въ собственномъ смыслѣ, сколько его слѣдствіями, по тому времени неизбѣжными. Конечно, и церковная зависимость сама по себѣ могла служить поводомъ къ непріятнымъ столкновеніямъ, особенно для самаго Новгородскаго владыки. Но все-таки главный источникъ недовольства былъ матеріальный, заключался не въ чемъ иномъ, какъ въ тѣхъ поборахъ, которые падали на новгородское духовенство, какъ вознагражденіе за верховное управленіе главы церкви. Каждый подъѣздъ митрополита въ Новгородъ необходимо сопровождался для духовенства и особенно богатыхъ монастырей значительными расходами на продовольствіе и дары въ пользу главы церкви и его многочисленной свиты [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 98—99, 1391 г.: «пріѣха митрополитъ Кипріянъ въ Новъгородъ, а съ нимъ владыка Рязанскій; арх. Иванъ срѣте его съ кресты, съ игумены и съ попы въ ризахъ, съ многими крестьяны, у св. Спаса на Ильинѣ улици. И митрополитъ вшедъ въ св. Спасъ, съ владыкою своимъ, и съ архимандритомъ Нижняго Новагорода, и съ попы и съ дьяконы и съ поддьяци, окрутившася по своему сану въ ризы; идяше митрополитъ пѣшь отъ св. Спаса сквозѣ торгъ чрезъ великіи мостъ къ св. Софѣи, предъ нимъ идяху поддъяци его, въ рукахъ держаще свѣчнины и на нихъ горящи свѣщи. Вшедъ въ св. Софѣю, съ всѣмъ своимъ сборомъ, литургію сверши, и по литургіи выйде изъ олтаря митрополитъ, вземъ честный крестъ воздвизальный, и взыде на амбонъ и нача учити люди Новгородцкіи велегласно на всю церковь»..

[2]) П. С. Р. Л., IV, 99, 1391 г.: «и даша ему подворье, многія дворы у св. Іоана Предтечи на Чюдинцевѣ улици. И владыка Иванъ сотвори пиры многи и чести митрополита 2 недѣли съ Новгородци честью великою и дары многими»..

[3]) П. С. Р. Л., III, 80—81, 1341 г.: «пріѣха митрополитъ Ѳеогностъ Гречинъ въ Новъгородъ съ многыми людьми. Тяжко же бысть владыцѣ и монастыремъ, кормомъ и дары».

Въ эти расходы, нѣтъ сомнѣнія, и Новгородскій владыка долженъ былъ вкладывать свою долю, сообразную съ занимаемымъ имъ положеніемъ. Онъ обязанъ былъ отводить свои подворья для помѣщенія митрополита и его людей [1]). Его пиры естественно должны были быть роскошнѣе, а дары богаче другихъ. Въ частности владыка лишался при подъѣздахъ и тѣхъ пошлинъ, которыя въ обыкновенное время шли въ его пользу съ церковнаго суда: ибо съ пріѣздомъ митрополита въ Новгородъ судъ переходилъ въ его руки, а въ древности господствовало правило, что чей судъ, того и пошлины. Но независимо отъ участія въ общихъ расходахъ духовенства по пріему митрополита въ Новгородѣ, владыка несъ еще особенныя тягости, вытекавшія изъ его обязанности являться въ Москву по первому требованію. Уже путешествіе владыки на ставленье не обходилось для него безъ большихъ затратъ, шедшихъ частію на покрытіе расходовъ по посвященію, частію же на пошлины и поминки въ пользу митрополита, великаго князя и ихъ дворовъ; затраты эти были тѣмъ чувствительнѣе, что ставленныя пошлины имѣли тенденцію къ постоянному возрожденію. Дѣло дошло до того, что къ концу своего независимаго существованія Новгородцы принуждены были включить въ одинъ изъ своихъ договоровъ съ Москвою статью, возбранявшую увеличеніе размѣра ставленныхъ пошлинъ [2]). Подобно ставленью, и всякія другія поѣздки къ митрополиту по дѣламъ необходимо требовали отъ владыки большихъ расходовъ частію на путевыя издержки, частію же на представленіе обычныхъ въ то время поминокъ. Къ тому же, не нужно опускать изъ виду, что на владыку же должны были падать и всѣ протори, которыя были сопряжены съ призваніемъ его въ митрополію. Митрополичьи слуги производили позывы Новгородскаго владыки въ Москву, безъ сомнѣнія, не безвозмездно.

Матеріальное отягощеніе, вытекавшее изъ подчиненія Московской митрополіи, не могло не вызывать въ новгородскомъ духовенствѣ и

---

[1]) А. А. Э., I, 184, № 205, 1545 г.: «прислалъ князь великій грамоту, что пожаловалъ архіепископа.... со всѣхъ его служилыхъ людей дворовъ, которые живутъ въ Чюдинцовѣ улицѣ... имати съ двора по человѣку не велѣлъ». А такъ какъ извѣстно, что митрополитъ въ Новгородѣ жилъ на Чудинцовѣ улицѣ, то позволительно думать, что ему отводились именно эти дворы владычнихъ служилыхъ людей».

[2]) А. А. Э., I, 99, № 91, 1471 г.: «А пошлины вамъ великимъ княземъ и вашему отцу митрополиту отъ владыкы имати по старинѣ, а лишнего не прибавливати».

особенно въ его представителѣ стремленій, если не къ порванію всякой церковной связи съ Москвою, то по крайней мѣрѣ къ ограниченію роли Московскихъ митрополитовъ однимъ посвященіемъ Новгородскихъ владыкъ. Въ новгородской исторіи XIV вѣка мы дѣйствительно встрѣчаемся съ страннымъ на первый взглядъ, но тѣмъ не менѣе настойчивымъ желаніемъ Новгородскихъ владыкъ усвоить и удержать за собою нѣкоторыя внѣшнія отличія. Нельзя думать, чтобы послѣднія имѣли цѣну для Новгородскихъ владыкъ сами по себѣ; гораздо естественнѣе полагать, что за желаніемъ усвоить эти отличія, выдѣлявшія Новгородскихъ владыкъ изъ ряда другихъ Русскихъ епископовъ внѣшне, скрывалось болѣе существенное стремленіе найдти въ нихъ точку опоры для дѣйствительнаго выдѣленія Новгородской епархіи изъ общаго состава Русской церкви. Первое по времени мѣсто между этими отличіями занимаетъ бѣлый клобукъ. Бѣлый клобукъ не составлялъ исключительной принадлежности одного Великаго Новгорода,—онъ встрѣчался и въ другихъ епархіяхъ: но вездѣ усвоеніе его служило признакомъ существованія у епархіальнаго владыки стремленій къ мѣстной церковной самобытности. Достаточно напомнить только, что Владимірскій епископъ Ѳеодорецъ, старавшійся образовать изъ своей епархіи отдѣльную митрополію, называется бранно: бѣлый клобучокъ [1]). Трудно сказать положительно, когда именно явился у Новгородскихъ владыкъ обычай носить бѣлый клобукъ. По этому предмету существуютъ два различныя мнѣнія, но къ сожалѣнію оба одинаково не основательныя. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что впервые ношеніе бѣлаго клобука въ Новгородѣ было усвоено владыкою Василіемъ, занимавшимъ новгородскую каѳедру въ первой половинѣ XIV вѣка. Но повѣсть, на которой основывается это мнѣніе, представляетъ не болѣе, какъ попытку позднѣйшаго времени объяснить ставшее уже тогда загадочнымъ появленіе въ Новгородѣ бѣлаго клобука. Она до того проникнута баснословнымъ элементомъ, что вотще было бъ искать въ ней какого-либо зерна истины [2]). Другое мнѣніе напротивъ полагаетъ, что первымъ епископомъ, начавшимъ носить въ Новгородѣ бѣлый клобукъ, былъ Илья, владычествовавшій въ половинѣ XII вѣка. Мнѣ-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 12, 1169 г.: «изгна Богъ и св. Богородица... пронырливаго врага Ѳеодора, бѣлаго клобучка, отъ св. Богородици и отъ всея земля Ростовьскыя».

[2]) Пам. Ст. Русск. Лит., I, 288—298. Ср. также П. С. Р. Л., III, 140, 1424 г. и 225, 1335 г.

ніе это опирается на приговоръ отцовъ собора 1564 года, утверждающій, что бѣлый клобукъ былъ носимъ не только Новгородскимъ владыкою Ильей, но одинаково Ростовскими епископами и даже первыми Московскими митрополитами. Къ счастію однако, высказавъ свое положеніе, отцы собора сами же наивно сознаются, что исторіи они учились у иконописцевъ [1]). Но если уже другой соборъ, бывшій въ 1667 году, находилъ, что иконописцы пишутъ митрополитовъ Петра и Алексѣя въ бѣлыхъ клобукахъ неправильно [2]), то какъ можемъ мы придавать какое либо значеніе писаніямъ иконописцевъ? Какъ бы однако ни было, ношеніе бѣлаго клобука утвердилось прочно въ Великомъ Новгородѣ и было признано великими князьями и митрополитами, между тѣмъ какъ въ другихъ краяхъ древней Руси это внѣшнее отличіе не удержалось. Исключительную особенность сана Новгородскаго владыки оно составляло впрочемъ, только до половины XVI столѣтія, когда особеннымъ церковнымъ актомъ право носить бѣлый клобукъ было распространено на верховнаго главу Русской церкви [3]).

Менѣе счастливы были Новгородскіе владыки въ удержаніи за собой другаго отличія, выдвигавшаго ихъ изъ ряду прочихъ епископовъ, а именно крестчатыхъ ризъ, представлявшихъ въ сравненіи съ обыкновенною епископскою фелонью ту особенность, что онѣ носили на себѣ четыре креста. Поводомъ къ появленію въ Новгородѣ этого отличія послужило слѣдующее обстоятельство: Питая большое личное

---

[1]) А. И., I, 332, № 173, 1564 г.: «прежніе Русскіе первопрестолницы, митрополиты и чюдотворцы Петръ и Алексій и Иванъ архіеп. Новгородскій и Леонтій и Игнатій и Исаія Ростовстіи чюдотворцы, носили бѣлые клобуки и тому бы отцу нашему и боголюбцу митрополиту... носити бы ему бѣлый клобукъ съ рясами, потому что прежніе Русскіе первопрестолницы и чюдотворцы, Петръ и Алексій митрополиты, писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ, да и Ивана арх. Ноугородцкаго, и Леонтія и Исаія и Игнатія Ростовскыхъ чюдотворцовъ, пишутъ въ бѣлыхъ клобукѣхъ».

[2]) *Карамзинъ*, Ист. Гос. Рос., IV, прим. 360 г.; «Чего ради иконописцы пишутъ св. Петра, Алексія, Іону, Московскихъ чудотворцевъ, въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носиша».

[3]) А. И. I, 513, № 280, 1471 г.: «а били есте челомъ о томъ, чтобы тобѣ, нареченному на владычьство, пріѣхати безъ опаса, да и бояромъ Ноугородскимъ, а тебѣ бы поставлену быти на архіепископьство В. Новугороду и Пьскову, и въ бѣломъ клобуцѣ... И господинъ нашъ и сынъ князь великыи... опасъ далъ... пріѣхати тебѣ священноиноку Ѳеофану черньцемъ, а отъѣхати поставлену на архіепископьство и въ бѣломъ клобуцѣ». А. И. I, 332—333, 1564 г.

расположеніе къ Владимірскому епископу Алексѣю и желая по всей вѣроятности предназначить его въ свои преемники по первопрестольной каѳедрѣ, митрополитъ Ѳеогностъ пожаловалъ ему, какъ знакъ особеннаго отличія, право носить крещатыя ризы. Но жалуя одного, митрополитъ естественно открывалъ тѣмъ самымъ и другимъ полнѣйшій просторъ добиваться того же пожалованія. На дѣлѣ оно такъ и случилось. Пользуясь благопріятностію минуты, Новгородскій владыка Василій не замедлилъ сейчасъ же предъявить свои притязанія на пожалованіе и ему права носить крещатыя ризы, притязанія тѣмъ болѣе вѣскія, что Новгородскій владыка былъ послѣ митрополита старѣйшимъ изъ Русскихъ епископовъ. Поставленный этимъ искательствомъ въ затрудненіе, Ѳеогностъ, кажется, на первое время счелъ болѣе благоразумнымъ уступить и позволилъ Василію носить крещатыя ризы; но потомъ, воспользовавшись смертью послѣдняго, отказалъ Новгородскимъ владыкамъ въ этомъ правѣ, какъ данномъ имъ покойному только лично [1]). Но мы уже знаемъ истинный смыслъ, который скрывался за исканіемъ Новгородскими владыками внѣшнихъ отличій, и потому нимало не удивимся, что вмѣсто того, чтобы примириться съ своею судьбою, слѣдующій Новгородскій владыка Моисей сейчасъ же отправилъ въ Константинополь жалобу на насиліе митрополита и этимъ путемъ успѣлъ таки добиться того, что ношеніе крещатыхъ ризъ было за нимъ оставлено [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ для обезпеченія въ будущемъ своихъ правъ на пожалованіе отъ всякихъ случайностей, Новгородскому владыкѣ удалось выхлопотать въ Константинополѣ жалованную грамоту, дозволявшую ему, при каждомъ недоразумѣніи, касавшемся этого предмета, обращаться прямо къ патріарху за разрѣшеніемъ, безъ всякаго посредства со стороны Московскаго митрополита. Какъ ясно изъ предыдущаго, жалованная грамота имѣла весьма тѣсный, опредѣленный смыслъ; но при существованіи у Новгородскихъ владыкъ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 83, 1346 г.: «и тамъ (въ Москвѣ) митр. Ѳеогностъ благослови архіеп: Новогородскаго Василіа и да ему ризы хресцяты».

[2]) П. С. Р. Л., III, 86, 1353 г.: «послаша послы свои... влад. Моиси въ Царскыи градъ къ царю и къ патріарху, прося отъ нихъ благословеніа и исправленіа о непотребныхъ вещехъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». Тамъ же, III, 86, 1354 г. Acta Patriarch. Constant., I, 348, 1354 г.: «ἐπεὶ δὲ διὰ τὴν πνευματικὴν ἀγάπην καὶ στοργὴν, «ἣν ἔιχεν ὁ δηγωδεὶς ἱερώτατος ἀρχιερεὺς, κῦρ Θεόγνοστος, εἰς τὸν ἐπίσκοπον ἐκεῖνον... ἔδωκεν ἐκεῖνον εἰς το φελόνιον φέρειν σταυροὺς τέσσαρας, καὶ ἀπὸ ζητήσεως καὶ παρακλήσεως ἰδικῆς σου ἐποιήσαμεν καὶ ἡμεῖς ὅσον ἐποιήσαμεν εἰς σε, ὀφείλεις, ἵνα εὐχαριστῇς, και ουδεν παρεξέλθῃς ἀπό τούτου».

стремленія къ самобытности, они естественно стали пользоваться ею какъ средствомъ не только для защиты своего пожалованія, но и для совершеннаго обхода власти Московскаго митрополита по всѣмъ дѣламъ. Вслѣдствіе того, патріархъ счелъ себя вынужденнымъ разъяснять еще владыкѣ Моисею, что право непосредственнаго сношенія съ Константинополемъ дано ему только по отношенію къ пожалованію, во всѣхъ же другихъ дѣлахъ онъ долженъ безусловно подчиняться митрополиту, являться къ нему по первому зову и въ случаѣ требованія, уступать ему мѣсто въ судѣ и расправѣ. Сношенія съ патріархомъ со стороны владыки допускались во всѣхъ этихъ случаяхъ не иначе, какъ по предварительномъ сообщеніи о томъ митрополиту [1]). Но побуждаемый по всей вѣроятности Московскимъ митрополитомъ, патріархъ не удовольствовался и этимъ разъясненіемъ, а въ видахъ рѣшительнаго устраненія возможности какихъ-либо столкновеній между Москвою и Новгородомъ, запретилъ вовсе въ 1370 году, по смерти Моисея, новому Новгородскому епископу Алексѣю носить кресчатыя ризы, опираясь на обстоятельство, что право на этотъ знакъ отличія было дано патріаршимъ соборомъ только владыкѣ Моисею лично, но отнюдь не сану Новгородскаго владыки [2]).

Неудача, встрѣченная Новгородскимъ владыкой въ самомъ началѣ своихъ стремленій къ независимости, оказала на Великій Новгородъ совершенно противоположное ожидаемому дѣйствіе. Вмѣсто того чтобъ остановить дальнѣйшія притязанія, она какъ бы разбудила дремавшія силы Новгородцевъ и заставила свѣтскую власть взять дѣло церкви въ свои собственныя руки. Оно и понятно. Какъ мы уже замѣтили, зависимость Новгородской церкви отъ митрополита была обременительна не для одного только новгородскаго духовенства, но оди-

---

[1]) Acta Patr. Const., I, 348—349, 1354 г.: «ἐάν δὲ ἴσως ἔνι τι ἐγκλόγος χάριν τοῦ ὅπερ ἐποιήσαμεν εἰς σε διὰ τοῦς σταυροῦς, ὡς δεδήλωται, περὶ τάυτης καὶ μόνης τῆς ὑποθέσεως ἀναφέρῃς εἰς τὴν ἡμῶν μετριώτητα, ὡς ἂν διαπράξηται ἄυτη, ὅσον ἂν δακρίνοι περὶ τόυτου. πλὴν εἰς τοῦτο καὶ μόνον τὸ κεφάλαιον δίδομεν τοῦτο, εἰς δὲ πᾶσαν ἄλλην ὑπόθεσιν, εἴτε δῆτα προσκαλεῖται σε εἰς ἑαυτὸν ὁ μητροπολίτης σου, εἴτε εἰς ἄλλο τι ἵνα ὑπόκεισαι εἰς τὴν ὑποταγὴν καὶ διάκρισιν αὐτοῦ... ἐπεὶ δε καὶ τοῦ το παρακελέυονται ὁι ἱεροὶ κανόνες, ὥστε, ὁπόταν σου γένηται ἀνανκάια χρεία γράφειν καὶ ἀναφέρειν εἰς την ἡμοῦ μετριότητα, πρῶτον ἵνα διδῷς εἴδησιν εἰς τον ματροπολίτην σου»..

[2]) Acta Patr. Const., I, 522, 1370 г.: «γινώσκεις, ὅτι ὁ πρὸ σοῦ ἐπισκοπος Νοβογροδίου ἔλαβε...τιμὴν, ἵνα ψορῇ εἷς τὸ φελώνιον αὐτοῦ σταυροὺς τέσσαρας, τοῦτο δε ἔδωκεν ἡ θεία σύνοδος πρὸς ἐκεῖνον μόνον, οὐχ ἵνα εχῃ τοῦτο πᾶς ἐπισκοπος Νοβογροδίου»...

наково и для всего Великаго Новгорода. Стремясь къ утвержденію своей политической самобытности, Новгородцы не могли обойдтись безъ религіознаго освященія своихъ стремленій, безъ благословенія св. Софіи, а слѣдовательно, и безъ содѣйствія своей церковной власти; но эта церковная власть была совершенно связана въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненіемъ верховной власти митрополита, виды котораго далеко не всегда совпадали съ желаніями Новгородцевъ. Какъ глава всей Русской церкви, митрополитъ естественно не могъ быть приверженцемъ мѣстныхъ обособленій; напротивъ, собственные интересы побуждали его держать какъ можно выше знамя единства всей Русской земли и для этой цѣли содѣйствовать политическому преобладанію того города, который служилъ въ каждое данное время и его первопрестольною каѳедрой. Въ отношеніи Новгорода такой характеръ вмѣшательство митрополита усвоило себѣ уже очень рано и затѣмъ сохраняло вплоть до конца его самобытнаго существованія. Такъ еще въ 1134 году митрополитъ, удерживая Новгородцевъ, очевидно въ интересахъ тогдашняго Кіевскаго князя, отъ похода на Суздаль, грозилъ имъ своимъ неблагословеніемъ и тѣмъ, что его „Богъ послушаетъ“ [1]). Подобнымъ образомъ, въ 1270 году Ярославъ Ярославичъ успѣлъ сохранить за собою Новгородскій столъ также благодаря внушеніямъ митрополита, который принялъ на себя даже ручательство предъ Новгородцами въ прекращеніи къ нимъ всякой враждебности со стороны изгнаннаго было ими князя [2]). При всѣхъ такихъ вмѣшательствахъ митрополитъ безъ сомнѣнія могъ и прямо обращаться къ самому Великому Новгороду; но естественно, онъ предпочиталъ оказывать свое давленіе преимущественно на новгородское духовенство и его главу, чтобы затѣмъ тѣ уже отъ себя началили и поучали своихъ духовныхъ дѣтей. Конечно, Новгородскій владыка могъ не принять во вниманіе внушеній главы церкви и дѣйствовать согласно съ интересами своихъ согражданъ; но въ такомъ случаѣ за свою политическую дѣятельность онъ легко могъ подвергнуться церковной отвѣтственности предъ митрополитомъ. Примѣры такого церковнаго наказанія Новгородскихъ владыкъ случались нерѣдко, особенно въ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 6, 1134 г.

[2]) П. С. Р. Л., III, 62, 1270 г.: «и присла митрополитъ грамоту въ Новгородъ и река тако: мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, кръви не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аще будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемію..»

позднѣйшей новгородской исторіи; но мы ограничились главнѣйшимъ изъ нихъ. Въ началѣ XV столѣтія владыка Иванъ былъ призванъ митрополитомъ въ Москву и задержанъ тамъ на цѣлые три года. Предлогомъ къ этому задержанію были составлены какія-то святительскія дѣла; но очевидно, что истинною причиною церковнаго заключенія послужило благословеніе, данное Новгородскимъ владыкою своимъ дѣтямъ Новгородцамъ на борьбу съ великимъ княземъ и на возвращеніе захваченныхъ послѣднимъ Новгородскихъ областей [1]).

Освобожденія своего владыки отъ подчиненія власти митрополита Великій Новгородъ пытался добиться двумя путями. Первоначально онъ предполагалъ достигнуть этой цѣли одними собственными средствами. Такое предположеніе казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что въ послѣдней четверти XIV столѣтія въ самой митрополіи обнаружилось сильное нестроеніе, какъ бы приглашавшее Новгородцевъ къ энергическому вмѣшательству въ дѣла церкви и ручавшееся имъ почти за вѣрный успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому какъ въ Новгородѣ, благодаря перемѣнамъ въ народномъ расположеніи, бывало иногда по нѣскольку владыкъ, такъ точно къ концу XIV столѣтія и въ Москвѣ появились три митрополита, Діонисій, Пименъ и Кипріанъ, которые оспаривали другъ у друга право на митрополичій престолъ. Споры эти не только могли окрылять надежды Новгородцевъ, но и какъ бы давали въ ихъ руки нравственное оправданіе ихъ притязаній на церковную независимость, — и мы дѣйствительно знаемъ, что впослѣдствіи они оправдывали свои поступки предъ Константинопольскимъ патріархомъ именно тѣмъ соблазномъ, который имѣлъ мѣсто въ Русской церкви во времена митрополита Пимена [2]). Въ виду этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Новгородцы легко пришли къ единодушному соглашенію и на вѣчѣ 1384 года положили, чтобы не только не ходить по церковнымъ дѣламъ на расправу къ митрополиту въ Москву, но даже не давать ему мѣсячнаго суда и въ самомъ Новгородѣ, а чтобы всѣ церковныя дѣла вѣдалъ на основаніи номоканона окончательно самъ Новгородскій владыка [3]). И вотъ, ко-

---

[1]) П. С. Р. Л., III., 101, 1401 г.: «Поѣха владыка Іоанъ къ митрополиту Кипріану на Москву, позванъ отъ него о святительскыхъ дѣлѣхъ... и митролитъ владыку пріялъ». Тамъ же, III, 102, 1404 г.: «пріѣха въ Новъгородъ владыка Іоаннъ... бывъ на Москвѣ 3 года и 4 мѣсяцы у митрополита Кипріана»...

[2]) Acta Patr. Const., II, 181—182, 1393 г.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 91, 1384 г.: «чѣловаша Новгородци крестъ на томъ, не

гда митрополитъ Пименъ, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Царьградъ, завернулъ въ Новгородъ, чтобы по всей вѣроятности запастись тамъ для дальняго и дорогаго пути необходимыми средствами, Новгородцы на-отрѣзъ отказали ему въ мѣсячномъ судѣ, а слѣдовательно, и въ связанныхъ съ нимъ митрополичьихъ пошлинахъ и Пимену противъ ожиданія пришлось уѣхать ни съ чѣмъ [1]). Дѣло такимъ образомъ вначалѣ пошло гладко, но затрудненія тотчасъ же не замедлили обнаружиться, какъ скоро „соблазнъ“ въ митрополіи совершенно улегся. Восторжествовавъ надъ своими соперниками, митрополитъ Кипріанъ немедленно же сталъ энергически настаивать на возвращеніе ему Новгородомъ старыхъ правъ главы церкви. Новгородцы однако и тутъ держались весьма твердо. Они отнеслись довольно равнодушно къ грамотѣ, присланной въ 1390 году безъ сомнѣнія по внушенію Московскаго митрополита изъ Константинополя и требовавшей возстановленія митрополичьихъ правъ, не смотря на то, что она была подписана патріархомъ Антоніемъ и цѣлымъ рядомъ другихъ восточныхъ митрополитовъ [2]). Они не тронулись нимало даже и тогда, когда въ 1391 году съ требованіемъ мѣсячнаго суда къ нимъ явился митрополитъ самъ лично. При встрѣчѣ Новгородцы оказали главѣ Русской церкви обычный почетъ, но на счетъ суда говорили, что всѣ они до одного цѣловали крестъ не судиться у митрополита, написали объ этомъ грамоту и такимъ образомъ наложили на себя клятву. Нѣтъ сомнѣнія, препятствіе выставленное нами, не принадлежало къ числу непреоборимыхъ, и митрополитъ легко устранилъ его, указавъ на свои права, какъ главы церкви, уничтожать грамоты и снимать клятвы. Но Новгородцы тѣмъ не менѣе твердо держались за него, какъ за единственный якорь спасенія, и митрополитъ, уѣзжая въ разладѣ изъ Новгорода, принужденъ былъ наложить на него отлученіе [3]).

зватися къ митрополиту на Москву на судъ, но судити владыкѣ Алексѣю по манакануну»... Ср. тамъ же, IV, 92, 1385 г.

[1]) П. С. Р. Л., V, 239, 385 г.: «Пименъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новъгородъ, и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ».

[2]) П. С. Р. Л., V, 244, 1390 г.. «прiиде грамота отъ патрiарха къ Новугороду Великому, по митрополичю слову, о судѣ, подписью патрiаршею рукою Антоніевою Новаго Рима; имѣетъ же и самая грамота и митрополичи рукы»...

[3]) П. С. Р. Л., V, 244—245, 1391 г.: «Кипрiанъ митрополитъ поѣде въ Новгородъ Великый, и съ нимъ владыка Резаньскыи... И нача митрополитъ проити у Новагорода суда, своего мѣсяца, и Ноугородци отвѣщаша единѣми усты:

Есть основаніе предполагать, что отлученіе, наложенное на Новгородцевъ за ихъ отказъ подчиниться требованіямъ митрополита, застало ихъ не въ расплохъ, что они были приготовлены къ нему заранѣе. По крайней мѣрѣ весь дальнѣйшій образъ ихъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о твердой рѣшимости не уступать не только митрополиту, но даже патріарху, на разборъ котораго, какъ послѣдней церковной инстанціи, они сами же, кажется, и поспѣшили перенести свою тяжбу съ митрополитомъ. Не соглашаясь признать законность наложеннаго на нихъ Кипріаномъ отлученія, Новгородцы снарядили именно въ 1392 году посольство изъ Кирилла (?) Созонова и Василья Щечкина, снабдили ихъ грамотами къ патріарху и особенною инструкціей и немедленно же отправили въ Константинополь [1]). Грамоты, составленныя Новгородцами, не заключали въ себѣ ничего особеннаго; по крайней мѣрѣ патріархъ, заранѣе предувѣдомленный о ходѣ тяжбы митрополичьимъ посломъ Дмитріемъ Аѳинскимъ, не нашелъ въ нихъ для себя ничего новаго. Но въ инструкціиословъ заключалось нѣчто совсѣмъ выходившее изъ ряда обыкновеннаго. Правда, на соборѣ, который патріархъ считалъ со своей стороны необходимымъ собрать для разбора, новгородскіе послы Кириллъ съ товарищами большею частію только повторяли уже извѣстныя намъ притязанія, говорили, что Великій Новгородъ не хочетъ судиться у митрополита, не желаетъ, чтобъ его епископъ отправлялся въ Москву по всякому требованію митрополита, чтобы пріѣзжая въ Новгородъ, митрополитъ судилъ тамъ мѣсяцъ или чтобы присылалъ туда для суда своихъ людей, въ случаѣ еслибы кто-либо изъ Новгородцевъ обратился къ нему съ жалобой. Но аргументъ, которымъ новгородскіе послы старались подкрѣпить свои требованія, былъ—нельзя не сознаться—довольно неожиданный и любопытный. Кириллъ Сазоновъ и Василій Щечкинъ грозили именно, что въ случаѣ отказа на ихъ настоятельную просьбу, Новгородцы перейдутъ въ латинство [2]). Нѣтъ

цѣловали есмя крестъ съ одного и грамоты пописали и попечатали, и душу запечатали. И рѣче имъ митрополитъ: цѣлованье съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю; а мнѣ судъ дайте, какъ было при иныхъ митрополитѣхъ. И Новогородци того не сотвориша»...

[1]) П. С. Р. Л., IV, 99, 1392 г.: «посылаша Новгородцы въ Царьградъ послы къ патріарху Антонью о благословеніи, Кюра Сазонова и Василія Щечкина; и онъ имъ тако рекъ: повинуйтеся митрополиту русскому».

[2]) Acta Patr. Const., II, 178: «νυν δε... ἦλθεν ἐνταῦθα ἀποκριτιάριος παρ ὑμῶν ὁ Κυριλλος καὶ ἄλλοι μετ' αὐτοῦ ἄνθρωποι, καὶ ἔφερον γράμματα ὑμῶν εἰς τὴν ἡμῶν

основанія думать, что эта угроза имѣла въ ихъ устахъ какое-либо серьезное значеніе; гораздо скорѣе, она служила только средствомъ запугать нѣсколько патріарха и тѣмъ принудить его быть уступчивѣе. Новгородцы, кажется, не мало расчитывали на силу этой угрозы; но противъ ихъ ожиданій, она оказала на патріарха совершенно противоположное дѣйствіе. Желаніе Новгородцевъ освободиться отъ власти Московскаго митрополита являлось въ глазахъ патріарха не болѣе, какъ только нарушеніемъ церковнаго устава; угроза же перехода въ латинство просто его возмутила. „Развѣ прилично", писалъ онъ въ отвѣтъ Новгородцамъ,—„христіанамъ, согрѣшающимъ и получающимъ поученіе къ исправленію, говорить, что они отступятся отъ своей вѣры?" Движимый предполагаемою опасностью, вытекавшею изъ заявленнаго намѣренія Новгородцевъ, патріархъ далъ понять посламъ, что отлученіе, произнесенное Московскимъ митрополитомъ, совершенно справедливо и согласно съ каноническими законами, и что для снятія его Новгородцамъ предстоитъ только одинъ путь безусловнаго подчиненія всѣмъ требованіямъ митрополита [1]).

Какъ мы уже говорили, главною причиной ревностнаго вмѣшательства Новгородцевъ въ церковныя дѣла было то, что церковный вопросъ имѣлъ тамъ политическое значеніе, что пріобрѣтеніе церковной самобытности развязывало руки Новгородскому епископу для свободнаго дѣйствія въ политической области, которой онъ не могъ оставаться чуждымъ вслѣдствіе тѣсной связи церкви съ остальною жизнью Великаго Новгорода. Но съ другой стороны, и для Москвы этотъ вопросъ имѣлъ также не одно церковное значеніе. Если уже великіе князья Московскіе считали несогласными со своими интересами даже попытки Псковичей къ самостоятельному устройству ихъ церковныхъ дѣлъ, то тѣмъ менѣе могли они относиться благосклонно

μετριότητα... καὶ ἰδόντες αὐτὰ καὶ ἀναγνώσαντες συνοδικῶς, οὐδὲν ἄλλο εὕγομέν, εἰ μὴ ὃ ἠκούσαμεν ἀπὸ τοῦ κυροῦ Δημητρίου (посла Московскаго митрополита см. стр. 177), ἐποιήσαμεν δὲ σύνοδον περὶ τούτου... ἐπὶ πάσῃ δὲ συνόδῳ ἦν καὶ ὁ Κύριλλος μετὰ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων αὐτοῦ, καὶ πάλιν ἐξετάσαντες τὸν Κύριλλον, εἴ τι ἔχει πλέον εἰπεῖν, οὐδὲν ἄλλο εὕρομεν αὐτὸν λέγοντα, εἰ μὴ ὅτι οὐδὲν θέλομεν ἵνα κρινώμεθα εἰς τὸν μητροπολίτην, ἀμὴ ὅταν μηνύσῃ τὸν ἐπίσκοπον μας, νὰ ὑπάγῃ, καὶ ὅταν ἔλθῃ ὁ μητροπολίτης εἰς το Μέγα Νουγράτιον, νὰ κρίνῃ ἕνα μῆνα, καὶ ὅταν ἐγκαλέσῃ κἂν εἷς, νὰ πέμπῃ ἄνθρωπόν του ὁ μετροπολίτης, νὰ τὸν κρίνῃ καὶ ὅτι οὕτως τὸν ὅρκον ἡμῶν δυνάμεθα καταλῦσαι, ἐὰν μᾶς συγχωρήσητε, ἵνα ἔχωμεν ταῦτα· ζητοῦμεν δὲ καὶ εὐλογίαν ἀπὸ σοῦ... καὶ ὅτι ἐὰν οὐδὲν μας εὐλογήσητε, θέλομεν γένεσθαι λατῖνοῖ».

[1]) Acta Patr. Const., II, 178—179.

къ стремленіямъ Новгородцевъ, церковное обособленіе которыхъ было гораздо опаснѣе, такъ какъ съ его утвержденіемъ для Москвы терялся одинъ изъ важнѣйшихъ путей къ вліянію на ходъ дѣлъ въ Великомъ Новгородѣ. Понятно поэтому, что когда всѣ церковныя средства оказались безсильными, когда на Новгородцевъ не подѣйствовали ни отлученіе митрополита, ни увѣщаніе патріарха, изъ Москвы послѣдовало вмѣшательство въ эту распрю со стороны свѣтской власти. Московскіе послы явились въ 1393 году въ Новгородъ и отъ лица великаго князя вмѣстѣ съ чернымъ боромъ потребовали и отсылки грамоты о церковномъ судѣ къ митрополиту, а въ вознагражденіе за покорность обѣщали снятіе послѣднимъ наложеннаго на нихъ запрещенія. Новгородцы однако оказали очень мало расположенія къ этимъ предложеніямъ, и потому дѣло вскорѣ дошло до суда Божія [1]). Великій Новгородъ пробовалъ было отражать силу силою; но когда войска великаго князя, занявъ Торжокъ, стали опустошать новгородскія волости, онъ благоразумно предпочелъ быть уступчивѣе и согласился удовлетворить не только всѣмъ требованіямъ великаго князя и митрополита, но и заплатить имъ еще за снятіе отлученія 350 рублей, сумму, быть можетъ, соотвѣтствовавшую той недоимкѣ, которая накопилась на Новгородцахъ со времени отнятія правъ у митрополита [2]). Не смотря однако на это изъявленіе покорности, Московскій митрополитъ не вполнѣ, кажется, довѣрялъ искренности Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ, когда Кипріанъ захотѣлъ на практикѣ воспользоваться возвращенными ему правами, то отправился въ 1395 году въ Новгородъ не одинъ, а въ сопровожденіи патріаршаго посла, Виѳлеемскаго владыки Михаила, имѣвшаго отъ патріарха спеціальное порученіе примирить Новгородцевъ съ митрополитомъ [3]). Но на этотъ разъ присутствіе патріаршаго посла оказалось совер-

[1]) П. С. Р. Л., V, 245, 1393 г.: «Великій князь... присла въ Новгородъ... о черномъ бору и о грамотѣ, что цѣловали Новогородцы...» и вы къ митрополиту ту грамоту отъшлите, а цѣлованье митрополитъ съ васъ сниметъ». Новогородци же того не послушаша и въ томъ ся учинило розмиріе».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 100, 1393 г.: «а полъчетвертаста рублевъ даша князю и митрополиту, что благослови владыку Ивана и весь Новгородъ.» О платѣ за долги Новгородскихъ пословъ см. тамъ-же, IV, 100, 1394 г.

[3]) П. С. Р. Л., III, 97, 1394 г.: «пріиде изъ Царяграда... Виѳлеемскій владыка Михаилъ, а привезлъ Новугороду двѣ грамоты о поученіи христіаномъ». Acta Patr. Const., II, 186, 1393 г.: «διὰ τοῦτο γὰρ... τους παρόντας ἀποκρισιαρίους εἰς ὑμᾶς ἐπέμψαμεν... ἵνα ἔλθωσι καὶ ἴδωσιν ὑμᾶς... καὶ εἰρηνεύσωσι καὶ καταλλάξωσι μετὰ τοῦ μητροπολίτου».

шенно излишнимъ: Новгородцы нимало не противились отправленію митрополитомъ мѣсячнаго суда, приняли и митрополита, и посла съ честью, и потому прежніе враги по крайней мѣрѣ по видимому теперь разстались друзьями [1]).

Вмѣсто завѣтной цѣли, стремленіе къ освобожденію отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, характеризующее новгородскую церковную исторію XIV вѣка, привело чуть ли не къ противоположному результату. Правда, исходъ борьбы по видимому только возвращалъ Новгородскую церковь въ ея прежнее положеніе; но въ дѣйствительности возвращеніе совершилось не безъ нѣкотораго усиленія власти Московскаго митрополита. Вмѣшательство послѣдняго въ дѣла Новгородской церкви сдѣлалось съ этихъ поръ гораздо энергичнѣе, и требованія Новгородскихъ владыкъ въ Москву гораздо чаще. Но съ такимъ результатомъ Новгородцы могли бы примириться развѣ только въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ было бы сказано послѣднее слово и въ ихъ политической исторіи, когда они принуждены были бы отречься отъ всѣхъ стремленій къ проявленію своей самобытности гражданской. Но пока этого еще не было, Великому Новгороду трудно было оставить всѣ мечты объ утвержденіи своей церковной свободы, особенно когда сосѣднее Литовское государство какъ бы нарочно открывало къ достиженію этой цѣли торную дорогу. Надежды Новгородцевъ на счастливый исходъ ихъ первой попытки къ церковной самостоятельности основывались на замѣшательствѣ въ митрополіи, на появленіи съ-разу нѣсколькихъ митрополитовъ, принужденныхъ непрочностью своего положенія заботиться не столько о церкви, сколько о самихъ себѣ. Но съ начала XV столѣтія, благодаря стараніямъ Литвы, такое раздѣленіе стало не исключительнымъ, а нормальнымъ положеніемъ дѣлъ, на Руси явилось два постоянные митрополита, Московскій и Кіевскій, и этимъ путемъ для Новгородцевъ открылась возможность выбирать и добиваться уступокъ, такая же точно, какую они имѣли и по отношенію къ своимъ князьямъ. Выгоды, которыя вытекали для Новгородцевъ изъ раздвое-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 97, 1395 г.: «Прiиде въ Новгородъ митр. Кипрiанъ съ патрiаршимъ посломъ... и запроси суда и Новогородци суда ему не даша (читай: «и Новогородци судъ ему даша»), и онъ пребылъ весну всю въ Новѣгородѣ... и владыка Иванъ далъ честь велику митрополиту и патрiаршу послу; и митр. Кипрiанъ, идучи прочь отъ Новагорода, благословилъ сына своего вл. Ивана и весь В. Новгородъ».

нія церкви на Руси, были несомнѣнны, но онѣ въ значительной долѣ ослаблялись тѣнью, наброшенною на дѣло основанія западной митрополіи Московскими святителями. Учрежденіе особенной митрополіи въ Кіевѣ было выставлено послѣдними именно какъ отступленіе отъ искоинаго обычая имѣть на всю Русь только одного митрополита [1]). Затѣмъ и способъ избранія новаго митрополита они представляли не какъ законный церковный актъ, а какъ дѣло вопіющаго насилія мірской власти, совершенное прямо вопреки указаніямъ главы церкви [2]). Наконецъ, и самая личность новоизбраннаго митрополита не осталась свободною отъ разныхъ нареканій. Григорій Цамблакъ представлялся какъ церковный мятежникъ, еще раньше пытавшійся купить за деньги въ Константинополѣ званіе митрополита, но вмѣсто того за свои происки подвергшійся лишенію священства и даже проклятію [3]). Впечатлѣніе этихъ внушеній усиливалось еще и тѣмъ, что въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго роста церковнаго раздвоенія, Московскіе митрополиты не только отлучили отъ церкви, какъ новоизбраннаго пастыря, такъ и избиравшихъ его епископовъ, но и съ особенною настойчивостью стали съ тѣхъ поръ требовать отъ подчиненныхъ себѣ владыкъ клятвъ въ нежеланіи ими признавать другаго митрополита, кромѣ назначеннаго изъ Царьграда [4]). Нѣтъ сомнѣнія, воззрѣніе Московскихъ пастырей на дѣло основанія Кіевской митрополіи, было не безызвѣстно и Новгородцамъ; а при такомъ условіи, трудно было бъ ожидать, чтобы мысль объ утвержденіи церковной независимости при посредствѣ Литвы могла стать общимъ достояніемъ всего Великаго Новгорода. Самое большее, на что они могли расчитывать,—такъ это на успѣхъ въ извѣстномъ

---

[1]) А. И., I, 32, 1415—1419 г.: «И рцѣте ми вы, преступивши и древнюю пошлину и своего исповѣданія и обѣщанія... еже не пріимати иного митрополита, но токмо иже отъ Костянтиноврада посылаемаго...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 116, 1417 г.: «такожде и тѣхъ епископъ его (Григоріевыхъ) сборища неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ, яко же бо... именующеся святители безъ разсужденія св. великаго патріарха, но отъ мірскаго начала святительство пріяша».

[3]) А. И., I, 32, 1415—1419 г.: «Да и еще поискалъ такоже митрополію прелщенный Григорьи, и порицая многа имѣнія; и не послушаша его, но и еще изъ сану священничьства изверже его вселенской патріархъ и прокля...»

[4]) А. И., I, 506—507, 1461 г.: «и ты бы, мой сынъ, по своему обѣщанію, какъ еси далъ свой обѣтъ... въ свое ставленіе... послѣ пакъ брата моего Іоны митрополита нынѣ тотъ же еси обѣтъ въ своихъ грамотахъ описалъ твердо...»

кружкѣ или извѣстной партіи, которая только развѣ въ исключительныхъ обстоятельствахъ могла получить въ обществѣ важное значеніе.

Существованіе въ Великомъ Новгородѣ партіи, склонявшейся къ замѣнѣ власти Московскаго митрополита зависимостію отъ Кіевскаго, замѣчается уже въ первой половинѣ XV вѣка, только дѣятельность ея за это время обнаруживалась еще довольно слабо. Какъ на нѣкоторое проявленіе вліянія этой партіи, можно смотрѣть на тотъ фактъ, что владыка Евѳимій былъ поставленъ въ епископы не въ Москвѣ [1]) а въ Смоленскѣ, Кіевскимъ митрополитомъ Герасимомъ. Фактъ этотъ не лишенъ важности, но ее не слѣдуетъ однако преувеличивать. Было много обстоятельствъ, которыя могли располагать къ поставленію въ Смоленскѣ не однихъ только приверженцевъ Литвы, но одинаково и всѣхъ Новгородцевъ вообще. Съ одной стороны, по смерти Фотія въ 1431 году, митрополичья каѳедра въ Москвѣ сдѣлалась вакантною, и владыкѣ Евѳимію, избранному Новгородцами еще въ 1429 году, но не успѣвшему получить посвященія при жизни Фотія, быть можетъ вслѣдствіе временнаго отсутствія послѣдняго изъ Москвы, приходилось, еслибъ онъ не пожелалъ ставиться въ Смоленскѣ, оставаться въ ущербъ интересамъ своей епархіи не посвященнымъ на весьма неопредѣленное время [2]). Съ другой стороны, хотя западный митрополитъ Герасимъ и не былъ признанъ въ своемъ званіи въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе глазамъ Новгородцевъ онъ могъ представляться законнымъ главой Русской церкви, такъ какъ, по доходившимъ до нихъ слухамъ, онъ прибылъ изъ Царяграда, считалъ себя поставленнымъ на всю Русскую землю и не поѣхалъ изъ Смоленска въ Москву, будто бы только благодаря раздорамъ, которые происходили въ послѣдней [3]). Во всякомъ случаѣ, было бы крайне несправедливо думать, что ставленье въ Смоленскѣ послужило для Евѳимія II основаніемъ для совершеннаго отрицанія имъ власти Московскаго митрополита [4]). Напротивъ, вопреки увѣренію г. Костома-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 1434 г.: «поѣха на поставленіе Еуѳиміи Новогородскіи къ митрополиту Герасиму въ Смоленско»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 110—111.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 208, 1434 г.: «Герасимъ владыка, въ осень, пріѣха изъ Царяграда, отъ патріарха поставленъ митрополитомъ на русскую землю; а пріѣха въ Смоленескъ, а на Москву не поѣха, занеже князи Рустіи воюются и сѣкутся о княженьи Великіе Русскіе земли».

[4]) *Костомаровъ*, Сѣв. Русск. Нар.-пр., II, 275.

рова, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что Евѳимій и не думалъ затрогивать церковныя права Московскаго митрополита. Такъ извѣстно, что по назначеніи въ Москву митрополита Исидора, Новгородскій владыка тотчасъ же отправился къ нему на благословеніе, и затѣмъ самъ Исидоръ посѣтилъ Новгородъ и Псковъ, сдѣлалъ въ послѣднемъ нѣкоторыя распоряженія по Новгородской епархіи [1]). Точно также и въ отношеніи преемника Исидорова, митрополита Іоны, Евѳимій II не нарушалъ ни въ чемъ обычнаго церковнаго чиноподчиненія. Столкновенія съ Іоной если и случались, то они относились не къ церковной области, а къ политической. Такъ, когда князь Дмитрій Шемяка въ ссорѣ съ великимъ княземъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища въ Великомъ Новгородѣ, то митрополитъ, отлучивъ его отъ церкви, послалъ къ Новгородскому владыкѣ требованіе, чтобы ни самъ онъ, ни его дѣти Новгородцы не имѣли общеніе съ Шемякой, какъ съ отлученнымъ. Конечною цѣлью этого требованія было удаленіе Шемяки изъ Новгорода, а такое дѣло владыкѣ Евѳимію было далеко не подъ силу и могло повести только къ ссорѣ его со своими согражданами. Понятно поэтому, что онъ предпочелъ остаться въ мирѣ съ послѣдними, а предъ митрополитомъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія тѣмъ, что и прежде нерѣдко пріѣзжали въ Новгородъ Русскіе князья, встрѣчали тамъ радушный пріемъ, и однакоже Московскіе пастыри не присылали въ подобныхъ случаяхъ никакихъ запретительныхъ грамотъ [2]). Но не смотря на смягчающія обстоятельства, Евѳимій такъ тяготился своимъ недоразумѣніемъ съ митрополитомъ, что предъ смертью считалъ долгомъ отправить къ нему прощальную грамоту. Въ отвѣтъ на эту грамоту митрополитъ хотя и прислалъ на случай обычное отпущеніе, тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы въ случаѣ поправленія Евѳимій самъ пріѣхалъ въ Москву или по крайней мѣрѣ принесъ особенное покаяніе въ томъ, что вопреки запрещенію имѣлъ общеніе, велъ дружбу и хлѣбъ-соль съ тѣмъ лицомъ, которое было отлучено отъ церкви [3]).

[1]) П. С. Р. Л., III, 112, 1437 г.: «владыка Еуѳиміи благослови крестомъ на вѣчѣ... весь Великіи Новгородъ... и поѣха на Москву къ митрополиту Исидору». Тамъ же, IV, 210, 1438 г.

[2]) А. А. Э., I, 465, 1452 г.: «А что ми, сыну, пишешь въ своей же грамотѣ, что преже того Русскіе князи пріѣзжали въ домъ св. Софѣя въ Великіи Новгородъ, и честь имъ въздавали по силѣ, а прежніе митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали...»

[3]) А. И., I, 501, 1458 г.: «Но о томъ тебѣ, сыну, вмалѣ въспомянемъ, что

Какъ мы уже замѣтили, обыкновенное время, чуждое важныхъ потрясеній, давало мало простору для дѣятельности приверженцевъ Литвы. Чтобы дѣйствовать рѣшительно, они должны были дожидаться критическихъ обстоятельствъ. Такія обстоятельства наступили, когда начала грозить опасность войны съ Иваномъ III, когда зашла рѣчь о томъ—быть или не быть Великому Новгороду. Хорошо понимая, что въ борьбѣ съ князьями Восточной Руси церковная связь Новгорода всегда будетъ служить одною изъ главнѣйшихъ причинъ неудачи, литовская партія не замедлила выставить церковное соединеніе съ Литвою такимъ же необходимымъ дѣйствіемъ для спасенія новгородской самобытности, какъ и союзъ политическій. А тутъ какъ разъ случилась смерть Новгородскаго владыки Іоны и поставила церковный вопросъ ребромъ. Чтобы при случаѣ стать вполнѣ властелиномъ хода дѣлъ, литовская партія поспѣшила выставить отъ себя кандидатомъ на владычную каѳедру Пимена, ключника умершаго епископа, человѣка энергичнаго и не боявшагося нарушенія старины для достиженія своихъ цѣлей, и всѣми силами старалась склонить выборъ на его сторону. Но не смотря на то, что ключника поддерживала могущественная фамилія Борецкихъ, не смотря на то, что располагая владычнею казною, онъ свободно пользовался ею и выдавалъ изъ нея деньги въ руки Марѳы Борецкой для привлеченія на свою сторону Новгородцевъ; не смотря на оба эти обстоятельства, литовской партіи все-таки не удалось добиться у Новгородцевъ единогласнаго избранія Пимена, а пришлось предоставить рѣшеніе вопроса о личности владыки жеребью [1]). Результатъ же жеребьеванія оказался совсѣмъ не въ ея пользу: выборъ св. Софіи палъ не на Пимена, а на Ѳеофила, человѣка отличавшагося совершенно противоположными качествами, склонностью къ старинѣ и приверженностью къ тѣсной связи съ Москвою [2]). Такой исходъ

еси себѣ какъ запросто поставилъ былъ: кто отъ нашего смиренія, за свое преступленіе, отлученъ былъ и неблагословенъ, и вы того у себе держали, и съ нимъ пріятельство имѣли, и въ яденіи и въ питіи съ нимъ есте съвкушлялись, и благословеніе свое на немъ имѣли...»

[1]) П. С. Р. Л., VI, 5, 1471 г.: «Съ нею же о сихъ мысля и думая... чернецъ Пуминъ, еже бысть старого владыки ключникъ, и тои лукавыи втаи шепча съ нею на все зло помогаше ей, и симъ желаше настолованья государя своего владычьства въ Новѣгородѣ, по животѣ его, еже татьствомъ и казны его собѣ выносилъ... Тамъ же, VI, 6, 1471 г.: «И сей Пуминъ тако же упова, множество злата издоваше лукавѣй той женѣ Мареѣ, а веляше ей давать въ народъ людямъ многимъ, дабы имъ помогали на ихъ волю»...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 235, 1741 г.

ободрилъ всѣхъ приверженцевъ старины въ Великомъ Новгородѣ: тотчасъ было отправлено къ великому князю посольство просить „опаса“ для свободнаго проѣзда нареченнаго владыки въ Москву на посвященіе и вскорѣ затѣмъ получены и желанныя опасныя грамоты. Такимъ образомъ дѣло пошло было уже совсѣмъ на мирный ладъ, какъ вдругъ неожиданно выросло препятствіе. Еще до присылки Новгородцами просьбы объ опасѣ, великій князь, не расчитывая на ихъ наклонность къ миру, отправилъ пословъ поднимать Псковичей на Великій Новгородъ. Вѣсть объ этомъ поступкѣ дошла до Новгородцевъ, кажется, какъ разъ въ одно и то же время съ присылкою къ нимъ опасныхъ грамотъ и естественно сдѣлалась въ рукахъ враговъ великаго князя оружіемъ противъ двуличной будто бы московской политики [1]). Опираясь на это оружіе, литовская партія, потерпѣвшая пораженіе при владычнемъ выборѣ, вновь оправилась и подняла голову. Поѣздка владыки въ Москву была отложена, и мысль о ставленьи въ Литвѣ вновь стала пріобрѣтать себѣ приверженцевъ [2]). Отвергнутый св. Софьей, чернецъ Пименъ снова сталъ обнаруживать большую дѣятельность. „Посылайте меня“, говорилъ онъ Новгородцамъ,—„хоть въ Кіевъ, я и туда готовъ ѣхать на ставленье!“ [3]) Но не смотря на всю благопріятность минуты, литовской партіи и теперь не удалось добиться полнаго торжества. Она успѣла, конечно, втянуть Новгородъ въ политическую связь съ Литвою, но въ церковной области всѣ усилія ея остались совершенно безплодными. Оно и совершенно понятно: преимущество, которымъ не могъ нахвалиться въ себѣ Пименъ, въ глазахъ большинства Новгородцевъ было весьма сомнительнаго достоинства. Присоединеніе къ западной митрополіи возбуждало въ то время опасенія уже не просто, какъ нарушеніе обычнаго чиноподчиненія Русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ нѣкоторое отступленіе къ латинству. Въ самомъ дѣлѣ, на Кіевской митрополіи си-

---

[1]) А. И. I, 513, нач. 1471 г.: «а въставливаютъ деи ваши недобрые на великаго князя то и слово: опасъ господинъ нашъ—князь великый намъ давши, а Пьсковъ на насъ подымаетъ, а хочетъ на насъ итти. Ино, сынове... князь великый за колко до владычни смерти и до вашего опасника до Микиты, послалъ своего посла въ Пьсковъ, не чаялъ вашего челобитья»...

[2]) А. И., I., 515, 1471 г., марта 22: «Вы пакъ тѣмъ великимъ Божьимъ дѣломъ церковнымъ (поѣздкой владыки на ставленье въ Москву) почали длити»...

[3]) П. С. Р. Л., VI, 6, 1471 г.: «Онъ же лукавый чернецъ Пуминъ отъ того Григорья богоотмѣтнаго и поставленія себѣ требоваше, извѣстуя людемъ сице глаголаше: «хотя на Кіевъ мя пошлите, и тамо язъ на свое поставленіе ѣду»...

дѣлъ въ это время Григорій, послѣдователь Исидора, а Исидоръ, какъ хорошо было извѣстно Новгородцамъ, былъ отвергнутъ на Руси за присоединеніе къ Флорентійской уніи. Къ тому же Григорій и на митрополію былъ посаженъ такимъ же отверженникомъ, какъ Исидоръ, а именно бывшимъ Константинопольскимъ патріархомъ Григоріемъ, впервые признавшимъ папу главою восточной церкви [1]). Вліяніе этихъ опасеній сказывалось ясно уже въ томъ фактѣ, что въ договоръ съ Польскимъ королемъ Казимиромъ IV было включено условіе, предоставлявшее Новгородцамъ право ставить своего владыку непремѣнно въ Кіевѣ, а гдѣ-либо въ православномъ христіанствѣ, слѣдовательно, и въ Москвѣ [2]). Но еще рѣзче оно сказалось въ практическомъ примѣненіи этого права къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Чернецъ Пименъ, стоявшій за ставленье въ Литвѣ, испыталъ горькую участь. Не успѣли сдѣлаться извѣстными въ обществѣ козни, къ которымъ прибѣгалъ онъ при вербованіи себѣ сторонниковъ, какъ несчастный искатель владычней каѳедры, былъ подвергнутъ заключенію, имущество его разграблено, и въ добавокъ на него самого наложенъ штрафъ въ 1000 рублей [3]). Напротивъ звѣзда Ѳеофила, стоявшаго за связь съ Москвою, все поднималась. Нѣтъ сомнѣнія, и его положеніе нѣкоторое время было довольно затруднительно. Онъ нѣсколько разъ уже собирался было оставить свое званіе и удалиться въ монастырь. Но поддерживаемый массою населенія, онъ въ концѣ концовъ не только восторжествовалъ надъ своими противниками, но и имѣлъ силу въ возгорѣвшей борьбѣ Великаго Новгорода съ Москвою удержать свой полкъ отъ дѣйствій противъ великаго князя [4]).

---

[1]) А. И., I., 507, 1461 г.; тамъ же, I, 113, 1458 г.

[2]) А. А. Э., I, 64, 1470—71 г.: «а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ православномъ хрестьянствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли»...

[3]) П. С. Р. Л., IV, 236, 1471 г.: «По нѣколицехъ днехъ Великой Новгородъ ключника владычня Пимена великимъ, сильнымъ избезчествовавъ безчестіемъ, на крѣпости издержавъ, самого измучивъ и казну всю у него разграбили, и кончѣ самого на 1000 рублевъ продали»...

[4]) П. С. Р. Л., IV, 6, 1471 г.: Ѳеофилъ, нареченныи на владычьство, повелѣваше имъ (Новгородцамъ), яко да престанутъ отъ таковаго злаго начинанія они же не послушаху словеси его; да того ради самъ многажды покушашеся о сихъ, дабы отъ нихъ сшелъ въ монастырь въ келью свою, они же не пустиша его»... Не пустили очевидно не «они», а ихъ противники.

Положеніе, которое занимала Новгородская церковь во все время первой борьбы Новгорода съ Иваномъ III, было слишкомъ благопріятно для Москвы, услуги, оказанныя ею послѣдней, были слишкомъ существенны, чтобы при заключеніи мирныхъ условій она могла почувствовать на себѣ тяжелую руку побѣдителя. Конечно, попытка чернеца Пимена не была оставлена великими князьями безъ вниманія. Въ предупрежденіе повторенія подобныхъ замысловъ въ будущемъ, въ мирный трактатъ, заключившій походъ 1471 года, было внесено ими условіе, опредѣлявшее точно дальнѣйшій порядокъ посвященія Новгородскихъ владыкъ. Съ этихъ поръ Новгородцамъ вмѣнено въ обязанность ставить своихъ епископовъ не иначе, какъ только въ Москвѣ и у Московскаго митрополита [1]). Но за то другія ограничительныя условія мирнаго трактата 1471 года на Новгородскую церковь отнюдь не распространялись. Мы имѣли уже случай указывать на тотъ любопытный, но тѣмъ не менѣе опущенный исторіей изъ виду фактъ, что за попытку отложенія отъ Московскаго государства въ 1471 году Новгородцамъ пришлось поплатиться, кромѣ контрибуціи и возвращенія спорныхъ земель (княжчинъ), и уступкою безспорно новгородскихъ владѣній, а именно Волока со всѣми волостьми и Вологдой: именъ этихъ Новгородскихъ владѣній, настойчиво повторяющихся во всѣхъ извѣстныхъ договорахъ Новгорода съ великими князьями, въ трактатѣ 1471 года уже не встрѣчается [2]). Но эта уступка не была равнозначительна съ ограниченіемъ Новгородской епархіи. Тотъ же договоръ 1471 года прямо заявляетъ, что Новгородскій владыка сохраняетъ свою епархіальную власть, свои права на вѣдѣніе церквей и десятины въ Вологдѣ и на Волокѣ. Точно также и земли, которыми владѣли на Волокѣ Новгородскіе (а именно Юрьевъ) монастыри, были равномѣрно оставлены за ними неприкосновенными [3]). Ограниченія владычней власти въ этихъ краяхъ если

[1]) А. А. Э., I, 99, 1471 г.: «а индѣ намъ владыкы, опрочь Московскаго митрополита, нигдѣ не ставити»...

[2]) Ср. напримѣръ, А. А. Э., I, 42, 1456 г.: «А се вы волости Ноугородцкія: Волокъ со всѣми волостьми, Торжокъ, Бѣжица, городецъ Палець, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тирь, Пермь, Печера, Югра, Вологда» и А. А. Э., I, 67 1471 г.: «А се вы и волости Ноугородскія, Торжекъ, Бѣжичи, городецъ Палець Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тигрь, Пермь, Печера, Югра».

[3]) А. А. Э., I, 66, 1471 г.: «А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ; а что Юрьевскаго монастыря земли на Волоцѣ, и та земля къ Юрьеву монастырю по старинѣ».

и явились, то только уже по паденіи Великаго Новгорода. Такъ въ 1492 году, уступая внушеніямъ великаго князя, митрополитъ Зосима и Новгородскій владыка согласились передать свои церкви въ Вологдѣ, въ городѣ и на посадѣ, въ Пермскую епархію. Подобнымъ образомъ былъ взятъ въ 1509 году въ митрополію, не безъ сильнаго однако противодѣйствія со стороны Новгородскаго владыки, Іосифовскій Волоколамскій монастырь [1]). Высказанныхъ нами соображеній достаточно уже однихъ, чтобы показать, какъ далеко отъ истины мнѣніе почтеннаго г. Прилежаева, утверждавшаго, что якобы подъ церквями, оставленными въ 1471 году въ вѣдѣніи Новгородскаго епископа, разумѣлись церкви Двинскихъ земель (то-есть, княжчинъ), уступленныхъ тогда же Новгородомъ во владѣніе владыкою князя. Но къ нимъ можно присоединить еще и слѣдующее: Положимъ, что Вологду можно еще съ нѣкоторою вѣроятностью относить къ числу Двинскихъ земель Великаго Новгорода: но что дѣлать съ Волокомъ? Нѣтъ сомнѣнія, сѣверо-восточныя владѣнія Новгорода назывались Заволочанами, Заволоцкою землею, Заволочьемъ, наконецъ просто выраженіемъ: „за Волокъ“; но отсюда еще нельзя заключить, чтобъ они назывались и Волокомъ. Волокъ всегда былъ и останется Волоколамскомъ, а въ такомъ случаѣ гипотеза г. Прилежаева будетъ расходиться съ объясняемымъ ею фактомъ [2]).

Движенія Литовской партіи были послѣднимъ проявленіемъ стремленій Великаго Новгорода къ церковной самобытности. Съ подчиненіемъ его Москвѣ начинается противоположный процессъ, низведшій Новгородскую церковь на степень простой Московской епархіи. Уже измѣненія, совершившіяся въ 1478 году въ устройствѣ Великаго Новгорода, не остались безъ важныхъ слѣдствій и для положенія Новгородской церкви. Съ введеніемъ въ Новгородскую жизнь новаго Московскаго порядка, владыка естественно уже не могъ сохранить за собою ту роль, которую онъ прежде игралъ въ политическихъ дѣлахъ своей родины и въ особенности въ сношеніяхъ съ иноземцами. Всѣ эти дѣла были взяты великимъ княземъ на себя, и Новгородскому владыкѣ пришлось волей-неволей ограничить свое вліяніе исключительно одною церковною областью, святительскимъ судомъ [3]). Вскорѣ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 160, 1492 г. тамъ же, VI, 249, 1509 г.

[2]) *Ж. М. Н. Пр.* за іюль 1875 г., стр. 102.

[3]) П. С. Р. Л., IV, 261, 1478 г.: «а владыкѣ Новгородскому, опричь своего святительскаго суда... не вступатися ни вочто же... ни пословъ слати намъ (Пско-

однако послѣдовали перемѣны и въ самой церковной области. Но и здѣсь непосредственнымъ толчкомъ къ обратному процессу послужило событіе, имѣвшее свой источникъ также внѣ круга церковныхъ отношеній. Мы разумѣемъ именно первую секуляризацію церковныхъ земель. Распространеніе предѣловъ Московскаго государства неизбѣжно сопровождалось развитіемъ государственныхъ потребностей, а это обстоятельство въ свою очередь заставляло великихъ князей хлопотать о пріобрѣтеніи необходимыхъ для ихъ удовлетворенія средствъ. То же должно было имѣть мѣсто и при присоединеніи Великаго Новгорода къ Москвѣ. А такъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго богатства въ то время составляли земли, то чтобы государствовать въ Новгородѣ, великіе князья, понятно, должны были имѣть тамъ въ своемъ распоряженіи значительныя поземельныя владѣнія. Но бояре и вообще знатные люди, руководившіе переговорами объ условіяхъ подчиненія Великаго Новгорода Московскому государству, не опустили случая при этомъ обезпечить интересы своего класса. Пользуясь нежеланіемъ великаго князя затрогивать близко личные интересы и тѣмъ возбуждать неудовольствіе противъ Москвы, они успѣли выговорить себѣ у великаго князя не только безопасность личности, гарантію отъ вывода изъ Новгородской земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и льготу отъ рубежа или безопасность своихъ поземельныхъ владѣній. А такъ какъ у Великаго Новгорода, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ центру жизни мѣстностяхъ, въ то время, какъ видно, уже не было больше никакихъ свободныхъ поземельныхъ владѣній, то для удовлетворенія требованій великаго князя ничего не оставалось, какъ предложить послѣднему часть церковныхъ земель. Новгородцы такъ и сдѣлали. Правда, первоначально они предполагали удовлетворить требованіямъ великаго князя небольшою уступкою церковныхъ земель, которая не могла сильно задѣть интересы церкви; они думали именно, что великій князь удовольствуется всего 10 волостями, 4 владычними и 6 монастырскими. Но такое предложеніе было такъ ничтожно, что о принятіи его великимъ княземъ не могло быть и рѣчи [1]). Тогда Новгородцы предоставили послѣд-

---

вичамъ) къ нимъ (Новгородцамъ), посолства правити кому ниоткуду пріѣхавъ со иныя земли, то къ нимъ (великимъ князьямъ) все правити, а не владыкѣ, ни къ Новугороду».

[1]) П. С. Р. Л., VI, 216, 1478 г.: «владыка съ тѣми же прежереченными пришедъ къ в. князю явили 10 волостей: 4 владычни, три Юрьевскаго монастыря,

нему самому опредѣлить размѣръ уступки, и великій князь потребовалъ, кромѣ всѣхъ Новоторжевыхъ земель, половину волостей владычнихъ и монастырскихъ. При поднесеніи епископскихъ волостей, а частію еще и раньше, при переговорахъ, Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ однако нѣкоторую скидку. Согласно съ желаніемъ Новгородцевъ, онъ совсѣмъ не захотѣлъ брать земель отъ мелкихъ Новгородскихъ монастырей, не отличавшихся большимъ благосостояніемъ; да и у самого Новгородскаго владыки взялъ не цѣлую половину волостей. Но все же сумма секуляризованныхъ имъ земель, 10 волостей владычнихъ и половина поземельныхъ владѣній шести богатѣйшихъ монастырей, были для церкви весьма чувствительною потерею [1]).

Какъ ни понятны мотивы, которыми руководился Иванъ III при секуляризаціи церковныхъ земель, на счетъ впечатлѣнія этой мѣры на Новгородскую церковь не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кто въ смутные дни былъ надежнѣйшимъ союзникомъ великаго князя въ Новгородѣ? Церковь. Кто же въ Новгородѣ поплатился за неудачныя попытки борьбы противъ Московскаго государства? Страннымъ образомъ, опять-таки церковь. Какъ то бы ни было, только благодаря секуляризаціи Новгородская церковь не могла не считать себя обиженною и не перейдти изъ надежныхъ сторонниковъ Москвы въ ряды оппозиціи. У Татищева даже есть разказъ, на основаніи котораго наши историки считаютъ себя въ правѣ сообщать, что вскорѣ по подчиненіи Московскому государству Великаго Новгорода, въ послѣднемъ будто вновь явилось желаніе передаться Литвѣ, и что однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при этомъ былъ Новгородскій владыка Ѳеофилъ [2]). Какъ однако ни согласенъ съ тогдашними обстоятельствами этотъ разказъ, ложность его отъ начала до конца не подлежитъ сомнѣнію и уже удовлетворительно доказана нами въ своемъ мѣстѣ. На основаніи же несомнѣнныхъ данныхъ можно сказать только, что за отнятіе церковныхъ владѣній владыка Ѳеофилъ питалъ на Москву сильное неудовольствіе, и быть можетъ, не старался этого скрывать. Весьма возможно даже, что временами онъ

да у Дѣмона Благовѣщенская волость, да Онтоньевскую волость, да Тубасъ волость, да что въ Торжку земель... всѣ къ нимъ отступилися великимъ княземъ... и князь велики тѣхъ десять волостей не взялъ».

[1]) П. С. Р. Л., VI., 216—217, 1478 г.

[2]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г., кн. IV, *Татищева* Исторія Россійская, кн. V, стр. 79—81.

проговаривался и о выгодахъ подданства Литовскому или какому-либо другому государю. Все это, конечно, было не болѣе какъ простыя слова, плодъ временнаго раздраженія; но московскіе слуги и благопріятели, обязанные доносить великимъ государямъ обо всякомъ добрѣ и лихѣ, не преминули, вѣроятно, раздуть эти толки въ серьезный заговоръ [1]). Привыкши жить на сторожѣ, великій князь Московскій не оставилъ безъ вниманія эти внушенія и немедленно счелъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры къ обезпеченію себя и со стороны Новгородской церкви. Одною изъ этихъ мѣръ было удаленіе изъ Новгорода архіепископа Ѳеофила и заключеніе его въ одномъ изъ Московскихъ монастырей [2]). Посредствомъ этой мѣры мнимыя политическія затрудненія были устранены, но за то запутаны дѣла церкви и не мало требовалось хлопотъ, чтобъ ихъ поправить. Дѣло въ томъ, что съ удаленіемъ владыки Новгородская каѳедра стала пустующею, но въ то же время въ Москвѣ не могли замѣстить ее, такъ какъ владыка Ѳеофилъ хотя и былъ увезенъ изъ Новгорода, тѣмъ не менѣе сохранялъ всѣ права на каѳедру этого города. Чтобы выйдти изъ этого неловкаго положенія, въ Москвѣ прибѣгли къ обычному въ подобныхъ случаяхъ средству, стали требовать отъ Ѳеофила добровольнаго отреченія отъ его званія, обѣщая быть можетъ ему въ замѣнъ, что послѣ этого онъ будетъ содержаться уже не въ заключеніи, какъ было доселѣ, а просто въ монастырѣ въ качествѣ инока. Ѳеофилъ согласился и въ 1483 году далъ отреченную грамоту, въ которой мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что „хотѣхъ пасти стадо Христово словесныхъ овецъ и того сдержати и управляти не возмогохъ“, а затѣмъ былъ поселенъ въ Михайловскомъ Чудовскомъ монастырѣ [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «не хотяше бо тои владыка (Ѳеофилъ), чтобы Новгородъ былъ за великимъ княземъ, но за королемъ или за инымъ государемъ: князь бо велики коли взялъ впервые Новгородъ, тогда отъя у Новгородскаго владыки половину волостей и селъ у всѣхъ монастырей, (и К.) про то владыка нелюбіе дрьжаше: быша бо тѣ волости прьвое великихъ же князей, ино ихъ освоиша».

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «князь велики въ Новгородѣ изымалъ архіепископа Новгородцкого Феофила въ коромолѣ и посла его на Москву»..

[3]) П. С. Р. Л., VI, 335, 1483 г.: «Того же лѣта остави, въ заточеніи сѣдя, Новугородскій владыка Ѳеофилъ епископьство нужею великаго князя; и испусти его князь велики и повелѣ жити ему у Михаилова чюда». Поэтому и отреченную грамоту его нужно относить не къ 1479 или 1480 году, какъ сдѣлано при на-

Какъ мы уже сказали, заточеніе Θеофила было только одною изъ мѣръ, принятыхъ Иваномъ III къ обезпеченію себя со стороны Новгородской церкви. Одновременно съ нею дано было мѣсто другой, клонившейся къ отнятію у Новгородскаго владыки средства злоупотреблять своимъ значеніемъ. Примѣръ чернеца Пимена, который обратилъ владычнюю казну въ орудіе питанія въ народѣ неудовольствія противъ Москвы, долженъ былъ бы научить великаго князя, что важно не одно лицо владыки, но и его обширныя средства. Во время покоренія Великаго Новгорода средства эти остались еще нетронутыми; теперь же, когда вновь стала грозить опасность ихъ злоупотребленія, великій князь нашелъ нужнымъ удалить въ Москву и владычнюю казну [1]). Такимъ образомъ, удаленіе владычней казны изъ Новгорода было со стороны Московскихъ князей политическою мѣрою, а не просто средствомъ поживы, какъ обыкновенно склонно представлять это дѣло большинство изслѣдователей. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что владычняя казна сохранялась въ Москвѣ въ цѣлости, и когда миновала опасность затрудненій со стороны Новгородской церкви, была возвращена оттуда вполнѣ въ Великій Новгородъ. Въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что когда въ 1524 году былъ назначенъ владыкою въ Новгородъ Макарій, то онъ привезъ съ собою туда и всю казну старыхъ архіепископовъ [2]). Еще менѣе можно признать справедливыми тѣ подробности, которыя передаютъ наши изслѣдователи о размѣрахъ увезенной владычней казны на основаніи польскихъ источниковъ. Прежде всего извѣстія польскихъ лѣтописцевъ относятся далеко не исключительно къ одной владычней казнѣ. Длугошъ сообщаетъ, правда, что въ 1479 году Иванъ III увезъ съ собою изъ Новгорода 300 возовъ, нагруженныхъ однимъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, а возамъ, которые заключали въ себѣ мѣха, пурпуры, сукна и другія матеріи, не было и числа [3]). Но эта необычайная

печатаніи ея въ А. А. Э., I, 476, и въ *Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др.* за 1860 г., III, смѣсь, а къ 1483 г.

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 204, 1480 г.: «а казну его (Θеофила) взя, множество злата и сребра и сосудовъ его»...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 286, 1524 г.: «взялъ князь великій изъ Можайска архимандрита Макарія и постави его архіепископомъ въ Великій Новгородъ и да ему всю казну старыхъ архіепископовъ»...

[3]) *Dlugosii*, Hist. Polon., Lips. 1712, t. II, pag. 588—589, 1479 г.: «et quod dictum quoque apud posteros parum erit credibile, trecentos currus auro tantum

добыча, превосходившая въ десять разъ сокровища Венеціи, образовалась по Длугошу далеко не изъ однихъ богатствъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнною утварью, которыя складывались и сохранялись въ Софійскомъ казнохранилищѣ въ теченіе вѣковъ послѣдовательно однимъ Новгородскимъ владыкою за другимъ, но еще въ большей степени изъ тѣхъ имуществъ, которыя были конфискованы у трехсотъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ Новгородцевъ, и изъ тѣхъ двухъ третей болѣе цѣнныхъ предметовъ, которые были взяты тогда же у всѣхъ остальныхъ гражданъ [1]). А затѣмъ, и въ самой своей сущности извѣстія польскихъ лѣтописцевъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія и могутъ служить доказательствомъ только развѣ необычайной живости фантазіи у пускавшихъ ихъ въ оборотъ авторовъ. Конечно, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что польскіе дѣписатели разказывали такія небылицы на счетъ великихъ князей Московскихъ; но удивительно, какъ нашлись русскіе историки, которые могли принять эти сказки за чистую монету [2]).

За удаленіемъ владыки Ѳеофила и Софійской казны изъ Новгорода послѣдовала третья и притомъ самая существенная мѣра обезпеченія московскихъ интересовъ, для которой первыя двѣ были только такъ-сказать подготовленіемъ. Мы разумѣемъ именно введеніе въ управленіе Новгородской церкви московскаго порядка. Сообразно съ этимъ послѣднимъ, глава Новгородской церкви пересталъ съ этихъ поръ быть избранникомъ народа, а сдѣлался, какъ это было и въ началѣ, однимъ изъ простыхъ епархіальныхъ епископовъ, подчиненныхъ единственно власти Московскаго митрополита. Назначеніе его стало зависѣть уже не отъ народной воли, а отъ соглашенія великаго

modo et argento, margaritis, lapidibus pretiosis et raris, caeterisque id genus unionibus usque ad os refertos, ante se, de spoliis Novogrodensium, egit. De suppellectili vero nobilissima pellium, purpurarum, pannorum, variarum materiarum post se innumeros currus egit».

[1]) *Dlugossii*, Hist. Polon., t. II, 588, 1479 a.: «Pontificeque inaestimabili thesauro auri et argenti, multaque nobilissima suppellectili, qui a pluribus centenis annorum, per unumquemque episcopum, alteri succedentem, et relinquebatur, et condebatur, spoliato, et trecentis civibus, natu maioribus ditioribusque capite damnas, ac bonis eorum et thesauris ducali potestati infiscatis, omnem civitatem, et cives reliquos, duabus partibus auri, argenti et lapidum preciosorum, caeteraque suppelectili tertia parte cuilibet relicta, quam constabat plus quam decem Venetias, in thesauris possidere, depilavit»...

[2]) *Бѣляевъ*, Раз. изъ Рус. Ист., II, 621—622; *Прилежаевъ* въ *Ж. М. Н. Пр.* за іюль 1875, стр. 113.

князя съ митрополитомъ. Страннымъ образомъ только, вводя въ 1483 году эту перемѣну въ строѣ Новгородской церкви, въ Москвѣ почему-то сочли нужнымъ удержать при опредѣленіи новаго епископа старый вѣчевой порядокъ, по которому владыка въ случаѣ разногласія назначался не прямо, а посредствомъ жеребья изъ трехъ кандидатовъ [1]). Быть можетъ, этою уступкой мѣстному новгородскому обычаю въ Москвѣ хотѣли примирить предпринятое нововведеніе со стариной и тѣмъ нѣсколько ослабить дурное впечатлѣніе его на Новгородцевъ. Но слѣдствія и тутъ показали, что въ старые мѣхи не слѣдуетъ вливать новаго вина. Уступка новгородской старинѣ, какъ оно и естественно, не задобрила Новгородцевъ, но Москвѣ причинила не мало хлопотъ, такъ какъ благодаря ей выборъ новаго владыки далъ совершенно неудовлетворительный результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя новоизбранный владыка Сергій и былъ исполненъ горделивымъ сознаніемъ „высоты и величества своего сана“ и того, что онъ отправлялся въ Новгородъ, какъ побѣдитель къ побѣжденнымъ, тѣмъ не менѣе въ Москвѣ не ускользнуло отъ вниманія, что природныя силы его далеко не соотвѣтствовали трудности положенія его въ Великомъ Новгородѣ [2]). Поэтому чтобы поправить ошибку, въ Москвѣ положено было отпустить Сергія въ Новгородъ не одного, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ опекуновъ, приставленныхъ къ нему великимъ княземъ въ лицѣ своихъ боярина, казначея и дьяка. Предосторожность была далеко не лишняя; но спасая московскіе интересы, она погубила несчастнаго владыку. Положеніе Сергія сдѣлалось чрезъ это невыносимымъ. Съ одной стороны ему приходилось выносить строгій контроль людей, приставленныхъ къ нему великимъ княземъ и имѣвшихъ обязанностью зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы при управленіи Новгородскою епархіей онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ указаній, данныхъ ему въ Москвѣ и такимъ образомъ волей-неволей служилъ въ Новгородѣ проводникомъ московскихъ началъ; а съ другой ему нужно было нести на себѣ бремя неудовольствія Новгородцевъ и въ особенности

[1]) П. С. Р. Л., IV, 155, 1483 г.: «князь великыи... обмысля со своимъ отцемъ Геронтіемъ митрополитомъ... положили жеребей на престолъ Елисея архим. Спаского, да Генадія, арх. Чюдовского, да Сергія старца Троецкаго...: на архіепископство въ Великыи Новгородъ; и митрополитъ самъ служилъ съ всѣми съ тѣми епископы и со архимандриты и выняся жребій Сергіевъ»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 243, 1484 г.: «возвысився умомъ высоты ради сана своего и величества, яко отъ Москвы пріиде къ гражданомъ, яко плѣненнымъ»...

мѣстнаго духовенства, которые, не видя возможности, вслѣдствіе присутствія княжескихъ людей, склонить Сергія „ходить по ихъ мысли“ или служить мѣстнымъ интересамъ, не щадили усилій, чтобы по крайней мѣрѣ надѣлать Московскому владыкѣ массу затрудненій и непріятностей. Поставленный между этими двумя огнями, слабый Сергій не выдержалъ и кончилъ тѣмъ, что впалъ въ „изумленіе“ или потерялъ разсудокъ [1]).

Помѣшательство Сергія было слишкомъ благопріятнымъ для Новгородцевъ событіемъ, чтобъ оно прошло въ ихъ жизни безслѣдно, чтобы мѣстное духовенство не сдѣлало изъ него нравственнаго щита для охраны своего стараго церковнаго быта. Дѣйствительно, мы знаемъ, что „изумленіе“ перваго Московскаго владыки стало въ Новгородѣ предметомъ множества толковъ и разказовъ, которые, не смотря на свой легендарный характеръ, ясно обнаруживаютъ чувства, внушавшіяся Новгородцамъ церковными перемѣнами. Въ существенной своей части всѣ эти разказы между собою сходны: всѣ они одинаково представляютъ нарушеніе новгородской старины совершенно незаконнымъ и насильственнымъ. Разница замѣчается развѣ только въ томъ, что одни изъ нихъ выдвигаютъ на видъ болѣе каноническую сторону дѣла, а другіе — чисто мѣстную. По разказамъ перваго рода, „изумленіе“ Сергія было естественнымъ слѣдствіемъ или наказаніемъ за нарушеніе имъ каноническихъ правилъ, гласящихъ, что при жизни святителя, не заслужившаго своими поступками изверженія изъ церкви (въ данномъ случаѣ—владыки Ѳеофила), никто не долженъ посягать на его должность. По этимъ разказамъ, далѣе, мстителемъ за поруганіе церковныхъ законовъ выступилъ Іоаннъ архіепископъ, что̀ на бѣсѣ ѣздилъ, или вообще мѣстные Новгородскіе святители. Возмущенные несправедливымъ захватомъ Новгородской каѳедры Сергіемъ, они стали являться ему иногда во снѣ, а иногда на яву, и обличать его дерзновенное поведеніе, какъ-бы побуждая его тѣмъ къ добровольному отреченію отъ своего званія. А когда Сергій не внялъ этимъ обличеніямъ, то святители ввергли его въ многіе недуги, вслѣдствіе которыхъ онъ уже по неволѣ долженъ былъ оставить

[1]) П. С. Р. Л., VI, 236, 1484 г.: «остави владыка Семіонъ въ Новѣгородѣ архіепископью, боленъ бѣ, занеже не хотяху Новгородци покоритися ему, что не по ихъ мысли ходитъ; не смѣяше бо, понеже князь великій посла боярина своего съ нимъ и казначея и діака. Они же отняша у него умъ волшебствомъ глаголаша: Іоанъ чюдотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ створи ему».

свою каѳедру, и удалиться сначала въ Хутынь, а затѣмъ въ Москву [1]). Разказы второго рода напротивъ представляютъ „изумленіе" Сергія слѣдствіемъ неуваженія его къ мѣстной святынѣ и въ частности оскорбленія имъ Новгородскаго владыки Моисея. По этимъ разказамъ проѣзжая, при вступленіи своемъ въ должность, на пути въ Новгородъ чрезъ монастырь Сковородку, Сергій потребовалъ тамъ вскрытія мощей святителя Моисея, и когда на свое требованіе получилъ отъ присутствовавшаго священника заявленіе, что тотъ не можетъ исполнить его желаніе, что святителя подобаетъ вскрывать святителю, то въ раздраженіи будто бы сказалъ на это послѣднему: „Стану я смотрѣть этого мужика" (смердовича)! Съ этихъ поръ, добавляютъ разказы, на Сергія нашло помраченіе: онъ сталъ являться и сидѣть днемъ безъ клобука и мантіи, въ одной только рясѣ, иногда на Евѳиміевской паперти, а иногда даже и у св. Софіи, пока наконецъ во избѣжаніе дальнѣйшаго соблазна не былъ сведенъ назадъ въ Москву въ Сергіевскій монастырь [2]).

Затрудненія, сопровождавшія владычество въ Новгородѣ перваго Московскаго епископа, наглядно показали великимъ князьямъ всю непригодность наслѣдованнаго ими отъ новгородской жизни способа избранія владыкъ. Неудивительно поэтому, что при дальнѣйшихъ назначеніяхъ о жеребьѣ никогда уже не было и помину, что всѣ слѣдовавшіе за Сергіемъ Новгородскіе владыки опредѣлялись просто митрополитомъ по соглашенію съ великимъ княземъ. Первый изъ назначенныхъ этимъ путемъ владыкъ, Геннадій Гонозовъ, оказался человѣкомъ по своимъ нравственнымъ качествамъ всего лучше соот-

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 42, 1484 г.: «Въ Новѣгородѣ владыцѣ Сергію многажды начаша являтися святители Новгородстіи, лежащіи въ дому св. Софіа, овогда во снѣ, овогда явѣ, обличающе явѣ безумное дерзнутіе на поставленіе святительства ему, яко презрѣвшу... положеныя кононы св. Отцы, въ нихъ же глаголеть, яко живу сущу епископу и не яту бывшю, ни обличену ересьми... и неправедно ни по правиломъ изгнану бывшю, не подобаетъ иному на престолъ его мучительскы дерзати... и сія глаголюще, въ многыя недугы вложиша его»...

[2]) П. С. Р. Л., Ш, 243, 1484 г.: «И сказаша ему гробъ святителя Моисея строителя монастыря того. Онъ же воззрѣвъ на священника и повелѣ ему гробъ скрыти свят. Моисея: священникъ же не смѣяше гроба скрыти святительска и рече арх. Сергію: подобаетъ святителю святителя скрывати. Арх. же Сергій рече съ гордостью... «кого сего смердовича и смотрѣти?»... И бысть отъ того времени изумленъ: овогда видяху его въ Евѳиміевской паперти въ одной рясѣ сѣдяща, иногда же видяху его въ полдень у св. Софіи сѣдяща въ одной рясѣ безъ клобука и мантіи; сведоша его болна къ Троици въ Сергіевъ монастырь».

вѣтствовавшимъ той задачѣ, которая предстояла ему въ Великомъ Новгородѣ. Геннадій не превозносился напрасно величествомъ своего сана или своимъ назначеніемъ изъ Москвы; напротивъ, его занимала болѣе сущность дѣла, упроченіе въ Новгородѣ какъ политическаго, такъ и церковнаго вліянія Москвы. Въ видахъ церковнаго освященія предержащей власти великихъ князей Московскихъ, имъ впервые было поставлено въ обязанность всѣмъ новгородскимъ игуменамъ и священникамъ ежедневно молиться въ своихъ храмахъ за государя и всѣхъ православныхъ христіанъ [1]). Что же касается до усиленія собственно церковнаго вліянія Москвы, то, далекій отъ всякой исключительности, Геннадій старался достигнуть этой цѣли не пренебреженіемъ, какъ Сергій, къ мѣстной святынѣ, составлявшей предметъ особеннаго почитанія Новгородцевъ, а сообщеніемъ гражданства въ ея средѣ собственно московскимъ угодникамъ, до сихъ поръ мало или совсѣмъ неизвѣстнымъ новгородскому населенію. Но не смотря на правильное пониманіе своей задачи, и Геннадію однако не удалось съ разу сломить или хотя чувствительно ослабить оппозицію Новгородцевъ. Всего яснѣе это видно изъ крестнаго хода, предпринятаго въ 1493 году Геннадіемъ съ соборомъ игуменовъ, священниковъ и дьяконовъ и въ сопровожденіи двухъ великокняжескихъ намѣстниковъ и дворецкаго вокругъ новгородскаго дѣтинца. Вѣрный разъ помѣченной цѣли, Геннадій предполагалъ обратить этотъ крестный ходъ въ средство распространенія въ Новгородѣ чествованія московскихъ святителей и въ этихъ видахъ опредѣлилъ отслужить молебны и провозгласить каноны—у Чуднаго креста—новому чудотворцу Петру, митрополиту всей Россіи, а на молебствіи у Покровскихъ воротъ — канонъ Московскому митрополиту Алексѣю [2]). На первый разъ однако планъ потерпѣлъ полную неудачу. Въ крестномъ ходѣ отказалась участвовать значительная и притомъ самая знатнѣйшая часть новгородскаго духовенства, а именно Юрьевскій архимандритъ, игумены Антоніевскій, Хутынскій, Вяжицкій, Лисьегорскій, Рождественскій съ поля, Аркажскій, Колмовской, Ковалевскій и многіе другіе [3]). Но неудача не испугала Геннадія. Чтобъ отнять у Новгород-

[1]) П. С. Р., Л. III, 145, 1493 г.: «а игуменовъ и поповъ и діаконовъ по томужъ благословилъ и прочь отпустилъ, и наказалъ имъ чтобы Бога молили о государѣхъ великихъ князѣхъ и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, по вся дни кождо у своей церкви молебны пѣти».

[2]) П. С. Р. Л., III, 144—145, 1493 г.

[3]) П. С. Р. Л., III, 144, 1493 г.: «И архимандритъ Юрьевской, да игуменъ

скихъ игуменовъ всякій предлогъ къ упорству, онъ занесъ въ планъ слѣдующаго крестнаго хода, долженствовавшаго имѣть мѣсто вокругъ всей Софійской стороны, молебствія уже не однимъ московскимъ святымъ, митрополитамъ Петру и Алексѣю и Леонтію Ростовскому, но одинаково и нѣкоторымъ мѣстнымъ новгородскимъ угодникамъ, какъ напримѣръ Варлааму Хутынскому [1]). Пріемъ этотъ не остался безъ послѣдствій. Конечно, Геннадію и тутъ не удалось привлечь къ церемоніи всѣхъ новгородскихъ игуменовъ; но все же нѣкоторые изъ нихъ, не явившіеся въ первый разъ, какъ напримѣръ Юрьевскій архимандритъ, Антоніевскій, Спасскій и Вяжицкій игумены, были теперь на лицо [2]).

Главная причина, которая особенно упорно поддерживала въ новгородскомъ духовенствѣ недовольство противъ московскаго порядка, заключалась не столько въ уничтоженіи мѣстной церковной самобытности, сколько въ томъ матеріальномъ отягощеніи церковныхъ причтовъ, которое послѣдовало по пятамъ за водвореніемъ въ Новгородѣ московскихъ владыкъ. Измѣненія, совершавшіяся въ судьбѣ Великаго Новгорода, коснулись крайне неблагопріятно матеріальной стороны Новгородской владычной каѳедры, лишивши ее самой важной части накопленныхъ вѣками богатыхъ средствъ. Значительныя денежныя суммы и сокровища, наполнявшія Софійскую казну, были частію растрачены чернецомъ Пименомъ, частію же увезены въ Москву и въ то время не было ни слуху, ни духу о возможности ихъ возвращенія. Но деньги и сокровища—дѣло наживное; главное же, что въ особенности должно было тревожить Новгородскихъ владыкъ, состояло въ томъ, что источники, которыми питалась прежде Софійская казна, теперь если не изсякли, то во всякомъ случаѣ подверглись значительному сокращенію. Поземельныя владѣнія, служившія прежде

Антоньевской Андрей и игум. Хутынской, и игум. Вежиской, и игум. съ Лисьи горы, игум. Рожественской съ поля, игум. Аркажской, и игум. Колмовской и игум. Ковалевской... и тѣ всѣ игумены за кресты съ архіепископомъ не ходили же; да опроче тѣхъ игуменовъ, которые имяны писаны, изъ иныхъ монастырей многихъ игуменовъ не было».

[1]) П. С. Р. Л., III, 146, 1493 г.: «А на третіемъ молебнѣ велѣлъ пѣти трижъ молебны: Покрову св. Богородицы, а вторый Леонтію, еп. Ростовскому, а третій Варламію Чудотворцу»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 145, 1493 г.: «Ходилъ архіеп. Геннадей со кресты, около города старого, вкругъ деревяной стѣны, по сей стороны рѣки, да съ нимъ архим. Юрьевской, да игум. Антоньевской, и игум. Спасской, игум. Вяжитской... всѣмъ соборомъ»...

родникомъ, изъ котораго владыки и монастыри почерпали главнѣйшія средства для своего содержанія, сократились чуть ли не на половину уже при самомъ покореніи Новгорода; съ теченіемъ времени, какъ увидимъ ниже, они подверглись дальнѣйшему ограниченію, послѣ котораго ни владыка, ни монастыри въ Новгородской землѣ уже не могли похвастать обширностью своихъ богатыхъ вотчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ измѣненіемъ въ новгородскомъ народонаселеніи и съ развитіемъ въ немъ неблагопріятныхъ для церкви воззрѣній, и надежда на щедрую поддержку со стороны мірянъ, какая встрѣчалась въ древности, становилась все болѣе и болѣе обманчивою. Присоединимъ сюда же, что вскорѣ по паденіи новгородской свободы былъ если не совсѣмъ закрытъ, то во всякомъ случаѣ значительно стѣсненъ самый путь, которымъ шло развитіе новгородскаго могущества, ослаблена чрезъ закрытіе нѣмецкой конторы торговая дѣятельность, обогащавшая прежде гражданъ Великаго Новгорода, и тогда будетъ совершенно ясно, что финансовое положеніе московскихъ владыкъ въ послѣднемъ было совершенно иное, чѣмъ положеніе старыхъ вѣчевыхъ епископовъ, и притомъ иное не къ лучшему, а къ худшему. Но такая непривлекательная участь не могла удовлетворить владыкъ, являвшихся изъ царствующаго града Москвы, особенно когда для улучшенія ея имъ не требовалось много мудрствовать, а нужно было только слѣдовать примѣру ихъ остальныхъ Московскихъ товарищей. Въ Московской Руси между владычными доходными статьями, выдающееся положеніе въ разсматриваемое время занимали повинности, которыми духовенство изоброчивалось въ пользу своихъ епархіальныхъ архіереевъ. Система эта давала въ Москвѣ удовлетворительный результатъ: отчего же было не примѣнить ея и къ Великому Новгороду? Нѣтъ сомнѣнія, такая система не могла благопріятно отозваться на низшемъ новгородскомъ духовенствѣ, не могла содѣйствовать поднятію его нравственнаго уровня, какъ того требовали обстоятельства времени и собственное сознаніе нѣкоторыхъ владыкъ; но такъ какъ выборъ долженъ былъ происходить между интересами подчиненнаго духовенства и собственными выгодами, то даже лучшіе епископы предпочитали выбирать послѣднее.

Введеніе въ жизнь Новгородской церкви московской системы повинностей значительно облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что задатки къ ней положены были еще въ періодъ самобытнаго существованія Великаго Новгорода. Благодаря утвержденію во Псковѣ періодическихъ визитацій, тамошнее духовенство, какъ уже извѣстно, пре-

вратилось въ оброчныхъ людей Новгородскаго владыки еще задолго до подчиненія Новгорода Москвѣ. Да и въ самомъ Новгородѣ мѣстное духовенство если и не состояло въ такой рѣшительной кабалѣ, какъ псковское, тѣмъ не менѣе все же было обложено разными поборами въ пользу своего епархіальнаго владыки и его десятинниковъ. Такимъ образомъ, чтобъ улучшить свое положеніе, Московскимъ владыкамъ нужно было собственно только развить уже существовавшую въ Новгородѣ систему церковныхъ повинностей, приравнять новгородскіе поборы къ московскимъ, восполнить недостававшія въ нихъ статьи, и занимавшая ихъ задача рѣшалась удовлетворительно. Стремленіе къ такому приравненію новгородскихъ повинностей къ московскимъ обнаружилъ уже первый Московскій владыка въ Новгородѣ, Сергій, и этимъ-то въ значительной долѣ нужно объяснять ту ненависть, которую онъ успѣлъ возбудить къ себѣ въ Новгородцахъ. Лѣтопись сообщаетъ именно, что онъ ввелъ въ Новгородѣ многія новыя пошлины и подвергъ многихъ игуменовъ и священниковъ штрафу, быть можетъ, именно за ихъ неплатежъ новыхъ поборовъ [1]). Еще рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ Геннадій. Онъ возвелъ закрѣпощеніе духовенства въ строгую систему. Коль скоро именно доходы съ духовенства были признаны за главнѣйшій источникъ владычняго содержанія, то очевидно, необходимо было привести ихъ въ извѣстность и въ этихъ видахъ точно опредѣлить, какъ количество церковныхъ приходовъ, такъ и количество духовныхъ лицъ. Цѣли этой владыка Геннадій пытался достигнуть при помощи татарскаго обычая „числа“ или переписи всѣхъ церквей и духовныхъ лицъ Новгородской епархіи. Документально, впрочемъ, извѣстно только, что такая перепись была произведена въ одномъ Псковѣ, а именно въ 1500 году. Но было бы больше чѣмъ неосновательно ограничивать перепись на самомъ дѣлѣ однимъ Псковомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что около того же времени, быть можетъ даже еще раньше, подобная же перепись имѣла мѣсто и въ области самого Великаго Новгорода, что и тамъ опредѣлено количество престоловъ и антиминсовъ и этимъ путемъ положено прочное основаніе для неукоснительнаго сбора съ мѣстнаго духовенства всѣхъ доходовъ въ пользу епархіальнаго владыки. Лучшимъ доказательствомъ высказываемаго

[1]) П. С. Р. Л., V, 41, 1484 г.: «Пріѣде съ Москвы въ Великый Новгородъ... владыка Сергій, поставленъ митрополитомъ Геронтіемъ вмѣсто Ѳеофила; и многы игумены и попы испродаде, и многы новыя пошлины введе».

нами мнѣнія можетъ служить списокъ Новгородскихъ церквей (собственно одного Новгорода), дошедшій до насъ по всей вѣроятности именно отъ разсматриваемаго времени. Такъ въ спискѣ упоминаются уже церкви св. Петра митрополита и св. Сергія Радонежскаго, построенныя въ 1416 и 1463 годахъ [1]), но нѣтъ еще упоминанія о церквяхъ ни св. Алексѣя митрополита, ни св. Стефана Сурожскаго, извѣстныхъ изъ церковной росписи начала XVII вѣка [2]). Кромѣ того, въ спискѣ обращено вниманіе на престолы, а именно на престолы и антиминсы обращалъ свое вниманіе Геннадій въ Псковѣ [3]). Вообще трудъ Геннадія по установленію въ Новгородѣ системы церковныхъ повинностей былъ столь основательный, что слѣдовавшимъ за нимъ владыкамъ оставалось уже очень мало хлопотъ. Они могли только увеличить или уменьшить число пошлинъ съ духовенства, усилить или ослабить ихъ размѣры. Дѣйствительно, позднѣйшая исторія представляетъ примѣры дѣятельности только того или другаго рода, но не болѣе. Владыка Макарій, привезшій назадъ въ Новгородъ казну прежнихъ архіепископовъ и потому быть можетъ, не смотря на его обширныя и постоянныя хлопоты объ украшеніи новгородскихъ церквей, не такъ нуждавшійся въ средствахъ, заслужилъ признательность со стороны Новгородцевъ тѣмъ, что облегчилъ нѣсколько монастырямъ владычніе поборы [4]). Напротивъ на владыку Серапіона II Новгородскіе священники жаловались, что онъ взималъ съ нихъ пошлины не по старинѣ, ввелъ именно новые поборы „праздничное“ и „тіун-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 114, 1416 г.: «свершены быша 2 церкви камены, св. Петръ митрополитъ русскій»... Тамъ же, III, 141, 1463 г.: «постави влад. Іона св. Сергія».

[2]) *Евгеній*, Истор. Разговоры, 84.

[3]) *Востоковъ*, Оп. Рук. Рум. М., 41: «а въ Великомъ Новѣгородѣ семь соборовъ да 2 церкви за городомъ мірскихъ... А въ 5 соборехъ большихъ церквей за околоткомъ въ городѣ и съ двемя загородцкими церквами 34, а придѣловъ 29; а въ околоткѣ большихъ церквей 17, а придѣловъ 11; а въ околоткѣ всѣхъ престоловъ 28; а за рѣкою за Волковомъ въ 2-ю соборехъ большихъ (нужно прибавить: церквей 29, а придѣловъ 38), а за рѣкою всѣхъ престоловъ 67. А всѣхъ церквей большихъ въ Великомъ Новгородѣ и въ околоткѣ опричь загородцкихъ монастырей и опричь придѣловъ 80, а придѣловъ у тѣхъ церквей во всемъ Новгородѣ и въ околоткѣ 78, а всѣхъ престоловъ въ В. Новгородѣ и въ околоткѣ. . 161 (?), а вседневныхъ службъ у церквей въ Вел. Новгородѣ 44»...

[4]) П. С. Р. Л., IV 276, 1524 г.: «и бысть (съ пріѣздомъ влад. Макарія) хлѣбъ дешевъ, и монастыремъ легче въ податехъ и людемъ заступленіе веліе.

скую пошлину", и стоглавый соборъ отмѣнилъ эти необычные прежде платежи [1]).

Какъ мы уже замѣтили, тягло, наложенное Московскими владыками на новгородское духовенство, представляло только дальнѣйшее развитіе тѣхъ зачатковъ закрѣпощенья, которые существовали уже раньше въ новгородской церковной практикѣ. Прежде всего такое развитіе замѣчается въ тѣхъ пошлинахъ, которыя взимались съ духовныхъ лицъ за сообщеніе имъ извѣстной церковной должности. Въ періодъ самостоятельности Новгорода эти пошлины брались, кажется, единственно за посвященіе или ставленье; теперь ими стали облагать въ процессѣ опредѣленія духовнаго лица на мѣсто каждый актъ отдѣльно, а именно какъ собственное совершеніе посвященія въ извѣстный церковный санъ (ставленныя пошлины), такъ и выдачу ставленныхъ грамотъ (писчее и печатное), равно какъ и благословеніе ставленника владыкою на мѣсто при извѣстной церкви (благословенная гривна). Пошлинами облагались даже челобитныя, подаваемыя духовными объ опредѣленіи ихъ на мѣсто. По опредѣленію Стоглаваго собора, за актъ посвященія положено было брать отъ поповства и отъ діаконства, отъ каждаго отдѣльно, по полтинѣ, всего, слѣдовательно, рубль Московскій. За выдачу грамотъ ставленныхъ (?) и несомнѣнно патрахильныхъ и уларныхъ, которыми, какъ увидимъ ниже, вдовымъ священникамъ и діаконамъ предоставлялись нѣкоторыя права священства, бралось писчаго и печатнаго по алтыну [2]). Что же касается до благословенной гривны, то въ практикѣ она имѣла два вида, раздѣлялась на новоставленную или новичную гривну, платившуюся духовными при опредѣленіи ихъ на мѣсто впервые, и на перехожую гривну вносимую въ случаѣ перехода ихъ отъ одной церкви къ другой. Эти пошлины естественно вносились и тогда, когда духовныя лица являлись въ Новгородскую землю и изъ другихъ епархій [3]). Подобно бѣ-

---

[1]) А. А. Э. I, 221, 1551 г.

[2]) Стоглавъ, гл. 89, стр. 379, 1551 г.: «Мы же соборнѣ повелѣхомъ отъ диаконства и отъ поповства двѣ златницы на соборъ взимати, сирѣчь рубль Московской да благословенная гривна... а отъ патрахѣльныхъ и отъ уларныхъ грамотъ пошлинъ не имати, развѣ писчего алтына да печатнаго алтына же.

[3]) А. А. Э., I, 221, 1551 г.: «и архіепископъ поучивъ и наказавъ благословляетъ его (опредѣляющагося священника), и не емлетъ съ нихъ ничего, развѣе благословенные гривны». А. И. I, 402, 1581 г.: «А которые черные священницы и діяконы въ тотъ монастырь ново станутъ, или изъ котораго монастыря въ тотъ ихъ монастырь перейдуть... и наши подъѣздщики и десятинники на тѣхъ черныхъ

лому духовенству, и черное имѣло также свои ставленныя пошлины. Архимандриты и игумены должны были именно платить за настольныя грамоты, сообщавшія имъ право на настоятельство по два рубля, а за благословенныя — по полтинѣ. Пошлины же съ черныхъ поповъ и діаконовъ ни въ чемъ, кажется, не отличались отъ соотвѣтственныхъ поборовъ съ бѣлаго духовенства [1]). Наконецъ, со всѣхъ грамотъ взимались особенныя пошлины, при всякомъ измѣненіи въ особѣ владыки или при всякомъ представленіи ихъ къ подписи или къ подновѣ. Обычай носить грамоты къ подписи каждаго новаго владыки былъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ еще во второй половинѣ XVI столѣтія новгородское духовенство чуть ли не огуломъ возставало противъ его примѣненія. До насъ дошелъ любопытный разказъ о столкновеніи, которое произошло по этому поводу въ 1572 году между владыкою Леонидомъ и новгородскимъ духовенствомъ. Встрѣчая упорное нежеланіе духовенства представлять къ подписи ставленныя грамоты, Леонидъ не стерпѣлъ и въ соборѣ послѣ молебна о здравіи великаго государя и прочтенія своей настольной грамоты, сдѣлалъ ему внушеніе на счетъ неблаговидности его поведенія [2]). Въ особенности же онъ обрушилъ свой гнѣвъ на Юрьевскаго архимандрита Ѳеоктиста. „Отчего ты“, говорилъ Леонидъ, обратясь къ послѣднему,—„не показываешь мнѣ своей настольной грамоты, на какомъ основаніи ты архимандритишь?“ Ѳеоктистъ въ оправданіе сослался на свою поѣздку въ Москву къ великому государю. „Вотъ, когда у меня“, возразилъ на это владыка,—„не было настольной грамоты, такъ я не служилъ и трехъ дней“. Выведенный изъ себя, Ѳеоктистъ тогда воскликнулъ: „Вижу, что тебѣ хочется съ меня содрать; но мнѣ дать нечего: хочешь, возьми и архимандритство, и настольную грамоту; хочешь, сдери съ меня, владыко, и ризы: я и о томъ не стану тужить“. Скандалъ закончился со стороны Леонида приглашеніемъ игуменовъ и священниковъ быть свидѣтелями прекословія Юрьевскаго архимандрита своему владыкѣ на соборѣ [3]).

священницѣхъ и на дьяконѣхъ перехожихъ и новичныхъ гривенъ не емлютъ». Ср. тамъ же, I, 277—278, 1551 г.

[1]) Стоглавъ, гл. 89, стр. 380, 1551 г.: «А отъ настольныхъ грамотъ архимандричьихъ и игуменскихъ имати по 2 златницы, сирѣчь по рублю Московсковскому, а отъ благословенныхъ грамотъ... по полтинѣ».

[2]) П. С. Р. Л., III, 170, 1572 г.: «Да и священникомъ всѣмъ говорилъ: колько де я былъ въ Новѣгородѣ, и вы ди мнѣ грамотъ не носили своихъ поповскихъ подписывати... а которые деи дальніе священници, ино ихъ Богъ прости».

[3]) П. С. Р. Л., III, 170, 1572 г.

Еще большее развитіе получилъ второй и главнѣйшій видъ владычнихъ пошлинъ, имѣвшій своимъ источникомъ владычнее управленіе въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ какъ владычнее управленіе выражалось въ двухъ формахъ, въ личномъ участіи владыки въ епархіальныхъ дѣлахъ и въ дѣятельности его органовъ, то и доходы владыки были двоякаго рода. Къ доходамъ перваго рода относился подъѣздъ, а къ доходамъ втораго — десятина [1]). Въ восточной, Московской Руси подъѣзда не встрѣчается; тамъ на его мѣстѣ стоитъ дань, носившая по времени взноса ея названія сборнаго, рождественскаго и петровскаго. Подъѣздъ собственно составлялъ отличительную принадлежность Новгородской церкви, которая была удержана Московскими владыками только какъ весьма удобная форма владычнихъ сборовъ. Какъ въ собственно новгородское время, такъ еще болѣе въ московское подъѣздъ представлялъ не одну какую-либо пошлину, а цѣлую систему разныхъ налоговъ. Въ число обыкновенныхъ подъѣздныхъ пошлинъ входили подъѣздъ въ собственномъ смыслѣ и благословенная куница: первый въ начальное время имѣлъ значеніе платы владыкѣ за путевыя издержки его при обозрѣніи епархіи, а вторая—дара за преподаніе благословенія епархіальному духовенству на мѣстѣ. Впослѣдствіи къ числу подъѣздныхъ (владычнихъ) пошлинъ присоединились еще и казенные алтыны; но о значеніи этого побора при существующихъ данныхъ нельзя составить себѣ мнѣніе даже и гадательно [2]). Что же касается до втораго вида владычнихъ сборовъ, десятины, то происхожденіе ея скрывается въ содержаніи мѣстныхъ представителей владычней власти, десятинниковъ и ихъ помощниковъ. Поэтому въ руки самаго владыки десятина поступала только тогда, когда извѣстный причетъ или рядъ причтовъ добивался отъ епархіальнаго главы изъятія изъ-подъ власти десятинниковъ. Присвоивая себѣ въ подобныхъ случаяхъ десятину, владыка чрезъ это получалъ возможность, безъ особеннаго для себя ущерба, жаловать вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ власти десятянниковъ и нѣкоторыя льготы во взносѣ церковныхъ пошлинъ тѣмъ причтамъ, которые по какимъ-либо причинамъ обнищали или вообще затруднялись исправнымъ

---

[1]) А. И., I, 364—365, 1577 г.: «а прежь деи сего платили изъ погоста попы наши пошлины, подъѣздъ и десятину»...

[2]) А. И., I, 365, 1577 г.: «и тому попу и всему причту церковному давати... мнѣ за мой подъѣздъ и за благословенную куницу, съ тоѣ церкви особно на всякъ годъ 11 алтынъ съ деньгою, да казенные пошлины шесть алтынъ».

внесеніемъ сборовъ въ ихъ полномъ объемѣ [1]). Но коль скоро такого изъятія изъ-подъ власти десятинниковъ не было, десятина со всѣхъ церквей шла въ руки первыхъ сполна. Подобно подъѣзду, и десятина не есть какой-либо единичный поборъ: это также цѣлая система мелкихъ поборовъ и даже повинностей. Прежде всего подъ десятинной разумѣлись разныя натуральныя повинности, которыми мѣстное духовенство обязано было въ отношеніи своего десятинника, а именно постройка десятинничья двора, дача десятиннику и другимъ людямъ владыки подводъ, лодокъ и проводниковъ [2]). А затѣмъ, кромѣ натуральныхъ повинностей, десятина налагала на духовенство и денежныя обязанности: послѣднее должно было платить десятиннику кормъ (пошлину, бывшую первоначально также натуральною), даръ, въѣзжее и записное. Значеніе этихъ пошлинъ извѣстно не всѣхъ. Быть можетъ, подъ въѣзжимъ разумѣлась плата, которую получалъ десятинникъ за свой трудъ при объѣздѣ десятины для сбора корма, а подъ записнымъ—плата за внесеніе въ особую книгу отмѣтки объ исправленіи ею тягловыхъ обязанностей [3]). Прибавимъ въ заключеніе, что независимо отъ постоянныхъ пошлинъ, епархіальное управленіе налагало на духовенство еще много поборовъ временныхъ. При каждомъ обращеніи по дѣламъ къ главѣ епархіи непосредственно духовенству приходилось платить деньги частію въ Софійскую казну, частію же

---

[1]) А. И., I, 325—326, 1563 г.: «И будетъ такъ, какъ онѣ (попъ съ дьякономъ одной Устюженской церкви) намъ... сказывали, и язъ ихъ пожаловалъ: давати имъ въ домъ св. Софеи и мнѣ за мои подъѣздъ и за благословенную куницу на всякъ годъ по гривнѣ по Московской; а десятинникамъ моимъ даетъ тотъ попъ и дьяконъ и весь причетъ церковный, за ихъ десятилничь кормъ и за даръ, по 2 алтына безъ денги Московской; а привозити имъ тѣ денги, подъѣздъ и десятина, самѣмъ въ В. Новгородъ, въ нашу казну... а кому будетъ до того попа... каково дѣло, и мои недѣлщики даютъ ихъ на поруку, а срокъ имъ чинятъ передъ меня архіепископа»... Тамъ же, I, 457, 1592 г.: «А кому будетъ дѣло до тѣхъ поповъ... и десятинникъ нашъ Новоторжской ихъ не судитъ ни въ чомъ, а даетъ ихъ на поруку... а срокъ имъ чинитъ передъ меня... а сужю ихъ язъ самъ митрополитъ».

[2]) А. А. Э., I, 360, 1577 г.: «а десятинницы мои... у тѣхъ игуменовъ и поповъ и дьяконовъ не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ, и десятиннича имъ двора не ставити, ни съ тяглыми имъ попы не тянути ни въ которые наши пошлины».

[3]) А. И., I. 365, 1577 г.: «а десятинникамъ моимъ даетъ тотъ попъ и весь причетъ церковный за кормъ, и за даръ, и за въѣзжее, и за записное, и за всѣ его десятинничи пошлины, на всякъ годъ, по пяти алтынъ»... Ср. А. А. Э., I, 176, 1542 г.; А. И., 216, 1547 г.

владычнимъ людямъ, дьякамъ, печатникамъ, истопникамъ и т.п. Каждое соприкосновеніе съ церковнымъ судомъ грозило духовнымъ штрафами и судебными пошлинами. Послѣднія были тѣмъ обременительнѣе, что въ свою очередь образовали цѣлую особенную систему [1]).

Система закрѣпощенія духовенства до того вошла въ плоть и кровь московской эпохи, что завлекла въ свои сѣти самые христіанскіе обычаи и обратила ихъ въ доходныя статьи епархіальной власти. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ, напримѣръ, обычай духовенства христосоваться со своимъ владыкой въ день Пасхи. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально при этомъ владыкѣ подносилось красное яйцо: но съ теченіемъ времени такое приношеніе найдено уже слишкомъ обыкновеннымъ и потому замѣнено денежнымъ взносомъ, который платился даже и тамъ, гдѣ владыки совсѣмъ не было на лицо. Такимъ образомъ возникъ поборъ, извѣстный подъ названіемъ: „за великоденское (велиденское) яйцо“ или просто подъ названіемъ „яичной пошлины“. При этомъ въ дальнѣйшемъ теченіи жизни владычніе люди стали относиться къ этому побору, имѣвшему, очевидно значеніе добровольнаго дара, съ такою строгостью, что не только требовали отъ духовныхъ за яйцо не меньше новгородской гривны, но и прибѣгали, въ случаѣ недоставленія пошлины именно въ этомъ размѣрѣ, къ мѣрамъ принудительнымъ, взыскивали ее съ духовенства при помощи приставовъ. Такой образъ дѣйствія былъ такъ мало сообразенъ съ сущностью дѣла, что Макарій, одинъ изъ лучшихъ Новгородскихъ владыкъ, считалъ въ 1528 году своею обязанностью напомнить своему псковскому намѣстнику, что нельзя ни отъ кого требовать за яйцо больше того, что̀ онъ принесетъ добровольно, и что не будетъ никакой бѣды, если бѣдный человѣкъ и совсѣмъ ничего не принесетъ [2]). Примѣръ епископа Макарія однако не вызвалъ, кажется, особенныхъ подражаній. По крайней мѣрѣ районъ яичной пошлины съ теченіемъ исторіи все увеличивался. По даннымъ XVI вѣка, она взималась въ самомъ Новгородѣ, кромѣ городскихъ священ-

---

[1]) А. И., I, 326, 1563 г.

[2]) *Евгеній,* Ист. Княж. Псков., II, 85—86, 1528 г.: «Да биша мнѣ (владыкѣ Макарію) челомъ старосты штисоборскіе и игумены, и священноиноки и священники и дьяконы, что нашъ намѣстникъ емлетъ на нихъ за великоденское яйцо по гривнѣ по Новгородской за приставомъ; и азъ пожаловалъ, кто что принесетъ нашему намѣстнику за яйцо по своей силѣ, то ему и взяти; а которому молодому человѣку принести нечего, и азъ на томъ намѣстнику своему просити не велѣлъ ничего».

нослужителей, только съ десяти иногородныхъ монастырей. Но изъ приходныхъ книгъ Софійскаго дома 1654—1664 годовъ видно, что въ XVII столѣтіи великоденское яйцо платилось уже двадцатью шестью новгородскими монастырями [1]).

Ограниченіе финансовыхъ средствъ Софійской казны коснулось не выгодно не одного только Новгородскаго епископа, но одинаково и капитула Софійскаго собора, служившаго ближайшимъ помощникомъ владыки въ его духовной дѣятельности. У капитула остались, правда, не тронутыми старые церковные доходы, но при многочисленности софійскаго клира, состоявшаго, напримѣръ, въ 1542 году изъ 43 человѣкъ, въ томъ числѣ изъ протопопа, протодіакона и 18 придѣльныхъ священниковъ, они не въ силахъ были закрыть пустоту, образовавшуюся послѣ секуляризаціи софійскихъ вотчинъ. Поэтому, съ наступленіемъ Московской эпохи, со стороны Софійскаго капитула также обнаруживается стремленіе къ улучшенію своего положенія, къ пріобрѣтенію новыхъ источниковъ содержанія. Но такъ какъ епархіальное духовенство и безъ того было завалено разнаго рода поборами, то обращаться съ новыми требованіями къ нему было рѣшительно невозможно. Вся надежда должна была теперь сосредоточиться на мірѣ. Но и здѣсь не такъ-то легко было отыскать какую-либо доходную статью. Подобно духовенству, и міряне несли на себѣ разные поборы въ пользу епархіальной власти. Софійскій капитулъ однако нашелся. Онъ не сталъ требовать невозможнаго, введенія какой-либо новой пошлины, а обратился къ старинѣ и положилъ отбить у своего владыки вѣнечную пошлину. Такъ назывался поборъ, который вносили въ пользу епископа вступавшія въ бракъ лица за выдачу имъ позволенія, а впослѣдствіи даже и особой записи, вѣнечнаго знамени или вѣнечной памяти. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали осуществленію подобнаго плана. Дѣло въ томъ, что съ водвореніемъ московскаго владычества въ Великомъ Новгородѣ не бывало часто епископа по нѣскольку лѣтъ съ-ряду, и такимъ образомъ владычніе интересы не имѣли своего законнаго представителя. Софійское духовенство и воспользовалось искусно однимъ изъ такихъ промежутковъ. По удаленіи—именно въ іюнѣ 1504 года—Новгородскаго владыки Геннадія въ Москву, капитулъ Софійскаго собора немедленно же обратился къ великому князю Ивану III съ челобитною, въ которой, указавъ на свое затруднительное

[1]) *Прилежаевъ*, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за авг. 1875 г., стр. 220.

финансовое положеніе, просилъ его о пожалованіи царскою ругой, а главное, о передачѣ въ вѣдѣніе клира вѣнечной пошлины съ мірянъ Новгородской епархіи. Просьба была уважена и въ августѣ того же 1504 года Софійскому капитулу была выдана жалованная грамота на вѣнечную пошлину. По этой грамотѣ капитулу предоставлено было право сбирать вѣнечную пошлину съ четырехъ Новгородскихъ пятинъ, Деревской, Шелонской, Вотской и Обонежской (пятая, Бѣжицкая, вѣроятно, была оставлена за владыкой), всего со ста десяти погостовъ [1]), а размѣръ ея опредѣленъ для холостыхъ и дѣвицъ по полторы, а для вдовцевъ и вдовъ вдвое, то-есть, по три новгородскія деньги [2]). Пожалованіе это сразу подняло и обезпечило матеріальное существованіе Софійскаго клира. Благодаря присоединенію вѣнечной пошлины къ старымъ софійскимъ церковнымъ поборамъ, общая сумма доходовъ Софійскаго собора возрасла до значительной цифры трехсотъ пятидесяти московскихъ рублей [3]). Софійскій клиръ имѣлъ такимъ образомъ всѣ основанія быть довольнымъ; но иначе отнеслись къ пріобрѣтенію капитула Новгородскіе владыки. Долгое время они, правда, молчали, но въ концѣ концовъ не вытерпѣли. Въ 1641 году Новгородскій митрополитъ Аѳоній обратился къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ жалобой на то, что Софійскій протопопъ и его братія не правильно взимаютъ вѣнечную пошлину въ Сомерскомъ погостѣ Шелонской пятины и въ Пречистенскомъ погостѣ на Тихвинѣ въ Обонежской пятинѣ. Какъ основаніе неправильности, митрополитъ Аѳоній вообще выставлялъ тотъ фактъ, что по царскимъ узаконеніямъ ни въ патріаршеской области, ни въ митрополіяхъ, ни въ епископіяхъ протопопы и попы не могутъ пользоваться вѣнечною пошли-

---

[1]) А. А. Э., III, 452, 1504 г.: «а въ спискѣ съ жалованной грамоты 7012 году (время дачи грамоты въ *Чт. М. О. И. и Др.*, 1866 г., III, смѣсь, 71, опредѣляется: «лѣта 7012, августа») написано: се язъ князь великіи... пожаловали въ своей отчинѣ въ Вел. Новѣгородѣ Софѣйского протопопа... да протодіакона... да придѣльныхъ поповъ и дьяконовъ, велѣли имъ имати пошлину отъ вѣнцовъ въ Вел. Новѣгородѣ и на посадѣхъ и въ погостѣхъ въ Дереводой пятинѣ съ погостовъ... а въ Шелонской пятинѣ съ погостовъ... а въ Вотской пятинѣ съ погостовъ... а въ Обонѣжской пятинѣ съ погостовъ»...

[2]) А. А. Э., III, 453, 1504 г.: «а имать имъ та пошлина отъ вѣнцовъ съ отрока полторы денги Новгородскія, а съ дѣвицы тожъ, съ вдовца три денги, со вдовы тожъ, то имъ и отъ печати».

[3]) А. А. Э., III, 453, 1546 г.: «а доходило де имъ всѣхъ пошлинъ, до новаго соборнаго уложенья, на годъ до получетвертаста рублевъ Московскихъ, а въ иномъ году болши того, а въ иномъ менши того».

ною нигдѣ въ уѣздахъ; въ частности же ссылался и на то обстоятельство, что новгородское софійское духовенство не имѣетъ для оправданія своего образа дѣйствій и царской жалованной грамоты ни старой, ни новой, а опирается только на списокъ [1]). Но не смотря на всѣ доказательства, митрополиту Аѳонію не удалось воротить назадъ въ свои руки вѣнечную пошлину. При разборѣ дѣла въ Москвѣ софійское духовенство разъяснило, что жалованная царская грамота сгорѣла у нихъ во время нашествія Шведовъ, и такъ какъ это разъясненіе было найдено справедливымъ, то и вѣнечная пошлина оставлена по прежнему за капитуломъ [2]).

---

[1]) А. А. Э., III, 451, 1641 г.: «Въ прошломъ 149 году билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ Аѳоній... на Софѣйскаго протопопа... съ братьею; емлютъ де они насильствомъ вѣнечную пошлину въ Тѳинскомъ посадѣ и въ Сомрѣ, со 135 храмовъ, по спискомъ, а у нихъ де нашей (подлинной царской) грамоты старыя и новыя нѣтъ... а по нашему де (царскому) указу, у патріарха, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископа, протопопы и попы вѣнечною пошлиною въ уѣздахъ не владѣютъ, кромѣ города посадскихъ людей»...

[2]) А. А. Э., III, 454, 1641 г.

198.

IV

Религіозныя движенія въ Новгородской церкви.

(XV и XVI в).

Кругъ развитія, совершенный Новгородскою церковью, касался столь существенныхъ вопросовъ въ жизни религіознаго общества и въ особенности духовенства, что не могъ не вызвать движеній и въ религіозной области. Такъ какъ однако перемѣны, сопровождавшія это развитіе, относились по преимуществу къ строю церкви, то естественно, что и религіозное движеніе охватило прежде всего церковное устройство. Какъ мы уже замѣчали не разъ, развитіе церковной жизни неуклонно вело къ превращенію новгородскаго духовенства изъ свободныхъ членовъ общества въ тяглыхъ людей епархіальнаго владыки. Это-то закрѣпощеніе духовенства, сопровождавшееся въ свою очередь развитіемъ въ послѣднемъ стремленія возмѣщать владычнія пошлины поборами съ мірянъ, не щадившимъ ни живыхъ ни мертвыхъ, и дало толчекъ къ зарожденію въ новгородской церкви перваго религіознаго движенія. Однако это религіозное движеніе обнаружилось вначалѣ не въ самомъ Великомъ Новгородѣ, а во Псковѣ, гдѣ почва для того была еще благопріятнѣе. Господство фискальнаго взгляда на церковныя учрежденія въ его полной формѣ утвердилось во Псковѣ гораздо раньше и раньше привело къ превращенію духовенства молодшаго брата въ оброчную статью епархіальнаго владыки, чѣмъ въ самомъ Великомъ Новгородѣ. Какъ противовѣсъ этому фискальному

направленію, во Псковѣ возникла секта стригольниковъ, выставившая своимъ знаменемъ отрицаніе всей церковной іерархіи. Ближайшимъ исходнымъ пунктомъ ереси стригольниковъ послужилъ собственно только одинъ изъ видовъ владычнихъ поборовъ, который всего болѣе могъ подавать поводъ къ соблазну, а именнно мзда за ставленье. Опираясь на взиманіе мзды за ставленье, псковскіе стригольники объявили недостойною всю церковную іерархію, какъ поставляемыхъ, такъ и поставлявшихъ, какъ священниковъ, такъ и епископовъ, митрополита и патріарха, что выразительно свидѣтельствуется словами: вся еретики мняще. Отрицаніе стригольниковъ не остановилось однако на одномъ церковномъ устройствѣ, а благодаря свойственной русскому уму неумолимой логикѣ, распространилось и на всѣ связанныя съ нимъ явленія и даже вошло въ область чисто религіозныхъ вопросовъ. Прежде всего отрицаніе естественно захватило церковную обрядность. Какъ недостойно пріобрѣтавшія свой санъ и въ свою очередь унижавшія его поборами за исполненіе церковныхъ требъ, духовныя лица уже не могли быть въ глазахъ стригольниковъ законными органами священнодѣйствія. Поэтому стригольники возставали вообще противъ совершенія церковныхъ службъ, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя, какъ напримѣръ, служба надъ усопшими, поминовеніе, связаны были съ извѣстными поборами въ пользу причта. Въ частности же, они убѣждали своихъ послѣдователей не обращаться къ господствующему клиру за совершеніемъ таинствъ, учили, что недостойно у нихъ ни крестить, ни каяться, ни причащаться [1]). Въ дальнѣйшемъ же развитіи ученія стригольниковъ замѣчается склонность къ мудрствованію и въ вопросахъ чисто религіозныхъ. Сюда относится критическое обращеніе съ евангельскими, апостольскими и отеческими свидѣтельствами и какъ бы признаніе чистаго деизма, выражавшееся въ томъ, что стригольники называли своимъ отцемъ Бога, который на небесахъ. Но еще рѣзче это мудрствующее направленіе выразилось у одного изъ стригольническихъ толковъ въ томъ,

[1]) А. И., I, 13, 1388—1395 г.: «Глаголютъ стриголници о нынѣшнихъ святителѣхъ и о попѣхъ: недостойны тѣхъ службы, яко... имѣніемъ възимаютъ у христіанъ подеваемое имъ приношеніе, и за живыя и за мертвыя...» Тамъ же, I, 9, 1388—1395 г.: «глаголете: недостоини суть пресвитери по мьздѣ поставляеми, недостоино отъ нихъ причащатися, ни каятися къ нимъ, ни крещеніа отъ нихъ пріимати.»

что подобно саддукеямъ, онъ сталъ отрицать и самое воскресеніе мертвыхъ [1]).

Положивъ начало на Руси самородному религіозному мудрствованію, ересь стригольниковъ сама не могла однако стать въ обществѣ твердою ногою. Прочному водворенію ея помѣшали два обстоятельства: собственная внутренняя слабость и преслѣдованіе со стороны господствующей церкви. Собственная слабая сторона стригольничества заключалась въ его преимущественно отрицательномъ характерѣ. Отвергая всю церковную іерархію, стригольники взамѣнъ ея не давали ничего, такъ какъ положительная часть ихъ ученія ограничивалась всего предоставленіемъ права учить каждому мірянину и введеніемъ на мѣсто церковнаго покаянія обычая каяться землѣ. Но едва ли не большее вліяніе оказало то обстоятельство, что затронувъ самую живую струну въ тогдашнемъ церковномъ устройствѣ, ересь стригольниковъ наткнулась на самое энергичное противодѣйствіе. Противъ совокупныхъ силъ всей іерархіи, особенно когда послѣдняя стала прибѣгать къ внѣшнимъ наказаніямъ, стригольники не могли держаться во Псковѣ открыто и должны были или таиться, или же бѣжать въ разныя стороны. Понятно, что между различными краями древней Руси они нигдѣ не могли расчитывать на такой благосклонный пріемъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ. Бѣглецы дѣйствительно явились въ новгородскихъ предѣлахъ, особенно въ мѣстностяхъ сосѣднихъ со Псковомъ, но долгое время и тамъ принуждены были держаться скрытно. Они подняли голову только тогда, когда и въ Новгородѣ, съ водвореніемъ московскаго порядка, утвердилась такая же фискальная система въ отношеніи духовенства, какая уже давно господствовала во Псковѣ, и когда притомъ тамъ обнаружилось сильное самостоятельное религіозное броженіе. Въ своихъ основныхъ положеніяхъ новгородское стригольничество ни въ чемъ не отличалось отъ псковскаго: то же отрицаніе духовенства, какъ пріобрѣтавшаго свое званіе за мзду, то же обвиненіе православной церкви въ еретичествѣ. Всего лучше это видно изъ отношеній Геннадія къ чернецу Захару, одному изъ новгородскихъ послѣдова-

[1]) А. И., I, 66, 1427 г.: «а понеже бо самыхъ тѣхъ истинныхъ еуангельскихъ благовѣстей и преданей апостольскыхъ и отеческыхъ не вѣрующе, но како смѣютъ, отъ земли къ воздуху зряще, Бога Отца собѣ нарицающе, и како убо могутъ Отца собѣ нарицати?» «Тамъ же I, 63, 1427 г.:» и тѣхъ по слышанію слышу, иже яко Садукѣемъ онѣмъ проклятымъ подражающе суть, еже яко и въскресенію не надѣюще быти мняху.»

телей стригольничества, который, будучи настоятелемъ отдаленнаго Нѣмчинова монастыря, самъ три года не пріобщался, и не причащалъ подчиненныхъ ему монаховъ. На вопросъ Геннадія о причинѣ такихъ поступковъ, Захаръ отвѣчалъ: „А у кого причащаться? Попы поставлены на мздѣ, да и епископовъ митрополитъ ставитъ также на мздѣ.“ Когда же Геннадій поспѣшилъ возразить на это, что вотъ де митрополиты ставятся не на мздѣ, то Захаръ въ дополненіе къ своему прежнему замѣчанію прибавилъ: „Когда митрополитъ ждалъ на посыщеніе въ Царьградъ, то онъ давалъ дань патріарху, а теперь тайно даетъ деньги боярамъ: такъ у кого же причащаться?“ Убѣдившись изъ этой бесѣды въ стригольничествѣ Захара, Геннадій донесъ о немъ въ Москву и получилъ оттуда указаніе отпустить его обратно въ Нѣмчиновъ монастырь, но взять при этомъ съ него клятвенную запись, что онъ будетъ впредь и самъ причащаться, и причащать своихъ монаховъ [1]). Но Захаръ вмѣсто Нѣмчинова монастыря отправился въ Москву и сталъ оттуда наводнять Новгородскую епархію грамотами, враждебными Геннадію. Новгородскій владыка разсылалъ въ это время по городамъ обличенія на новыхъ еретиковъ. Захаръ въ своихъ грамотахъ, не стѣсняясь, „лаялъ“ Геннадія и называлъ въ свою очередь еретикомъ его самого, говоря, что „все нужно сносить, только не еретика“ (то-есть, Геннадія) [2]).

Какъ ни слабы были побѣги стригольничества въ предѣлахъ собственно Новгородской земли, тѣмъ не менѣе они не прошли безслѣдно въ жизни Новгородской церкви. Въ особенности сильно сказалось отрицаніе стригольниками монашества. Намъ неизвѣстны всѣ мотивы, которыми стригольники оправдывали свое отрицаніе этого церковнаго института [3]). Ставленье на мздѣ, конечно, могло давать поводъ къ отверженію и монашеской жизни, но только отчасти. Быть можетъ поэтому настоящими стригольническими мотивами нужно

---

[1]) *Правосл. Собесѣдн.* 1863 г.: I, 480—481.

[2]) А. А. Э., I, 482, окт. 1490 г.: «Да жалуюся тебѣ, своему отцу, на Захара на черньца на стригалника: лаетъ ми, господине, безпрестани уже третей годъ, на четвертой настало, а посылаетъ грамоты въ мою архіепископью и къ черньцомъ и попомъ семиборскимъ, а что по Московской земли того числа нѣтъ (т. е. разосланнымъ грамотамъ); а пишетъ въ своихъ грамотахъ: послалъ де есми по всѣмъ градомъ на еретики грамоты, ино, господине все велѣно терпѣти, опроче еретика, а язъ не еретикъ...»

[3]) А. И., I, 63, 1427 г.: «слышу тѣхъ нѣкоторыхъ, яко... и чинъ вели кого Божіа священьства и иночьства яко ни во что же и полагающе...»

считать тѣ возраженія противъ монашества, съ которыми приходилось встрѣчаться Іосифу Волоцкому въ его борьбѣ съ ересью жидовствующихъ. По словамъ этого православнаго полемиста, еретики его времени утверждали, что иноки самовольно выдумали себѣ особенное житіе, совершенно противное какъ пророческому, такъ и евангельскому и апостольскому ученію. Какъ доказательство, они приводили тѣ соображенія, что Христосъ и его апостолы пишутся на иконахъ въ мірскомъ, а не въ иноческомъ видѣ; что еслибы Пахомію иноческій образъ или схима былъ преданъ ангеломъ, то онъ явился бъ ему въ свѣтломъ видѣ: но такъ какъ явившійся имѣлъ видъ черный, то этотъ образъ очевидно—бѣсовское изобрѣтеніе; что наконецъ самыя слова апостола Павла о появленіи въ послѣднія времена людей, которые, подражая бѣсамъ, станутъ возбранять женитьбу и вкушеніе брашенъ, относится не къ кому иному, какъ именно къ монахамъ, которые внушаютъ содержать посты и избѣгать женитьбы [1]). Какъ бы то ни было, только отрицаніе стригольниками монашеской жизни нашло для себя въ Новгородѣ весьма благопріятную почву. Въ послѣдніе вѣка независимаго существованія Великаго Новгорода монастыри уже не пользовались въ глазахъ Новгородцевъ такимъ благоволеніемъ, какъ прежде. Нѣкоторые ученые объясняютъ эту перемѣну тѣмъ обстоятельствомъ, что якобы монастыри, пропитанные византійскими политико-теократическими тенденціями, являлись въ Новгородѣ проводниками политическаго абсолютизма и защитниками представителя этого абсолютизма, Москвы [2]). Нѣтъ сомнѣнія, въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, были примѣры монастырей, которые явно выражали свое сочувствіе къ Москвѣ: таковъ напр. былъ монастырь Клопскій [3]). Но тѣмъ не менѣе мы считаемъ такое мнѣніе простою ученою догадкою, не имѣющею никакихъ корней въ церковной жизни Великаго Новгорода. Источникъ неудовольствія Новгородцевъ на монастыри былъ гораздо проще. Онъ скрывался не въ чемъ иномъ, какъ въ скопленіи въ рукахъ монастырей массы поземельныхъ владѣній, переданныхъ имъ жертвователями ча-

---

[1]) Просвѣт., 48—50: «и не токмо писанія, но и самый тои образъ иноческыи и жительство иноческое укоряюще глаголаху, яко иноди убо отступиша отъ пророческыхъ и отъ евангельскыхъ и отъ апостольскыхъ ученій, и самомышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и оставльше заповѣдь божію держать преданія человѣческая...»

[2]) *Паковъ*, въ *Ж. М. Н. Пр.* № 120, отд. II, 50.

[3]) Пам. Ст. Рус. Лит, IV, 45.

сто не безъ ущерба для своихъ законныхъ наслѣдниковъ. Какъ и естественно, послѣдніе трудно мирились со своею участью и не щадили усилій, чтобы возстановить свои нарушенныя права. Для такихъ лицъ ученіе стригольниковъ являлось самымъ желаннымъ союзникомъ: оно давало имъ потребное оправданіе для ихъ стремленій. Дѣйствительно, опираясь на отрицаніе монашеской жизни и обычая дѣлать приношенія на поминъ души, сначала знатные Новгородцы, посадники, тысяцкіе и бояре, а за ними и простые люди, стали смѣло вторгаться въ монастырскія дѣла, на которыя церковь смотрѣла, какъ на свои внутреннія, привлекать духовныхъ къ свѣтскому суду и уничтожать дарственныя грамоты. Конечно, они навлекали тѣмъ на себя порицаніе церковныхъ властей; но тѣмъ не менѣе цѣль, къ которой они стремились, возвращеніе имѣній, все-таки достигалась [1]).

Ересь стригольниковъ по существу своему представляла ересь противоцерковную, была вызвана къ жизни недостатками церковнаго строя и въ свою очередь вооружалась главнымъ образомъ противъ церковной іерархіи. Но въ новгородской жизни было много явленій, которыя необходимо должны были вызывать оппозицію и противъ самаго религіознаго ученія. Не смотря на то, что христіанство, насажденное по Руси въ X вѣкѣ, мало по малу тѣсно срослось съ жизнью Русскаго народа, отношеніе къ нему продолжало оставаться еще долго страдательнымъ. Сущность его все еще сознавалась слишкомъ мало, и когда являлась потребность дать въ ней отчетъ, то приходилось ссылаться или на мудрость предковъ, или же на примѣръ Византіи. Всего лучше это видно изъ отвѣта, даннаго Новгородцами Магнусу, Шведскому королю, просившему Великій Новгородъ прислать своихъ философовъ на съѣздъ съ шведскими, чтобы рѣшить, какая вѣра лучше—греческая или латинская, и затѣмъ всѣмъ уже быть за одинъ человѣкъ. Руководимые своимъ владыкою Василіемъ, Новгородцы отвѣчали Магнусу: „Если ты хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху, ибо мы приняли

[1]) А. И. I, 126, 1463 г.: «аще ли которыи отъ тѣхъ игуменъ или попъ или чернецъ, имѣть отъиматися мірскими властелины отъ святителя, таковаго божественнаа и священнаа правила извергаютъ и отлучаютъ...» Тамъ же, I, 132, 1467 г.: «и дѣти твои дея нѣкоторіи Новгородци (ранѣе: «нѣкоторіи посадници и тысяцкіи, да и отъ Новгородцевъ мнози») тѣхъ имѣнія церковныя и села данаа хотятъ имати собѣ, а приказъ и духовныя ихъ грамоты рудятъ, а церкви Божіа грабячи, да сами тѣмъ хотятъ ся корыстовати.»

православную вѣру изъ Византіи и потому считаемъ излишнимъ спорить о ней съ тобою“ [1]). Вслѣдствіе этого внѣшняго, страдательнаго отношенія къ христіанству, какъ на Руси вообще, такъ и въ Великомъ Новгородѣ въ частности, въ религіозныхъ предметахъ не всегда умѣли различать важное отъ неважнаго, истинное отъ ложнаго. Нечего уже говорить о томъ, что масса новгородскаго населенія руководилась желаніемъ не проникнуть въ духъ православія, а единственно имѣть готовое церковное предписаніе на всякій случай жизни и потому естественно обращала свое вниманіе, какъ показываютъ вопросы Кирика, часто на совершенно ничтожные предметы. Кирикъ спрашивалъ напримѣръ, можно ли совершать службу въ одеждѣ, если въ нее будетъ вшито что-либо изъ женскаго платья, должно ли совершать молитву надъ осквернѣннымъ глинянымъ сосудомъ, или же только надъ однимъ деревяннымъ, слѣдуетъ ли давать причастье тому, кто постучитъ себѣ въ зубы яйцомъ и т. п. [2]). Но въ Великомъ Новгородѣ были люди, которые у современниковъ слыли философами или книжниками; однако и ихъ интересовала въ книгахъ болѣе буква, чѣмъ самое дѣло. Лѣтопись сообщаетъ намъ, что въ 1471 году одни изъ такихъ новгородскихъ философовъ стали пѣть: „О Господи, помилуй“, а другіе просто: „Осподи, помилуй“. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что во Псковѣ были также свои философы, которые не щадили усилій для доказательства того, что нужно не двоить, а троить аллилуія [3]). Еще менѣе Новгородцы были способны различить истинное отъ ложнаго, вѣру отъ суевѣрія. Напротивъ все, что шло къ нимъ личнымъ или книжнымъ путемъ съ востока, особенно изъ Византіи, было принимаемо ими чуть ли не за чистую религіозную истину. Архіепископъ Новгородскій Василій принадлежалъ къ разряду людей

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 83, 1346 г.: «вси Новогородци погадавше отвѣщаша Магнусу: аще хощеши увѣдати, кая вѣра лучши, наша-ли, или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, зане мы пріяли отъ грець православную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру»...

[2]) *Калайдовича*, Пам. XII, в. стр. 173, 185 и 196.

[3]) П. С. Р. Л. IV, 130, 1476 г.: «Той же зимы нѣкоторыи философове начаша пѣти: О Господи помилуй, а друзіи: Осподи помилуй. Пам. Стар. Русск. Лит., IV, 87: «да того ради троимъ (Іовъ философъ и его товарищъ) пресвятая аллилугія, соединяюще славою нераздѣлимаго и неразлучнаго Отца и Сына и св. Духа... А ты, отче (Евфросинъ),... не вѣмы, отъ коего искуса навыкъ сеи неправедно двоити единаго свѣта тройчна тресвятыя аллилугія»... Ср. *Хрущова*, Изсл. о соч. Іосифа Санина, Ист., стр. XIX.

бывалыхъ, самъ странствовалъ по востоку, пользовался у современниковъ репутаціей человѣка книжнаго, начитаннаго, и потому можетъ быть разсматриваемъ, какъ высшій продуктъ, какой удалось выставить новгородской религіозной жизни [1]). И между тѣмъ владыка Василій былъ способенъ питать самыя странныя мысли и принимать на вѣру самыя очевидныя нелѣпости, приходившія съ востока. Затронутый возникшими въ Твери толками о томъ, что существуетъ только рай мысленный, а что рай, въ которомъ находились первые люди, погибъ, Василій въ посланіи своемъ къ Тверскому епископу высказываетъ по этому предмету мнѣнія, которыя мало согласуются съ здравыми христіанскими представленіями. По его мнѣнію, существованіе мысленнаго рая несомнѣнно. Мысленный рай—это то ожидаемое нами царство небесное, когда вся земля будетъ просвѣщена неизреченнымъ свѣтомъ, исполнена радости и веселія. Но утверждая существованіе мысленнаго рая, Новгородскій владыка, вопреки Тверскому, считалъ себя въ правѣ думать, что и „саженный“ рай не погибъ, что о гибели его онъ впервые слышитъ. „Если на западѣ“, доказывалъ Василій,—„существуетъ мѣсто муки, гдѣ на дышащемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубовный и рѣка молненная, гдѣ трижды въ день вода входитъ въ преисподнюю и опять исходитъ вонъ, то какъ могъ погибнуть рай саженый? Но главное, говорить о его гибели странно уже потому, что мѣсто рая видѣли Моисавъ съ сыномъ Яковомъ и ихъ товарищи—Новгородцы. Прибитые къ высокимъ горамъ, они стали свидѣтелями необычайнаго зрѣлища: на одной изъ нихъ имъ представился де Іисусъ необыкновенной мѣры, написанный не человѣческими руками чудною лазоревою краскою; солнца тутъ не было, но свѣтъ былъ такой, что и сказать нельзя; за горами было слышно ликованіе. Одинъ изъ Новгородцевъ взобрался было на гору посмотрѣть на это чудо, но, всплеснувъ руками, засмѣялся и побѣжалъ отъ товарищей своихъ. Тоже сдѣлалъ и другой. Третьяго Новгородцы привязали веревкой и когда онъ пустился было бѣжать, потянули назадъ: но онъ оказался мертвымъ“ [2]).

Изъ всѣхъ суевѣрій, зародившихся на востокѣ, ни одно не поль-

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 88: «Самовидець есмь сему брате, егда Христосъ идыи въ Іерусалимъ на страсть волную и затвори своими рукама врата градная, и до сего дни неотворими суть; а егда постися Христосъ надъ Ерданомъ, своими очима видѣлъ есмь постницю его»... Тамъ же, III, 81, 1341 г.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 87—89.

зовалось въ древней Руси такимъ широкимъ распространеніемъ, ни одно не производило такого подавляющаго впечатлѣнія, какъ мрачный призракъ близкаго наступленія кончины міра. Мысль о близкомъ наступленіи свѣтопреставленія и втораго пришествія Іисуса Христа сильно занимала умы въ странахъ греческой вѣры и возвращалась, такъ сказать, періодически. Источники, которыми она питалась, лежали частію въ самой жизни, частію же въ тогдашней книжной учености. Тяжелыя времена внутренняго броженія и войнъ, моровыя язвы, голодъ и небесныя явленія казались умамъ простодушныхъ христіанъ непреложными предзнаменованіями близкаго окончанія здѣшняго земнаго существованія. А книжная ученость, опираясь на толкованіе св. писанія, подсказывала вмѣстѣ съ тѣмъ и время наступленія другой жизни, утверждая, что съ исходомъ такой-то тысячи лѣтъ или же съ окончаніемъ извѣстнаго міротворнаго круга прекратится и самое существованіе здѣшняго міра. Такъ на основаніи одного мѣста въ посланіи Варнавы о прообразовательномъ значеніи семи дней творенія въ отношеніи ко времени существованія всего міра, нѣкоторые считали себя въ правѣ ожидать кончины міра съ исходомъ шестой тысячи лѣтъ. Иринеи, жившій въ концѣ II и началѣ III столѣтія, прямо высказывался, что во сколько дней созданъ міръ, чрезъ столько-же тысячъ лѣтъ послѣдуетъ и его кончина [1]). Такого же мнѣнія держались древніе писатели, Оригенъ, Юлій Иларіонъ, Ипполитъ, Лактанцій. Когда же съ благополучнымъ минованіемъ шестой тысячи лѣтъ эти предсказанія не оправдались, то ожиданія кончины міра были перенесены на западѣ на тысячный годъ отъ Рождества Христова, а на востокѣ на семитысячный годъ отъ сотворенія міра. Слова Соломона: „даждь часть седьмымъ же и тогда осмымъ“ стали толковать въ томъ смыслѣ, что для пребыванія человѣческаго рода на землѣ опредѣлено семь вѣковъ, а съ осьмымъ настанетъ для него вѣчность. При этомъ слово вѣкъ понималось обыкновенно не въ смыслѣ неопредѣленнаго періода времени, а въ смыслѣ простой тысячи лѣтъ. Въ Греціи Никифоръ Ксанѳопулъ такъ передавалъ мысль современниковъ: „глаголется же, яко седми тысячи лѣтъ будетъ приходъ Его (то-есть Іисуса Христа“) [2]).

Мнѣніе о семитысячелѣтнемъ существованіи здѣшняго міра уже рано перешло изъ Греческихъ странъ въ древнюю Россію и по мѣрѣ

---

[1]) *Православ. Собесѣд.* 1862 годъ, т. II, 335—342.

[2]) *Рудневъ*, Разсужд. о ересяхъ, стр. 103.

приближенія къ концу седьмой тысячи лѣтъ становилось все болѣе и болѣе распространеннымъ. Съ нимъ встрѣчаемся мы уже въ словѣ на соборъ архистратига Михаила, принадлежащемъ XIII вѣку, а въ XIV и XV столѣтіяхъ оно дѣлается почти всеобщимъ [1]). Архіепископъ Суздальскій Діонисій, посѣтивъ въ 1382 году, по возвращеніи изъ Царьграда, Псковъ, поучалъ гражданъ этого города, возмущенныхъ ученіемъ стригольниковъ, что въ послѣднее время особенно важно, чтобы Богъ соблюлъ ихъ свободными отъ всякихъ ересей и соблазновъ [2]). Подобнымъ образомъ митрополитъ Филиппъ ставилъ въ 1471 году Новгородцамъ въ особенную вину, что они вздумали задаваться за латинскаго государя на концѣ послѣдняго времени, когда больше всего слѣдовало бы думать о спасеніи своей души и о вѣрности религіи предковъ [3]). Въ частности призракъ близкаго наступленія кончины міра нисколько не менѣе пугалъ воображеніе вѣрующихъ и въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Въ послѣдніе два вѣка независимаго существованія этихъ городовъ, кончины міра ожидали въ нихъ, кажется, два раза, а именно предъ исходомъ міротворнаго круга, то-есть, предъ 1408 годомъ, и затѣмъ предъ завершеніемъ седьмой тысячи лѣтъ. Желая примирить Псковичей съ Новгородомъ, владыка Новгородскій Іоаннъ указывалъ въ 1397 году своимъ согражданамъ на необходимость быть за одинъ братъ въ христіанствѣ, потому что приближалось послѣднее время [4]). Точно также и лѣтописецъ начала XV столѣтія смотрѣлъ на свое время какъ на послѣднее, плакалъ надъ сокращеніемъ лѣтъ и видѣлъ подтвержденіе своихъ воззрѣній частію въ явившемся въ 1402 году небесномъ знаменіи, частію же въ созерцаемыхъ имъ печальныхъ современныхъ событіяхъ, во враждебныхъ движеніяхъ Татаръ, Турокъ, Фряговъ,

---

[1]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г., № 8, см. стр. 18.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 83, 1382 г.: «Пріѣха въ Новгородъ влад. Суздальскій Діонисеи изъ Царяграда... и иде въ Псковъ по повелѣнію влад. Алексѣя, утверждая правовѣрніи въ вѣрѣ истиннѣй крестьяньствѣй, и негли бы Богъ укрѣпилъ въ послѣдняя лѣта и утвердилъ несмущенно отъ злыхъ человѣкъ»... А. И., I, 41, 1416 г.

[3]) А. И., I, 514, 1471 г.: «А какъ до васъ дошло, на конци послѣдняго времени, какъ бы надобѣ душа своея человѣку спасти въ православьи, и вы, въ то время все оставя, да за латинскаго господаря хотите закладыватися».

[4]) П. С. Р. Л., III, 97, 1397 г.: «И владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ, дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ би есте нелюбья отдали... занеже, дѣти, видите уже послѣднее время; были бысть за единъ братъ въ христіанствѣ»...

Ляховъ и Нѣмцевъ. „Да что я говорю, заключаетъ онъ свое разсужденіе,—о Татарахъ, Туркахъ и другихъ народахъ! Развѣ мы сами, называясь христіанами, не ведемъ между собою постоянныхъ браней, рати и кровопролитія?.. Гдѣ же тутъ совершенная любовь, преданная намъ Христомъ, сказавшимъ въ евангеліи: болше сея любве никто же не имать, да кто положитъ душу свою за ближняго? Мы не только не полагаемъ души за своихъ ближнихъ, но и исторгаемъ изъ нихъ даже ихъ собственныя!“ [1]). Но въ особенности сильно были взволнованы умы предъ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ. Усиленію возбужденія въ русскихъ людяхъ второй половины XV столѣтія много содѣйствовало то обстоятельство, что съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ совпадало и окончаніе пасхаліи. Убѣжденные въ окончаніи міра съ исходомъ седьмаго тысячелѣтія, предки наши сдѣлали пасхальное разчисленіе по старому міротворному кругу, заключившемуся въ 1408 году, не на весь новый пасхальный кругъ, содержащій въ себѣ 532 года, а только на 84 или до 1492 года, времени окончанія семи тысячъ лѣтъ. Переписывая пасхалію, старинные грамотники сопровождали ее подъ этимъ послѣднимъ годомъ разными приписками, въ которыхъ выражали тревожное состояніе своей души вслѣдствіе ожидаемой кончины міра. „Братія“! гласитъ одна изъ подобныхъ приписокъ,—„здѣсь страхъ, здѣсь скорбь, здѣсь бѣда великая: какъ и въ годъ распятія Христова, въ этотъ годъ кругъ солнца будетъ 23, луны 13; этотъ годъ является послѣднимъ; въ него мы ожидаемъ всемірнаго пришествія Христова“ [2]). Падая на уже возбужденную почву, эти приписки въ свою очередь не мало содѣйствовали распространенію въ обществѣ тревоги. Еще въ 1469 году Псковичи, желая склонить Новгородскаго владыку Іону къ признанію заведеннаго имъ въ своей церкви священническаго самоуправленія, указывали ему на то обстоятельство, что въ послѣднія времена, когда въ церкви открылось сильное смущеніе, ему трудно было бы справляться самому

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 106, 1402 г.: «И понеже время послѣднее приходить и сокращено есть уже, конецъ житію приближается»... Тамъ же, IV, 105 — 106, 1402 г.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 181, 1459 г.: «Того же лѣта бысть Благовѣщеніе на Пасху. Писано въ пасхаліи: «Братія! здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь не мала; яко же въ распятіи Христовѣ сій кругъ солнцу бысть 23, луны 13; сіе лѣто на конци явися, въ онь же чаемъ всемірное пришествіе Христово». Ср. *Макарія*, И. Р. Ц., VI, 375».

съ дѣлами псковскаго духовенства [1]). Но еще сильнѣе сдѣлалась тревога съ приближеніемъ къ самому исходу седьмой тысячи лѣтъ. По словамъ современника, толки и сомнѣніе овладѣли тогда не только массой простыхъ людей, но и самими людьми книжными [2]).

Но чѣмъ тяжелѣе ложился этотъ мрачный восточный призракъ на умы массы вѣрующихъ русскихъ, тѣмъ неотразимѣе онъ долженъ былъ возбуждать противъ себя отпоръ въ умахъ тѣхъ немногихъ, которые позволяли себѣ уклоняться отъ господствовавшихъ представленій. А въ такихъ людяхъ въ Великомъ Новгородѣ недостатка не было. Постоянныя недоразумѣнія, которыя происходили у Новгородскаго владыки частію съ митрополитомъ, частію же съ Псковичами, уже сами по себѣ, необходимо должны были вызывать нѣкоторыхъ изъ Новгородцевъ на раздумье надъ церковными дѣлами. Ересь стригольниковъ не только увеличила число такихъ людей, но и ввела новый важный элементъ броженія а именно сомнѣніе въ законности существованія многихъ явленій въ церковной жизни. Правда, сомнѣніе стригольниковъ касалось главнымъ образомъ вопросовъ чисто церковныхъ; но нѣтъ ничего страннаго, что подъ вліяніемъ гнетущихъ современныхъ обстоятельствъ оно легко распространилось теперь и на религіозную область и выразилось прежде всего въ отрицаніи суевѣрнаго мнѣнія о близкомъ наступленіи кончины міра, которое почти безгранично владычествовало въ господствующей церкви. Какъ оно и совершенно естественно, отрицаніе это вышло изъ среды новгородскаго духовенства. Религіозные вопросы, понятно, касались прежде всего духовныхъ лицъ, да и разрѣшены могли быть скорѣе всего только духовными. Духовенство вообще представляло интеллигентный классъ древнерусскаго общества. Въ частности же о первыхъ новгородскихъ мудрствователяхъ извѣстно, что они были люди начитанные, имѣли въ своемъ распоряженіи книги, которыхъ недоставало даже такимъ пастырямъ, какъ Геннадій [3]). Такъ у нихъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 232, 1469 г.: «Самъ, господине (влад. Іона), вѣдаешь, что тобѣ здѣсе (во Псковѣ) не само много быти, а того дѣла тобѣ вскорѣ нелзѣ же управити, занеже при семъ послѣднемъ времени о церквахъ Божіихъ смущенно силно»...

[2]) *Макарія* И. Р. Ц., VI, 375: «Ино о томъ молва была в людѣхъ не токмо простыхъ, но и не простыхъ многихъ сумненіе бысть».

[3]) *Чт. въ М. О. И. и Др.*, 1847, кн. 8, см. посл. Геннадія, стр. 5: «Да есть ли у васъ въ Кириловѣ, или въ Фарафонтовѣ, или на Каменномъ книги, Силивестръ папа Римски, да Слово Козмы презвитера на новоявившуюся ересь на

кромѣ ветхозавѣтныхъ книгъ бытія, царствъ, притчь, пророчествъ, имѣлись сочиненія: Сильвестръ, папа Римскій, слово Козьмы Пресвитера на новоявившуюся ересь Богомиловъ, посланіе Фотія патріарха къ Болгарскому царю Борису, Менандръ, Іисусъ сынъ Сираховъ, логика (?), Діонисій Ареопогитъ. Первоначально сомнѣніе зародилось, кажется, въ головѣ священника Дениса, но мало по малу распространилось на цѣлый кружокъ его единомышленниковъ. Самъ Денисъ склонилъ къ своему мнѣнію попа съ Михайловской улицы Алексѣя, а затѣмъ къ нимъ присоединились Григорій попъ Семеновскій, Герасимъ Никольскій, Гавріилъ съ Михайловской улицы, Максимъ Ивановскій, Василій Покровскій, много разныхъ другихъ клирошанъ и даже нѣкоторые изъ среды мірянъ [1]). Къ разряду послѣднихъ между прочимъ принадлежалъ Григорій Тучинъ, лицо по всей вѣроятности тожественное съ тѣмъ посадникомъ Григоріемъ Тучинымъ, который въ числѣ другихъ наѣздчиковъ на улицы Славкову и Никитину подвергнутъ былъ Иваномъ III въ 1476 году денежному штрафу и затѣмъ въ 1478 году, еще до окончательнаго паденія Новгорода, однимъ изъ первыхъ перешелъ на службу великаго князя Московскаго [2]).

Но для того чтобъ успѣшно бороться противъ всеобщаго заблужденія, новгородскимъ духовнымъ недостаточно было одного личнаго сомнѣнія, даже еслибъ это сомнѣніе раздѣлялось цѣлымъ кружкомъ: имъ нужно было имѣть еще на своей сторонѣ и знамя науки. Знамя это было получено новгородскими мудрствователями изъ еврейскихъ рукъ, и это-то обстоятельство и было главною причиною, почему новгородская ересь прослыла у современниковъ и потомства за жидовство. Опасенія возроставшаго могущества Москвы побуждали Новгородцевъ искать союзника въ Литвѣ и призывать оттуда къ себѣ на службу мѣстныхъ князей. Но вмѣстѣ со служилыми Литовскими

Богомилы, да посланіе Фотѣя патріарха ко князю Борису Болъгарскому, да Пророчьства, да Бытье, да Царство, да Притчи, да Менандръ, да Іисусъ Сираховъ: да логика (?), да Деонисій Ареопагитъ. Зане-жъ тѣ книги у еретиковъ всѣ есть».

[1]) Просв., стр. 44: «И той (Схарія) прежде прельсти попа Дениса и въ жидовство отведете; Денисъ же приведе къ нему протопопа Алексѣя, еще тогда попа суща на Михайловской улици»... Тамъ же, 44 — 45: «Потомъ же Алексѣй научи многыхъ жидовству» Ср. А. И., I, 521, 1488.

[2]) Просв., стр. 45: „Гридя же Клочъ научи Григорія Тучина жидовству, его же отецъ бяше въ Новѣгородѣ велику власть имѣя". Ср. П. С. Р. Л., VI, 202, 204, 208.

князьями потянулись изъ юго-западной Россіи въ Новгородъ и другіе, уже не прошенные гости, Евреи, и въ XV столѣтіи стали столь обыкновенными посѣтителями Новгорода, что въ періодъ голодовъ бѣдные Новгородцы отдавались имъ изъ хлѣба въ рабство [1]). Можно думать, что какъ чисто коммерческій народъ, не гнушающійся никакою прибылью, Евреи не опустили случая воспользоваться своимъ пребываніемъ въ вольномъ городѣ и для распространенія тамъ тѣхъ сочиненій, которыя выработала тогдашняя ученая мудрость, и на которыя могъ быть спросъ въ Новгородѣ. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, подтверждаемое и другими, посторонними данными, что книги, привезенныя Евреями, пріѣхавшими въ Новгородъ въ 1471 году вмѣстѣ съ Литовскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, оказали не малое вліяніе на новгородскихъ духовныхъ, занятыхъ вопросомъ о кончинѣ міра [2]). Въ особенности пригоднымъ оказался для нихъ Шестокрылъ, книга, заключавшая въ себѣ астрономическія таблицы, составленныя еврейскимъ ученымъ Иммануиломъ-бенъ-Яковомъ. Шестокрылъ не только посвятилъ новгородскихъ духовныхъ въ умѣнье „сводить съ небесъ знаменія“, то-есть, предсказывать небесныя явленія, искусство, которое должно было высоко поднимать авторитетъ ихъ въ глазахъ современниковъ, но и далъ имъ въ руки то, въ чемъ они больше всего нуждались, а именно отличное отъ господствовавшаго лѣтосчисленіе [3]). Лѣтосчисленіе это было несомнѣнно еврейское. Новгородскіе мудрствователи насчитывали, на основаніи Шестокрыла, отъ сотворенія міра до своего времени 276 девятнадесятицъ и полагали, что тогда шла шестая девятнадесятица, а это даетъ періодъ времени отъ 5225 до 5244 лѣтъ. Если теперь изъ этой суммы мы вычтемъ 3761 годъ, которые Евреи полагаютъ до начала христіанскаго лѣтосчисленія, то получимъ рядъ лѣтъ отъ 1464 по 1483 годъ, то-есть, именно то самое время, въ которое жили

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 124, 1446 г.: «А въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть... и мнози розидошася, иніи въ Литву, иніи въ Латинство, иніи же Бесерменству и жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ».

[2]) Хроногр. Рум. Муз., № 461, л. 248 на об., нач. XVI в.: «Лѣто 1471 былъ въ Новѣгородѣ кн. Михаило Олелькович изъ Литвы, а съ нимъ жидове торгомъ, и мнози отъ поповъ и діяконовъ... начаша къ нимъ ходить и брашничать и учитися волшебскимъ книгамъ».

[3]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847, № 8, посл. Ген. стр. 4. «А что Шестокрилъ они себѣ изучивъ, да тѣмъ прельщаютъ христіанство, мня, якъ съ небеси знамснie сводятъ»...

и дѣйствовали новгородскіе еретики. Какъ бы то ни было, только лѣтосчисленіе Шестокрыла сдѣлалось для новгородскаго духовенства самою твердою опорой въ его борьбѣ противъ господствовавшаго суевѣрія. По обыкновенному христіанскому лѣтосчисленію насчитывалось почти 7000 лѣтъ существованія міра, а по ихъ оказывалось только 5244 года, да и то еще не полные. По обыкновенному лѣтосчисленію предстояла кончина міра, а по ихъ — это событіе по меньшей мѣрѣ отодвигалось въ далекую будущность. Опираясь на свое лѣтосчисленіе, они смѣло могли теперь обвинить господствующую церковь въ рѣшительномъ заблужденіи. „Это у христіанскаго лѣтописца“, говорили они, — „сократились года; а у насъ они еще продолжаются“ [1]).

Въ ереси жидовствующихъ найдется не мало положеній, которыя логически оставляютъ за собою далеко ихъ отрицаніе вѣрованія въ близкое наступленіе кончины міра. Но разсматриваемое исторически, мнѣніе ихъ о кончинѣ міра является не только главнымъ, но и, такъ сказать, единственно возможнымъ исходнымъ пунктомъ ихъ ученія. Какъ сами еретики, такъ и противники ихъ придавали ему чрезвычайно важное значеніе. Протопопъ Алексѣй говорилъ: „Пройдутъ три (?) года, окончится седьмая тысяча, тогда и мы понадобимся“. Ученый протопопъ, очевидно, имѣлъ тутъ въ виду не свою способность составлять пасхалію, какъ думаютъ обыкновенно изслѣдователи, а то, что событія оправдаютъ его мнѣнія и заставятъ всѣхъ отдать имъ должную справедливость [2]). На важность этого пункта указывалъ и Геннадій, хотя и съ противоположной точки зрѣнія. „Если паче чаянія“, говорилъ Геннадій, — „семь тысячъ лѣтъ пройдетъ, а Богъ вдругъ прибавитъ міру жизни, то это придастъ еретикамъ большую дерзость,

---

[1]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847, кн. 8, см. посл. Ген. стр. 3: «Да и Шестокрылъ есми училъ того для и обрѣтохъ въ немъ ересь, числа поставлены: отъ Адама 200 и 70 и 6 девятнадесятицъ. Нынѣ идетъ шестая девятнадесятица. Почему жидове лѣта чтутъ, ино то учатъ на предесть христіанскую. Хотятъ рещи: лѣта христіанскаго лѣтописца скратишася, а наша пребываютъ. А что (т. е. то) хотятъ ту предесть явити, како изойдетъ наша пасхалія... И потому ино у нихъ еще пришествія Христова нѣтъ, ино они ждутъ антихриста».

[2]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847, кн. 8, см. посл. Ген., стр. 3: «да чтобъ еси послалъ по Паисея да по Нила, да съ ними бы еси о томъ посовѣтовалъ. «Преидутъ три лѣта, кончается седмая тысяща.» Ино и азъ слыхалъ у Алексѣя: «и мы де тогды будемъ надобны.» Ино еретицы себѣ надежно чинятъ».

а христіанамъ причинитъ великое затрудненіе (спону)“ [1]). Но и независимо отъ оцѣнки самыхъ дѣйствовавшихъ лицъ, наука не можетъ не признать въ мнѣніи о кончинѣ міра исходнаго пункта ереси жидовствующихъ, такого же точно, какой въ ученіи стригольниковъ образовало взиманіе мзды за ставленье. Прежде всего, это мнѣніе составляетъ единственный пунктъ, который связываетъ непосредственно ересь жидовствующихъ съ умственною жизнью древней Руси вообще и Великаго Новгорода въ частности. Вслѣдствіе того, оно даетъ возможность не только признать ересь жидовствующихъ въ существенной части ея такимъ же естественнымъ самороднымъ продуктомъ русскаго ума, какимъ были ересь стригольниковъ и многія другія позднѣйшія ереси, но и вообще сколько-нибудь понять это явленіе. Въ противномъ случаѣ, происхожденіе ереси жидовствующихъ останется совершенно непонятнымъ, даже еслибы для объясненія ея мы прибѣгли къ раціонализму не только западной Руси и Польши, но и самаго Крыма. А затѣмъ только одно это мнѣніе можетъ объяснить, почему ересь возникла именно во второй половинѣ XV столѣтія. При всякомъ другомъ исходномъ пунктѣ мы не въ состояніи будемъ понять, почему ересь явилась предъ самымъ 1492 годомъ, временемъ предположительной кончины міра. Наконецъ, только при признаніи сомнѣнія въ близкомъ наступленіи кончины міра за исходный пунктъ ученія жидовствующихъ, мы въ состояніи понять, какъ широкое распространеніе ереси, такъ и ту роль, которую играла въ ней астрологія. Ересь жидовствующихъ являлась отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые сильно занимали умы и волновали чувства всего русскаго общества, одинаково какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, а потому она вездѣ находила удобный доступъ. Не менѣе важно также и то, что въ исходномъ пунктѣ своемъ она заключала извѣстное зерно истины. Это послѣднее качество поднимало ересь особенно въ глазахъ людей книжныхъ. Новгородскіе еретики были люди несомнѣнно книжные; да и главный послѣдователь ереси въ Москвѣ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, извѣстенъ не только бывалостью въ чужихъ краяхъ, но и участіемъ въ тогдашнихъ литературныхъ трудахъ. Есть даже свѣдѣнія, что книжность Курицына носила тотъ же астрономическій или астрологическій характеръ, какой замѣчается и у новгородскихъ ере-

[1]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847, кн. 8, см. посл. Ген., стр. 4: «Егда скончаются лѣта, а животомъ еще прибавитъ Богъ міръ, ино то еретикамъ жидовская мудрствующимъ, будетъ дерзость, а христіанству будетъ спона велика».

тиковъ. Не даромъ же Іосифъ Волоцкій уличалъ его въ знакомствѣ съ астрологіей и въ стремленіи вознесть авторитетъ ея надъ авторитетомъ Священнаго Писанія [1]).

Если уже стригольники, исходя отъ поставленія священниковъ на мздѣ, пришли не только къ полному отрицанію церковной іерархіи, но даже и къ признанію чистаго деизма, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и жидовствующіе, отправляясь отъ скромнаго сомнѣнія въ близкомъ наступленіи кончины міра, развили довольно сложную систему отрицанія. Но въ этой системѣ нѣтъ никакой надобности видѣть продуктъ еврейства или даже компромиссъ послѣдняго съ христіанскимъ раціонализмомъ [2]). Она была ни болѣе ни менѣе, какъ только выросшій на чисто христіанской почвѣ продуктъ того мудрствованія, которое вообще свойственно русскому уму. Мы даже можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ пути, которымъ шло это мудрствованіе. Сомнѣніе въ близкомъ наступленіи втораго пришествія Іисуса Христа необходимо должно было вызвать въ жидовствующихъ прежде всего сомнѣніе въ тѣхъ источникахъ, которыми въ господствующей церкви подкрѣпляли укоренившееся суевѣріе, а именно въ евангельскихъ и особенно апостольскихъ и отеческихъ писаніяхъ. Нѣтъ основаній полагать, что это сомнѣніе еретиковъ было равнозначительно съ полнымъ отрицаніемъ ими не только евангельскихъ, но даже апостольскихъ и отеческихъ книгъ. Напротивъ, это было не болѣе, какъ только мудрствованіе, критическое отношеніе къ извѣстнымъ мѣстамъ апостольскихъ и отеческихъ твореній, не согласовавшимся съ воззрѣніями еретиковъ. Въ противномъ случаѣ было бы совершенно непонятно, какъ еретики могли при рѣшеніи другихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопроса о монашествѣ и почитаніи иконъ, въ свою очередь ссылаться на апостоловъ и на противорѣчіе между собою отцевъ церкви [3]). Но всего лучше небезусловность отрицанія

---

[1]) Просв., стр. 59—60: «И ихъ же видяху (Ѳ. Курицынъ и его товарищи) благоразумныхъ и писанія божественная вѣдящихъ, тѣхъ еже въ жидовство не смѣяше приводити, но нѣкыя главизны божественнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на криво сказующе, и къ своей ереси прехыщряюще, и баснословія нѣкая и звѣздозаконіа учаху и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто же суще и непотребно человѣкомъ, простѣйшихъ же на жидовство учаху.»

[2]) См. Приложеніе № V: Разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ.

[3]) Просв., стр. 216: «Подобаетъ же и о семъ рещи нынѣ, яко мнози недо-

видна изъ тѣхъ возраженій, которыя посыпались со стороны еретиковъ, когда, вопреки всеобщему ожиданію, что съ завершеніемъ седьмой тысячи лѣтъ окончится пасхалія, окончится и міръ,—роковой 1492 годъ прошелъ благополучно, свѣтопреставленія не послѣдовало. Возраженія эти показываютъ, что еретики вооружались противъ апостольскихъ и отеческихъ писаній единственно на основаніи предполагаемаго несоотвѣтствія нѣкоторыхъ изъ ихъ мѣстъ, говорившихъ о кончинѣ міра, съ дѣйствительностью, и притомъ нападенія свои обращали главнымъ образомъ на творенія одного Ефрема Сирина [1]). „Святые отцы написали," говорили, напримѣръ, по словамъ Іосифа Волоцкаго—жидовствующіе,—„что для существованія здѣшняго міра опредѣлено семь тысячъ лѣтъ, а осьмая для будущаго; но теперь семь тысячъ лѣтъ уже прошло, а свѣтопреставленія нѣтъ: не ясно-ли, что творенія св. отцевъ ложны и что ихъ надобно сжечь?" „Апостолы говорили", продолжали еретики,—„что Христосъ родился въ послѣднія лѣта, а теперь вотъ уже прошли тысяча пятьсотъ лѣтъ послѣ Его рожденія; время бы Ему быть, а Его нѣтъ: апостолы, стало, говорили неправду." Но въ особенности, какъ замѣчено раньше, мудрствованіе еретиковъ обращалось противъ Ефрема Сирина. „Ефремъ Сиринъ", твердили они,—„писалъ, что всѣ пророчества и писанія исполнились, ничего не осталось ожидать, кромѣ втораго пришествія; и вотъ уже прошли 1100 лѣтъ послѣ сказанія Ефрема, а втораго пришествія нѣтъ: не очевидно ли, что сочиненіе Ефрема—чистая ложь?" [2]).

Далѣе, сомнѣніе въ близкомъ наступленіи втораго пришествія Христова легко могло вызывать на размышленіе о справедливости вѣрованія во второе пришествіе и о личности Іисуса Христа вообще. Жидовствующіе не избѣжали этого соблазна. Но лишенные твердой опоры, которую даетъ полное подчиненіе авторитету Св. Писанія и отцевъ церкви, они здѣсь еще менѣе могли удержаться на почвѣ общепринятой христіанской догмы. Сомнѣнія ихъ, въ концѣ концовъ, разрѣшились отрицаніемъ самыхъ вѣрованій во второе пришествіе и въ божество Іисуса Христа. Однако и здѣсь отрицаніе не имѣло безу-

---

умѣютъ о семъ и глаголютъ: како святіи и божественіи отцы и учителіе наши пишутъ, овогда яко св. Троицу пріятъ Авраамъ, овогда же, яко Бога пріятъ со двѣма ангелома, овогда же три ангелы пріятъ...»

[1]) Просв., стр. 444: «ты же, оставивъ пророчьскыя и евангельскыя и апостольскыя реченія, едины списанія св. Ефрема изтязуеши...»

[2]) Просв., стр. 379—380, 402, 428—422.

словнаго характера и не распространялось ни мало на божественное посланничество Христа. Правда, у главнаго обличителя ереси, Іосифа Волоцкаго, оно является съ значительнымъ еврейскимъ, то-есть, безусловнымъ отпечаткомъ. По его словамъ, еретики утверждали, что предреченный въ писаніи Христосъ еще не родился, а когда родится, то наречется сыномъ Божіемъ не по существу, а по благодати, подобно Моисею, Давиду и другимъ пророкамъ. Исповѣдуемый же христіанами Спаситель есть простой смертный, а не Богъ, онъ былъ и распятъ, и умеръ, и истлѣлъ въ гробу. Какъ необходимое слѣдствіе, еретики будто бы выводили отсюда обязанность держаться закона Моисеева [1]). Но можно не безъ основанія думать, что въ это представленіе ученія Новгородскихъ еретиковъ іудейскія черты привнесены самимъ авторомъ, смотрѣвшимъ на ересь, какъ на жидовство, чего въ дѣйствительности совсѣмъ не было. По крайней мѣрѣ другіе источники и въ особенности соборное изложеніе ученія жидовствующихъ, дошедшее до насъ въ лѣтописи, представляютъ дѣло совершенно иначе. Изъ изложенія видно, что еретики не признавали возможности сошествія Бога на землю и рожденія его отъ Дѣвы и потому утверждали не то, что Мессія еще не явился, а только то, что Христосъ былъ пророкъ, подобный Моисею [2]). Но, отвергая божество Іисуса Христа, жидовствующіе необходимо должны были отвергнуть и всѣ связанныя съ этимъ представленіемъ идеи, особенно необходимость искупленія рода человѣческаго чрезъ Сына Божія, какъ явленія, несогласнаго съ достоинствомъ божества, а также рожденіе Христа отъ Дѣвы и Его воскресеніе. „Развѣ не могъ Богъ“, разсуждали по словамъ Іосифа Волоцкаго еретики,—„спасти Адама и сущихъ съ нимъ отъ ада, развѣ не имѣлъ Онъ небесныхъ силъ, пророковъ и праведниковъ, чтобы послать ихъ исполнить свое желаніе? Развѣ сообразно съ божескимъ достоинствомъ, сходить самому на землю нестяжателемъ и нищимъ, вопло-

---

[1]) Просв., стр. 46: «А его же писанія наричутъ Христа Сына Божіа, тотъ еще не родился есть, егда же родится, тогда наречеться Сынъ Божій не по существу, но по благодати, якоже Моисей и Давидъ и прочіи пророцы, а его же глаголютъ христіане Христа Бога, тотъ простъ человѣкъ есть а не Богъ, и распятъ бысть отъ Іюдей и истлѣ во гробѣ, сего ради, рече, подобаетъ нынѣмъ законъ Моисеевъ держати.»

[2]) П. С. Р. Л., IV, 158, 1491 г.: «Глаголющимъ же имъ про Господа нашего Іисуса Христа Сына Божіа: «како можетъ Богъ на землю снити и отъ Дѣвы родитися, яко человѣкъ? но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу»...

щаться и страдать и этимъ путемъ перехитрить дьявола"? [1]). Точно также еретики отказывали въ почитаніи Богоматери и угодникамъ [2]). Не всѣ однако еретики останавливались на одномъ отрицаніи божества Іисуса Христа. Были между ними и такіе люди, которые двигаясь все далѣе и далѣе на пути сомнѣнія, приходили, кажется, къ совершенному безвѣрію и матеріализму. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, митрополитъ Зосима, отуманенный винными парами, не стѣсняясь, высказывалъ, что святительскіе, апостольскіе и церковные уставы и преданія—чистый вздоръ, что Христосъ самъ себя назвалъ Богомъ. „Что это" говорилъ въ такихъ случаяхъ Зосима,— „выдумали за царство небесное, второе пришествіе, воскресеніе мертвыхъ? Ничего подобнаго не будетъ: если кто умеръ, то и баста: до тѣхъ поръ и былъ" [3]).

Затронувъ столь существенные вопросы въ христіанской догматикѣ, еретики не могли оставить въ сторонѣ и тѣсно связанныя съ ними внѣшнія формы христіанскаго культа. Кажется, однако, они не дошли до полнаго разрыва съ послѣднимъ, а только позволяли себѣ въ отношеніи его мнѣнія и дѣйствія, законности которыхъ не могла признать православно-христіанская обрядность. Такъ обличители выставляютъ на видъ, что священники, принадлежавшіе къ жидовствующимъ, совершали литургію не съ подобающимъ самому предмету уваженіемъ. Но сколько можно думать, это неуваженіе выражалось только въ одномъ, въ томъ именно, что, смотря на тѣло и кровь Христову, какъ на простой хлѣбъ и вино, еретики совершали обѣдни послѣ ѣды и питія [4]). Извѣстія же о другихъ формахъ неуваженія являются, по крайней мѣрѣ по отношенію къ главнымъ еретикамъ, нѣсколько сомнительными. Такимъ характеромъ отличается разказъ Геннадія, что попъ Денисъ, перейдя изъ Новгорода въ Москву въ Архангельскій соборъ, плясалъ будто бы тамъ во время службы за престоломъ и

---

[1]) Просв., стр. 47. П. С. Р. Л., IV, 158, 1491 г.

[2]) Просв., стр. 50.

[3]) Просв., стр. 59; *Чт. въ М. О. И. и Др.* за 1847 г., № 1: посл. Іосифа къ Нифонту.

[4]) *Чт. въ М. О. И. Др.* за 1847, кн. 8: посл. Ген., стр. 1: «И попы ихъ завтракавъ и пивъ до обѣда, обѣдню служатъ... А что недостойно служатъ божественную литургію, а то явлено въ 12 главѣ тѣхъ же (то-есть Мессаліанскихъ) ересей». П. С. Р. Л., IV, 158, 1491 г.: «И тако же и божественную службу съвръшающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во чтоже вмѣняюще яко простъ хлѣбъ и кровь Христову яко просто вино»...

ругался надъ крестомъ [1]). Подобнымъ образомъ, и въ отрицаніи иконъ и крестопоклоненія еретики не доходили до ихъ безусловнаго отверженія. Нѣтъ сомнѣнія, они отрицали поклоненіе этимъ предметамъ, но не отвергали ихъ чествованія. Даже самое поклоненіе еретики, кажется, находили по крайней мѣрѣ объяснимымъ, но только по отношенію къ однимъ изображеніямъ Іисуса Христа [2]). Противъ поклоненія тѣлеснымъ изображеніямъ Іисуса Христа, Божіей Матери и угодниковъ жидовствующіе вооружались главнымъ образомъ потому, что видѣли въ нихъ созданіе рукъ человѣческихъ. „Изображенія эти", говорили еретики, — „дѣло рукъ человѣческихъ, имѣютъ уста и не говорятъ, (болваны ?) подобны имъ будутъ (болванами?) и всѣ тѣ, которые ихъ сооружаютъ и на нихъ надѣются" [3]). На такомъ теоретическомъ мудрствованіи дѣло однако оставалось не долго. Какъ скоро ересь оставила тѣсный кружокъ своихъ основателей и стала удѣломъ людей, вышедшихъ изъ массы, то отрицаніе перешло въ открытое поруганіе иконъ и крестовъ, въ которомъ крайнее ребячество граничило съ грубымъ фанатизмомъ. Такъ извѣстно, что попъ Наумъ, одинъ изъ покаявшихся еретиковъ, проходя, до своего покаянія, мимо иконы Богородицы, показалъ ей кукишъ. Подобнымъ образомъ, въ новгородской церкви Спаса Преображенія на Ильиной улицѣ на одной иконѣ было изображено: стоитъ Василій Кесарійскій, да у Спаса руку да ногу отрѣзалъ, а на подписи написано: Обрѣзаніе Господа нашего Іисуса Христа. Не менѣе усердно еретики издѣвались надъ крестопоклоненіемъ. Такъ они навязывали кресты на шею птицамъ, воронамъ—деревянные, а воронамъ—мѣдные: въ этихъ крестахъ вороны летали, садились по падали и калу. Точно также одинъ попъ съ діакономъ дали какому-то крестъ-

---

[1]) А. А. Э., I, 479, 1490 г.: «а Денисъ попъ, тотъ въ Архангелѣ служилъ, да на литургіи де за престоломъ плясалъ, да и кресту наругался»...

[2]) Просв., стр. 255: «аще убо святи суть и честни вещи, о нихъ же повелѣ Господь сътворити Моисею... и почитати убо сихъ достоитъ, поклонятися не подобаетъ ничему же, развѣ единаго Бога»... Тамъ же, 284: «буди убо иконѣ Христовѣ сія тако, якоже глаголете, поклонятися подобаетъ: что же о прочихъ отвѣщаете, ихъ же именуете святыхъ и образы ихъ написуете и мертвыя кости любите и почитаете».

[3]) П. С. Р. Л., IV, 158, 1491 г.: «ни на иконахъ, написаному образу по человѣчьству Господа нашего Іисуса Христа... не поклоняхуся, ни Пречистыя образу, ни св. его угодникомъ, но хуляще и ругающеся глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣчьскыхъ, уста имутъ и не глаголютъ и прочее, подобные имъ да будутъ творящеи и вси надѣющеися на ня»...

янину крестъ-тѣльникъ: древо плакунъ, да на крестѣ вырѣзанъ соромъ. Кромѣ указанныхъ, было еще много другихъ способовъ осквернения еретиками христіанской святыни, но въ видахъ ихъ грубости мы считаемъ даже излишне о нихъ распространяться [1]).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только одну религіозную сторону ереси жидовствующихъ. Но чтобы вполнѣ понять ея упорное сопротивленіе и даже почти временное торжество, необходимо принять во вниманіе и другую сторону ереси, сторону политическую. Нѣкоторые ученые, и притомъ весьма добросовѣстные, склонны смотрѣть на ересь жидовствующихъ, какъ на протестъ удѣльно-вѣчеваго порядка противъ водворенія системы единодержавія, только перенесенный на религіозную почву. По ихъ мнѣнію, какъ Москва обвиняла сепаратистическія стремленія Новгородцевъ въ желаніи отдѣлиться отъ церкви и измѣнить православію, такъ точно въ свою очередь и Новгородцы платили тою же монетою, видѣли въ своихъ новыхъ владыкахъ не болѣе, какъ агентовъ Москвы, враждебныхъ духу и стремленіямъ паствы, имѣвшихъ въ виду не интересы церкви, а политическія выгоды Москвы. Всякій, почему-либо становившійся на сторону единовластія, считался врагомъ не только политическимъ, но и религіознымъ, а таковы именно были теперь высшая духовная власть и большинство монашествующаго духовенства [2]). Намъ кажется однако, что не смотря на всю свою правдоподобность, эта попытка связать ересь съ старымъ порядкомъ весьма мало основательна. Нѣтъ сомнѣнія, Московскіе владыки, особенно въ первое время, производили неблагопріятное впечатлѣніе какъ вообще на Новгородцевъ, такъ въ частности и на новгородское духовенство; но и тутъ главная причина недовольства, по крайней мѣрѣ для новгородскаго духовенства, которому въ ереси несомнѣнно принадлежало первое мѣсто, заключалась не въ томъ, что владыки были теперь не вѣчевые избранники, а въ чисто церковномъ элементѣ, въ томъ именно, что господство ихъ связывалось съ введеніемъ въ жизнь духовенства строгой и обременительной тяглой системы. Всего лучше слабость или даже отсутствіе политическаго элемента въ новгородской ереси видно изъ того факта, что не только жидовствующіе не обнаружили ни въ чемъ своихъ политическихъ стремленій, но даже между ними находились лица, стоявшія въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ представителемъ самодер-

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., VI, прим. 324.
[2]) *Паковъ* въ *Ж. М. Н. Пр.*, № 190, отд. II, 43.

жавія, Иваномъ III, и даже просто принадлежавшія къ числу московскихъ сторонниковъ. Всѣмъ извѣстно, что главные двигатели ереси легко покинули Великій Новгородъ и не колеблясь согласились на предложеніе Ивана III занять мѣста въ самой Москвѣ, Алексѣй—мѣсто протопопа въ Успенскомъ соборѣ, а Денисъ—священника при Архангельскомъ [1]). Но самое любопытное—Григорій Тучинъ, одинъ изъ немногихъ знатныхъ Новгородцевъ, завлеченныхъ въ ересь, не только не принадлежалъ, какъ можно было бы предполагать, къ числу ярыхъ сторонниковъ мѣстной самобытности, но даже по всѣмъ даннымъ долженъ быть отнесенъ къ разряду приверженцевъ Москвы, такъ какъ онъ добровольно чуть ли не первымъ перешелъ на службу великаго князя [2]). Что же касается до монастырей, то мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что вообще у насъ нѣтъ данныхъ считать новгородское монашество проникнутымъ абсолютистскими тенденціями. Въ отношеніи разсматриваемаго времени мы даже имѣемъ доказательства противнаго. Какъ показываетъ оппозиція игуменовъ 1493 года, новгородскіе монастыри принадлежали въ періодъ ереси къ числу противниковъ Москвы. Оно и совершенно понятно. Кромѣ тягостей, вытекавшихъ изъ наложенной на духовенство системы владычнихъ повинностей, монастыри считали себя обиженными еще и совершенною въ 1478 году секуляризаціей монастырскихъ имѣній.

Собственно говоря, политическій характеръ ересь получила не въ Новгородѣ, а въ Москвѣ, но опять-таки совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ обыкновенно полагаютъ историки, слѣдуя за г. Соловьевымъ. Политическимъ своимъ значеніемъ ересь обязана не связи своей съ партіей стараго порядка. Сила ея основывалась не на раздѣленіи московскаго верха на два двора, на дворъ Софіи и ея сына Василія, и на дворъ Елены и ея сына Димитрія, и на томъ обстоятельствѣ, что ереси держалась Елена, а за нею стояли могущественные бояре, поклонники старой Россіи. Напротивъ, можно думать, что, добиваясь престола для своего сына Димитрія, сама Елена обратилась въ ересь только въ твердой увѣренности, что этотъ поступокъ если и не вызоветъ прямаго одобренія, то во всякомъ случаѣ привлечетъ къ ней вниманіе свыше. Дѣло въ томъ, что въ новгородскомъ религіозномъ

---

[1]) Просв. 51: «Въ лѣто же 1480 пріиде князъ великыи Иванъ Василіевичь въ Великый Новгородъ. И тогда взятъ Алексѣа попа на Москву на протопопство, къ церкви Пречистыя Успенія, и Дениса попа къ архангелу Михаилу».

[2]) П. С. Р. Л., II, 208.

движеніи были стороны, которыя роднили его съ водворявшейся системой единодержавія. Новгородская ересь была вызвана къ жизни отчасти недовольствомъ противъ церковной іерархіи и неизбѣжно вела къ уменьшенію ея значенія въ глазахъ народа. Для всѣхъ приверженцевъ стараго порядка это былъ прямой ударъ, такъ какъ дѣло шло о подрывѣ авторитета того учрежденія, которое скорѣе всего могло быть ихъ естественнымъ союзникомъ; для великихъ же князей Московскихъ, напротивъ, такое ослабленіе въ извѣстной степени было даже выгодно. Не смотря на то, что церковная іерархія являлась дѣятельнымъ помощникомъ великихъ князей Московскихъ при собираніи Русской земли и установленіи самодержавія, теперь, когда эта задача въ своей существенной части была уже исполнена, великіе князья стали, кажется, нѣсколько тяготиться опекой или по крайней мѣрѣ ревновать къ тому значенію, какимъ пользовался въ народѣ глава церкви. По крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно, что въ столкновеніяхъ съ іерархіей, которыя нерѣдко случались у великихъ князей, послѣднимъ приходилось по временамъ переживать тяжелыя минуты. Довольно указать на тотъ фактъ, что въ спорѣ, возникшемъ между митрополитомъ и Иваномъ III о томъ, какъ слѣдуетъ ходить при богослуженіи, противъ солнца или посолонь, великій князь былъ оставленъ почти всѣми, какъ духовными, такъ и мірянами, и принужденъ былъ не только отречься отъ своего мнѣнія, но ѣздить къ митрополиту извиняться въ своемъ неумѣстномъ вмѣшательствѣ, чтобы только тотъ вновь воротился на свой архипастырскій столъ [1]). Подобныя столкновенія не могли не возбуждать въ великомъ князѣ желанія вознести свою власть превыше всякаго церковнаго авторитета, а для этой цѣли подрывъ значенія іерархіи, распространявшійся въ обществѣ благодаря ереси, являлся какъ нельзя болѣе кстати. И сколько извѣстно, Иванъ III не опустилъ случая извлечь изъ него свои выгоды. Въ самый разгаръ ереси, какъ зашла рѣчь о назначеніи новаго митрополита, великій князь воспользовался его ставленьемъ, чтобы торжественно заявить не только поставляемому, но и всему народу о своемъ главенствѣ надъ церковью. При посвященіи именно въ 1496 году Симона, великій князь, какъ бы желая показать, что воля государя опредѣляетъ главу церкви, громогласно повелѣлъ новому митрополиту „принять жезлъ пастырства и взойдти на сѣдалище старѣйшинства“ [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 233—234, 1482 г.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 39, 1496 г.: «И егда же... приспѣ время еже възвести

Но независимо отъ поддержки, которую великіе князья могли найдти въ ереси при стремленіи своемъ подчинить себѣ церковную іерархію, ученіе жидовствующихъ благопріятствовало ихъ намѣреніямъ и въ другомъ отношеніи. Громы, которые новгородскіе мудрствователи метали противъ монашескаго званія, во всякомъ случаѣ значительно облегчали осуществленіе стремленія великихъ князей поживиться на счетъ церковныхъ имуществъ, на которое они наведены были, кажется, въ 1478 году примѣромъ Новгородцевъ. Какъ бы то ни было, только оба эти обстоятельства дѣйствовали столь могущественно, что не только ересь находила благопріятный пріемъ въ средѣ, непосредственно окружавшей Ивана III, въ его ближайшихъ совѣтникахъ и въ особенности въ любимцѣ-дьякѣ Курицынѣ, но по всей вѣроятности, и самъ великій князь былъ не совсѣмъ чуждъ ея ученію [1]).

Политическая окраска, которую получила ересь въ Москвѣ, крайне затруднила борьбу противъ нея со стороны господствующей церкви. Въ особенности трудность эту пришлось испытать Геннадію, который въ 1488 году впервые узналъ о существованіи ереси изъ поруганія, совершеннаго надъ иконами нѣсколькими еретичествовавшими священниками въ пьяномъ видѣ, и первый же обратилъ противъ нея свое оружіе [2]). По качествамъ своего характера, Геннадій не былъ призванъ бороться противъ ереси путемъ слова и убѣжденія. У него не было для того прежде всего достаточныхъ свѣдѣній и пособій, и онъ сталъ хлопотать о нихъ только тогда, когда столкновеніе съ еретиками обнаружило существованіе этого пробѣла [3]). Но главное, Геннадію недо-

---

на мѣсто митрополита, глагола князь великій... св. Троица, дарующая намъ всеа Руси государство, подаетъ тебѣ сій св. великій престолъ архіерейства, митрополію всеа Руси, руковоложеніемъ и освященіемъ св. отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства; и жезлъ пастырьства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшиньства... взыди»...

[1]) Ѳедора Курицына изслѣдователи относятъ нерѣдко къ числу сторонниковъ боярской партіи и великой княгини Елены въ частности, но совершенно не основательно. Дьяку и великокняжескому любимцу не было мѣста въ знатной дружинѣ. А затѣмъ и основаніе, изъ котораго выводятъ заключеніе о тѣсной связи Курицына съ Еленой, есть не что иное, какъ заблужденіе: Курицынъ не сватался и не привозилъ Елены изъ Молдавіи. См. П. С. Р. Л., VI, 234—235, 1482 и 1483 г.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 238, 1488 г.: «То же зимы биша поповъ Новугородскихъ по торгу кнутьемъ, присла бо ихъ изъ Новагорода къ в. князю владыка Генадей, что пьяны поругалися св. иконамъ, и посла ихъ опять ко владыцѣ». Ср. А. А. Э., I, 479, 1490 г.

[3]) *Чт. въ М. О. И. и Др.*, за 1847 г., кн. 8, см. посл. Ген. стр. 5.

ставало необходимаго для борьбы таланта. Посланія, которыя онъ писалъ митрополиту и разнымъ епископамъ по поводу ереси, носятъ на себѣ характеръ простыхъ служебныхъ донесеній, но никакъ не обличеній. Даже больше, языкъ Геннадія далеко не можетъ быть названъ образцовымъ. Какъ показываетъ посланіе къ Іоасафу, при изложеніи сколько-нибудь сложныхъ матерій, онъ становился крайне темнымъ и неудобопонятнымъ. Но, не призванный къ публицистикѣ, Геннадій имѣлъ всѣ качества быть прекраснымъ администраторомъ. Онъ отличался стойкимъ, независимымъ характеромъ, неспособнымъ жертвовать дѣломъ для угожденія сильнымъ людямъ. Не даромъ же за свое разрѣшеніе монахамъ пить богоявленскую воду въ крещенскій сочельникъ послѣ ѣды ему пришлось посидѣть у митрополита въ ледникѣ въ оковахъ [1]). Къ самому дѣлу онъ относился не съ канцелярской точки зрѣнія, не довольствовался тѣмъ только, чтобъ оно шло исправно разъ заведеннымъ порядкомъ, а полагалъ въ него всю свою душу, готовъ былъ идти для него даже на подвигъ. Какъ у церковнаго пастыря, дѣло естественно воплощалось у него всецѣло въ интересахъ православія. Во всякомъ нарушеніи этихъ интересовъ, иногда даже просто кажущемся, онъ готовъ былъ видѣть не только оскорбленіе религіи, но и безчестье родной земли и государства [2]). Въ особенности же дорого было для Геннадія то, чтобы православіе оставалось единымъ во всей Руси, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Великомъ Новгородѣ [3]). Понятно, что такой пастырь не могъ равнодушно отнестись къ новгородской ереси. Ближайшій путь, который представился Геннадію для борьбы съ обнаруженнымъ зломъ, былъ путь суроваго преслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, на принятіе имъ этого пути не остался безъ вліянія примѣръ западной Европы, гдѣ въ то время инквизиція все болѣе и болѣе расширяла свою дѣятельность. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Геннадій указывалъ на Испанскаго короля, очистившаго свою землю отъ ересей, какъ на примѣръ, достойный подражанія и для Русскихъ князей [4]). Но независимо отъ

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 234, 1482 г.

[2]) А. А. Э., I, 481, 1490 г.

[3]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847, кн. 8: посл. Ген., стр. 2: «И какъ мню, нынѣ положили то дѣло ни за что, какъ бы вамъ мнится, Новгородъ съ Москвою не едино православіе»...

[4]) А. А. Э. I, 481—482, 1490 г.: «А толке государь нашъ... того не обыщетъ, а тѣхъ не казнитъ, ино какъ ему съ своей земли та соромота свести?

внѣшняго вліянія, были и домашнія соображенія, которыя побуждали Геннадія отдать предпочтеніе преслѣдованію, какъ самому дѣйствительному средству. Настоящіе еретики казались ему опаснѣе прежнихъ тѣмъ, что держали ересь тайно, ясно же выдавали себя за христіанъ, и что вслѣдствіе того отъ нихъ уберечься было гораздо труднѣе. „Человѣку разумному", говорилъ Геннадій,—„они не объявятся а глупаго съѣдятъ какъ разъ". А затѣмъ и самое разсужденіе о вѣрѣ, даже на соборѣ, которое предполагали сдѣлать вліятельные духовные, быть можетъ самъ митрополитъ Зосима, казалось ему не безопаснымъ. „Люди у насъ просты", писалъ Геннадій владыкамъ, остававшимся въ Москвѣ по избраніи Зосимы,—„не умѣютъ говорить по обычнымъ книгамъ; такъ лучше поэтому о вѣрѣ никакихъ преній не плодить. Соборъ нуженъ не для преній о вѣрѣ, а для того, чтобы еретиковъ казнить, вѣшать и жечь" [1]).

Вслѣдствіе указанныхъ раньше обстоятельствъ, результаты, достигнутые Геннадіемъ въ борьбѣ съ ересью, далеко не отвѣчали той ревности и усиліямъ, которыя онъ прилагалъ къ ея искорененію. Не безъ большаго труда, да и то только благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ товарищей-епископовъ, Геннадію удалось добиться того, что изъ Москвы было прислано ему разрѣшеніе производить обыски надъ еретиками и передавать уличенныхъ гражданскимъ властямъ для наказанія. Пользы оно однако принесло Геннадію очень мало. Лишь только онъ приступилъ къ обыскамъ, какъ еретики, выставивъ поручителей, сбѣжали въ Москву, и Геннадій, не узнавъ истины до конца, принужденъ былъ послать туда только свои свѣдѣнія, собранныя имъ еще при первомъ ознакомленіи съ еретиками. По этимъ подлинникамъ нѣкоторые изъ послѣднихъ были въ Москвѣ наказаны и затѣмъ возвращены въ Новгородъ съ старымъ приказаніемъ продолжать обыскъ и обращеніе еретиковъ. Геннадій опять принялся за дѣло, но снова повторилась та же исторія. Вначалѣ было одни изъ еретиковъ покаялись, а другіе, упорствовавшіе въ ереси, были приговорены къ гражданскому наказанію; но вскорѣ какъ тѣ, такъ и другіе сбѣжали въ Москву, заслышавъ объ „ослабѣ", которою пользовались тамъ еретики, благодаря покровительству Курицына [2]). Генна-

---

ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать: сказывалъ ми посолъ цесаревъ про Шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ».

[1]) *Хрущовъ*, Изсл. о соч. Іосифа Санина, стр. 120—122.

[2]) А. А. Э., I, 479, 1490 г., П. С. Р. Л., VI, 238, 1488 г. А. И., I, 521—522, 1488 г.

дій не щадилъ усилій, чтобы достать ихъ и въ столицѣ, но не встрѣтилъ никакой поддержки даже со стороны своего церковнаго начальства. Митрополитъ Геронтій былъ человѣкъ несомнѣнно православный, но не принадлежалъ къ числу особенныхъ доброжелателей Геннадія. Онъ не успѣлъ еще достаточно забыть противодѣйствіе, встрѣченное со стороны Геннадія при спорѣ о хожденіи посолонь. Да и помимо этого нерасположенія, Геронтій не могъ не видѣть того благоволенія, которымъ пользовалась ересь въ глазахъ „державнаго", какъ называли тогда великаго князя. А затѣмъ, по смерти Геронтія, первосвятительская каѳедра досталась Зосимѣ, приверженцу ереси, который поэтому естественно былъ врагомъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ противъ еретиковъ. При такихъ обстоятельствахъ Геннадію ничего не оставалось, какъ опять обратиться за помощью къ своимъ товарищамъ, еще остававшимся въ Москвѣ въ виду церковныхъ затрудненій. Епископы и на этотъ разъ не отказали въ содѣйствіи и благодаря ихъ коллективному вмѣшательству соборъ на еретиковъ въ 1490 г. въ концѣ концовъ состоялся. Но опредѣленія его далеко не удовлетворили Геннадія. Главные двигатели ереси остались совершенно въ сторонѣ, да и второстепенные еретики, по наложеніи соборнаго проклятія, были обречены только на заточеніе, главнымъ образомъ кажется въ Новгородѣ [1]). Не ожидая большихъ послѣдствій отъ соборнаго наказанія для искорененія ереси и раздраженный лично выходками противъ него самого со стороны Захара, Геннадій старался сколько могъ усугубить отъ себя наложенную на еретиковъ кару. Еще задолго до Новгорода, онъ велѣлъ посадить еретиковъ на коней, лицомъ къ хвосту, вывороτить на нихъ одежду, нарядить въ остроконечные берестовые шлемы, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, съ вѣнцами, сдѣланными изъ сѣна и соломы и съ надписью на мишени: „се есть сатанино воинство!" Въ такомъ видѣ еретики слѣдовали по городу изъ улицы въ улицу, при чемъ встрѣчавшіеся должны были плевать имъ въ глаза, говоря: „се враги Божіи, хулители Христа!" Въ заключеніе, какъ бы для уподобленія этого зрѣлища съ западно-европейскимъ ауто-да-фе, на еретикахъ были зажжены украшавшіе ихъ шлемы [2]).

Ходъ борьбы наглядно показалъ Геннадію, что, какъ пастырь, онъ не только не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, но и возбу-

[1]) П. С. Р. Л., IV, 159, 1490 г.

[2]) Просв., стр. 56.

ждалъ рѣшительное недоброжелательство какъ у высшей духовной, такъ и у свѣтской власти. Всѣ данныя говорили ясно, что отъ Москвы онъ могъ ожидать не поддержки, а только развѣ непріятностей. Шло ли дѣло о случившемся въ 1489 году оставленіи Іоасафомъ Ростовскимъ епископской каѳедры, въ Москвѣ не считали необходимымъ дать знать объ этомъ Геннадію, хотя гонцы отправлялись оттуда въ Новгородъ ежедневно. Нужно ли было по кончинѣ Геронтія избрать новаго митрополита, и вотъ всѣ владыки приглашаются на соборъ, а къ Геннадію посылается отъ великаго государя указъ заниматься въ Новгородѣ царскими дѣлами, а на избраніе митрополита представить повольную грамоту [1]). То же самое повторяется и при избраніи владыки Коломенскаго. Да чего! Дѣло дошло до того, что митрополитъ Зосима потребовалъ у Геннадія новаго исповѣданія вѣры, какъ бы у человѣка, заподозрѣннаго въ неправославіи [2])! Но и такое явное пренебреженіе не поколебало Геннадія въ его рѣшеніи вести борьбу противъ ереси, а только заставило перемѣнить оружіе. До сихъ поръ Геннадій противодѣйствовалъ еретикамъ путемъ внѣшняго преслѣдованія; теперь же, убѣдившись въ тщетѣ этой дѣятельности, первый созналъ необходимость приложить къ борьбѣ и внутреннее духовное оружіе. Какъ человѣкъ, исключительно призванный къ административной дѣятельности, Геннадій самъ могъ прибѣгать къ этому оружію только косвенно, доставляя духовенству и паствѣ средства самимъ противостоять соблазнамъ ереси. Столкновеніе съ еретиками выставило ясно всю важность для православныхъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ книги Священнаго Писанія, и вотъ Геннадій сосредоточиваетъ теперь всѣ свои старанія на ихъ пріобрѣтеніи. Хлопоты его не пропали даромъ и привели, вѣроятно около 1496 года, къ собранію въ одинъ доселѣ не существовавшій составъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта въ славянскомъ переводѣ. Въ этомъ нельзя не признать большой заслуги Геннадія, такъ какъ распространеніе Священнаго Писанія во всѣхъ христіанскихъ земляхъ не оставалось безъ сильнаго вліянія на общее теченіе умственной жизни. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что вслѣдствіе бѣдности умственныхъ силъ, характеризующей эпоху, трудъ собранія совершенъ былъ далеко неудовлетворительно, собранныя во едино книги были крайне не одинаковаго переводнаго до-

[1]) А. А. Э., I, 478, 1490 г.
[2]) А. А. Э., I, 482, 1490 г.

стоинства. Только часть изъ нихъ представляетъ переводъ съ греческаго, иногда въ его древнѣйшемъ, а иногда и въ болѣе новомъ видѣ; остальныя же являются просто переводомъ съ Вульгаты и притомъ довольно неискуснымъ, свидѣтельствующимъ о недостаточномъ знаніи переводчиками какъ латинскаго, такъ и славянскаго языковъ. Такъ съ Вульгаты, откуда вмѣстѣ съ тѣмъ заимствованы распорядокъ всѣхъ книгъ Геннадіевой библіи, равно какъ ихъ раздѣленіе на главы и предварительныя замѣчанія, переведены двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, Нееміи, Товита, Іудиѳь, Соломонова Премудрость, Притчи и Маккавейскія книги. Что же касается книги Есѳирь, то она переведена отчасти съ латинскаго, а отчасти съ еврейскаго и потому носитъ на себѣ слѣды чуждыхъ поправокъ [1]).

Собраніе книгъ Священнаго Писанія было однако только половиною дѣла. Для того чтобы Библія не оставалась въ рукахъ православныхъ мертвымъ капиталомъ, а являлась бы дѣйствительнымъ щитомъ противъ ереси, необходимо было еще, чтобы служители церкви были подготовлены къ ея воспріятію. А этого о тогдашнемъ новгородскомъ духовенствѣ сказать далеко нельзя. Мы имѣли уже случай замѣтить, что при насажденіи христіанства на Руси приготовленіе новыхъ лицъ къ духовному званію производилось при помощи старыхъ церковныхъ причтовъ. Съ теченіемъ времени однако этотъ способъ подготовки подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, повліявшимъ крайне неблагопріятно на нравственный уровень русскаго духовенства. Прежде всего подготовленіе не стало уже неизбѣжно связываться съ лицами причта, а перешло въ руки особыхъ мастеровъ, которые за могорецъ или извѣстное вознагражденіе посвящали желавшихъ во всѣ свѣдѣнія, необходимыя для полученія духовнаго сана. Во времена Владиміра и Ярослава при ставленьи на первомъ планѣ стояло книжное ученіе или грамотность, теперь же грамотность отходитъ на второй планъ, на ея мѣсто становится почти голое приготовленіе къ духовной профессіи. Не утруждая долго своихъ питомцевъ сообщеніемъ грамотности, книжные мастера почти прямо приступали съ ними къ изученію различныхъ родовъ церковной службы: вечерни, заутрени, часовъ, и въ результатѣ конечно достигали того, что ученики оставались круглыми невѣждами какъ въ грамотѣ, такъ и въ церковномъ порядкѣ [2]). Слѣдствія такого способа приготовленія сказались въ

---

[1]) Преосв. *Макарія*, И. Р. Ц., VII, 181.

[2]) А. И., I, 148, 1496 — 1504 гг.: «А се мужики невѣжи учатъ робятъ да

концѣ XV столѣтія самымъ печальнымъ образомъ. На посвященіе къ Новгородскому владыкѣ прихожане стали приводить лицъ, которыя въ Псалтыри „едва брели“, а въ Апостолѣ такъ и совсѣмъ „не умѣли ступить“, и встрѣтивъ отказъ со стороны епископа, говорили въ свое извиненіе: „Земля, господинъ, такова, трудно отыскать въ ней человѣка, гораздаго грамотѣ“ [1]). Нѣкоторое время Геннадій пробовалъ было бороться съ этимъ зломъ средствами, которыя имѣлись у него подъ рукою, но безуспѣшно. Онъ приказывалъ учить ставленниковъ ектеніямъ, но при безграмотности первыхъ этотъ путь, какъ оно и естественно, тотчасъ же оказывался египетскою работой. Тогда Геннадій пробовалъ усаживать ихъ за азбуку. Но ставленники бѣжали отъ азбуки, какъ отъ чумы, или же занимались ею неохотно, такъ что дѣло затягивалось и только навлекало на Геннадія нареканія въ задержкѣ [2]). Но какъ ни печальны были эти неудачи, онѣ имѣли однако ту хорошую сторону, что привели Геннадія къ сознанію необходимости общихъ мѣръ для поднятія нравственнаго уровня духовенства, а именно къ сознанію необходимости основать для него училища. Въ этомъ смыслѣ и было сдѣлано Геннадіемъ заявленіе митрополиту Симону, и это заявленіе должно считаться важнѣйшимъ подвигомъ Новгородскаго владыки въ его дѣятельной жизни. На основаніи училищъ Геннадій возлагалъ большія упованія: но отсюда было бы несправедливо заключать, что учебный планъ ихъ хваталъ очень далеко. Напротивъ, онъ не заходилъ дальше простой грамотности. Главную роль въ проектированныхъ Геннадіемъ училищахъ играла азбука съ подтитульными словами; практикой для чтенія должна

рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а заутреня также а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, толко то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ».

[1]) А. И., I, 147, 1496—1504 г.: «А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и потому едва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ: «земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ»...

[2]) А. И., I, 147, 1496—1504 г.: «Да мнѣ бьютъ (прихожане) челомъ: «пожалуй деи, господине, вели учити»; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки, да просятся прочь, а и не хотять ее учити... а они не хотятъ учитись азбукѣ, да хотя и учатся, а не отъ усердія, и онъ живетъ долго...

была служить Псалтырь съ послѣдованіемъ, а тамъ уже можно было читать и канонархать всякія книги [1]).

Административная дѣятельность на пользу поднятія нравственнаго уровня духовенства могла оказать свое вліяніе только въ продолжительный періодъ времени, искорененіе же ереси требовало вмѣшательства наличныхъ нравственныхъ силъ. Геннадій хорошо понималъ это, но зналъ также, что у него самого такихъ силъ не было, и потому рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ Іосифу, извѣстному уже въ то время архимандриту Волоколамскаго монастыря. Выборъ былъ сдѣланъ какъ нельзя болѣе удачно. Въ ряду христіанскихъ подвижниковъ, которые своею нравственною силой служили для лучшихъ людей щитомъ противъ нравственной порчи, Іосифъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ бойцовъ. Отъ юности исполненный ревности къ иноческому житію, онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока ему не удалось осуществить на практикѣ свой собственный идеалъ. Не трудно догадаться, въ чемъ долженъ былъ заключаться иноческій идеалъ Іосифа Волоцкаго. Состояніе новгородскаго монашества показало намъ ясно, что византійскіе образцы прививались въ древней Руси крайне слабо, что даже въ самыхъ большихъ монастыряхъ общежитіе было не больше, какъ въ зародышѣ, а объ отшельническихъ и говорить нечего. Отъ знатока церковной литературы, какимъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, былъ Іосифъ Волоцкій, не могло конечно укрыться это „безчиніе“, и вотъ возвращеніе къ чистому византинизму, введеніе въ монастырскій бытъ строгаго общежительнаго начала и становится главною цѣлью иноческихъ стремленій Іосифа. Достигнуть ея однако было не легко. Уже преодолѣніе сопротивленія со стороны монашествующей братіи, которая обыкновенно рѣдко бывала довольна строгостью монастырскаго устава, требовало немало хлопотъ. Іосифъ боролся противъ него убѣжденіемъ, а еще болѣе собственнымъ примѣромъ. До какой степени онъ считалъ нужнымъ быть строгимъ къ самому себѣ, всего лучше можно заключить изъ того, что человѣкъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ неусыпно ухаживавшій за своимъ отцомъ, отказалъ, единственно изъ видовъ поддержанія монастырскаго устава, въ свиданіи матери, которая по-

[1]) А. И., I, 148, 1496—1504 г.: «а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое—азбука граница истолкова совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтырь съ послѣдованіемъ на крѣпко; и коли то изучять, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всяныя книги».

слѣ многолѣтней разлуки хотѣла передъ смертью съ нимъ проститься [1]). Гдѣ однако не помогали нравственныя средства, игуменъ Волоцкій не отступалъ и предъ суровыми внѣшними мѣрами: по его мнѣнію, непокорство слѣдовало смирять жезломъ [2]). Кромѣ сопротивленія рядовой братіи, много заботъ вызывало и матеріальное обезпеченіе монастыря. Независимо отъ той задачи, которую ставилъ для монашеской жизни Іосифъ, уже одно устройство правильной общины требовало достаточныхъ средствъ, а они не всегда имѣлись подъ руками. Какъ домовитый хозяинъ, Іосифъ умѣлъ найдтись и тутъ. Въ Волоцкомъ монастырѣ было принято именно за правило, чтобы даромъ священникъ не служилъ ни одной обѣдни, ни паннихиды и даже введена была за службу опредѣленная такса [3]). Въ особенности же важную доходную статью составляло поминаніе, такъ какъ оно пролагало монастырямъ дорогу къ землевладѣнію. Уже простое годовое поминаніе допускалось у Іосифа не иначе, какъ „съ ряду“, за опредѣленное договоромъ количество денегъ, хлѣба или земли. Что же касается до „вѣчной памяти“ въ монастырѣ, то за соединенную съ ежегоднымъ кормомъ братіи требовалось сумма денегъ отъ 100 до 500 рублей или же равнозначительное по цѣнѣ количество земли, а если безъ корму, то половина [4]).

Но стремясь къ водворенію въ монастыряхъ общежитія, Іосифъ Волоцкій полагалъ цѣль его не въ созерцательномъ иноческомъ житіи. Іосифъ былъ человѣкъ слишкомъ практическій, слишкомъ великорусскій, чтобы довольствоваться созерцаніемъ. Устроенный на началѣ общежитія, монастырь, по понятіямъ Іосифа, имѣлъ свою цѣль

---

[1]) Вел. Мин. Чет., сент., стр. 459, 469.

[2]) Вел. Мин. Чет., сент., стр. 553, 556.

[3]) *Хрущовъ*, Изсл. о соч. Іос. Сан., 257: «вѣдомо всѣмъ, да и тебѣ вѣдомо, даромъ священникъ ни одной обѣдни ни понафиды не служитъ... А у насъ иде священникомъ на всякой соборъ по 4 деньги одному, а въ простые дни по двѣ деньги».

[4]) *Хрущовъ*, Изсл., 260: «А въ то (годовое) поминаніе не пишють безъ ряды. А кому въ поминаніи писатися и онѣ рядятся или на всякой годъ давати урокомъ денги или хлѣбъ или село по комъ дадутъ». Опис. рук. Синод. библ., отд. III, ч. I, стр. 397: «кто похочетъ (говоритъ обиходникъ Іос. мон.) себѣ учинити вѣчную память... и корму на братію быти на всякъ годъ, доколѣ и монастырь пречистыя стоитъ, даетъ 100 рублевъ, или 200, или 300, или 400, или 500, или село или деревень противъ того цѣною... А кто даетъ 50 рублевъ, и того написати въ повседневной списокъ и въ сенаницы до вѣка»... но уже безъ «корма».

не въ самомъ себѣ, а въ служеніи обществу. Монастырская община прежде всего должна была служить примѣромъ нравственной жизни для мірянъ и даже поддержкой тѣхъ изъ послѣднихъ, положеніе которыхъ было совершенно безпомощно. Такой характеръ монастырской жизни открывается самъ собою, если только мы обратимъ вниманіе на дѣятельность Волоцкой общины при Іосифѣ. Намъ нечего приводить въ доказательство тѣ факты, что во имя христіанскаго милосердія и любви Іосифъ постоянно ходатайствовалъ за угнетенныхъ, писалъ краснорѣчивыя посланія объ облегченіи участи рабовъ и сколько могъ оказывалъ чрезъ монастырь поддержку отдѣльнымъ личностямъ, попадавшимъ по какимъ-либо обстоятельствамъ въ затруднительное положеніе [1]). Довольно указать на одинъ тотъ фактъ, что во время голода монастырь не щадилъ своихъ запасовъ для раздачи бѣднымъ и такимъ образомъ для окрестной страны являлся какъ бы настоящею житницей [2]). Даже больше. Въ подобныя тяжелыя времена начальникъ монастыря считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ располагать къ вспомоществованію бѣдному люду и самыхъ знатныхъ мірянъ. Намъ извѣстно посланіе Іосифа къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу, въ которомъ авторъ, въ видахъ облегченія пропитанія народа во время голода, совѣтуетъ правителю установить, по примѣру великаго князя Василія, цѣну на хлѣбъ въ его владѣніяхъ и тѣмъ сократить народныя бѣдствія [3]). Но кромѣ нравственнаго примѣра, монастырь, по воззрѣнію Іосифа, долженъ былъ подавать и примѣръ умственной жизни, быть умственнымъ свѣточемъ, служить разсадникомъ, изъ котораго выходили бы въ жизнь честные пастыри, вооруженные всякими знаніями, митрополиты, архіепископы, епископы и другія власти. Какъ дворянинъ по происхожденію, Іосифъ Волоцкій ожидалъ исполненія этихъ послѣднихъ надеждъ отъ сохраненія за монастырями ихъ богатыхъ средствъ и отъ продленія такимъ путемъ возможности постригаться въ монастыряхъ „честнымъ“ людямъ. Но, не смотря на сохраненіе за монастырями ихъ важныхъ привиллегій, надежды Іосифа, за немногими исключеніями, совсѣмъ не оправда-

[1]) Д. къ А. И., I, 360, 361, 1479—1505 г.; *Хрущовъ*, 258—259.

[2]) Вел. Мин. Чет., сент., стр. 482.

[3]) Д. къ А. И., I, 364, 1512 г.: «а инѣмъ невозможно той бѣдѣ пособити, аще не ты, государь, попечешися и уставиши цѣну своимъ государскимъ велѣніемъ, въ своемъ отечествѣ, и оживиши люди бѣдныя»... Раньше: «якоже и нынѣ сътвори братъ твой великій князь Василій Ивановичь всея Русіи».

лись. Между русскою знатью и высшимъ духовенствомъ связь по прежнему продолжала оставаться крайне слабою, и члены знатныхъ дворянскихъ родовъ не пріобрѣли желанія стремиться въ ряды духовенства, чтобы впослѣдствіи занять высшія мѣста въ церковной іерархіи [1]).

Въ числѣ немногихъ исключеній, въ числѣ тѣхъ честныхъ пастырей, которыхъ должна была дать русской церкви монастырская община, самъ Іосифъ Волоцкій занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. По своему умственному уровню Іосифъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Конечно, было бы неосновательно ожидать отъ Іосифа образованности въ нашемъ смыслѣ. Въ періодъ времени, когда еще не существовало почти никакихъ школъ, было бы странно требовать не только обширнаго, но и просто даже систематическаго образованія, и потому естественно мы не встрѣчаемъ его у Іосифа. Книжному человѣку того времени не только была мало доступна тогдашняя свѣтская мудрость, но и отношеніе его къ ней было самое неправильное. Къ свѣтскимъ знаніямъ книжный человѣкъ относился чуть ли не съ абсолютнымъ пренебреженіемъ. Онъ не только обзывалъ ихъ „еллинскою хитростью“ и „чернокнижнымъ волхвованіемъ“, но чуть ли не видѣлъ въ нихъ дѣйствія злаго духа. „Все, что̀ не отъ Писанія“, говорилъ онъ,—„то—отъ діавола“. Но и въ самой церковной образованности Іосифа ясно замѣтно отсутствіе всякой школы, всякой системы. Какъ и всѣ его современники, Іосифъ былъ посвященъ въ духовное образованіе далеко не на столько, чтобы хотя въ этой болѣе ограниченной области могъ ясно различать истинное отъ ложнаго, каноническое отъ неканоническаго, частное мнѣніе или церковное постановленіе отъ общепринятаго и общеобязательнаго вселенскаго преданія. Напротивъ, для него все имѣло одинаковое значеніе, все одинаково носило на себѣ печать богодухновенности. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ одинаково приводитъ мѣста какъ изъ каноническихъ книгъ Священнаго Писанія, такъ и изъ другихъ источниковъ довольно сомнительнаго достоинства, въ родѣ Палеи и Еноха Праведнаго, какъ скоро

---

[1]) *Приб. къ твор. св. От.*, X, 505: «Тажъ и се (Іосифъ) глагола: аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ колебаніе».

они соотвѣтствуютъ его видамъ, и называетъ богодухновенными писанія Николая Черногорца, даже не причисленнаго нашею церковью къ лику святыхъ. На ряду съ непоколебимымъ постановленіемъ вселенской церкви онъ пользуется и помѣщенною вслѣдъ за нимъ въ Кормчей новеллою Византійскаго императора по дѣламъ церковнымъ [1]). Такіе недостатки не позволяютъ намъ назвать Іосифа вполнѣ образованнымъ или ученымъ богословомъ, но и не препятствуютъ признать въ немъ усерднаго начетчика, соединившаго въ себѣ съ крѣпкимъ природнымъ умомъ обширную эрудицію въ Священномъ Писаніи и отцахъ церкви. Знакомство его съ послѣдними было на самомъ дѣлѣ изумительно. Онъ зналъ наизусть цѣлыя чтенія изъ Библіи, Евангелія, апостольскихъ и отеческихъ писаній. Благодаря этому обстоятельству, Іосифъ мало нуждался въ книгѣ, когда говорилъ отъ Писанія; онъ держалъ Священное Писаніе, по выраженію его жизнеописателя, Досиѳея Топоркова, „памятью на краи языка“.

Строгая подвижническая жизнь и обширная начитанность въ церковной литературѣ, соединенная съ крѣпкимъ природнымъ умомъ, давали Іосифу Волоцкому всѣ средства къ успѣшной борьбѣ съ ересью а эта борьба, съ своей стороны, доставила ему въ обществѣ вскорѣ такое значеніе, что онъ сталъ почти безапелляціоннымъ рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ, какіе возникали въ Русской церкви въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія. Видя, что для распространенія своего ученія и подорванія авторитета противниковъ, подобныхъ Геннадію, еретики разсылали всюду свои грамоты, Іосифъ, въ свою очередь, рѣшился прибѣгнуть къ тому же пути, сталъ писать посланія и обличительныя слова. Посланія имѣли своею главною цѣлью вызвать ревностное противодѣйствіе ереси со стороны вліятельныхъ лицъ, въ особенности изъ среды духовенства, и даже приготовить ихъ на подвигъ мученичества. Первымъ изъ нихъ можетъ считаться посланіе къ Нифонту, епископу Суздальскому и Тарусскому, написанное, по всей вѣроятности, въ 1493 году [2]). Что же касается до обличительныхъ словъ, то они должны были дать оружіе противъ ереси въ руки массѣ христіанъ, не имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго запаса книгъ или просто не свѣдущихъ въ Священномъ Писаніи. Руководствуясь примѣромъ Антіоха, игумена лавры Саввы Освященнаго, и Никона съ Черной горы, изъ которыхъ первый написалъ „велику книгу“

[1]) *Журн. Мин. Нар. Пр.*, т. 189, отд. II, 256—258.
[2]) *Хрущовъ*, Изсл. о соч. Іос. Сан., стр. 123.

въ опроверженіе „звѣрообразныхъ Персовъ“, а второй—„безбожныхъ Турокъ“, Іосифъ Волоцкій положилъ оказать своимъ согражданамъ ту же услугу, давъ имъ въ своихъ словахъ возраженія на ученіе домашнихъ враговъ-жидовствующихъ [1]). Возраженія эти не всегда сохраняли приличный тонъ спокойнаго опроверженія и очень часто переходили въ рѣзкую брань; но не смотря на этотъ недостатокъ, оправдывавшійся отчасти рѣзкостью выходокъ самихъ еретиковъ, они не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на тогдашнее общество. Впечатлѣніе было тѣмъ рѣшительнѣе, что, исходя отъ полноты горячаго убѣжденія, слова Іосифа поражали остроумными доводами изъ Священнаго Писанія и изобиловали фигуральными оборотами и сравненіями. Въ тогдашнемъ обществѣ не могло пройдти безслѣдно представленіе настоящаго времени, какъ времени „жидовской бури“, какъ времени, въ которое „возъвѣяша пагубніи жидовстіи тлетворніи вѣтріе, хотяще разбити душевныи нашъ корабль“. Въ средѣ тогдашняго общества не могло пройдти не замѣченнымъ противоположеніе души, упившейся любовью ко Христу, какъ такой, которую „аще и небо со землею сразится, не могутъ поколебати“, и души, уловленной сѣтями малодушія, какъ такой, которая „не возможетъ противостати и малому искушенію, нашедшему на ню, но аки листъ трепещетъ“ [2]). Главное, однако, что въ особенности содѣйствовало усиленію вліянія литературной дѣятельности Іосифа, состояло въ томъ, что слова его представляли большой запасъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія и житій святыхъ. Передавая отвлеченныя мысли въ наглядныхъ образахъ, подобные примѣры были гораздо доступнѣе для пониманія массы вѣрующихъ и потому гораздо глубже западали въ ихъ души, чѣмъ простые логическіе выводы.

Благодаря своей публицистической дѣятельности, Іосифу удалось вызвать къ отпору противъ ереси всѣ дремавшія силы русскаго общества, сплотить ихъ воедино и такимъ образомъ спасти дѣло православія. Но такой успѣхъ не могъ удовлетворить Іосифа. Его религіозная ревность уже съ самаго начала клонилась не просто къ нравственному торжеству надъ ересью, а одинаково и къ совершенному истребленію еретиковъ. Въ періодъ среднихъ вѣковъ, религіозная терпимость была вообще мало извѣстна, и преслѣдованіе разномыслящихъ казалось вещью самою естественною. Какъ сынъ своего

[1]) Просв., стр. 62.

[2]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г. кн. I, см. посл. Іос. къ митр., стр. 10.

времени, Іосифъ Волоцкій не только не составлялъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія, но и по свойственнымъ его характеру строгости и неумолимой логикѣ внесъ еще отъ себя въ преслѣдованіе духъ безпощадности, не отступавшей ни предъ какими слѣдствіями, ни предъ розысками и пытками, ни передъ казнями еретиковъ. Главный врагъ, противъ котораго на этомъ пути приходилось бороться Іосифу Волоцкому, принадлежалъ отнюдь не къ церковной области. Низверженіе Зосимы не требовало большихъ хлопотъ, такъ какъ не только настроенные Іосифомъ епископы всѣ были противъ главы церкви, но и самые еретики не могли ожидать отъ него особенной пользы: вслѣдствіе присущаго ему порока пьянства, Зосима не могъ уже съ достоинствомъ занимать первопрестольную каѳедру и потому былъ сведенъ съ нея въ 1494 году безъ всякаго шума [1]). Сила еретиковъ, какъ уже замѣчено раньше, заключалась не въ главѣ церкви, а въ той поддержкѣ, которую ересь находила у свѣтской власти. Но и здѣсь обстоятельства благопріятствовали Іосифу. Иванъ III не могъ не замѣтить неблагопріятнаго для ереси поворота въ общественномъ мнѣніи, да и дѣло приближалось уже къ старости, когда больше всего тяготитъ забота, какъ бы душу спасти. Полная увѣренность въ прежнемъ образѣ дѣйствій въ немъ уже исчезла, и онъ начинаетъ добиваться прощенія отъ церковныхъ властей, митрополита, владыкъ, и въ особенности отъ главнаго поборника православія, отъ Іосифа Волоцкаго [2]). Но до окончательнаго разрыва съ прошедшимъ онъ еще не дошелъ. Замѣшанный самъ въ движенія жидовствующихъ, великій князь естественно задумывался сильно надъ мыслію, нѣтъ ли грѣха казнить еретиковъ [3]). При такихъ условіяхъ вся задача Іосифа Волоцкаго заключалась въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе побѣдить сомнѣнія Ивана III. Іосифъ пробовалъ достигнуть этой цѣли собственными средствами. Въ бесѣдахъ съ вели-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 164, 1494 г.: «Митрополитъ Зосима, оставя митрополію не своею волею, но неномѣрно питія дръжашеся и о церкви Божіи не радяше».

[2]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г.: кн. I, посл. Іос. къ Митрофану: «Да послѣ того почалъ говорити о новгородскихъ еретикахъ, да молвилъ мнѣ такъ и азъ де вѣдалъ новгородскихъ еретиковъ, и ты меня прости въ томъ, а митрополитъ и владыки простили мя. И азъ ему молвилъ; государь! мнѣ тебя какъ прощати! И онъ молвилъ: пожалуй, прости мя!

[3]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г., кн. I, посл. Іос. къ Митр.: «Да случилоимся, господине, у великаго князя хлѣба ясти, и онъ мя призвалъ, да почалъ спрашивати: какъ писано, нѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить?»

кимъ княземъ онъ старался склонить его къ принятію немедленныхъ мѣръ противъ еретиковъ; Иванъ III обѣщалъ принять, даже сейчасъ принять, но на дѣлѣ не давалъ своему обѣщанію никакого хода. Тогда Іосифъ обратился за помощью къ духовнику великаго князя, Андрониковскому архимандриту Митрофану, и далъ ему понять, что направить Ивана III противъ еретиковъ составляетъ его прямую обязанность, что безъ его содѣйствія дѣло никакъ не можетъ кончиться добромъ. „Я много разъ", говорилъ Іосифъ въ посланіи къ Митрофану,—„билъ челомъ государю, чтобы тотъ послалъ по городамъ обыскивать еретиковъ. Великій князь отвѣчалъ: пошлю, сейчасъ пошлю и обыщу. Но вотъ уже отъ велика дня наступилъ другой годъ, а онъ все не посылаетъ. Между тѣмъ еретики умножаются по всѣмъ городамъ и христіанство гибнетъ отъ ихъ ученія. И однако же дѣло само по себѣ не представляетъ никакой трудности: стоитъ только схватить двухъ-трехъ еретиковъ, а тѣ уже откроютъ и всѣхъ остальныхъ" [1]).

Дружныя усилія Іосифа и Митрофана сломали наконецъ нерѣшительность Ивана III и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на розыскъ надъ еретиками и на созваніе на нихъ въ декабрѣ 1504 года собора. Составленный по большей части изъ сторонниковъ Іосифа, соборъ этотъ, сравнительно съ первымъ, отнесся къ еретикамъ съ гораздо большею строгостью. Еретики подверглись не только проклятію, которое съ тѣхъ поръ повторялось въ недѣлю православія еще въ XVII столѣтіи, но и различнымъ физическимъ наказаніямъ [2]). Для главнѣйшихъ изъ нихъ соборъ придумалъ даже особенный родъ казни, ни въ чемъ не уступавшій западнымъ ауто-да-фе. Имѣя въ своей памяти примѣръ Матіаса Ляха, латинскаго толмача, и князя Лукомскаго, сожженныхъ въ 1495 году въ клѣткѣ на Москвѣ-рѣкѣ за предполагаемое посягательство на жизнь великаго князя, отцы собора сочли подобную казнь самою приличною и для враговъ имени Божія [3]). Для вящшаго устрашенія, соборъ нашелъ необходимымъ произвести сожженіе въ обоихъ главныхъ пунктахъ ереси жидовствую-

---

[1]) *Чт. въ М. О. И. и Др.* 1847 г., кн. I, посл. къ Митрофану.

[2]) *Др. Рос. Вивл.*, VI, 431, 500—501, XVII в. «Новіи еретицы... похулившія вся седмь вселенскихъ соборовъ св. отець, Юрьева монастыря архим. Кассіанъ Ивашко Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ, Волкъ Курицынъ, Митя Коноплевъ и вся ихъ поборницы и единоплеменницы... анаѳема!»

[3]) П. С. Р. Л., IV, 162, 1483 г.

щихъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Великомъ Новгородѣ. Въ Москвѣ сожгли въ клѣткѣ Ивана Волка Курицына, Ивана Максимова и какого-то Митю Пустоселова. Въ Новгородѣ же были сожжены Некрасъ Рукавовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ, его братъ Ивашко Самочерный и нѣкоторые другіе [1]). Казни эти нанесли ереси рѣшительный ударъ, но броженіе въ обществѣ еще не успокоилось. Дѣло въ томъ, что въ средѣ самой православной церкви возникло раздвоеніе на счетъ отношенія къ тѣмъ еретикамъ, которые, будучи устрашены жестокой расправой 1504 года, затаились съ своимъ ученіемъ или же спѣшили покаяться. Одна партія, представляемая послѣдователями Нила Сорскаго, кирилло-бѣлозерскими старцами, ратовала за снисхожденіе, доказывала, что еретиковъ не слѣдуетъ розыскивать и истязать, если только они держатъ свою ересь втайнѣ, ни мало не пытаясь распространять ее въ народѣ, и что во всякомъ случаѣ церкви нужно принимать съ распростертыми объятіями тѣхъ, которые изъявляли раскаяніе [2]). Напротивъ, Іосифъ Волоцкій отстаивалъ не только необходимость розыска надъ еретиками, но и рекомендовалъ при этомъ хитрость и лукавство, приводя, какъ примѣръ достойный всякаго подражанія, поступокъ Флавіана, епископа Антіохійскаго, который въ бесѣдѣ съ еретикомъ Адельфіемъ прикинулся человѣкомъ, ищущимъ духовной пищи, и этимъ путемъ добился того, что Адельфій самъ „по тонку исповѣдалъ“ свою ересь. Что же касается до немедленнаго принятія кающихся еретиковъ въ лоно церкви, то не отвергая въ принципѣ, Іосифъ находилъ подобное милосердіе непримѣнимымъ къ новгородскимъ еретикамъ, такъ какъ раскаяніе ихъ было, по его мнѣнію, не искреннимъ, а вынужденнымъ страхомъ наказанія [3]). Суровый голосъ Іосифа вскорѣ заглушилъ слова заволж-

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 49—50, 1504 г.: «Князь великій... съ всѣмъ соборомъ обыскаша еретиковъ и повелѣша лихихъ смертною казнью казнити; и сожгоша въ клѣткѣ діака Волка Курицына, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27, а Некрасу Рукавову повелѣша языка урѣзати и въ Новѣгородѣ въ Великомъ сожгоша его. Тое же зимы архим. Кассіана Юрьевскаго сожгоша и его брата, и иныхъ многихъ еретиковъ сожгоша, а иныхъ въ заточеніе заслаша, а иныхъ по монастырямъ». Тамъ же, VI, 244, 1505 г.

[2]) *Хрущовъ*, Іос. Санинъ, 194. Древняя Рос. Вивл., XVI, 425—426.

[3]) Просв., стр. 557. Тамъ же, стр. 584: «І аще бы убо сами начали, преже обличенія, каятися, и сами бы на себя исповѣдали свое отступленіе, то пріятно бы было покаяніе ихъ, но сего они не сотвориша, но егда обличени быша і

скихъ старцевъ; но все же оппозиція ихъ не прошла безслѣдно. Благодаря кирилло-бѣлозерскимъ посланіямъ, въ жизни поддерживалась нѣкоторая склонность къ мудрствованію, которая, при встрѣчѣ съ нѣмецкою реформаціей, выразилась въ рядѣ новыхъ религіозныхъ побѣговъ.

Будучи естественными продуктами народной жизни, религіозныя движенія новгородской церкви, въ свою очередь, не остались безъ воздѣйствія на теченіе первой. Прежде всего должно быть отмѣчено вліяніе ихъ на область религіозную. Разсматриваемыя какъ религіозныя доктрины, ереси стригольниковъ и жидовствующихъ должны быть признаны существенными отступленіями отъ ученія православной церкви. Но какъ историческія явленія, онѣ не лишены своей важности. Нѣкоторое значеніе эти движенія имѣли уже потому, что они были именно движенія, выводившія религіозное сознаніе изъ той неподвижности, въ которой оно пребывало вплоть до самаго XIV столѣтія, представляли критику господствовавшей религіозной обрядности, хотя и довольно своеобразную. Но едва ли не гораздо важнѣе было посредственное вліяніе этихъ движеній. Они вызвали къ дѣятельности дремавшія силы господствующей церкви, заставили ихъ сознательнѣе отнестись къ общепринятымъ вѣрованіямъ, дать себѣ въ нихъ отчетъ и такимъ образомъ хотя нѣсколько выйдти изъ страдательнаго отношенія къ христіанству. Подобнымъ образомъ вліяніе новгородскихъ религіозныхъ движеній отразилось и на собственно церковномъ бытѣ, хотя и здѣсь дѣло не пошло такъ далеко, какъ требовали обстоятельства. Еретики доходили до отрицанія господствующихъ церковныхъ учрежденій, отправляясь отъ разныхъ замѣченныхъ ими недостатковъ церковной жизни. Лучшіе люди господствующей церкви не только не могли не признать справедливости нѣкоторыхъ упрековъ еретиковъ, но и сами отъ себя замѣчали слабыя стороны церковнаго порядка. Не удивительно поэтому, что еще въ 1503 году, слѣдовательно раньше окончательной расправы надъ еретиками, былъ созванъ въ Москвѣ соборъ, долженствовавшій принять мѣры противъ церковнаго нестроенія. Постановленія этого собора, оповѣщенныя митрополичьимъ посланьемъ для всеобщаго руководства, касались прежде всего мзды за ставленье. Мзда была запрещена теперь не только въ формѣ прино-

---

осуждени на смерть, тогда начаши клятися, сего ради непріятно бываетъ покаяніе ихъ».

шеній за самое ставленье, какъ это дѣлалось и прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ формѣ поборовъ за протори и расходы при ставленьи [1]). Мѣра эта однако могла только зажать на время ротъ еретикамъ, но болѣе серьезныя практическія послѣдствія она врядъ ли имѣла. Это видно не изъ того только обстоятельства, что одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ собора, знаменитый Геннадій, былъ тотчасъ же обвиненъ въ мздоимствѣ и отрѣшенъ отъ должности. Въ низверженіи Геннадія можно не безъ вѣроятности видѣть интригу многочисленныхъ враговъ Новгородского владыки, тѣмъ болѣе, что вина Геннадія состояла собственно только въ томъ, что онъ поддался вліянію своего дьяка Михаила Гостенкова, не боявшагося злоупотреблять довѣріемъ своего владыки. Недостаточность соборной мѣры гораздо болѣе видна изъ того, что система, въ которой взиманіе мзды за ставленье составляла одну незначительную часть, не только осталась неприкосновенною, но и продолжала развиваться. Вслѣдствіе этого дѣло кончилось тѣмъ, что стоглавый соборъ вновь узаконилъ тотъ образъ дѣйствія, за который былъ случайно осужденъ Геннадій [2]).

Принужденные наложить ограниченіе на собственныя слабости, отцы собора, естественно, считали себя въ правѣ отнестись съ тѣмъ бо́льшею строгостью къ недостаткамъ подчиненнаго имъ духовенства. Мы имѣли уже случай замѣтить, что церковныя правила въ отношеніи супружескаго союза прививались въ древней Руси крайне слабо, и что отступленія отъ нихъ проникали даже въ жизнь духовенства. Нерѣдко случалось, что вдовые священники и діаконы держали при себѣ наложницъ и даже, уходя въ отдаленныя мѣста, выдавали послѣднихъ за своихъ законныхъ женъ. Злоупотребленія эти не укрылись отъ духовнаго начальства, и оно издавало противъ нихъ строгія распоряженія. Но такъ какъ распоряженія носили мѣстный новгородскій характеръ, да и тамъ не всегда строго соблюдались, то необходимость общей мѣры отъ этого ни мало не устранялась [3]). На со-

---

[1]) А. А. Э., I, 484, 1503 г.: «отъ сего времени впередъ... отъ поставленія святителемъ... отъ всего священническаго чину не имати ничего никому, ни поминковъ намъ не имати отъ ставленія никому ничего; такожъ и отъ ставленыхъ грамотъ, печатнику отъ печати и діаконамъ отъ подписи, не имати ничего... Такожъ святителемъ... отъ священныхъ мѣстъ и отъ церквей не имати ничего, но коегождо... безъ мзды и безъ всякаго дара поставляти и на его мѣсто отпущати.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 244, 1504 г. Стоглавъ, гл. 89, стр. 379—380, 1551 г.

[3]) См. нашъ Очеркъ Внутр. Истор. Пскова стр. 313.

борѣ 1503 года защитники снисходительнаго отношенія къ духовенству предлагали ограничить эту мѣру воспрещеніемъ священствованія тѣмъ только лицамъ, которыя запятнали себя дурнымъ образомъ жизни. Въ оправданіе своего мнѣнія они ссылались на то, что апостольскія и отеческія правила не воспрещаютъ священствовать лицамъ, умѣвшимъ сохранить чистоту, и что въ этихъ правилахъ нѣтъ надобности ничего ни прибавлять, ни убавлять. Напротивъ, руководимое Іосифомъ Волоцкимъ большинство, ссылаясь на то, что отеческія правила не незыблемы, что въ нихъ въ интересахъ церкви многое можно видоизмѣнять, настаивало на распространеніи запрещенія священствовать на всѣхъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ [1]). Мнѣніе Іосифа Волоцкаго восторжествовало, но все-таки не безъ нѣкоторой уступки. Прежде вдовствующіе священники должны были просто или идти въ монастырь, или же слагать съ себя духовное званіе; теперь же, въ случаѣ нравственной жизни, имъ предоставлено было не только право стоять на клиросѣ (то-есть, исполнять причетническія должности) и причащаться, діаконамъ въ стихарѣ съ ораремъ, а священникамъ въ епитрахили въ алтарѣ, равно какъ и держать епитрахиль на дому, но и дозволено было отправлять нѣкоторыя священническія обязанности, служить вечерни и заутрени, за исключеніемъ только одной обѣдни, въ засвидѣтельствованіи чего такимъ лицамъ выдавались особыя патрахильныя и уларныя грамоты [2]). Преимущества, предоставленныя соборомъ 1503 года вдовымъ попамъ и діаконамъ, отличавшимся нравственною жизнью, сами собою создавали для церкви новыя затрудненія. Лица, остававшіяся этимъ путемъ въ духовномъ званіи, оказывались лишенными всякихъ средствъ

---

[1]) Стоглавъ, гл. 79 стр. 349—350: «Мнози глаголютъ: аще нѣцыи въ зазорѣ суть, тѣхъ подобаетъ отврщи; а неимущихъ женъ, а чисто живущихъ не повелѣваютъ ни апостольская, ни отеческая правила тѣхъ извреши. А глаголютъ: первымъ правиломъ седьмого собора сирѣчь отъ апостольскихъ и отеческихъ въ нихъ нѣсть приложити и отъ нихъ нѣсть уняти. Отвѣтъ. Инии же мнози (то-есть Іосифъ и его приверженцы) глаголютъ: священнымъ и божественнымъ правиломъ, апостольскимъ и отеческимъ, не сопротивляемся, но паче утверждаемъ и отъ церкви аки гнилъ сосудъ отсѣкаемъ. А глаголете: которые священницы не въ зазорѣ сущи, а не имущи женъ: подобаетъ имъ служити. Мы же глаголемъ: аще быти чистымъ не мощно, злое то прелюбодѣйство искоренити, а мнози св. отцы въ правилъ апостольскихъ и отеческихъ оставиша, что есть на вредъ церкви»...

[2]) П. С. Р. Л., IV, 277, 1504 г.

къ поддержанію своего существованія, такъ какъ единственный источникъ ихъ доходовъ, церковное мѣсто, переходило совсѣмъ въ другія руки. Имѣя въ виду эти хозяйственныя затрудненія вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, соборъ постановилъ, что тѣ и другіе пріобрѣтаютъ съ этихъ поръ право на четвертую часть изъ всей суммы церковныхъ доходовъ, въ томъ конечно предположеніи, что вдовствующіе священники не предпочтутъ мірскихъ занятій стоянію на клиросѣ [1]). Для Новгородской церкви соборное постановленіе о вдовыхъ попахъ не представляло ничего новаго; но въ другихъ краяхъ древней Руси оно произвело сильное впечатлѣніе и вызвало между прочимъ энергическій протестъ со стороны Георгія Скрипицы, одного вдоваго священника изъ города Ростова. „Господь сказалъ: осуждайте безъ лицепріятія, судите праведно“, говорилъ отцамъ собора Скрипица;—„а вы, господа, всѣхъ іереевъ и діаконовъ безъ испытанія осудили: у какого попа есть жена, тотъ чистъ, а у котораго нѣтъ, тотъ не чистъ; а у чернеца нѣтъ жены, тотъ все таки чистъ... Чернецамъ попамъ можно служить въ городахъ и селахъ, а вдовцамъ-попамъ, хотя бы чистымъ, не слѣдуетъ служить и въ пустыняхъ, не только что въ городахъ; только если у попа жена есть, онъ достоинъ служить: стало быть, онъ освящается женой! Кто не подивится, кто не посмѣется вашему собору въ другихъ земляхъ!“ [2]).

Наравнѣ съ бѣлымъ духовенствомъ, соборныя преобразованія коснулись и чернаго; только на практикѣ они приведены были въ исполненіе не самимъ соборомъ, а нѣсколько позже, Новгородскимъ владыкою Макаріемъ. Какъ мы уже указывали, монастырскій бытъ получилъ на Руси довольно своеобразныя формы, которыя, открывая большой просторъ для отдѣльнаго существованія монаховъ, чрезъ то самое весьма мало соотвѣтствовали своимъ первоначальнымъ византійскимъ образцамъ. Съ распространеніемъ знакомства съ Византіей, эти отступленія не могли остаться не замѣченными, и вотъ съ XIV столѣтія въ средѣ русскихъ іерарховъ и подвижниковъ начинаетъ

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 277—278, 1501 г.: «А которые попы и діяконы на ихъ (вдовцевъ) мѣсто учнутъ у тѣхъ церквей служити, и имъ тѣхъ поповъ и діяконовъ отъ церквей не отсылати вдовцевъ, а давати попомъ и діякономъ служебнымъ вдовцомъ четвертую часть во всѣхъ церковныхъ доходахъ; а который въ тѣхъ попѣхъ и діяконѣхъ въ церкви на крилосѣ стояти не учнетъ, а учнетъ мірская дѣлати, и тѣмъ четвертые части въ церковныхъ доходѣхъ не давати.»

[2]) *Чт. М. О. И. и Др.* 1848, VI, отд. IV, 45—54.

обнаруживаться стремленіе къ перестройкѣ русскаго монашества на византійскій ладъ, стараніе водворить всюду строгое общежительное начало. Впервые это стремленіе замѣчается на Суздальскомъ архіепископѣ Діонисіѣ, который пытался истребить остатки принципа частной собственности въ общежительныхъ монастыряхъ Пскова, какъ напримѣръ, Снѣтогорскомъ, введеніемъ строгаго общежительнаго устава. Ту же цѣль преслѣдовали какъ Іосифъ Волоцкій, неусыпно хлопотавшій о введеніи строгаго иноческаго житія въ своемъ собственномъ Волоколамскомъ монастырѣ, такъ и Нилъ Сорскій, старавшійся насадить византійское пустынножительство на сѣверѣ [1]). Какъ ни нерѣдки были эти попытки, всѣ онѣ имѣли однако только частное значеніе. Какъ общая мѣра, общежитіе начало утверждаться въ монастыряхъ только съ начала XVI столѣтія и повело къ совершенному преобразованію монастырскаго быта. Прежде всего со введеніемъ строгаго общежитія не согласовалось присутствіе въ монастырѣ лицъ, которыя совсѣмъ не принадлежали къ монашескому званію, занимались мірскими дѣлами и только получали за внесенный ими вкладъ содержаніе изъ монастырской общины. Понятно, что при новомъ устройствѣ монастырей, такія лица, какъ міряне, были совсѣмъ исключаемы изъ состава членовъ монастырской общины [2]). Еще менѣе съ строгимъ началомъ общежитія согласовалось существованіе такихъ монастырей, которые заключали въ себѣ безразлично какъ чернецовъ, такъ и черницъ. Поэтому уже соборъ 1503 года отнесся къ этимъ монастырямъ неодобрительно, но не вырвалъ еще зло съ корнемъ. Правда, онъ запретилъ жить въ одномъ мѣстѣ монахамъ и монахинямъ, но, кажется, ничего не постановилъ на тотъ счетъ, чтобы начальствованіе въ женскихъ монастыряхъ не могло принадлежать игуменамъ [3]).

---

[1]) Преданіе Нила Сорскаго, С.-Пб. 1859, стр. 36: «сего ради повелѣваютъ святіи въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страсѣ Божіи повинующееся познаваемъ свою немощь.» Ср. тамъ же, стр. 23.

[2]) П. С. Р. Л., VI, 298, 1536 г.: «по благословенію боголюбиваго архіеп. Макарія, устроися общежитель во Онтоновѣ монастырѣ, тогда и мірскихъ людей отъ монастыря отлучиша.»

[3]) П. С. Р. Л., IV, 278, 1504 г.: «и мы уложили, что отъ сего дни впередъ черицомъ и черницамъ въ одномъ мѣстѣ въ монастырѣ не жити; и въ которомъ монастырѣ учнутъ жити черицы, ино тутъ служить игумену, а черницамъ въ этомъ монастырѣ не жити; а въ которомъ монастырѣ учнутъ жити черницы, ино тутъ служити у нихъ попомъ бѣлцемъ, а черицомъ въ томъ монастырѣ не жити.»

Окончательное устраненіе этой послѣдней аномаліи и полная эмансипація женскихъ монастырей отъ мужскихъ послѣдовала не раньше, какъ въ 1528 году. Въ это время, въ періодъ утвержденія новгородскаго общежитія, изъ общей массы монашествовавшихъ выдѣлились и женскіе монастыри съ игуменьями во главѣ и съ попами-бѣльцами. При водвореніи общежитія въ Великомъ Новгородѣ монахинямъ было отведено семь монастырей: Десятинный, Богословскій на Виткѣ, Петровскій, Ильинскій, Спасскій на Вотской дорогѣ, Сокольницкій и Скнятинскій [1]).

Сходясь въ стремленіи къ водворенію общежитія на Руси, Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій расходились однако въ выборѣ частнаго вида общежитія. Ратуя за общину, Іосифъ Волоцкій имѣлъ въ виду большіе монастыри, Нилъ же Сорскій—отшельническіе. Мнѣніе Іосифа Волоцкаго одержало верхъ и тутъ, и отшельничество было осуждено на Руси, какъ „безчиніе.“ На практикѣ первымъ противъ отшельническихъ монастырей выступилъ Новгородскій владыка Макарій и сталъ побуждать великаго князя Василія къ уничтоженію этого безчинія въ предѣлахъ своей епархіи, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ [2]). Получивъ желанное согласіе отъ великаго князя, Макарій тотчасъ же приступилъ къ введенію общежительства и сразу устроилъ общину въ 16 новгородскихъ монастыряхъ. Благодаря этому пріему, число отдѣльныхъ монастырей, конечно, значительно уменьшилось, но за то монастырскія общины сдѣлались крупнѣе и количество монаховъ въ каждой общинѣ значительно увеличилось. Монастыри, заключавшіе въ себѣ прежде не больше двухъ или трехъ членовъ, стали теперь насчитывать ихъ 12 или 15; имѣвшіе же 6 и 7 членовъ теперь представляли 20 или 30, а значительнѣйшіе доходили даже до 40 и больше [3]). Но не смотря на всю законность, движеніе въ пользу общежительства не осталось безъ сильной оппозиціи со стороны монаховъ-собственниковъ, предпочитавшихъ общей трапезѣ и общему

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 285, 1528 г.: «Тогдаже архіепископъ и черницамъ вдасть монастыри... а преже бо сего въ тѣхъ монастырѣхъ жили игумены и черницы, и архіепископъ же повелѣ отвести игуменовъ въ мужскіе монастыри, а черничамъ вдасть игуменьи, благочинія ради.»

[2]) Д. къ А. И., I, 1526—1533 г.

[3]) П. С. Р. Л., VI, 284—285, 1528 г.: «А егда устроиша общежители... и братія въ монастыре начаша приходити: идѣже было два или три, и ту 13 и 15, а идѣже 6 или 7, и ту 20 и 30, а въ прочихъ 40 и множае.»

помѣщенію раздѣльное иноческое существованіе, при которомъ каждый могъ вести такой образъ жизни, какой былъ сообразенъ съ его частными средствами. Два игумена новгородскіе, Илья Цвѣтной и Іона Заяцъ, привыкши жить въ старомъ „безчиніи", то есть, въ отшельничествѣ, на отрѣзъ отказались отъ введенія общежитія въ свои монастыри, Никольскій въ Неревскомъ концѣ и Рождественскій на Полѣ [1]). Да и въ принявшихъ общежитіе монастыряхъ неудовольствіе на эту перемѣну не осталось въ послѣдующее время безъ выраженія: подобно тому какъ не всѣ монастыри одинаково одобряли введеніе общежительства, точно также и въ самыхъ стѣнахъ общежительныхъ монастырей не всѣ монахи сочувствовали преобразовательному движенію. Между ними создавались партіи приверженцевъ чистой собственности и сторонниковъ общежитія, партіи, которыя вели между собою отчаянную борьбу по вопросу о дальнѣйшемъ соблюденіи общежитія [2]).

Кромѣ внутренней организаціи монастырей, на соборѣ былъ поднятъ вопросъ и объ ихъ имущественномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что скопленіе въ рукахъ монастырей значительной массы поземельныхъ владѣній возбуждало противъ себя въ обществѣ двойную реакцію. Съ одной стороны, жертвователи нерѣдко такъ щедро награждали монастыри имѣніями, что законные наслѣдники ихъ были дѣйствительно или по крайней мѣрѣ считали себя обиженными и не щадили усилій для возвращенія потеряннаго [3]). Съ другой, наравнѣ съ частными лицами, скопленіемъ поземельныхъ владѣній въ рукахъ архіереевъ и монастырей тяготилось и государство. Умноженіе потребностей развивавшейся государственной жизни требовало соотвѣтственнаго увеличенія государственныхъ средствъ; а этого увеличенія можно было ожидать только отъ увеличенія поземельныхъ владѣній государства, такъ какъ, сообразно съ характеромъ экономической ступени развитія, земля составлялла тогда главнѣйшій источникъ всякаго богатства. Но чѣмъ важнѣе было для государства обладаніе землей, тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ оно должно было видѣть, что земля мало-по-

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, 285: «А толико два именитыхъ монастырей тогда не устроиша общины, Николинъ монастырь въ Неревскомъ концѣ, а игуменъ инокъ Илья зовемый Цвѣтной, да Рожество Христово на Полѣ, а игуменъ Іона зовемый Заецъ; а мощно бы имъ устроити, они же не хотяху, въ томъ безчиніи обыкоша жити, и архіепископу сказаша нужу себѣ, еже которой нѣсть»...

[2]) А. А. Э., IV, № 311, 1694 г.

[3]) А. И., I, 18, 1395 г.; 126, 1463 г.

малу уплывала изъ его рукъ въ руки такихъ собственниковъ, которые не только не служили службы, но и стремились освободить себя почти отъ всякихъ налоговъ. Не удивительно поэтому, что, подобно частнымъ лицамъ, и у государства явилась реакція противъ такого хода вещей. Впервые эта реакція обнаружилась въ Иванѣ III, какъ впервые въ немъ же сказались ясно и новыя государственныя стремленія. Наученный примѣромъ Новгородцевъ смотрѣть на церковныя владѣнія, какъ на одно изъ лучшихъ средствъ къ покрытію свѣтскихъ потребностей, Иванъ Васильевичъ задумалъ уже прямо отъ себя попользоваться Новгородскою церковною землею. Неизвѣстно, какой былъ ближайшій поводъ къ этой новой секуляризаціи духовныхъ владѣній. Неволинъ, а за нимъ и г. Павловъ склонны думать, что новгородская душа сфальшивила, что, выпросивъ у великаго князя льготу отъ московскихъ писцовъ и даньщиковъ, Новгородцы произвели какъ вообще описаніе земель, такъ и въ частности отводъ половины владычнихъ и монастырскихъ волостей неправильно и тѣмъ самымъ сдѣлали новый пересмотръ дѣла неизбѣжнымъ: но твердыхъ историческихъ данныхъ въ пользу этого предположенія никакихъ нѣтъ [1]). Какъ бы то ни было, только несомнѣнно, что вторичная секуляризація новгородскихъ церковныхъ владѣній была не мѣрою, принятою, какъ сообщаетъ лѣтопись, въ 1499 году по благословенію митрополита Симона [2]), а скорѣе медленнымъ процессомъ, который шелъ по пятамъ за описаніемъ Новгородской земли московскими писцами, начавшимся, какъ извѣстно, въ 1491 и 1492 гг. [3]). По крайней мѣрѣ дошедшая до насъ писцовая книга Деревской пятины 1495—1496 годовъ показываетъ ясно, что во время ея составленія секуляризація новгородскихъ церковныхъ земель уже совершалась. Противоположно первой, эта вторичная секуляризація распространялась не на одни только богатѣйшіе монастыри, но одинаково и на менѣе значительные и даже на церкви. Изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ видно, что въ числѣ княжескихъ волостей въ это время являлось уже много земель, которыя прежде принадлежали не только шести главнѣйшимъ новгород-

[1]) *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, стр. 11; *Павловъ*, Историческій очеркъ секуляризаціи, стр. 34—35.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 271, 1499 г.: «Генваря поималъ князь великой въ Новѣгородѣ вотчины церковные и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстье, монастырскіе и церковные, по благословенію Симона митрополита».

[3]) *Неволинъ* въ *Зап. Р. Г. Общ.*, VIII, стр. 11.

скимъ монастырямъ, но и такимъ изъ нихъ, какими были, напримѣръ, Хутынскій, Ильинскій, Щиловъ, и даже церквямъ, какъ напримѣръ, Покрова и св. Никиты [1]). Можно не безъ основанія думать, что пріобрѣтеніе, сдѣланное великимъ княземъ, было въ этотъ разъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ первый. Но дѣло на этомъ еще не остановилось. Около того же вѣроятно времени было запрещено Новгородскому владыкѣ и монастырямъ увеличивать количество своихъ земель куплею и чрезъ отказы на поминъ души [2]). А въ 1586 году, по распоряженію московскаго правительства, были отписаны у всѣхъ новгородскихъ (городскихъ) монастырей и церквей около городныя пожни и только затѣмъ уже переданы въ руки прежнихъ владѣльцевъ, но не иначе какъ подъ условіемъ платежа аренды, сообразной со стоимостью каждой пашни. Неудовольствіе, которое возбуждали въ духовенствѣ всѣ эти вторженія въ ихъ права собственности, отражается ясно и на словахъ лѣтописца, сообщающаго, что послѣдняя мѣра принята была „по оклеветанію нѣкоего лукава и безумна человѣка“ [3]).

Попытки секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великомъ Новгородѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ носили чисто мѣстный характеръ и не могли дать прочныхъ средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Естественно поэтому, что окрыленное своими первыми удачами, государство стало стремиться къ секуляризаціи, какъ общей для всей страны мѣрѣ. Такое стремленіе казалось тѣмъ осуществимѣе, что не только ученіе новгородскихъ еретиковъ распространяло въ обществѣ неблагопріятныя для монастырей воззрѣнія, но и въ средѣ самой православной церкви существовала нѣкоторая доля духовенства, относившаяся сочувственно къ отобранію монастырскихъ имуществъ. Мы разумѣемъ именно партію нестяжателей Паисія Ярославова и Нила Сорскаго. Прошедши на Аѳонѣ суровую

---

[1]) *Неволинъ* въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прил. стр. 190, 191, 192, 195, 196, 229.

[2]) А. А. Э., I, 346, 1575—1584 г.: «да грамота жаловалная Генадью архіепископу на села и на дворы, да въ той же грамотѣ, что ему земель не купити»... Тамъ же, I, 269, 1556 г., сравнит. съ Павлова, Ист. Очерк. секуляр., стр. 36.

[3]) П. С. Р. Л., VI, 299, 1536 г.: «а повелѣ (Иванъ IV) пожни у всѣхъ монастырей отписати около всего града (Новгорода) и у церквей Божіихъ во всемъ градѣ и давати ихъ въ бразгу, что которая пожня стоитъ, тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ; а се учинилось по оклеветанію нѣкоего лукава и безумна человѣка». О словѣ «бразга» см. *Амвросія*, И. Р. Г., V, 410, 1617 г. и *Неволинъ*, въ *З. Р. Г. Общ.*, VIII, прилож. стр. 53.

школу аскетизма, Нилъ Сорскій не могъ не замѣтить въ тогдашней Руси отсутствія строгаго иноческаго житія, только причины этого явленія искалъ не столько въ отсутствіи опредѣленнаго устройства въ монастыряхъ, какъ Іосифъ Волоцкій, сколько въ обладаніи монастырями большими поземельными владѣніями. Монастырскія имѣнія отвлекали, по его мнѣнію, иноковъ отъ ихъ настоящаго назначенія. Въ видахъ исключительнаго сосредоточенія на интересахъ спасенія своей души, монахи отрекаются отъ міра и даютъ обѣтъ нестяжательности; а тутъ имѣнія снова влекутъ ихъ въ міръ, заставляютъ сноситься съ мірянами, вести съ ними даже тяжбы и т. п. [1]). Единственнымъ выходомъ изъ этого противорѣчія для Нила Сорскаго являлось отреченіе монастырей отъ ихъ поземельныхъ владѣній. Такое убѣжденіе легко свело Нила Сорскаго съ Иваномъ III и вотъ по окончаніи собора на вдовыхъ поповъ, когда уже нѣкоторые изъ его членовъ, въ томъ числѣ и Іосифъ Волоцкій, успѣли разъѣхаться, неожиданно положено было быть собору о церковныхъ владѣніяхъ [2]). Какъ поставленъ былъ вопросъ на соборѣ, рѣшить довольно трудно. Г. Павловъ полагаетъ, что проектъ отобранія поземельныхъ владѣній распространялся не только на монастыри, но и на епископовъ; однако намъ это предположеніе кажется не совсѣмъ доказаннымъ [3]). Правда, въ соборномъ докладѣ великому князю по дѣлу о секуляризаціи говорится одинаково какъ о монастыряхъ, такъ и о святителяхъ; но независимо отъ разныхъ другихъ побужденій, соборъ могъ намѣренно ввести святителей въ свои разсужденія и доклады съ тою цѣлію, чтобы просто усложнить и затруднить рѣшеніе дѣла [4]). Но и признавъ, что монастырскія имѣнія были единственнымъ предметомъ разсужденій собора, мы тѣмъ еще не исчерпываемъ всѣхъ нашихъ недоумѣній. На какихъ условіяхъ хотѣлъ великій князь ото-

---

[1]) Преданіе Нила Сорскаго, стр. 201; *Приб. къ твор. св. от.*, X, 510: «Паки бо, аки міряне, сихъ ради (т. е. имѣній) молвяще и крамолующе съ міряны и съ собою, судіи обходящимъ имъ и тяжущимъся».

[2]) *Прав. Собесѣд.* 1863 г., III, 206: «Іосифъ: о еже кого въ второе (на десять, т. е. 7012?) лѣто к. в. Иванъ Васильевичъ всея Россіи велѣлъ быти на Москвѣ святителемъ и Нилу и Іосифу, поповъ ради, иже дружаху наложницы, паче же рѣщи: въсхотѣ села у св. церквей и у монастырей».

[3]) Ист. Оч. секуляр., стр. 48—49.

[4]) *Павловъ*, Ист. Оч., 42: «Такожъ и въ нашихъ Руссійскихъ странахъ... святители и монастыри грады и власти и села держали»...

брать имѣнія у монастырей? Тотъ же почтенный изслѣдователь думаетъ, что Иванъ III предлагалъ духовенству какую-либо добровольную сдѣлку, въ родѣ, напримѣръ, той, чтобы монастыри за отреченіе отъ своихъ землевладѣльческихъ правъ согласились получать изъ казны великаго князя ежегодную денежную или хлѣбную ругу. Но намъ такое предположеніе представляется совсѣмъ несогласнымъ съ тогдашними обстоятельствами. Если уже великій князь своимъ собственнымъ служилымъ людямъ платилъ жалованье землями, то какъ могъ онъ принять на себя еще содержаніе множества монаховъ? Такимъ образомъ ничего не остается, какъ признать, что на соборѣ дѣло шло не менѣе, какъ о полученіи великимъ княземъ согласія со стороны духовенства на безусловную передачу въ его руки монастырскихъ поземельныхъ владѣній, безъ точнаго, впрочемъ, обозначенія ихъ количества. Съ такимъ заключеніемъ согласуется какъ ходъ преній на соборѣ, такъ и первоначальное заявленіе, сдѣланное Ниломъ Сорскимъ и поддержанное другими заволжскими пустынниками. Нилъ Сорскій требовалъ именно на соборѣ, чтобъ у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились своимъ рукодѣліемъ [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ о поземельныхъ монастырскихъ имѣніяхъ не безъ задней цѣли былъ возбужденъ именно въ то время, когда главнаго бойца въ рядахъ противоположной партіи уже не было на лицо въ Москвѣ. Но этотъ пріемъ не принесъ никакой пользы противникамъ монастырскихъ имуществъ. Какъ скоро только члены собора заслышали о дѣлѣ такой важности, какъ тотчасъ же поспѣшили воротить вновь въ Москву старца Іосифа, расчитывая не безъ основанія, что безъ него соборъ не услышитъ многихъ мудрыхъ соображеній [2]). Соображенія, представленныя Іосифомъ, были по тому времени дѣйствительно и важны, и практичны. Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, и въ воззрѣніи на монастырскія владѣнія старецъ Іосифъ представлялъ полную противоположность со старцемъ Ниломъ. Не смотря на свой строгій подвижниче-

---

[1]) *Приб. къ твор. св. от.*, X, 505: «И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ (говоритъ Вотмицкій архим. Вассіанъ) и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ: а съ нимъ пустынники Бѣлозерскіе».

[2]) *Приб. къ твор. св. от.*, X, 510.

скій характеръ, не дозволявшій ему никакъ мириться съ соблазнительнымъ житьемъ-бытьемъ тогдашнихъ монаховъ, Іосифъ Волоцкій не видѣлъ въ монастырскихъ имѣніяхъ не только противорѣчія съ монашескимъ обѣтомъ нестяжательности, но даже и простой помѣхи къ осуществленію монашескаго призванія. Прежде всего, въ защищаемой имъ монастырской общинѣ все богатство принадлежало самому монастырю, какъ учрежденію, и ничего — лично монахамъ [1]). А затѣмъ, при общежительномъ устройствѣ, поземельныя владѣнія, по его мнѣнію, не только не вредили чистотѣ монашеской жизни, но даже немало содѣйствовали ея возвышенію. Они создавали для монастырей возможность удовлетворять ихъ истинному назначенію, давали имъ средства не только оказывать широкія благодѣянія бѣдному люду въ тяжкія для него годины, но и служить умственными свѣтильниками, приготовлять для народа достойныхъ духовныхъ пастырей [2]). Мнѣніе Іосифа Волоцкаго и на этотъ разъ восторжествовало на соборѣ: большинство высказалось за удержаніе монастырскихъ имѣній и въ этомъ смыслѣ составило соборный докладъ великому князю. „По уставамъ св. отецъ, равноапостольныхъ князей и священныхъ соборовъ, греческихъ и русскихъ“, гласилъ соборный отвѣтъ,—„святители и монастыри держали и держатъ земли, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ... И мы, смиренніи сія ублажаемъ, похваляемъ и содержимъ“ [3]). Въ виду такого рѣшительнаго отпора, Иванъ III не рѣшился настаивать дальше на своихъ притязаніяхъ, и дѣло такимъ образомъ могло считаться законченнымъ для духовенства довольно счастливо. Но не смотря на то, возможность возобновленія такихъ замысловъ, удручала святителей столь сильно, что они считали не лишнимъ принять противъ нихъ и свои предупредительныя мѣры. Съ этою цѣлію въ новгородскій чинъ православія, возглашаемый ежегодно на первой недѣлѣ великаго поста, еще до 1503 года внесено было слѣдующее анаѳематствованіе: „Вси начальствующіи и обидящіи святыя Божія церкве и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и виноградy, аще не престанутъ отъ такового начинанія, да будутъ

[1]) Минеи Четіи, сент., стр. 523 — 524: «Хотяй сподобитися божественныя благодати въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ, долженъ есть имѣти совершенное нестяжаніе и христолюбивую нищету... и ничто же имѣти или помышляти свое, но все—монастырское».

[2]) *Приб. къ твор. св. от.*, X, 510. Тамъ же, X, 505.

[3]) *Павловъ*, Ист. Оч., 47.

проклятіи". Другія епархіи не только слѣдовали примѣру Великаго Новгорода, но и старались еще придать своимъ анаѳематствованіямъ болѣе внушительный характеръ. Въ ростовскомъ чинѣ православія 1642 г., напримѣръ, противъ анаѳемы „на обидящихъ святыя Божія церкви и монастыри" сдѣлана особая замѣтка для протодіакона: „Возгласи вельми"[1]).

[1]) *Павловъ*, Ист. Оч., 51.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода.

Касаясь Якимовской лѣтописи, Карамзинъ (И. Г. Р., I, прим. 463) замѣтилъ, что «изъ всѣхъ сказаній мнимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о введеніи христіанской вѣры въ Новѣгородѣ». Вотъ это любопытнѣйшее сказаніе, какъ оно напечатано у Татищева, Росс. Ист., I, 38—40: «М. Въ Новѣгородѣ людіе увѣдавше, еже Добрыня идетъ креститися, учиниша вече и закляшася всѣ не пустити во градъ, и не дати идолы опровергнути и егда пріидохомъ, они розметавше мостъ великій, изыдоша со оружіемъ, и аще Добрыня прельщеніемъ и лагодными словы увѣщевая ихъ, обаче они ни слышати хотяху, и вывесше два порока великіе со множествомъ каменія поставиша на мосту, яко на сущіе враги своя, вышшій же надъ жрецы Словянъ Богомилъ, сладкорѣчія ради нареченъ Соловей, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхомъ на Торговой сторонѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово крестное, яко апостолъ реклъ, явися безуміемъ и обманомъ. И тако пребыхомъ два дни нѣколико сотъ крестя. Тогда тысяцкій Новогородскій Угоняй, ѣздя всюду вопилъ: лучше намъ помрети, неже боги наша дати на поруганіе. Народъ же оныя стороны разсвирѣпѣвъ, домъ Добрынинъ розсориша, имѣніе разграбиша, жену и нѣкіихъ отъ сродникъ его избиша. Тысяцкій же Владимировъ Путята, яко мужъ смысленый и храбрый, уготовавъ лодія, избравъ отъ Ростовцевъ пять сотъ мужей, нощію перевезеся выше града на ону сторону, и вшедъ во градъ никому же пострегшу; вси бо видѣвши чаяху своихъ воевъ быти. Онъ же дошедъ до двора Угоняева, онбго и другихъ преднихъ мужей ятъ, и абіе посла къ Добрынѣ за рѣку Людіе же стороны оныя услышавше сіе, собрашася до пяти тысящъ, оступиша Путяту и бысть между ими сѣча зла. Нѣкіе шедше церковь Преображенія Господня разметаша, и домы христіанъ грабляху. На разсвѣтаніи Добрыня

со всѣми сущими при немъ приспѣ и повелѣ у брега нѣкіе домы зажещи, чимъ люди паче устрашены бывше, бѣжаху огнь тушити и абіе преста сѣчь. Тогда предніе мужи пришедше къ Добрынѣ просиша мира. N. Добрыня же собра вои, запрети грабленіе, и абіе идолы сокруши, древяннія сожгоша, а каменнія изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика. Мужіе и жены видѣвше тое съ воплемъ великимъ и слезами просяще за ны, яко за сущіе ихъ боги. Добрыня же насмѣхаяся имъ вѣща: что безумніи сожалѣете о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ: кую пользу вы отъ нихъ чаять можете! и посла всюду объявляя чтобы шли ко крещенію. Воробей же посадникъ сынъ Стояновъ, иже при Владимирѣ воспитанъ, и бѣ вельми сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща. Идоша мнози, а не хотящихъ креститися воини влачаху и крещаху мужи выше моста, а жены ниже моста. Тогда мнозіи некрещеніи повѣдаху о себѣ крещенными быти, того ради повелѣхомъ всѣмъ крещеннымъ кресты на шеѣ, ово деревянны, ово мѣдяны и каперовы (сіе видится греческое оловянны испорчено) ни вью возлагати, а иже того не имуть, не вѣрити и крестити, и абіе розметанную церковь паки сооружихомъ, и тако крестя Путята, иде ко Кыеву. Село дѣля людіе поносятъ Новгородцевъ: Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ».

Но указавъ на интересъ, представляемый сказаніемъ Якимовской лѣтописи, знаменитый исторіографъ счелъ нужнымъ прибавить: «Жаль, что оно выдумка, единственно основанная на старинной пословицѣ: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Дѣйствительно, разбирая сказаніе Якимовской лѣтописи, мы не можемъ не признать, что оно даетъ одинаково ложное понятіе какъ о характерѣ древнѣйшаго быта Великаго Новгорода вообще, такъ и о самомъ событіи крещенія его въ частности. Картина состоянія древняго Новгорода, получаемая изъ сказанія, является не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ частію чистой фантазіи, частію же невѣжественнаго перенесенія фактовъ позднѣйшаго времени въ сѣдую древность. Такъ изъ Якимовской лѣтописи мы узнаемъ, что независимо отъ княжескихъ чиновъ, какими нужно считать посадника Добрыню и временно бывшаго въ Новгородѣ тысяцкаго Путяту, тамъ были уже въ X столѣтіи и свои мѣстные, отличные отъ княжескихъ чины, свои посадники и тысяцкіе. Къ числу ихъ нужно отнести тысяцкаго Угоняя и посадника Воробья. Послѣдній, правда, не названъ прямо Новгородскимъ, но это ясно видно изъ того обстоятельства, что въ Новгородѣ присутствовалъ княжескій посадникъ Добрыня, и что мнимый Іоакимъ считалъ нужнымъ объяснять расположеніе Воробья къ христіанству предварительнымъ воспитаніемъ его при дворѣ Владиміра. Но кто привыкъ относиться сколько-нибудь непредубѣжденно къ Новгородской старинѣ, тотъ сей часъ же замѣтитъ, что ни какихъ подобныхъ народныхъ чиновъ въ Новгородѣ при Владимірѣ сввятомъ быть не могло, что всѣ они образовались значительно позже и притомъ не иначе, какъ изъ княжескихъ. Еще рѣзче и нагляднѣе ложность Якимовскаго отрывка сказывается въ представленіи нѣкоторыхъ частныхъ чертъ Новгородскаго быта. Отрывокъ разказываетъ, напримѣръ, что язычники для вящей обороны вывезли на мостъ два большіе порока и начали бросать изъ нихъ каменья на просвѣтителей, какъ на своихъ заклятыхъ враговъ. Но при повѣркѣ оказывается, что ничего подобнаго быть не могло, такъ какъ упо-

требленія пороковъ Новгородцы въ то время еще не знали и начали, какъ показываютъ свидѣтельства иноземцевъ, учиться искусству строить метательныя машины и обращаться съ ними только въ XIII столѣтіи (Script. Rer. Liv., I, 104, 1206 г.). Далѣе. Говоря о сторонахъ, на которыя Новгородъ раздѣлялся рѣкою Волховомъ, отрывокъ называетъ одну изъ нихъ Торговою, а другую, Софійскую, «оною строною». Но такія наименованія мы врядъ ли услышали бы, если бы писавшій сказаніе былъ дѣйствительно знакомъ съ топографіей древняго Новгорода. Оною строной Софійская сторона въ Новгородѣ никогда не называлась; напротивъ это была для Новгородцевъ «си сторона». «Онъ полъ» было собственно первоначальное названіе для Торговой стороны, которое сохранялось еще долго въ названіи жителей послѣдней они половцами (П. С. Р. Л., III, 3, 1093 г.; 4, 1113 г.).

Не менѣе ложнымъ является и представленіе самаго процесса обращенія Новгородцевъ въ христіанство. Сказаніе сообщаетъ намъ, что въ Новгородѣ было не только жреческое званіе, но и что жрецы имѣли своего рода организацію, что на челѣ новгородскаго жречества стоялъ жрецъ Богомилъ, прозванный за сладкорѣчіе Соловьемъ. Но достаточно самаго бѣглаго знакомства съ новгородскою исторіей, чтобы видѣть, что въ этихъ сообщеніяхъ мы имѣемъ предъ собою не дѣйствительные историческіе факты, а только цѣпь умозаключеній ученаго автора, а именно: если было—а это несомнѣнно—язычество въ Новгородѣ, то были и жрецы, а если были жрецы, то они должны же были имѣть и какое-либо начальство. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ отрывокъ передавалъ дѣйствительность, а не вымыселъ, то между лицами, отъ которыхъ шло противодѣйствіе, мы увидѣли бы не жрецовъ, а волхвовъ, какъ это и случалось на Руси не разъ при столкновеніяхъ язычества съ христіанствомъ. Затѣмъ, изъ сказанія мы узнаемъ, что рядомъ съ такимъ развитымъ язычествомъ въ Новгородѣ существовало уже и христіанство, и что послѣдователи его не только наслаждались благами новой религіи въ тиши, но и публично отправляли богослуженіе, соорудивъ себѣ для этой цѣли храмъ Спаса Преображенія. Теоретически, конечно, было бы довольно трудно отрицать возможность присутствія въ Новгородѣ христіанъ. Но въ исторіи идетъ дѣло не о возможности, а о дѣйствительности. А въ этомъ отношеніи сказаніе представляетъ самую явную несообразность. Оно упоминаетъ о церкви Спаса Преображенія, говоритъ даже, что послѣ разрушенія язычниками она была вновь возстановлена. Но странное дѣло: по Якимовской лѣтописи церковь Спаса Преображенія, является первою въ ряду новгородскихъ христіанскихъ храмовъ, а между тѣмъ другіе новгородскіе памятники не только не сохранили о ней никакихъ воспоминаній, но даже не представляютъ никакихъ указаній на то, чтобы въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ вплоть до XV столѣтія вообще существовала хоть какая-либо церковь во имя Спаса Преображенія. Нѣтъ основанія объяснять это исчезновеніе церкви Спаса Преображенія и въ памяти, и въ жизни небреженіемъ Новгородцевъ, такъ какъ извѣстно, что они всегда усердно поддерживали свой исторически первый христіанскій храмъ, церковь св. Іоакима и Анны. Остается, слѣдовательно, предположить одно, то именно, что церкви Спаса Преображенія, о которой говоритъ Якимовская лѣтопись, никогда и не существовало. Къ этимъ соображеніямъ, могущимъ дать понятіе, съ какого

рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло въ Якимовской лѣтописи, присоединимъ еще одно. Якимовская лѣтопись разказываетъ, что разсвирѣпѣвшій вслѣдствіе религіозной пропаганды народъ разрушилъ домъ Добрыни и избилъ его жену и нѣкоторыхъ изъ сродниковъ. Со стороны язычниковъ это совершенно понятно; но не понятно, какимъ образомъ Добрыня, взявъ на себя трудное дѣло обращеніе Новгородцевъ въ христіанство, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобъ обезопасить по крайней мѣрѣ свою собственную семью отъ возможныхъ насилій?

II.

Замѣтка о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ.

Нѣкоторые историки, какъ, напримѣръ, гг. Соловьевъ (Ист. Рос., I, 4-е изд., 185—186) и Костомаровъ (Сѣв.-Русск. Нар.-Пр., I, 36—37) считаютъ себя въ правѣ признавать не одну, а двѣ проповѣди христіанства въ Новгородѣ. Мнѣніе свое они основываютъ частію на сказаніи мнимаго Іоакима, частію же на свидѣтельствѣ Никоновской лѣтописи. Мы уже говорили, на сколько вообще основательно довѣрять сказанію Іоакима, и потому считаемъ излишнимъ касаться въ другой разъ той же матеріи. Замѣтимъ только, что въ сказаніи Іоакима нѣтъ прямаго указанія на двукратную проповѣдь, и что, откося полное обращеніе Новгородцевъ ко временамъ митрополита Михаила, оно находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ Никоновской лѣтописью, которая приписываетъ это дѣло уже митрополиту Леонтію. Что же касается Никоновскаго свода, то онъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ свидѣтельства, которыя могутъ дать поводъ думать о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ, а именно:

П. С. Р. Л., IX, 64, 990 г.: «Иде Михаилъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси въ Новгородъ Великій, съ епископы Фотѣя патріарха... и з Добрынею дядею Володимеровымъ и съ Анастасомъ, и идолы сокруши и многія люди крести, и церкви въздвиже, и пресвитеры постави по градомъ и селомъ».

П. С. Р. Л., IX, 64—65, 992 г.: «въ Кіевѣ Леонтомъ митрополитомъ всея Руси, Новугороду Великому и Пскову поставленъ бысть епископъ Іоакимъ Корсунянинъ; и пріиде къ Новугороду, и достолная требища разори, и идолы сокруши, и Перуна разсѣче, и въ Волховъ вверже».

Мы сказали, что эти извѣстія могутъ дать поводъ думать о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ; но это еще не значитъ, что они дѣйствительно даютъ. Собственно говоря, оба эти извѣстія передаютъ одно и то же событіе, только происходятъ изъ различныхъ источниковъ: первое изъ тѣхъ памятниковъ, которые считаютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила и потому естественно пріурочиваютъ къ нему и крещеніе Новгорода, а второе—изъ тѣхъ, которые называютъ первымъ митрополитомъ Леонтія. Встрѣтившись съ этимъ противорѣчіемъ и не имѣя силы разрѣшить его, компиляторъ Никоновскаго свода кончилъ тѣмъ, что призналъ двѣ проповѣди христіанства въ Новгородѣ, приписавъ Михаилу начало, а Леонтію окончаніе уничтоженія

язычества въ Новгородѣ. Такимъ образомъ поступалъ компиляторъ Никоновскаго свода не въ одномъ только данномъ случаѣ. На самыхъ первыхъ страницахъ Никоновской компиляціи есть двѣ весьма различныя статьи о нашествіи Русскихъ на Царьградъ, которыя также могутъ подать поводъ думать о двухъ совершенно различныхъ событіяхъ. Но при повѣркѣ оказывается, что обѣ статьи въ сущности говорятъ объ одномъ и томъ же, только первая (П. С. Р. Л., IX, 7) составлена по хронографу съ прибавленіемъ именъ Аскольда и Дира, а вторая (П. С. Р. Л., IX, 9 866 г.) — по Повѣсти временныхъ лѣтъ (*А. Попова*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. II, стр. 50, 54).

III.

Объ основаніи Ярославомъ училища въ Новгородѣ.

Между учеными, защищающими мнѣніе, что, отдавая 300 человѣкъ изъ новгородскаго юношества учиться книгамъ, Ярославъ имѣлъ въ виду не просто приготовленіе къ священству, а формальное заведеніе училища вообще для распространенія образованія, нѣкоторою обстоятельностью отличаются гг. Лавровскій и Владимірскій-Будановъ. Такъ какъ однако въ фактической своей части г. Владимірскій-Будановъ опирается вездѣ на г. Лавровскаго (Журн. Мин. Нар. Пр., за 1873 г., ноябрь, стр. 37, окт., стр. 213), то по этой причинѣ мы позволимъ себѣ остановиться исключительно на одномъ послѣднемъ. Какъ оно и совершенно естественно, приписывая Ярославу учрежденіе училища въ Новгородѣ, г. Лавровскій прежде всего старается оправдать возможность подобной мѣры, выставить ея полное согласіе съ господствовавшими въ то время условіями. Въ этихъ видахъ онъ признаетъ, что вообще училища существовали въ Новгородѣ, не только при Ярославѣ, но даже еще и раньше. Къ сожалѣнію, доказательства, которыя г. Лавровскій приводитъ въ пользу своего мнѣнія, далеко не соотвѣтствуютъ важности выставленныхъ имъ положеній. Въ основѣ ихъ скрывается не болѣе, какъ только одно простое злоупотребленіе древнимъ словомъ «учити», стремленіе насильно вложить въ это слово смыслъ, свойственный нашему времени. Такъ, существованіе училищъ въ Новгородѣ до Ярослава г. Лавровскій старается доказать извѣстіемъ, помѣщеннымъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ подъ 1030 годомъ и гласящимъ: «преставися Акимъ Новгородскій и бяше ученикъ его Ефремъ, же ны учаше». Г. Лавровскій разсуждаетъ именно, что тутъ никакъ нельзя разумѣть ученія въ смыслѣ поученія, проповѣди. Такое качество составляло, по его мнѣнію, обязанность каждаго священника, и потому если лѣтописецъ упоминаетъ объ учительской дѣятельности Ефрема, то единственно съ спеціальною цѣлію выставить его педагогическіе труды. Не даромъ же и у Татищева говорится: «и бѣ ученикъ его Ефремъ, который насъ училъ греческому языку» (О древне-русскихъ училищахъ, 34). Толкованіе это однако совершенно ложно. Лѣтописецъ если и выставляетъ на видъ въ особенности учительный характеръ Ефрема, то совсѣмъ не потому, чтобы разумѣлъ подъ нимъ его педагогическую дѣятельность, а потому что не могъ выставить его святительскаго характера, такъ какъ Ефремъ не былъ посвященъ во владыки. Все это до очевидности ясно

изъ П. С. Р. Л. III, 179, 210, и если г. Лавровскій предпочитаетъ ограничиваться краткимъ свидѣтельствомъ росписи Новгородскихъ владыкъ и первой Софійской лѣтописи, то этимъ онъ безъ всякаго основанія только самъ себѣ закрываетъ глаза, такъ какъ историческое достоинство всѣхъ этихъ памятниковъ совершенно одинаково. Что же касается до Татищева, то, въ виду представленнаго нами разъясненія, извѣстіе его можетъ служить только наглядньшъ примѣромъ, какъ мало вообще можно довѣрять Россійской Исторіи въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она сообщаетъ новыя данныя. Подобнымъ образомъ мы должны признать совершенно ложными и соображенія г. Лавровскаго, имѣющія цѣлію доказать существованіе училищъ во времена самого Ярослава. Читая въ Лаврентьевской лѣтописи про Ярослава, что тотъ сооружалъ церкви, «поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ», г. Лавровскій и здѣсь подъ словами «учити люди» вмѣсто христіанскаго просвѣщенія разумѣетъ обученіе грамотѣ и потому считаетъ себя въ правѣ говорить чутьли не о повсемѣстномъ распространеніи образованія на Руси при Ярославѣ (тамъ же, стр. 35—37). Но очевидно, что и тутъ дѣло представляется ему совершенно превратно. Если бы лѣтописецъ разумѣлъ подъ словами «учити люди» распространеніе грамотности, то онъ не могъ-бы сказать въ то же самое время, что эта обязанность возложена на духовенство самимъ Богомъ. Возложенную Богомъ на духовенство обязанность лѣтописецъ могъ видѣть единственно въ просвѣщеніи паствы свѣтомъ христіанской вѣры (Ср. Лѣт. по Лавр. сп., 149, 1037, съ Лѣт. по Ипат. сп., 107, 1037 г.).

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ собственно подлежащихъ спору мѣръ Владиміра и Ярослава, г. Лавровскій, противоположно г. Соловьеву, возмущается въ мнѣніи Неймана не столько тѣмъ, что тотъ видѣлъ въ разсматриваемыхъ мѣрахъ одно приготовленіе къ священству, сколько тѣмъ, что онъ отказался считать ихъ за учрежденіе Владиміромъ и Ярославомъ училищъ. Возраженіе свое противъ первой половины мнѣнія Неймана г. Лавровскій ограничиваетъ однимъ замѣчаніемъ, что при Владимірѣ и Ярославѣ дѣло шло не только о приготовленіи однихъ священниковъ, но одинаково и другихъ лицъ причта (О древне-русск. уч., стр. 27—28). Но по нашему крайнему разумѣнію, это замѣчаніе должно считаться не опроверженіемъ, а скорѣе подтвержденіемъ мнѣнія Неймана. Что же касается до второй половины, то г. Лавровскій удивляется, почему нельзя назвать училищемъ мѣстъ, куда было собрано правительствомъ для обученія значительное количество учениковъ. Развѣ мы не называемъ въ настоящее время училищами мѣстъ, гдѣ дѣти духовнаго званія приготовляются къ своимъ будущимъ обязанностямъ? Развѣ не называла въ XVI вѣкѣ образованнѣйшая часть русскаго духовенства училищами мѣста, назначенныя въ древнее время для обученія? Развѣ мы не читаемъ въ Стоглавѣ, гл. 25: «а преже сего въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ градамъ многія училища бывали»? (тамъ же, стр. 27—29). Намъ кажутся однако и эти соображенія далеко недостаточными. Г. Лавровскій сколько можно заключить изъ его словъ, кажется, полагаетъ, что всѣ 300 человѣкъ были собраны для посвященія ихъ въ книжное ученіе, въ одно мѣсто. Но Татищевъ, на котораго разбираемый авторъ такъ любитъ ссылаться въ

другихъ случаяхъ, по поводу мѣропріятія Владиміра, говоритъ только о распредѣленіи юношества по церквамъ у священниковъ и причетниковъ. Сообщеніе Татищева не болѣе, какъ догадка, но она подтверждается позднѣйшими данными о способѣ приготовленія священства какъ на Руси вообще, такъ въ частности и въ Великомъ Новгородѣ. Главное же—училищее сть учрежденіе, которому свойственъ извѣстный постоянный характеръ. А всѣ обстоятельства говорятъ противъ того предположенія, что Ярославова мѣра имѣла не временное только, а постоянное значеніе. Потребность въ священнослужителяхъ могла быть неотступною только на самыхъ первыхъ порахъ христіанства; какъ скоро новая религія успѣла нѣсколько утвердиться, какъ тотчасъ же ряды духовенства стали пополняться сами собою, частными усиліями. А затѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы, чтобы даже въ позднѣйшее время свѣтскія и церковныя власти выражали какія-либо заботы объ учрежденіи и поддержаніи училищъ въ Новгородѣ. Правда, лѣтопись сообщаетъ что въ 1341 году княжичъ Михаилъ Александровичъ Тверской пріѣхалъ къ Новгородскому владыкѣ, своему крестному отцу, учиться грамотѣ. Но очевидно, главную роль играло тутъ не существованіе въ Новгородѣ какой-либо школы, а единственно личность владыки Василія, который пользовался въ Твери ученою репутаціей, быть можетъ благодаря своему посланію къ Тверскому епископу о раѣ. Правда и то, что Стоглавъ указываетъ на существованіе многихъ училищъ на Руси, въ томъ числѣ и въ Новгородѣ. Свидѣтельство его дѣйствительно любопытно, но только въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ ясно, какъ мало знали отцы собора исторію своей родины. Въ концѣ XV столѣтія Геннадій бывшій Новгородскимъ архіепископомъ и имѣвшій слѣдовательно всѣ средства знать положеніе дѣлъ въ Великомъ Новгородѣ, жалуется на совершенное отсутствіе тамъ училищъ и требуетъ ихъ заведенія; а въ XVI вѣкѣ Московскій соборъ вдругъ начинаетъ увѣрять насъ, что въ старину въ Новгородѣ были многія училища! Примѣръ этотъ въ своемъ родѣ не единственный. Доказывая право Московскаго митрополита носить бѣлый клобукъ, отцы собора 1564 года ссылались также на небывалый фактъ, что якобы бѣлый клобукъ носили уже первые Московскіе святители. Но другой соборъ, 1667 года, произнесъ надъ ними суровый приговоръ, сказавъ, что авторитетъ, которому они слѣпо слѣдовали, иконописцы, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

IV.

Уставъ 1137 года о десятинѣ и его толкованія.

Изъ лицъ, касавшихся новгородскаго десятиннаго устава 1137 года, особенное вниманіе посвятили ему г. Кавелинъ и преосвященный Филаретъ. Убѣжденіе, къ которому пришелъ изъ изученія устава г. Кавелинъ, выражено имъ въ рецензіи на трудъ Лакіера (Сочиненія, III, 29—30) и заключаетъ въ себѣ два положенія, оба, къ сожалѣнію ,несправедливыя. Согласно съ первымъ изъ нихъ, десятина, опредѣленная первоначально съ княжеской дани, переведена была яко бы еще до Святослава на виры и продажи. Мы однако не

только ничего не знаемъ объ этомъ переводѣ, но страннымъ образомъ въ самомъ уставѣ Святослава встрѣчаемъ указанія на десятину не только отъ виръ и продажъ, но одинаково и отъ даней. Согласно со вторымъ, затрудненія, созданныя этимъ переводомъ, состояли въ томъ, что, съ одной стороны, князь, принужденный отдавать виры на вооруженіе войска, долженъ былъ восполнять недочетъ, производимый въ нихъ отдѣленіемъ десятины, изъ иныхъ источниковъ, а съ другой, и владыка не находилъ для себя удобнымъ, что размѣръ десятины опредѣлялся не врами и продажами, а данію. Намъ кажется однако, что затрудненія эти не болѣе, какъ плодъ воображенія, или лучше, неяснаго представленія дѣла. Переводъ десятины съ дани на виры и продажи былъ въ сущности, по г. Кавелину, не чѣмъ инымъ, какъ простою перемѣной въ названіи, а такая перемѣна не могла создать не для одной стороны никакихъ дѣйствительныхъ затрудненій. — Болѣе яснымъ, но также не выдерживающимъ критики является мнѣніе объ измѣненіяхъ въ новгородской десятинѣ, высказанное преосвященнымъ Филаретомъ. По словамъ послѣдняго, неудобства первоначальнаго устава о десятинѣ заключались въ томъ, что десятина сбиралась въ началѣ произведеніями земли (Ист. Русск. Ц., пер. I, изд. 4, стр. 122), и что поэтому возникала трудность опредѣлять, что̀ слѣдуетъ князю и что̀ каѳедрѣ, и доставлять хлѣбъ то князю, то владыкѣ, при чемъ неизбѣжны были ссоры между служителями князя и епископа, взаимныя подозрѣнія и обиды (тамъ же, пер. I, прим. 332). Замѣнивъ эту дань естественными произведеніями извѣстною денежною суммою, князь Святославъ навсегда устранилъ всѣ эти затрудненія. Повторяемъ, мнѣніе преосвященнаго Филарета отличается сравнительно гораздо большою ясностью; но за то оно расходится съ подлиннымъ смысломъ Святославова устава. Вопервыхъ, уставъ 1137 года ясно говоритъ, что источникъ затрудненій скрывался не въ томъ, что десятина собиралась естественными произведеніями, а въ томъ, что князь «толико отъ виръ и продажъ десятины зрѣлъ, олико данiй въ руцѣ княжи и въ клѣть его». Вовторыхъ, если затрудненія касались виръ и продажъ, то очевидно, совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи о естественныхъ произведеніяхъ, такъ какъ виры и продажи платились обыкновенно деньгами, а не естественными произведеніями. Втретьихъ, самый уставъ Святослава показываетъ, что дань естественными произведеніями сохранила свою силу и послѣ князя Святослава. Въ части, несомнѣнно принадлежащей Святославу, мы встрѣчаемъ упоминаніе о дани отъ Еми—скорой, а на Поморьи отъ чрена и салги—пузами соли.—Какъ однако ни неудовлетворительны мнѣнія г. Кавелина и преосвященнаго Филарета, они не только не прошли безслѣдно въ русской исторической наукѣ, но нужно сознаться, владычествуютъ въ ней и до сихъ поръ почти безгранично. Даже такой дѣльный изслѣдователь вопроса о новгородской десятинѣ, какъ г. Прилежаевъ, не могъ освободиться отъ ихъ подавляющаго вліянія. Но должно быть, г. Прилежаеву было не совсѣмъ чуждо сознаніе ихъ неудовлетворительности, такъ какъ въ трудѣ своемъ «Новгородская Софійская казна» (Журн. Мин. Нар. Просв. за іюль 1875 г., стр. 98) онъ признаетъ разомъ оба эти совершенно различныя мнѣнія, какъ бы желая тѣмъ прикрыть несостоятельность, свойственную каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Но въ исторіи науки врядъ ли найдется такой примѣръ, чтобъ изъ простаго

сложенія двухъ невѣрныхъ мнѣній могло родиться третье, имѣющее значеніе непререкаемой истины.

V.

Разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ.

Не имѣвъ возможности войдти въ самомъ текстѣ изслѣдованія въ подробное изложеніе всѣхъ данныхъ, относящихся къ ереси жидовствующихъ мы считаемъ необходимымъ въ приложеніи подвергнуть разсмотрѣнію главнѣйшія изъ существующихъ по этому предмету воззрѣній, чтобы хотя такимъ путемъ отчасти восполнить недостающее. Во взглядахъ на жидовствующихъ замѣчаются три главныя направленія. Одни изслѣдователи видятъ въ Новгородской ереси простое еврейство, не возмущенное никакою постороннею подмѣсью. Это—древнѣйшій взглядъ на жидовствующихъ, котораго въ настоящее время придерживается преосв. Макарій. Преосв. Макарій полагаетъ именно, что ересь жидовствующихъ была не ересь только, а полное отступленіе отъ христіанской вѣры и принятіе вѣры іудейской. Основные пункты ересеученія жидовствующихъ были, по его мнѣнію, слѣдующіе: безусловное признаніе единства Божія, и слѣдовательно, отрицаніе троичности лицъ въ Богѣ; ожиданіе обѣтованнаго Мессіи и признаніе его сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати; отсюда: отверженіе божественнаго воплощенія, искупительныхъ заслугъ, воскресенія, вознесенія на небо и втораго пришествія на землю Іисуса Христа (Ист. Русск. Цер., VI, 82—84). Какъ указываетъ самъ преосв. Макарій, мнѣніе его есть не что иное, какъ отраженіе взгляда на ересь Іосифа Волоцкаго, а потому естественно оно раздѣляетъ какъ непослѣдовательность, такъ и невѣрность послѣдняго. Какъ извѣстно, не смотря на все свое стараніе удержать за новгородскою ересью титулъ еврейства, Іосифъ Волоцкій принужденъ былъ фактическими данными допустить присутствіе въ ней постороннихъ элементовъ, саддукѣйства, мессаліанства и вообще лжетолкованія Свящ. Писанія. Согласно съ этимъ, и преосв. Макарій въ позднѣйшемъ развитіи ереси различаетъ два движенія: чистое жидовство, котораго держались простые необразованные люди, и вольнодумство, отвергавшее христіанскіе догматы и установленія и распространявшееся между людьми книжными. Но такая уступка составляетъ явное противорѣчіе со взглядомъ на ересь, какъ на жидовство. Самъ преосв. Макарій чувствовалъ это противорѣчіе, и вотъ, чтобы прикрыть его, онъ принимаетъ, что тогдашніе вольнодумцы слѣдовали въ своихъ воззрѣніяхъ не чему иному, какъ идеямъ жидовствующихъ (Ист. Русск. Ц., VI, 87). Но тогда возникаетъ чуть ли не горшее зло. Геннадій, главнѣйшій авторитетъ въ разсматриваемомъ вопросѣ, говоритъ, что въ рукахъ тогдашнихъ еретиковъ, людей несомнѣнно книжныхъ, жидовство (десятословіе) служило только средствомъ къ легчайшему совращенію простыхъ людей [1]); а по сло-

[1]) *Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1847, кн. 8, посл. къ Іоасафу, стр. 1: «А что ни есть ересей Мессаліанскихъ, то все они мудрствуютъ, только то жидовскимъ десятословіемъ людей прельщаютъ, яко чествующе мнятся.

вамъ преосв. Макарія оказывается, что книжные люди едва ли сами не заимствовали своихъ воззрѣній отъ невѣжественной массы, державшейся еврейства! Независимо отъ непослѣдовательности, мнѣніе преосв. Макарія страдаетъ и невѣрностью въ изложеніи ученія жидовствующихъ, свойственною взгляду Іосифа Волоцкаго. Принявъ на основаніи первыхъ впечатлѣній новгородскую ересь за жидовство, Іосифъ Волоцкій ратовалъ, особенно въ начальныхъ словахъ Просвѣтителя, не столько противъ ученія жидовствующихъ, сколько противъ главныхъ положеній еврейскаго вѣроисповѣданія вообще. Не удивительно поэтому, что у преосв. Макарія, слѣдующаго безусловно Іосифу, начала еврейской религіи превращаются въ основные пункты ученія жидовствующихъ, не смотря на то, что они мало согласуются не только со свидѣтельствами о ереси другихъ памятниковъ, но даже и съ позднѣйшими данными, сообщаемыми самимъ Іосифомъ. Мы указывали уже на главнѣйшіе изъ заблужденій Іосифа и потому считаемъ излишнимъ вновь касаться той же матеріи. Прибавимъ только, что ученіе новгородскихъ еретиковъ не только не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не могло бы вырости, какъ лжетолкованіе, на чисто христіанской почвѣ и свидѣтельствовало бы о заимствованіяхъ изъ еврейской религіи, но и представляетъ элементы, которые прямо противорѣчатъ еврейству. Такъ, жидовствующіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, отвергали кончину міра; а между тѣмъ вѣрованіе въ послѣднюю составляетъ одно изъ главнѣйшихъ положеній еврейскаго вѣроученія (Drummond, The Jewish Messiah, 388).

Кромѣ ересеученія, есть еще другое средство къ точнѣйшему опредѣленію значенія еврейскаго элемента въ развитіи новгородской ереси. Это—обрядовая сторона послѣдней. Еврейская религія такъ тѣсно связана съ строгою обрядностью, что усвоеніе ея необходимо должно было повлечь за собою и принятіе разныхъ еврейскихъ обрядовъ. Но ничего подобнаго въ новгородской ереси мы не видимъ. Какъ мы уже раньше указывали, новгородскіе еретики не только не разрывали окончательно съ обрядовою стороной христіанской религіи, не только долго исправляли свои обязанности по видимому, какъ слѣдовало, но и отличались, по свидѣтельству самого Іосифа Волоцкаго, святостью, праведностью и воздержаніемъ. Діонисій и Алексѣй казались столь благочестивыми, что за благочестіе были переведены въ Москву. Одно это обстоятельство мало располагаетъ насъ къ признанію того, чтобы новгородскіе еретики могли дать какой-либо просторъ еврейской обрядности. Да и дѣйствительно, несомнѣнныя данныя показываютъ, что все заимствованіе отъ Евреевъ въ этомъ отношеніи заключалось въ одномъ принятіи еврейскаго лѣтосчисленія. Правда, соборный приговоръ 1490 года говоритъ, что еретики «по іудейскы фасху праздноваху» (П. С. Р. Л., IV, 158); но, какъ догадывался уже преосв. Филаретъ, это могло обозначать только то, что еретики отправляли пасху по еврейскому календарю. Правда и то, что и у Іосифа Волоцкаго есть нѣсколько намековъ на присутствіе у жидовствующихъ еврейской обрядности; но если ихъ подвергнутъ критикѣ, то окажется, что и за ними скрывается не болѣе, какъ еврейскій календарь. Такъ напримѣръ, Іосифъ сообщаетъ, что первые еретеки горѣли желаніемъ совершить надъ собою обрѣзаніе, но что якобы Евреи имъ не дозволили, повелѣвъ держать жидовство втайнѣ (Просв., 44). Но очевидно, что у жидовствующихъ обрядъ обрѣзанія не соблюдался, коль

скоро Іосифъ ограничивалъ свое обвиненіе однимъ стремленіемъ. Мы склонны даже думать, что и самаго стремленія къ обрѣзанію у нихъ не существовало, такъ какъ новгородскіе еретики относились къ обрѣзанію вообще неодобрительно. Образъ Спаса Преображенія, находившійся въ одной изъ новгородскихъ церквей, представляетъ лучшее доказательство того, что еретики издѣвались не только надъ Іисусомъ Христомъ, не только надъ иконами, но одинаково и надъ обрядомъ обрѣзанія. Далѣе. По словамъ Іосифа Волоцкаго, у еретиковъ были тайныя собранія, на которыхъ они «жертвы жидовскія жряху и пасху жидовскую и праздники жидовскыя творяху» (Просв., 576). Странно однако: жидовствующіе не страшились хулить явно Христа и Божію Матерь, а сходились «тайно» на свои собранія! Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою свидѣтельство, составленное по слухамъ, которые обыкновенно преувеличиваютъ дѣло и даже часто извращаютъ его совершенно, или еще скорѣе, простое распространеніе Іосифомъ соборнаго приговора, заключающее, слѣдовательно, въ своей основѣ опять тоже не что иное, какъ еврейскій календарь? Остается сказать еще нѣсколько словъ о псалмахъ, по которымъ, какъ сообщалъ попъ Наумъ Геннадію, еретики молились по жидовски [1]). Характеръ этихъ псалмовъ намъ совершенно не извѣстенъ. Преосв. Макарій дѣлаетъ, впрочемъ, предположеніе, что быть можетъ, эти псалмы тожественны съ мнимою псалтырью XV вѣка, которая сохранилась въ одномъ изъ сборниковъ С.-Пб. духовной академіи (Ист. Русск. Ц., VII, 185—189). Но это дѣло требуетъ еще серьезнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, въ упомянутыхъ псалмахъ нужно видѣть не попытку жидовствующихъ усвоить себѣ еврейскую обрядность (въ псалтыри XV вѣка включительно еврейскаго ничего нѣтъ) и даже не попытку создать свой самостоятельный богослужебный культъ, а простое средство, къ которому прибѣгали еретики, чтобы вліять на необразованныхъ людей, подобныхъ попу Науму.

Недостатки, которые присущи мнѣнію, видящему въ новгородской ереси жидовство, уже рано обратили на себя вниманіе изслѣдователей и побудили ихъ искать иного выхода. Прежде всего, естественно, представилось соображеніе, что ересь жидовствующихъ была смѣшеніемъ христіанскаго лжеученія съ началами еврейской религіи. Главнымъ представителемъ такого взгляда на дѣло долженъ считаться Рудневъ. Рудневъ полагаетъ именно, что ересь, извѣстная подъ названіемъ жидовствующихъ, не будучи чисто жидовскою, ни чисто раціональною, представляла смѣсь двухъ этихъ ученій, но такую, въ которой главное направленіе было раціональное (Разсужд. о ересяхъ и расколахъ, стр. 142). Что же касается до зарожденія на Руси этихъ элементовъ ереси, то Рудневъ приписываетъ его внѣшнему вліянію, тѣмъ отношеніямъ, какія имѣли мѣсто въ сосѣднихъ съ нами земляхъ, въ Литвѣ и Польшѣ. Замѣчая, что въ XVI столѣтіи въ этихъ странахъ пользовалось большимъ распространеніемъ соцініанство и выводя отсюда, что послѣднее не могло образоваться сразу, а должно было подготовляться исподоволь раньше, Рудневъ

---

[1]) *Чт. въ М. Общ. ист. и др.* за 1847 г., кн. 8. посл. къ Іоасафу, стр. 1: «Да и псалмы ко мнѣ принесъ (попъ Наумъ), почему они себѣ правили по жидовски».

приходитъ къ заключенію, что раціональная сторона жидовской ереси, отверженіе таинства св. Троицы, божества Іисуса Христа, необходимости воплощенія, иконопочитанія, неправильный взглядъ на книги Свящ. Писанія Новаго Завѣта и твореній св. отцовъ, были дѣйствіемъ вольномыслія, возмущавшаго умы въ Литвѣ и Польшѣ (тамъ же, стр. 139). Подобнымъ образомъ, Литвѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ и второй еврейскій элементъ ереси. По мнѣнію Руднева, жидъ Схарія и его товарищи были, по всей вѣроятности, членами какого-либо религіознаго общества въ Литвѣ, состоявшаго изъ Жидовъ, усвоили тамъ себѣ идеи христіанскаго раціонализма и даже просто переродились въ раціоналистовъ. Перерожденіе, конечно, было не совсѣмъ полное. Такъ какъ христіанскій раціонализмъ, излагая не надлежащимъ образомъ истины христіанства, еще менѣе правильно учитъ объ іудействѣ, то Евреи, слыша пріятное для нихъ опроверженіе божественности новозавѣтнаго ученія и не желая въ то же время оставить сродившуюся съ ихъ сердцемъ вѣру въ Ветхій Завѣтъ, естественно приняли только то, что не совсѣмъ разрушало ихъ вѣрованія или даже приняли все, исключая мнѣніе о книгахъ Ветхаго Завѣта (тамъ же, стр. 140—141). Но кромѣ Рудневскаго, есть еще другое, принадлежащее г. Панову, мнѣніе о возникновеніи въ Новгородѣ обоихъ составныхъ элементовъ ереси жидовствующихъ. По мнѣнію г. Панова, раціонализмомъ новгородская ересь обязана частію раціонально-критическому направленію, которое сказалось раньше въ ученіи стригольниковъ, частію же, и притомъ главною—научно-раціональному пошибу въ еврействѣ, которое въ XV столѣтіи стало проникать изъ Византіи въ Крымъ, и главнымъ двигателемъ котораго былъ раввинъ Куматяно. Начала философско-либеральнаго Еврейства могли легко найдти доступъ изъ Крыма въ Литву, а оттуда явиться и въ Великій Новгородъ. Но передача могла совершиться и еще проще. Дѣло въ томъ, что самъ жидъ Схарія былъ не кто иной, какъ одинъ изъ крымскихъ Евреевъ. На это указываетъ его тожество съ Евреяниномъ Захаріемъ Скарою или Захаріемъ Гуйгурсисомъ, Таманскимъ княземъ, просившимъ въ 1487 году Ивана III разрѣшить ему переселиться въ Москву. Тожество же видно частію изъ сходства именъ, частію же изъ настойчивости, съ которою Захарія добивался поселиться въ Москвѣ, и которая заставляетъ предполагать, что Жиду Россія была уже извѣстна если не по самой столицѣ, то по крайней мѣрѣ по Новгороду (Журн. Мин. Нар. Пр., № 189, стр. 8—13, № 190, стр. 57).

Превосходное, какъ критика воззрѣній, смотрящихъ на новгородскую ересь, какъ на жидовство, мнѣніе Руднева въ своей положительной части также не лишено значительныхъ недостатковъ. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что вопреки своимъ критическимъ результатамъ, приводящимъ къ признанію ереси жидовствующихъ за одно изъ христіанскихъ лжеученій, оно все еще предоставляетъ еврейству слишкомъ выдающееся мѣсто въ ереси. Не будемъ также касаться и того, что мнѣніе Руднева совсѣмъ забываетъ о странѣ, которая служила собственною ареной ереси. Укажемъ только на то, что даже разсматриваемое просто какъ попытка объяснить ересь жидовствующихъ иноземнымъ вліяніемъ, оно является крайне неудовлетворительнымъ. Прежде всего, мы не имѣемъ ни какихъ фактическихъ данныхъ въ пользу предположенія, что раціональный элементъ ереси былъ простымъ отраженіемъ

польско-литовскаго вольномыслія и предшествовавшаго реформаціи раціоналистическаго броженія идей о таинствѣ св. Троицы, о божествѣ Іисуса Христа и въ особенности о внѣшней сторонѣ религіи. Начало новгородской ереси не безъ вѣроятія относится къ 70-мъ годамъ XV столѣтія; а представители литовско-польскаго вольномыслія, Михаилъ Серветъ и Гейтцеръ, на которыхъ указываетъ Рудневъ, только что родились на свѣтъ въ 1509 или 1511 г. А затѣмъ, нельзя признать, чтобы Рудневъ правильно относился и ко второму, еврейскому элементу ереси. Предположеніе его, что жидъ Схарія и его товарищи были членами какого-либо религіознаго общества въ Литвѣ, не болѣе какъ чистая фантазія. Упреки, которые можно сдѣлать Рудневу, почти всецѣло относятся и къ воззрѣнію г. Панова, представляющему вообще только нѣкоторое видоизмѣненіе взгляда Руднева. Правда, г. Пановъ указываетъ, какъ это впрочемъ случалось и до него, на присутствіе на Руси туземнаго раціонально-критическаго направленія; но оно все-таки у него играетъ второстепенную роль. Активная же дѣятельность принадлежитъ собственно философско-либеральному жидовству. Но въ доказательствахъ возможности вліянія его на древнюю Русь г. Пановъ еще менѣе счастливъ, чѣмъ Рудневъ. Г. Пановъ предполагаетъ сначала, что еврейскій раціонализмъ Куматяно имѣлъ приверженцевъ и въ Литвѣ, но въ доказательство приводитъ только указанный еще г. Хрущевымъ фактъ сожженія въ 1507 году одного Жида въ Краковѣ за хуленіе христіанской вѣры. Доказательство это однако не особенно вѣско, такъ какъ хулить христіанскую вѣру могъ и Жидъ, не имѣвшій никакого понятія о раціонализмѣ Куматяно. Нѣтъ надобности однако останавливаться на этомъ предметѣ долго, такъ какъ самъ г. Пановъ не придаетъ Литвѣ особеннаго значенія въ развитіи ереси, а настаиваетъ исключительно на непосредственномъ вліяніи Крыма на Великій Новгородъ черезъ Жида Схарію. Но мнѣніе о крымскомъ происхожденіи Схаріи не только положительно ложно, но и можетъ служить поучительнымъ примѣромъ, какъ опасна игра въ случайное созвучіе именъ. Г. Пановъ полагаетъ, что жидъ Схарія былъ лицо тожественное съ таманскимъ владѣтелемъ, Евреяниномъ Захаріемъ Скарою или Гуйгурсисомъ. Но г. Брунъ еще въ 1872 г. доказалъ, что Захарій Скара былъ не Еврей, а христіанинъ, не имѣвшій съ Евреями ничего общаго. Названіе же Евреянинъ, данное ему въ письмѣ великаго князя (Зап. Одесск. Общ. V, 272), есть не что иное, какъ ошибка, происшедшая отъ того, что переписчикъ не понялъ титула «Иверіянинъ», который Иванъ IV соединялъ съ особой Захаріи Таманскаго (Брунъ, О поселен. Итал. въ Газаріи, М. 1872, стр. 23).

Но коль скоро и попытка объяснить ересь жидовствующихъ взаимодѣйствіемъ христіанскаго раціонализма и еврейской религіи оказалась совершенно неудачною, то ничего не осталось, какъ искать начала ереси въ собственныхъ условіяхъ древне-русской жизни. Впервые этотъ путь былъ избранъ г. Сервицкимъ. По мнѣнію г. Сервицкаго, формулированному имъ въ четырехъ пунктахъ, ересь жидовствующихъ 1) не была собственно жидовство; 2) не была также чѣмъ-нибудь единымъ, цѣлымъ, опредѣленнымъ, а совокупностью различныхъ сходныхъ и несходныхъ мнѣній, смѣсью многихъ толковъ произвольно, объединенныхъ подъ именемъ жидовства; 3) она представляла смѣсь и броженіе, произведенное раціонализмомъ и матеріализмомъ; и наконецъ 4) ни сама по себѣ не

была началомъ, ни въ самой себѣ не имѣла его, а являлись какъ-бы взрывомъ критицизма вѣры и церкви, послѣдовавшимъ въ концѣ XV столѣтія сообразно съ обстоятельствами церковной и гражданской русской жизни и при вліяніи иноземнаго вольномыслія отвнѣ (Правосл. Обозр., т. VIII, 304—305). Въ сравненіи съ взглядомъ Рудпева, мнѣніе г. Сервицкаго представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ. Г. Сервицкій впервые взглянулъ на новгородскую ересь какъ на продуктъ мѣстныхъ условій Россіи, и впервые рѣшительно высказалъ мысль, что въ общемъ движеніи ереси жидовство играло незначительную и случайную роль (тамъ же, VIII, 441). Но выставивъ эти два справедливыя положенія, г. Сервицкій не успѣлъ дать имъ надлежащее развитіе. Ему не удалось уже правильно опредѣлить ту случайную роль, которую играло въ новгородскомъ мудрствованіи жидовство. Главный недостатокъ заключается однако не въ этомъ, а въ томъ, что г. Сервицкій смотритъ на ересь жидовствующихъ не какъ на нѣчто единое и цѣльное, а какъ на аггрегатъ различныхъ, часто несходныхъ мнѣній. Нѣтъ сомнѣнія, въ свидѣтельствахъ современниковъ и противоборцевъ ереси находится не мало поводовъ къ такому воззрѣнію на дѣло. Въ бесѣдѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ Иванъ III выражался, что онъ зналъ, какой ереси держался протопопъ Алексѣй и какой Ѳедоръ Курицынъ. Подобнымъ образомъ и Геннадій находилъ въ ученіи жидовствующихъ не одно іудейство, а также маркіанство и мессаліанство. Іосифъ Волоцкій, не смотря на упорное обвиненіе еретиковъ въ жидовствѣ, долженъ былъ допустить присутствіе въ ереси мессаліанства и саддукѣйства и просто лжетолкованія Свящ. Писанія. Но какъ ни согласны между собою эти свидѣтельства, во всякомъ случаѣ они могутъ служить только доказательствомъ того, что въ древности понятіе о ереси было вообще неправильно, что тогда въ каждомъ отдѣльномъ мнѣніи, отступающемъ отъ общепринятой нормы, готовы были видѣть совершенно особенную ересь. По этому было бы лучше, если бы г. Сервицкій, оставивъ въ сторонѣ неправильныя воззрѣнія современниковъ, остановился на главномъ, на сущности ученія жидовствующихъ и на опредѣленіи ея непосредственной связи съ общимъ ходомъ древне-русской жизни. Тогда, быть можетъ, результатъ оказался бы иной, и новгородская ересь, переставъ быть цѣпью несходныхъ мнѣній, явилась бы цѣльнымъ движеніемъ, имѣвшимъ, подобно ереси стригольниковъ, и свое особенное начало, и свое, согласное съ тогдашнимъ умствованіемъ, послѣдовательное развитіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . III.

I. Утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ Новгородѣ. (X—XII в.).

стран.

Утвержденіе христіанства въ Новгородской землѣ. Отсутствіе дѣятельнаго сопротивленія язычества. Крещеніе Новгорода. Пассивная оппозиція язычества. Внѣшняя: попытки отпаденія къ старой религіи. Внутренняя: слѣды язычества въ религіозной области. Остатки язычества въ соціальной жизни. Семейный бытъ. Языческія формы брака. Многоженство. Общественныя увеселенія. Распространеніе христіанства въ областяхъ. Мирный характеръ распространенія. Противоположность между сѣверо-востокомъ и сѣверо-западомъ. Причины слабаго утвержденія христіанства въ финскихъ краяхъ. Первоначальное устройство Новгородской церкви. Происхожденіе и составъ первоначальнаго духовенства. Мѣра Ярослава къ умноженію духовенства въ Новгородѣ. Іерархическія отношенія къ Кіеву. Права Кіевскаго митрополита: 1) на назначеніе Новгородскаго епископа, 2) на надзоръ за дѣлами Новгородской епархіи. Кругъ вѣдомства Новгородскаго владыки. Содержаніе духовенства въ Новгородѣ. Понятія о десятинѣ на Руси вообще и въ Великомъ Новгородѣ въ частности. Измѣненія въ первоначальномъ устройствѣ Новгородской епархіи. Десятинный уставъ 1137 года и его значеніе. Размѣръ доходовъ Новгородскаго владыки. Стремленія Новгородской епархіи къ самобытности. Нифонтъ и его столкновеніе съ Кіевомъ. Утвержденіе мѣстной іерархіи. Возведеніе Новгорода на степень архіепископіи. Поднятіе внутренняго значенія владыки въ Новгородѣ. Архіепископъ Илія 1

II. Устройство Новгородской церкви. (XIII в.).

СТРАН.

Значеніе церкви въ общей жизни Великаго Новгорода. Нравственное. Религіозныя идеи, какъ опора новгородскаго общественнаго строя. Новгородскій владыка, какъ регуляторъ вѣчевой дѣятельности. Значеніе владычняго благословенія. Примиреніе враждующихъ партій. Покровительство гонимымъ. Владыка, какъ исполнительный органъ. Представительство Новгорода во внѣшнихъ дѣлахъ. Примирительный характеръ представительства. Покровительство иноземному купечеству. Участіе владыки во внутреннихъ дѣлахъ. Наблюденіе за вѣсомъ и мѣрами. Посредническій судъ владыки. Матеріальное значеніе церкви. Землевладѣніе, какъ новый источникъ содержанія церкви. Владыка, какъ поземельный собственникъ. Владычній стягъ. Софійская казна. Ея значеніе для Новгорода. Владыка, какъ общественный строитель. Характеръ Новгородской церкви. Отношенія къ свѣтской власти. Вліяніе міра на дѣла церкви. Избраніе владыки. Его посвященіе. Удаленіе. Владыка, какъ глава мѣстной церкви. Отношеніе къ митрополиту и каноническому законодательству. Управленіе церкви. Личная дѣятельность Новгородскаго владыки. Характеръ владычней администраціи. Софіяне. Связь епархіальной администраціи съ вотчиною. Ея центральные и областные органы. Зачатки тяглаго положенія новгородскаго духовенства. Участіе духовенства въ церковномъ управленіи. Новгородское соборное устройство. Софійскій соборъ и его привиллегіи. Положеніе духовенства. Духовенство, какъ общественный классъ, чуждый кастовыхъ и сословныхъ качествъ. Отсутствіе привиллегіи въ общественныхъ повинностяхъ. Сословныя стремленія къ освобожденію отъ общественныхъ тягостей. Отношеніе церквей и мѣстнаго духовенства къ приходамъ. Избраніе лицъ причта. Ихъ удаленіе. Безмѣстные священнослужители. Монашество. Отшельническіе монастыри. Женско-мужскіе. Общины. Составъ новгородскихъ общинъ. Приписные монастыри. Характеръ общежитія и его слѣдствія. Отношеніе къ владыкѣ и управленіе общинныхъ монастырей. Монастырскія имѣнія. Поборы съ нихъ въ пользу монастырей. Вотчинная администрація монастырей. Значеніе монастырей въ общей жизни Великаго Новгорода, духовное и мірское. Юрьевъ монастырь, его общественное значеніе и особенности въ устройствѣ 35

III. Борьба Новгорода съ Москвою за церковную самобытность.

Каноническая зависимость Новгородской церкви отъ митрополита. Право призывать въ митрополію Новгородскаго владыку. Право митрополита на подъѣздъ и мѣсячный судъ въ Новгородѣ. Тяжелая сторона этихъ правъ для новгородскаго духовенства. Стремленія Новгородскаго

владыки. Бѣлый клобукъ. Крещатыя ризы. Тяжелая сторона митрополичьихъ правъ для Великаго Новгорода. Стремленія Новгородцевъ: 1) Попытка Новгорода добиться церковной независимости собственными силами. Борьба съ Московскимъ митрополитомъ. Съ Константинопольскимъ патріархомъ. Война съ Василіемъ I и ея слѣдствія. 2) Попытки добиться церковной самостоятельности при посредствѣ Литвы. Образованіе въ Новгородѣ литовской церковной партіи. Первые шаги ея дѣятельности: время архіепископа Евѳимія. Планы чернеца Пимена въ 1471 году. Ихъ неудача и слѣдствія. Паденіе новгородской церковной самобытности. Слѣдствія подчиненія Новгорода Московскому государству для церковной жизни. Потеря владыкою политической роли и сокращеніе владычнихъ и монастырскихъ земель въ 1478 году. Неудовольствіе владыки Ѳеофила и его низложеніе. Судьба Софійской казны. Уничтоженіе права избранія владыкъ. Неудовольствіе новгородскаго духовенства. «Изумленіе» Сергія и нравоучительные разказы объ этомъ предметѣ въ Новгородѣ. Уничтоженіе обычая избирать владыкъ жеребьемъ. Оппозиція новгородскихъ игуменовъ. Матеріальное отягощеніе духовенства. Причины упадка Софійской казны. Закрѣпощеніе духовенства, какъ средство увеличенія владычнихъ доходовъ. Система тягловыхъ обязанностей новгородскаго духовенства въ московское время. Пошлины за опредѣленіе духовенства на мѣсто. Пошлины за владычнее управленіе въ тѣсномъ смыслѣ. Подъѣздъ. Десятина. Судебныя пошлины. Пошлины, возникшія изъ христіанскихъ обычаевъ. Личная пошлина. Усиленіе доходовъ софійскаго капитула. Споръ за вѣнечную пошлину 101

IV. Религіозныя движенія въ Новгородской церкви.

Движеніе въ церковной области. Происхожденіе ереси стригольниковъ. Стригольничество въ Новгородѣ. Отрицаніе монашества и его слѣдствія. Движеніе въ собственно религіозной области. Характеръ новгородскаго благочестія. Смѣшеніе вѣры съ суевѣріемъ. Суевѣрное мнѣніе о близкомъ наступленіи кончины міра и его происхожденіе. Распространеніе этого мрачнаго суевѣрія въ XIV и XV вѣкахъ какъ на Руси вообще, такъ въ частности въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Оппозиція противъ этого вѣрованія въ Великомъ Новгородѣ. Значеніе въ ней еврейскаго лѣтосчисленія. Отрицаніе вѣрованія въ близкое наступленіе кончины міра, какъ исходный пунктъ ереси жидовствующихъ. Система ереси. Критическое отношеніе къ Свящ. Писанію и твореніямъ отцевъ церкви. Ученіе жидовствующихъ о лицѣ Іисуса Христа. Отрицаніе еретиками церковной обрядности. Ошибочныя представленія о политическомъ характерѣ ереси. Ея истинный политическій характеръ. Отношеніе ереси къ водворявшейся системѣ самодержавія. Борьба противъ ереси. Архіепископъ Геннадій, какъ администраторъ. Первый розыскъ и соборъ по еретикамъ 1490 года. Административно-духовная борьба Геннадія противъ ереси. Собраніе книгъ Свящ. Писанія. Хлопоты о заведеніи училищъ. Участіе общества въ борьбѣ съ ересью. Іосифъ Волоцкій. Монастырская

СТРАН.

община, какъ иноческій идеалъ Іосифа. Назначеніе общины. Іосифъ какъ богословъ-начетчикъ. Его борьба противъ ереси. Характеръ его посланій и словъ (Просвѣтителя). Сближеніе съ Иваномъ III. Соборъ на еретиковъ 1504 года. Слѣдствія ереси. Возбужденіе въ религіозной жизни. Церковныя преобразованія. Временное пріостановленіе взиманія мзды за ставленье. Вдовые священники и обезпеченіе ихъ участи. Преобразованія въ бытѣ чернаго духовенства. Удаленіе изъ монастырей мірянъ и уничтоженіе женско-мужскихъ монастырей. Введеніе общежительнаго устройства въ новгородскихъ монастыряхъ. Вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ. Вторичная секуляризація въ Великомъ Новгородѣ. Соборъ о монастырскихъ владѣніяхъ и его неудача 146

V. Приложенія.

1) Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода . 199
2) Замѣтка о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ. . 202
3) Объ основаніи Ярославомъ училища въ Новгородѣ 203
4) Уставъ 1137 года о десятинѣ и его толкованія 205
5) Разборъ существующихъ воззрѣній на ересь жидовствующихъ. . 207

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка сверху.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1	16	людей	судей
5	1	невѣденіе	всевѣдѣніе
	14	усиліе	ученіе
7	8	вареньями	кореньями
9	9	приписывался	предписывался
20	17	подручными	подручниками
25	5	варъ	виръ
26	15	владѣтели	владыки
	21	послушниковъ	посадниковъ
27	14	и десятину	въ десятину
	15	классы	князья
28	15	нижегородскаго	новгородскаго
30	22	попечителемъ	надписателемъ
39	30	«установить порады»	«уставить народы»
46	22	лѣсами	вѣсами
48	9	сталъ	бралъ
69	13	рѣзкими	ранними
79	6	tordida	sordida
85	13	русскихъ	ружныхъ
88	3	фактическій	практическій
97	14	наконецъ	Наконецъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Такъ называемая Якимовская лѣтопись должна быть исключена изъ числа источниковъ новгородской исторіи, какъ памятникъ, котораго и происхожденіе, и содержаніе не представляютъ никакихъ гарантій достовѣрности.

2) Вопреки увѣренію нѣкоторыхъ изслѣдователей, сопротивленіе христіанству язычества въ Новгородѣ, какъ и на Руси вообще, носило пассивный характеръ.

3) Мнѣнія, приписывающія Владиміру и Ярославу стремленіе къ распространенію образованія на Руси и даже просто основаніе училищъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, не выдерживаютъ строгой критики.

4) Святославовъ уставъ 1137 года ввелъ не замѣну натуральной десятины денежною, какъ думалъ преосв. Филаретъ, а только устранилъ обременительное повтореніе процесса отчисленія, установивъ разъ навсегда величину той суммы, которая должна была ежегодно даваться княземъ въ пользу новгородскаго епископа.

5) Развитіе общественнаго значенія церкви въ Великомъ Новгородѣ обязано своимъ происхожденіемъ необходимости восполнить ту пустоту, которая стала чувствоваться въ новгородскомъ устройствѣ съ оттѣсненіемъ личнаго элемента, представляемаго княжескою властью.

6) Противоположно Пскову, гдѣ „все Божіе священство“ играло важную роль подлѣ епархіальнаго архіерея, внутренній строй новгородской церкви характеризовался такимъ преобладаніемъ владычней власти, что блескъ, окружавшій послѣднюю, совершенно затмевалъ подчиненное ей духовенство.

7) Въ періодъ самостоятельности Новгорода поземельныя владѣнія составляли главный источникъ содержанія какъ членовъ, такъ и главы

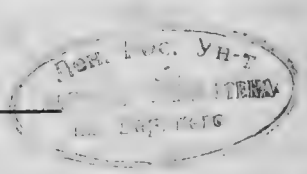
новгородской церкви. Тягловыя обязанности духовенства въ пользу епархіальнаго владыки были, конечно, не безызвѣстны, но полное развитіе получили только въ московское время, въ концѣ XV и въ теченіе XVI вѣковъ.

8) Заговоръ Новгородцевъ 1479 года отдаться съ благословенія владыки Ѳеофила въ руки какого-либо сосѣдняго государя, какъ о томъ сообщаютъ, опираясь на свидѣтельство Татищева, нѣкоторые историки, относится къ области чистыхъ историческихъ вымысловъ.

9) Своимъ происхожденіемъ ересь жидовствующихъ обязана не какимъ-либо постороннимъ, внѣшнимъ вліяніямъ, а главнымъ образомъ мѣстнымъ условіямъ русской религіозной жизни.

10) Исходный пунктъ ереси жидовствующихъ заключался въ борьбѣ противъ господствовавшаго въ XV столѣтіи мрачнаго вѣрованія въ призракъ предстоявшей якобы близко кончины міра.

11) Политическій характеръ ересь получила не въ силу связи своей съ партіей старины, а вслѣдствіе родства нѣкоторыхъ изъ ея тенденцій съ стремленіями представителей водворявшейся тогда системы самодержавія.



По опредѣленію Историко-филологическаго факультета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7-го октября, 1879 г.

Деканъ *И. Срезневскій*.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая улица, д. № 90—1.

Пед ин. 238-72

Алекс в.
юрид ак 250-89

В. Мед Ак 10-22

4 л. 58 х 35
Оригинал

[4p]